

Июнь' 2019

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1958 года

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Редакция журнала «Урал»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Вадим МЕСЯЦ. Из сонетов к Леруа Мерлен. <i>Стихи</i>	3
Юлия БЕЛОЗУБКИНА. Чужие мысли. <i>Повесть</i>	8
Лера МАНОВИЧ. Твой взгляд печален... <i>Стихи</i>	31
Роман СЕНЧИН. Ты меня помнишь? <i>Рассказ</i>	35
Юрий КАЗАРИН. Когда в деревне выключили свет... <i>Стихи</i>	48
Николай МУРЗИН, Тимур ДЕНИСОВ. Песня для Корби. <i>Главы из романа</i>	51
Анастасия ТРЕТЬЯКОВА. Перед концом все изо льдом глаза... <i>Стихи</i>	133
Алексей КУКСИНСКИЙ. Иссечение. <i>Рассказ</i>	135
Сергей ЗОЛОТАРЕВ. За три потопа до того... <i>Стихи</i>	149
Валерия ИВАНОВА. Пеликула. <i>Рассказы</i>	154

ДРАМАТУРГИЯ

Аня КИЗИКОВА. Я и мои собаки. <i>Монолог при счастливой жизни</i>	163
---	-----

БЕЗ ВЫМЫСЛА

Сергей БОРОВИКОВ. В русском жанре — 59	171
--	-----

КРАЕВЕДЕНИЕ

Сергей БЕЛЯЕВ. Петр Давыдов: создать театр	178
--	-----

Екатеринбург

ПУБЛИЦИСТИКА

- Валентин ЛУКЪЯНИН.** Как избавиться от «иностранных инвесторов»?
Поучительный эпизод экономической истории России 183
- Владимир ГУБАЙЛОВСКИЙ.** Письма к учёному соседу.
Письмо 27. Свои против Чужих 203

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- Станислав СЕКРЕТОВ.** Соль и перец по вкусу.
Игорь Сахновский. Ненаглядный призрак 211
- Григорий ТАРАСОВ.** За Маркса.
Андрей Коряковцев, Сергей Вискунов. Марксизм и полифония разумов 213
- Ирина ЧЕРНОМУРОВА.** 500 страниц о счастье.
Счастливое место. Свердловская музкомедия Георгия Кугушева, Владимира Курочкина и Кирилла Стрежнева 215

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ

- Сергей БЕЛЯКОВ.** От кикиморы до Мао Цзедуна.
Национальный бестселлер — 2019 217

ИНОСТРАННЫЙ ОТДЕЛ

- Сергей СИРОТИН.** Кочевники XXI века.
Ольга Токарчук. Бегуны 223

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

- С.В.С.** Две силы мрака
Завод (2018). Режиссер Юрий Быков 226

СЛОВО И КУЛЬТУРА

- Юрий КАЗАРИН.** Невыразимое и мир смерти Бориса Рыжего 229

КРИТИКА ВНЕ ФОРМАТА

- Василий ШИРЯЕВ.** Рязанская тавромахия 236

ПАМЯТИ Ж.А. СОКОЛЬСКОЙ

- Наталья ПОДКОРЫТОВА.** «Уралочка» 238

Вадим Месяц

Из сонетов к Леруа Мерлен

В канавах кровь.
В траве блестят ножи.
В крахмальном платье бледная невеста
листает звездолета чертежи.
Ей не уйти от скорого ареста:
не улететь на желтую Луну,
на красный Марс, похожий на ангину.
Останови последнюю войну,
изобрети волшебную машину,
которая нас в небо унесет
подалее от мутантов и придурков,
отыщет в глубине пчелиных сот
зачатку восхитительных окурков.

Зачатку восхитительных окурков
с собою космонавт берет в полет.
Под нос себе мелодию промуркав,
он под язык кладет студёный лед.
Болоньевая шуба на плече,
скрипят штаны из полипропилена.
Он прочитал Эвклида при свече,
таким вообще неведома измена.
Ему тропу рисует звездный луч,
что властно открывает дверь ракеты.
Мал клоп, но исключительно вонюч.
На все вопросы найдены ответы.

На все вопросы найдены ответы,
но некоторые нам не по зубам,
поскольку книги, фильмы и газеты
сотворены на счастье жлобам.

Вадим Месяц — поэт, прозаик, переводчик. Руководитель издательского проекта «Русский Гулливер» и журнала «Гвидеон». Лауреат ряда отечественных и международных премий. Стихи и проза переведены на английский, немецкий, итальянский, французский, латышский, польский и испанский языки. Постоянный автор журнала «Урал».

Искусство было создано для них,
а не для нас, свободных и нахальных,
живущих в вычислениях наскальных,
кто есть кому невеста и жених.
Пусть в нас правды нету ни на грош,
но сам процесс познания заразен.
Война прекрасна. Но и мир прекрасен.
Жизнь хороша. Но ею правит ложь.

Жизнь хороша. И ею правит ложь.
Судья судим, но бесконечно судит
живых и тех, кого уже не будет.
И он на маразматика похож.
Судьба — перемещение мерзких рож.
В подлунном мире все решают кадры.
Когда один уходит в ихтиандры,
другой — в открытом космосе хорош.
Играй же громче, русская гармонь,
Гремите, чаши с брагою и водкой.
Вода — часть моря, все огни — огонь.
Любая рыба хочет стать селедкой.

Любая рыба хочет стать селедкой,
а женщина, меняя свой наряд,
становится шпионкой и кокоткой,
что прячет в перстне смертоносный яд.
Она способна десять дней подряд
тереть комоды мягкой бархоткой,
переболеть проказой и чесоткой,
очаровать уйгуров и бурят,
но прибежать ко мне в ночном халате,
похитив сверхсекретный документ.
Такая необъятная в объёме,
прекрасная, как древний монумент.

Прекрасная, как древний монумент,
ты засверкаешь вдруг и рухнешь на пол.
О, кто тебя в дороге исцарапал?
Кустарник? Кошка? Или пьяный мент?
Кто поломал горбатые носы
игривым нимфам Греции и Рима?
Пусть длится вечно эта пантомима,
а тяжесть слов ложится на весы.
Я грязью смажу раны на лице,
я пластырь наложу на шрамы тела,
чтоб ты цвела, бахвалилась и пела.
И голая стояла на крыльце.

Ты голая стояла на крыльце.
Тебя ласкали взглядом почталыоны.
И пьяных добровольцев батальоны
смыкались в экстатическом кольце.
В зловещем скрипе туфель и сапог
ты нежно трепетала от восторга,
пока на горизонте свет с востока
не высветил распутье трех дорог.
И ты по ним стремительно пошла,
единственной судьбы не выбирая.
Туда, где у ворот земного рая
лежит голографическая мгла.

Лежит голографическая мгла,
подобно кучам снега у порога.
А нам-то что? Гагарин видел бога.
Вишневый сад давно сгорел дотла.
Мы ликовали у жемчужных врат.
Мы возжелали приобщиться к тайне.
И первый был восторженней, чем крайний,
но и последний был ужасно рад.
Нас строили рядами по свистку.
И мы спешили вывернуть карманы.
И я там был, чтоб разогнать тоску.
И ты была в предчувствии нирваны.

Ты там была в предчувствии нирваны.
И я там был, случайно проходя
дома чужие, города и страны,
что утонули в мареве дождя.
И в Гондурасе тоже шли дожди.
И в Амстердаме, и Бахчисарае
простор застыл в томительном раздрае,
словно рука у милой на груди.
И дождь стучался в каждое окно,
и открывал секретные задвижки
проворно, как дворовые мальчишки,
которые с дождями заодно.

Мальчишки, что с дождями заодно,
уходят от полиции дворами.
У них в глазах становится темно,
когда они петляют за горами.
И прячутся в пещерах ледяных,
от холода трясутся и простуды.
У них на редкость слабые сосуды,
и нет у них сосудов запасных.

Вот только сила заднего ума
безмерно укрепляется с годами.
Я не горжусь сожженными мостами,
когда в мой дом торопится чума.

Когда в мой дом торопится чума
и в мерзкой подворотне красит губы,
собравшиеся в хате жизнелюбы
уже опустошают закрома.
Кладовки и сырые погреба
Раскрыты, словно древние могилы.
К ним заросла народная тропа.
Мои друзья печальны и унылы,
горилку пьют и кушают грибы.
Они едят, но им постыдно мало
глюкозы, протеина и крахмала.
А в жизни не хватает им судьбы.

А в жизни не хватает им судьбы.
Пусть снова в моде старые фасоны.
Крепчают звуки бронзовой трубы,
рыдают клавишины и клаксоны.
В столице догорают фонари
и шелестят кримпленовые юбки,
а под водой пускают пузыри
никем не совершенные поступки.
Фундамент башни каменной прогнил,
а из окна ее спускает косы
принцесса, что любила абрикосы.
Ну а ее никто не полюбил.

Ну а ее никто не полюбил.
И блудный сын вернулся в царский замок.
Она всегда хотела выйти замуж.
На счастье не хватало больше сил.
Она всю жизнь мечтала и ждала
высокого мужчину на пороге.
И подводила мрачные итоги,
делясь со мной остатками тепла.
Луна ярка, как медный купорос,
разлитый по отрожинам Синая.
Никто не знал, и я уже не знаю,
как принимать любимую всерьез.

Как принимать любимую всерьез,
когда она прониклась бабьей долей.
Сидит на репе и на валидоле
и бредит миллионом алых роз.

Я не достоин этих сладких слез,
поскольку ипохондрией не болен.
И тихий звон московских колоколен
мне не внушает сердобольных грез.
Мне ближе уязвленный малоросс,
шахтер, бредущий из подземных штолен,
узнать, что он не нужен и уволен.
И в магазинах нету папирос.

И в магазинах нету папирос.
В дыму летает старая газета
и носит неразгаданный вопрос,
покуда не ворвется в дверь клозета.
И мрачный старец развернет ее,
когда она послушно ляжет в руки.
Он удивленно скажет: «е-мое»,
добавив для словца: «какие суки».
Какие суки, эти москали.
Они намерены в космос улетели.
А нам — считать до пенсии недели,
сидеть всю жизнь тоскуя на мели.

Сидеть всю жизнь, тоскуя на мели.
Потом пойти — и зарубить старуху.
Тяжелым топором вломить по уху.
И бросить труп в космической пыли.
Она мне денег подарить могла,
могла быть щедрой, как императрица,
но не желала с нами поделиться.
И в воскресенье утром умерла.
Возьму из сейфа золота ларец,
фамильный перстень импортной отделки,
чтоб через миг в летающей тарелке
умчаться прямо к звездам наконец.

Юлия Белозубкина

Чужие мысли

Повесть

Из дневника Толи

1 июня

Опять поставили на стол эту чертову вазу. Вся какая-то нелепая — позолоченная, с бордовой каемочкой и пузатым основанием, она всегда внушала мне что-то вроде брезгливости. Прошелестела юбкой графиня Клевская. «Где же, интересно, граф?» — думалось мне. Собственно, графиней я ее прозвал из-за мужа — старик был высокий, худой, как потерянная лыжная палка. В Павле Егоровиче не было ни грамма спеси или высокомерия — просто привычка держаться прямо сохранилась на всю жизнь. Когда я его видел, мне представлялся сердитый гувернер в парике, нещадно лупивший его в детстве палкой между лопаток всякий раз, когда он сутулился. Где сейчас этот гувернер, да и был ли он вообще — одному богу известно...

— Толенька, я налью вам киселя? — надо мной склонилась графиня Клевская.

Боже мой, лучше бы она этого не делала, — я отшатнулся — внутренне отшатнулся, конечно.

От стариков всегда веет какой-то неотвратимостью — это даже не запах смерти или старения, а скорей напоминание о том, что они уже перешли некую черту, за которой люди отключаются от земного мельтешения и бессмысленной суеты и начинают готовиться к тому, чего не миновать.

— Нет, спасибо, — стараюсь отвечать как можно спокойней. Я предельно вежлив и максимально корректен, ведь день только начинается.

— А может, все-таки...

— Спасибо, нет, — говорю я уже с нажимом.

Графиня пятится к двери — при этом на ее лице застывает гримаса на смерть перепуганной гимназистки. Когда она выходит, пытаюсь нашарить на тумбочке плеер, но он упорно не попадает мне под руку. Приподнимаюсь на локте: не видно. Куда же, куда же, черт побери, Тося его положила? В коридоре слышны шаги. О, боже, только бы не вошли... Запереться бы изнутри, просто

Юлия Белозубкина — сценарист, драматург, кинокритик. Окончила филологический факультет МГУ им. М.А. Шолохова и сценарно-киноведческий факультет ВГИКа им. С.А. Герасимова. Печаталась в журналах «Искусство кино», «Наше кино», «Мир ТВ и кино», «Аэрофлот» и др. Автор сценариев фильмов и сериалов. Финалист сценарной лаборатории «Культбюро», участник и ассистент ежегодных семинаров молодых писателей СП Москвы (секция кинодраматургии). Сценарии входили в шорт-листы конкурсов «Главпитчинг», «Питчинг дебютантов», «В начале было слово» и др., а также в лонг-лист литературной премии «Дебют». Член Союза писателей Москвы и Союза кинематографистов РФ. Родилась и живет в Москве. В «Урале» печатается впервые.

тихонько задвинуть щеколду... Когда-то мы с Тосей только успевали задвигать эту скрипящую железяку. Я обнимал ее, прижимал к стене — она обмякала у меня в руках, становилась податливой, как растекающийся по блюдечку воск, — боже, как я любил эти мгновения. Лучшие наши мгновения... И когда ее обессиленная рука тянулась к щеколде, я опережал ее и с грохотом загонял стальную стержень в лузу...

Потом прибежал Марс — суетливо огляделся по сторонам, клацнул зубами и вильнул старым облезлым хвостом. Все здесь было из прошлой жизни — даже этот семнадцатилетний пудель с грязно-серой, словно поношенной шерстью. Марс... Ничего нелепей придумать было нельзя. Про себя я звал его Сникерсом и даже немного любил. Как-никак, второе домашнее животное. После меня.

Тося пришла к ужину. Милая, прозрачная моя девочка, — досталось же тебе счастье! Тося носила конский хвост — так уже давно никто не забирал волосы, а ей шло. Парни на футбольной площадке, завидев ее воздушный профиль, били мимо ворот — благо вратари не меньше их сворачивали шеи... Помнится, я чуть было не сломал нос их бомбардиру. Тот слишком рьяно отстаивал свои права на нее. Как же, я уводил девчонку с их двора! Потом долго не отставал от Тоси: та твердила, что даже имени его не знает, и беззвучно смеялась, глядя на мое бессильное бешенство.

Их было много — тех безымянных, что не решались подойти... Собственно, почему не решались — понять было сложно: в Тосе не было ни грамма высокомерия. А простоты и открытости хватило бы на десяток добродушных уродин — из тех, которые уже и «не надеются». Тося была тем самым гением чистой красоты, но не на миг, как какая-нибудь Керн, а на всю жизнь.

Интересно, долго она еще будет меня терпеть? Духовный подвиг — это конечно... Но есть ли смысл и дальше ворочать мои кости — точнее, сколько еще времени это будет иметь для нее смысл?

5 июня

Вспоминал детство. Бескрайний луг, я бегу, хохочу о чем-то своем — мама говорила: залиvisto, как колокольчик. Она любила колокольчики, звала их цветики степные. А я любил маму — тогда еще до умопомрачения любил, до дрожи в коленках. Казалось, случится с ней что — я и дня не проживу. Однако живу — как видите — сейчас и не вспоминаю о тех диких порывах.

Графиня приперла старый проигрыватель — хотела побаловать меня пластинками. Узнала откуда-то о моей слабости: концерте Райониса № 7, где-то его достала и завела. Сама отошла в сторонку, типа чтобы мне не мешать: решила понаблюдать за моей реакцией.

Я не смотрел на нее, но прекрасно все себе представлял. Вот она стоит надо мной — почти физически ощущаю занятое ей пространство. Должно быть, она прикладывает пальцы к вискам или картинно вздыхает — бесшумно, как все, что она делает... Но это ладно: пусть бы себе стояла, наслаждалась музыкой. Хуже всего то, что она через эти пластиночки, киселечки, задушевные разговорчики пытается вползти ко мне душу. С головой. Она за мной наблюдает, она меня исследует, она уже изучила мои слабости и привязанности — благо это не трудно. Привязанность у меня одна: Тося. Больше меня с этим чертовым домом не связывает ничего.

А графиня все стоит и стоит над душой — я ее не вижу, но чувствую кожей. Проигрыватель заботливо придвинут ко мне, чтобы я мог сделать потише — погромче, вырубить совсем. Музыка звучит все напряженной... Я цепенею и понимаю, что не могу слушать это вместе с ней. Это все равно что орать «мама» на русском в немецком роддоме, как это делала радистка Кэт. Я дотягиваюсь до проигрывателя и, словно нечаянно, двигаю по нему локтем — жалобно скрипнув, он летит на пол. Сконструировав на физиономии видимость раскаяния и сочувствия, оборачиваюсь назад: графини нет. Параноик

чертов: она давно вышла! Стоило бить проигрыватель! Соскользнувший на пол Районис со своим концертом № 7 одиноко чернеет на полу...

6 июня

Вчерашняя выходка мне ровным счетом ничего не стоила. Прибежал граф и суетливо поднимал эту допотопную бандуру, приговаривая что-то типа: «Толенька, вы только не волнуйтесь, мы все починим...» Графиня Клевская поправляла мне подушки и тихонько приговаривала: «Бедный, бедный мальчик!» Потом они о чем-то вполголоса совещались на кухне: слов я не слышал, но по сочувственному тону понял, что они снова меня жалеют. От их жалости хотелось расколотить еще десяток таких же проигрывателей.

По всем законам мне должно было стать стыдно... Однако за время пребывания здесь у меня в голове сложилась новая система моральных норм, усугубленная их всепрощением, доходящим до идиотизма. Порой казалось, что старики соревнуются друг с другом в умении подставить вторую щеку. Меня же их пример не вдохновлял, а только еще больше распял — я ждал ответного удара, а они со смирением и пониманием прощали все мои выкрутасы. Замена увесистой оплеухи очередным пряником доводила меня до бешенства. Понять же, что заставляет их все это терпеть, было выше моих сил.

Приходил Коляй — чинить разбитое окно. К слову сказать, он же его и расколотил неделю назад... Пряча свои коровьи глаза, он поинтересовался, не возражаю ли я против цветного стекла, и кивнул на четыре прямоугольника — синего, красного и желтого цвета. Коляй при всей масштабности своей фигуры (он протискивался в нашу дверь, только низко пригнув голову) был порой совершеннейшим ребенком. Я пожал плечами — Тося была не в курсе, но, знаю, затея должна ей понравиться. Наша комната была угловой и с улицы напоминала квадратную беседку, пристроенную к основному зданию. Особенности местной архитектуры давно уже перестали меня удивлять, хотя могли бы. Одна башенка на крыше — аккурат над комнатой графини — чего стоила. Это я к тому, что цветное стекло едва ли могло погубить дело.

Получив мое недоуменное согласие, Коляй принялся за работу. Им трудно было не залюбоваться: смуглый мускулистый парень с льяными волосами напоминал былинного богатыря, которого не пойми каким ветром занесло из прошлой жизни — всякие там рэмбо и тарзаны отдыхали. Коляй обернулся, мельком глянул на меня — в этом взгляде сквозила знакомая мне досада и какая-то отшлифованная временем тоска. Так смотрит дикий вепрь из надежного сколоченного вольера. Коляевским вольером стал этот дом...

Все было бы хорошо в жизни этого простого парня, если бы лет семь назад он не подрался с лучшим другом. Друг был настолько хорош, что, разбив ему физиономию, скрылся в неизвестном направлении. Уж не знаю, каким он был, — может, у них в деревне все такие здоровые, только Коляй, подобно подкошенному снопу, остался лежать в густой луговой осоке. Вечерело, и постанывающего паренька было не видно и не слышно в этих зарослях, до которых не доходили руки местных скотовладельцев. Здесь-то его и обнаружила Тося, припозднившаяся после очередного экзамена. Как она дотащила этого бугая до дома — одному богу известно. Коляй бредил, вырывался и норовил затеять новую драку, принимая ее за того самого лучшего друга. Тося была страшно напугана, но, словно замороженная этим страхом, волочила по траве незнакомого парня, с ужасом глядя на темно-малиновый след, расплывавшийся по осоке. Графиня любит вспоминать, как, очнувшись, он оглядел комнату своими коровьими глазами и басом попросил сообщить маме, что все, мол, нормально. Такой Илья Муромец — и вдруг — маме.

Впрочем, эта самая мама, узнав о случившемся, лишь сдвинула в кучу мутные стаканы, стоявшие на столе, и тем же, видимо, фамильным басом поинтересовалась, сколько Коляй еще там проваляется. Коляй «провалялся» несколько дней. А через неделю пришел в аккуратно отглаженном костюме и,

поставив на стол свежескупленную поллитру, хриплым от смущения голосом попросил позвать Тосю...

Не знаю, в каких там выражениях он делал ей предложение, однако оно было отклонено. Коляй же с упорством своих далеких предков, штурмовавших города, продолжал осаждать Тосю, которая и не собиралась сдаваться на милость победителя. С годами осада стала носить условный характер: Коляй, сам того не замечая, стал жить нашей жизнью и нашими проблемами, то решая, то усугубляя их. Все странным образом смешалось, и уже было не понять, как следует вести себя в данной ситуации. Так что не только я, бесившийся от бессмысленного мельтешения Коляя, привык к нему, но и он, похоже, стал воспринимать меня как неотъемлемую часть Тоси.

Существо столь же преданное, сколь дикое и непредсказуемое, Коляй напоминал семейного ангела-хранителя с топором в руках. На кого обрушится этот топор в следующую минуту — на врагов, друзей или на самого хранимого, — кажется, было неизвестно даже самому Коляю. Месяц назад он в ночи ловил машину, чтобы отвезти задыхающегося Павла Егоровича в больницу. А спустя три недели по пьяни раскокал стекло... На что его переключит завтра — кто ж его знает...

9 июня

Я стал понемногу забывать детдом. Раньше мне часто снились его угрюмые, обшарпанные стены, от одного вида которых хотелось родиться обратно. Ежедневный подъем и отбой, как в тюряге, одинаковые пижамы грязно-синего цвета, суп, в котором неизвестно какой повар какие ноги мыл, психопаты воспитатели, вымещавшие на нас свои нереализованные амбиции... Я так и не смог к этому привыкнуть, потому, наверное, что успел вкусить другой жизни, с мамой-папой... А та жизнь даже пахла иначе: мятными пряниками по вечерам, влажной папиной щекой, к которой я любил прижиматься после купания, мамиными руками — мягкими и теплыми, как податливый мякиш горячей булки; кожаным мячом для регби, по которому мы лупили, как по боксерской груше, и особой беззаботностью, пропитавшей все мое детство, готовое, казалось, длиться бесконечно...

Жестокость детдомовских отличалась какой-то изощренной продуманностью. С рождения варившиеся в одном котле, они успели пропитаться злым отчаянием, граничащим с желанием утопить всякого, кто пытался из этого котла высунуться. Я с первого дня держался особняком, и вовсе не потому, что обладал какой-то недюжинной силой воли или нездоровым снобизмом. Просто меня настолько ужаснула новая жизнь, показавшаяся беспросветной, что я инстинктивно, всеми своими слабыми четырьмя лапами пытался оттолкнуть то неизбежное, что собиралось сожрать меня с потрохами.

Чистеньким остаться не удалось. Я очень быстро это понял — буквально через неделю, когда мной, как половой тряпкой, мыли туалет, играючи пиная друг другу ногами по загаженному кафелю. Как только я пытался подняться, в лицо мне пихали швабру, и я снова утыкался носом в пол... Я не кричал и не плакал, хотя было и больно, и обидно, — только закрывал лицо руками, обнаружив в себе способность рычать.

Что меня поразило тогда — так это голодное любопытство моих новых товарищей, для которых происходящее было своеобразным представлением — ярким, запоминающимся событием в череде серых будней. Так лишенные праздников звереныши по-своему заполняли жизненную пустоту... Их изощренность заключалась даже не в этой — дикой и унижительной — сцене. Сплоченные единым сиротством, они решили отомстить мне, сироте наполовину, за то, что в чем-то мне повезло больше. Хотя везение это было, прямо скажем, весьма сомнительное...

Когда я, давясь слезами, отмокал в полузаросшем пруду, в бессильной ярости ныряя на самое дно и утыкаясь лицом в махровые водоросли, в кустах

появился белобрысый паренек. Это был Степка — он не принимал участия в моей «обработке», а стоял на «шухере». Подумав, что парень решил наверстать упущенное, я сжал под водой кулаки. Однако на Степкином лице не было злости — скорее уже известное мне любопытство. Глядя на меня сверху вниз, как на какую-нибудь копошащуюся в пруду водомерку, и ковыряя палочкой землю, он сказал, чеканя каждое слово:

— А в детдом тебя мамка велела сдать!

— Врешь, гад! — я как ошпаренный выскочил из пруда, упиваясь тем, что я сейчас разотру эту белобрысую дрянь по земле.

— Пожалуйста, — подобно фокуснику, он вытащил из кармана сложенную вчетверо бумажку.

Я ни на секунду не поверил в то, что он сказал. Более того, жизнь здесь казалась мне не более чем неудачным сном. Даже сидя в пруду, я представлял, как расскажу обо всем маме, когда она придет меня забирать. А в том, что она придет, я не сомневался...

И вот — добившие меня строчки, написанные аккуратным маминым почерком: «Я, нижеподписавшаяся, отдаю сына, Русанова Анатолия Леонидовича, на попечение в детский дом № 123 имени А.С. Макаренко...»

Степка оказалась самым изощренным из местных иезуитов: он прекрасно понимал, чего стоит эта бумажка, аккуратно скопированная им на казенном ксероксе. Его тщательно спланированный удар оказался сильнее всех предыдущих и последующих, вместе взятых.

Это потом уже я узнаю, что после смерти отца мама, любившая его больше жизни, так и не смогла оправиться от удара. Это потом я буду скитаться по психиатрическим клиникам в надежде ее разыскать, а найдя, ужаснусь, не узнав в состарившейся раньше времени женщине с серым, как подошва, лицом и тусклыми неживыми глазами ту, что беззаботно смеялась мне с фотографий, которые я всюду таскал с собой...

Тогда же я воспринял это как страшное предательство, пронзившее меня, словно булавка — бабочку, отловленную для коллекции. Степка же — мой коллекционер — очень скоро понял, что перестарался. Я не набросился на него с кулаками, даже не порвал бумажку, а молча вложил ее в Степкину ладонь, вспотевшую от возбуждения. После этого я разбежался и сиганул в пруд, с тем чтобы уже никогда из него не выплыть.

Потом мы долго и отчаянно боролись в воде — Степка бросился следом и пытался вытащить меня на берег, а я упрямо нырял на дно. Он что-то кричал мне, а может, грязно, по-детдомовски ругался. Я отталкивал его от себя, бил в тщедушную воробынью грудь, однако он, только что чуть не утопивший меня горькой новостью, вдруг решил во что бы то ни стало спасти. Изгибы человеческого сознания воистину неисповедимы! Наконец я слегка придушил его и с тупым равнодушием наблюдал, как его спина скрывается под водой. В этот момент я понял, что так просто с этой жизнью не разделаешься, и нырнул за Степкой...

Потом мы, обессиленные, лежали на берегу, пустыми глазами глядя в серенькую пустоту, и даже свалившийся с неба дождь не мог согнать нас с пустынного берега... В тот вечер мы подружались со Степкой, и уже сильно позже я узнал, сколь велика его нечеловеческая тоска по матери. Он искал ее всю жизнь: все, что удалось узнать, — это то, что у нее была толстая смоляная коса и простая русская фамилия — его единственное сиротское наследство. Степкины отчаянные поиски разрешились тем, что он женился на женщине вдвое старше себя с некрасивым, но добрым, словно смеющимся лицом и длинными волосами, которые она иногда заплетала в косу... Степка привязался к ее детям — таким же некрасивым, но добродушным девочкам-двойняшкам — и заменил им их непутевого, рано спившегося отца.

Над ухом зазвонил телефон — я был один, поэтому аппарат поставили на тумбочку рядом с моей кроватью. Я тупо смотрел на него и соображал: вдруг они? Графиня обожала интересоваться, как дела. Вот и сейчас, воображаю

себе, звонит из гостей и беспокойным голосом приговаривает: «Почему он не берет трубку? Я волнуюсь, бедный мальчик!» В общем-то, ее трудно обвинить в лицедействе: волнуется она совершенно искренне. Не менее искренне графиня закатывает глаза, у нее подскакивает давление, становится порывистым дыхание — и как заключительный акт трагедии — ее уже не держат ноги. Способности графини завести окружающих воистину безграничны. Она будет слабым голосом причитать, давить на нервы, шуршать упаковками корвалола и бесцельно ходить из угла в угол, нависать над тобой живым укором и в сотый раз листать телефонный справочник в поисках «еще каких-нибудь знакомых», где он (она) могли бы быть.

Беру трубку и буквально задыхаюсь: Тося! Все-таки я идиот с перевернутыми мозгами... Каждый вечер я, как собака, жду ее прихода и, едва заслышав знакомые шорохи в коридоре, внутренне визжу от восторга. Тося наделена какой-то небесной легкостью, которая сквозит во всем: в ее движениях, в нежном, словно умиленном взгляде, в манере общаться с людьми. Даже не представляю, чтобы она с кем-нибудь поссорилась, настолько она мягкий, бесконфликтный, будто воздушный человек. Такое впечатление, что она лечит одним своим присутствием: когда она рядом, я люблю даже графиню... А ведь были вечера, когда я не знал ее. Пустое, промозглое, удушающее своей бесцельностью время — без Тоси...

12 июня

В молодости графиня была красивой. Семейное предание гласит, что граф увел ее прямо со свадьбы. Глядя на него, никогда этого не скажешь. Застенчивый, как мальчик, и чистый как слеза, он меньше всего напоминает того, кто может решиться на такое. Однако надо отдать ему должное, уводил он ее не зря: до сих пор они живут, как опьяненные нежностью подростки.

Тосин отец очень быстро разбежался с ее мамой и обзаводился уже четвертой семьей, однако, по какому-то странному стечению обстоятельств, детей у него больше не было. Впрочем, и единственной дочерью он не шибко интересовался — это была не его стихия. Высокий, бесшабашного нрава, с лукавыми цыганскими глазами, Виктор не переставал нравиться женщинам даже сейчас, когда ему было под шестьдесят, и, по-моему, искренне упивался этим обстоятельством. Графиня досадливо морщила и без того морщинистое лицо, незадачливый зять целовал ее на прощанье в щечку, и по его смеющемуся взгляду было очевидно: у горбатого больше шансов исправиться, чем у него, — такого даже могила не проймает. Мне всегда представлялось, как на похоронах в качестве последнего слова будет зачитан его донжуанский список.

Зоя, единственная дочь графини и Тосина мама, была не менее привлекательной и с не меньшим упорством устраивала личную жизнь: в данный момент она растила пятилетнего Никитоса и периодически припахивала Тосю, когда ей надо было где-то скоротать вечер. Коротала она его, как правило, в баре «Портленд», где бацал по струнам молодой отец ребенка, не спешивший связать себя узами брака. Однажды я видел его: худосочный юнец с жиденькими волосами и плечами, покрытыми какими-то дьявольскими татуировками, не снимал черных очков и говорил, чуть отклячив нижнюю губу. Вид у него был расслаблено-утомленный, словно он целыми днями разгружал вагоны.

Маленький Никитос частенько появлялся у нас. Этот кудрявый, избалованный в соплю шалопай купил меня своей обезоруживающей улыбкой, а также изощренным умением довести графиню до истерики.

15 июня

Тося уехала на две недели по работе, а я остался... Вечером началась гроза, да такая сильная, что я не мог сдержаться... Очнулся весь в слезах — ви-

димо, поколобродил я прилично — перепуганное лицо графини и дрожащие пальцы Павла Егоровича говорили сами за себя.

— Толя, Толенька, успокойтесь, — графиня гладила меня по волосам и прижимала к себе, как ребенка. Я долго не мог прийти в себя и только удивлялся, как это за все время, что я живу у них, гроза впервые застала меня врасплох.

Я забыл о неприязни и смотрел на них как на родных — славные добрые старики, и за что они меня так любят? Графиня пробывала в моей комнате, пока я не заснул, а я вспоминал, вспоминал, мучая себя неизживаемым прошлым.

В то лето мы жили на даче у дяди Сережи, друга отца. Это было какое-то богом забытое — тем и прекрасное место, с полуразрушенной мельницей, на которой еще мололи зерно, с заливными лугами и алыми, словно разлитыми по всему небу закатами. Мы с отцом рыбачили, парились до одурения в пропитанной березой баньке, а потом ныряли с разбега в кофейную речку с мягким песчаным дном. И кто мог подумать тогда, что страстное желание отца — стопроцентного городского жителя — научиться косить обернется трагедией. И хотя мне было девять лет, я как сейчас помню, с какой настойчивостью он просил дяди-Сережиного деда помочь ему освоить эту премудрость. Дед сопротивлялся недолго и в момент научил отца орудовать косой. Тот же так увлекся, что каждый вечер стал ходить вместе с деревенскими на покос. Это было какое-то тихое помешательство, над которым даже неловко было подшучивать — настолько счастливым был отец, скидывающий мокрую от пота рубаху и вытирающий локтем прилипшую ко лбу траву.

В тот вечер он тоже ушел косить. Мы же с мамой помогали дяде Сереже разбираться на чердаке. Задохнувшись от восторга, я раскручивал старый спиннинг, которому был подписан смертный приговор. За окном начинал накрапывать дождик, потом послышались громовые раскаты, и все это вылилось в страшную грозу. Я сидел у мамы на коленях и тихонько поскуливал — комнату то и дело озаряла молния, и казалось, что это затемненная мастерская фотографа, который врвал вспышку.

Потом, когда дождь стих и синюшное небо покрылось разорванными облачками, в дом буквально ворвался Дёма — один из мужиков, с которыми отец ходил на покос. Увидев его трясущиеся губы и искривленный рот, мама не стала ничего слушать, а опрометью выскочила из избы... Однако изменить уже было ничего нельзя: отец словно шел навстречу своей страшной судьбе...

Когда начался дождь, мужики бросились в домик лесника, что стоял на краю леса. Там же вышла какая-то глупая ссора — то ли лесник перебрал с вечера, то ли мужики хотели его поддеть, — так или иначе, только он вытолкнул их под дождь. Впрочем, и дождя-то уже почти не было — так, моросил слегка, и гроза почти стихала; они шли по дороге к дому и, смеясь, костерили вздорного старика, который не дал им переждать непогоду до конца. Их было четверо — и четыре косы, заброшенные за плечи, блестели под дождем. Сверкнула едва ли не последняя молния, она-то и попала в отцовскую косу — словно кто-то свыше пометил его невидимым крестиком. Дёма говорил, что отец упал, как будто его ударили наотмашь, — все трое бессмысленно суетились вокруг него, однако сделать было уже ничего нельзя: он был мертв.

Помню голые ноги отца, свисавшие со скамьи, на которую его положили, мамин придушенный крик и холодный, липкий ужас, словно прилипший к моим ладоням, когда я пытался погладить его, надеясь, что он сейчас проснется...

Следующая гроза застала меня в детдоме, и моя истерика расшевелила даже равнодушных ко всему и выдавших виды воспитателей. Я катался по полу и орал как помешанный, разогнав всех вокруг этим животным криком. Не побоялся подойти ко мне только Степка, опередивший нашего завхоза, который собирался отхлестать меня ремнем. Степка навалился на меня всем телом, прижал к полу и начал шептать на ухо какие-то бессвязные молитвы, которые, как ни странно, и привели меня в чувство. После приступа я стал шелковым, как прирученный шакал, которого можно было пускать без намор-

дника к маленьким детям. Степка увел меня на чердак, где мы и проторчали до самого вечера. Психиатр, к которому меня потащили на следующий же день, признал мою полную вменяемость, назвав все произошедшее индивидуальными особенностями. Воспитатели, истолковав его вердикт по-своему, обещали придушить меня, если такое еще раз повторится.

Из дневника Тоси

15 июня

Как надоели эти командировки — меня уже от них трясет! Любимое дело божьей милостью... А ведь когда-то был предел мечтаний — добраться до Ангары, подышать кедром...

Если бы приходилось общаться только с кедром... Вот идет по гостиничному двору Святозаров — мне из окна видно, как его шатает из стороны в сторону. Хорошо хоть сегодня погода нелетная — не придется с ним отбирать пробы, а то ведь опять перебьет пол-лаборатории. Это прямо второй Коляй, только после аспирантуры. Эдакий кандидатский минимум. Суперминимум. Сейчас ведь не защищается только ленивый — прямо конвейер какой-то. Аспирантура — это как затянувшееся детство, способ продлить бурную студенческую молодость. Ковчег для гениев, неудачников и восторженных идиотов типа меня, не представляющих себя без того, что давно стало анахронизмом.

Девчонки Святозарова жалеют: хромая, мол, судьба... А по мне, так не судьба хромая, а сам он весь какой-то шиворот-навыворот. Ну, не может мужчина себе позволить быть слабым, а если уж позволил, то не обессудь... Со слабого хоть и спроса никакого, но и жизни ему нет. Женился он на девушке из институтской столовой. Вскоре у них родился ребенок. Началась головная боль: Святозаров стал приходиться на работу всклокоченным и говорить всем и каждому (разумеется, по большому секрету), что их брак — мезальянс.

Тогда жена моментально родила ему второго, так сказать, чтобы развеять сомнения. Не знаю, развеялись ли сомнения, но теперь Святозаров пьет, а по выходным ходит в церковь. Жена не в восторге не только от первого, но и от второго. Она вообще ни от чего не в восторге. Говорят, по выходным она швыряет Святозарову перчатки и, показав на него детям, всякий раз провозглашает: «Смотрите, наш сволочь папочка в церковь пошел!»...

Женька умчалась пережить нелетную погоду к своему летчику — соблазняла и меня весело провести время. Без Женьки скучно, с Женькой — тошно. Счастливейший тип женщины — «я подумаю об этом завтра»... Впрочем, Женька и завтра думать не будет — на то есть послезавтра. А на каждое послезавтра, разумеется, найдется свое послепослезавтра. Так она и откладывает это скучное занятие — очевидно, если она о чем и подумает, то явно не в этой жизни.

Дома у нее мама, маленький Генка — ровесник Никитоса и периодически появляющийся Шариков на роликах — так она называет отца своего ребенка. Этот самый Леша Шаров был, как мне кажется, единственной Женькиной любовью. Теперь она никого не любит — только увлекается. Зато и ни в ком не разочаровывается. Как говорится, везде есть свои плюсы.

С Лешей Шаровым они вместе катались на роликах. И докатались до Генки. Когда Женька поняла, что ребенку — быть, она, по ее словам, очень обрадовалась («Потому что дурой была» — так она комментирует это сейчас). Потенциальный отец, узнав об этом, нервно улыбнулся, снял ролики вместе с носками и пошел по асфальту босиком. Так он дошел бы до дома, но Женька, почуяв неладное, догнала его и остановила. Перекошенное лицо Лешки было абсолютно белым. «Как сахарной пудрой посыпали», — вспоминает Женька. Не глядя будущей маме в глаза, он сказал куда-то в сторону:

— А может, он не мой?
— Кто немой? — не поняла Женька.
— Ну, ребенок... не от меня...

До Женьки начало доходить.

— Конечно, не от тебя! — зло сказала она ему. — От таких козлов даже кошки не родятся.

С тех пор он стал для нее Шариковым. Женька поставила в известность маму, внимательно выслушала все, что полагается в таких случаях, но аборт делать не стала и через семь месяцев родила. Шариков одумался, регулярно пытался исправить ситуацию, однако ни до, ни после рождения Генки успеха не добился.

Теперь у него другая семья, но дорогу к Женьке он никак не забудет. За эти годы Шариков стал ей до такой степени безразличен, что она даже иногда разрешает ему забирать Генку из садика. По дороге домой ребенок, усвоивший правила иезуитской взрослой игры, обычно рассказывает папе об очередном маминном кавалере. Так что Женьке и выпроваживать Шарикова не приходится: передав ей Генку, он в бешенстве бьет ладонью по кнопке лифта, обещая себе, что больше никогда... ни ногой. И недели через две, поостыв, возвращается обратно. Впрочем, отдавая дань справедливости, делает он это он все реже и реже...

Зная Женьку, уверена, что из неё вышла бы прекрасная жена. Вместо этого получилось что получилось. Главное, что она чувствует себя победительницей, даже не догадываясь о том, насколько все проиграла.

16 июня

Вчера вечером в наш номер зарулил Святозаров.

— Тось, а где Женька? — спросил он в лоб.

В этот момент я присоединилась к общественному мнению: мне тоже стало жалко Святозарова. Он стоял такой потерянный и такой открытый. Прекрасно он знал, где Женька, и пришел сюда, чтобы я вселила в него надежду.

— Как где? В библиотеке, — отозвалась я с первозданным энтузиазмом.

— А-а-а, — Святозаров еще больше поник, — все шутишь...

Он походил по комнате, тоскливо посмотрел на Женькин халат, небрежно брошенный на спинку кровати, и вышел из номера.

Буквально через пять минут вернулась Женька — вялая, разбитая, озлобленная. Видеть ее такой мне еще не приходилось. На моё сообщение о визите Святозарова она только равнодушно кивнула и, вытряхнув из тумбочки пару мятых футболок, отправилась их стирать. Дверь в ванну осталась приоткрытой, и я сначала услышала, с каким остервенением она их трёт, потом раздался грохот упавшего на пол таза, сменившийся Женькиной истерикой.

Я трясла её за плечи. Пыталась влить в неё валерьянку, но всё было тщетно. Я даже успела испугаться, как вдруг Женька смолкла и замерла. Боясь спугнуть, я осторожно обняла её за плечи и повела в комнату:

— Ну, вот и ладненько, ну, вот и хорошо... Сейчас мы ляжем, поспим, — подталкивала я её к кровати.

Женька послушно шла за мной, кивала головой. Потом села на кровать, поджала под себя ноги и, заметив оставленную Святозаровым свечку, взвизгнула:

— Идиот! Прямо мания какая-то!

Женька распахнула тумбочку и выгребла штук десять свечек самой разной конфигурации и тематики: от тающего на блюдечке мороженого до зайца с люминесцентной морковкой. Меланхолично глядя на это богатство, она усмехнулась и абсолютно спокойным голосом констатировала:

— У Шарикова родился Шариков-младший.

Из дневника Толи

17 июня

Тот день выдался морозным. Я на удивление помню его до мельчайших подробностей. Нервно переминаясь с ноги на ногу, я ждал автобуса. Таких, как я, окоченевших и продрогших на ветру, было немало: на перекрестке перед остановкой была мощная пробка, в результате которой потоки машин заблокировали друг друга. Изредка просачивалось по нескольку машин, которые тут же осаждала толпа страждущих — водители пользовались людским ажиотажем и заламывали дикие суммы.

Поначалу я внутренне возмущался, но через полчаса уже дошел до кондиции: был готов уже на что угодно, за какую угодно цену — только бы добраться до тепла. Вступив в диалог с очередным «бомбилкой», я задохнулся от непомерной цены, понимая, что обладаю указанной суммой процентов на 40... И в этот самый миг подъехала нужная мне маршрутка. Толпа бросилась на нее, как на кусок мяса, и мгновенно заполнила все места. Я втиснулся последним и буквально растворился в блаженном тепле.

За поворотом, когда шофер притормозил, чтобы выпустить мужчину, в маршрутку буквально вломились трое. Женщина заняла единственное место, а молодой человек и старушка с трясущейся челюстью остались стоять, прислонившись к входной двери. Паренек растирал пылающее лицо окоченевшими ладонями и улыбался замороженной улыбкой.

— Послушайте, здесь вам не автобус, в конце-то концов! — воскликнула элегантная женщина в дорогой шубке. — В маршрутке нельзя стоять!

Я засмотрелся на ее шубу, уж очень она была необычной и элегантной: ярко-рыжие пластины сочетались с черными и белоснежными, образуя оригинальный и неповторимый узор.

Тем временем женщина не унималась:

— Водитель! Вы посмотрите, что у вас в салоне делается, — сейчас перевернемся все! Вы о технике безопасности что-нибудь слышали?

Водитель молча затормозил и, обернувшись, коротко бросил стоящим:

— Выходите давайте! Мне проблем не надо!

Стоящие смотрели себе под ноги. Молодой человек нервно сжимал в руке рюкзак — старушка жевала губы.

Водитель заглушил мотор:

— Дальше не поедет, пока не выйдете!

В создавшейся тишине молодой человек послушно вышел, старушка еще сильней вжалась в стеклянную дверцу — казалось, что она сидит на ступеньках.

Водитель, глянув через плечо, посмотрел на старушку, съезжившуюся и ставшую еще меньше, махнул рукой и включил зажигание.

Маршрутка тронулась с места — пассажиры молчали, стараясь не смотреть на старушку.

— Вы нехороший, гадкий человек! — вдруг убежденно сказала женщина в очках и с кожаным портфелем в руках, глядя на женщину в шубке.

— Ну, конечно! Нет, и все, главное, молчат! — воскликнула первая. — Вы что, перевернуться хотите?

Пассажиры смотрели себе под ноги.

— На улице мороз вообще-то, — несмело начал молодой человек в спортивной куртке, — холодно, транспорт плохо ходит. — И, покраснев, поднялся с места: — Садитесь, бабушка!

Старушка, потрясывая головой, села — молодой человек занял ее место около двери.

— Вы нехороший, гадкий человек! — упрямо продолжала женщина в очках. — К вам это вернется, вот увидите! Жизнь вас не била.

— Да у меня все прекрасно, чтоб у вас так же было! У меня двое детей, и я хочу их вырастить. Я не виновата, что все места заняты.

Старушка, освоившаяся на новом месте, вдруг начала быстро-быстро говорить истерическим шепотом, растягивая слова:

— Да ты су-ука, шку-ура подзаборная! Ее место я, вишь ли, занима-аю! Мы войну выигрывали, чтобы ты, подсти-илка воню-учая, мне тыкала, где мое место? Да это ты, тва-арь, на моем месте сидишь!

Слегка прибалдевшая от столь бурной реакции «подзащитной» женщина в очках тронула ее за локоть:

— Ну, не надо так, не надо! Она этого не стоит.

Первая передёрнула плечами и ничего не ответила.

Старушка продолжила на одном дыхании:

— Это тебя, скоти-ина, надо выкинуть отсюда, чтобы пешком замерзала! Сво-олочь! Такие цацы в тылу отсиживались и под наших мужиков подкла-адывались!

— Ну, хватит, может? — поморщился мужчина в красном пуховике. — Все уже поняли вашу позицию — слушать тошно.

Старушка замолчала так же непредсказуемо, как и начала говорить.

— Не стоит она того, — снова начала женщина в очках. — А жизнь выправит — она всех выправляет.

— Я с дураками не разговариваю! — резко сказала первая, вынимая из сумки звонящий мобильник. — Да, ну, хорошо, встречайте, — проговорила она уже в трубку невозмутимым голосом, — через пять минут подъеду!

Я отвернулся к окну: было и правда тошно.

— За поворотом остановите! — сказала возмутительница спокойствия, приготовившись выходить.

— Тва-арь подколодна-ая! — оживилась старушка. — Ползи-ползи!

— Чтоб ты сдохла в этом году! — невозмутимо парировала женщина.

На этой радостной ноте все кончилось — маршрутку тряхануло, и все полетели вниз. Последнее, что я услышал, был истеричный хохот женщины в элегантной шубке.

...Наш случай о перевернувшейся маршрутке попал в газеты, став еще одним в длинной череде себе подобных. Погибших было трое: водитель, паренек, уступивший место и ставший невольной причиной аварии, и женщина в очках, умиравшая в реанимации долго и тяжело.

Со мной вместе лежал мужчина — обладатель красного пуховика. Ему повезло больше — травма не имела серьезных последствий. Он ко мне очень привязался — главным образом за то, что я мог часами слушать его бесконечные истории из жизни и при этом не засыпать.

Когда меня выписывали, было уже совсем тепло: обезоруживающе било в лицо солнце, птичий гомон перекрывал все иные шумы. Меня медленно вывезли на улицу, и я на мгновения оглох и ослеп от столь явной и безоговорочной капитуляции перед наступившей весной. Я буквально задохнулся от повсеместного торжества жизни, а также от того, что все это отныне меня не касалось. Я начинал двигаться по своей — параллельной — траектории, кривой, нелепой и жалкой, которую было даже как-то странно сравнивать с жизнью.

На больничном дворе я увидел женщину с обезображенным лицом, которую вели под руки два мальчика-подростка. Я горько усмехнулся тому, что моя кривая не единственная в своем роде. В руках одного из ребят была женская шуба — я загляделся на причудливый узор и с ужасом понял, что это наша попутчица — та самая элегантная женщина, которую всем было так стыдно слушать. Узнать ее было невозможно: она ступала тяжело, шла ссутулившись, как сломанный стебелек. Очевидно, она еще не успела привыкнуть к своей новой, ужасающей внешности, а потому не прятала лицо, а смотрела прямо перед собой, не замечая сочувственных взглядов, не видя людей.

О судьбе остальных мне неизвестно. Знаю только, что несколько человек отделались легким испугом — в их числе была достопочтенная старушка, которой, как говорили, не потребовалась даже первая помощь.

19 июня

Графиня обожала приводить врачей — это было одним из ее излюбленных способов давить мне на нервы. Мой диагноз внушал всем какой-то безграничный оптимизм: оживленно обсуждались методы лечения, мои шансы на успех — только что ставки не делались. Хотя это было бы новое слово в индустрии развлечений: играем на тотализаторе — встанет или не встанет, пойдет или не пойдет. Проигравшие перечисляют деньги на лечение больного...

Однако результаты врачебных манипуляций лишний раз доказывали: у утопленника больше шансов воскреснуть, чем у меня — покинуть мое прокрустово ложе. Но графиня не унималась: ей обязательно надо было кого-то притаскать, старательно симитировав деятельность, заботу и милосердие.

Особенно запомнился мне один психотерапевт: большой, неповоротливый, в сером костюме из крупного вельвета, он напомним гофрированного слона. Заняв собой полкомнаты и внимательно изучив меня своим цепким, проникновенным взглядом, он тихим голосом поинтересовался, можем ли мы поговорить с ним по душам. Перед разговором он дал мне стакан какой-то мутной жидкости. Живо представив, как после этого пошла у меня вырастут ослиные уши или копыта, я все же сделал несколько глотков. Души захотелось? Извольте...

Вопросы он задавал быстро и отрывисто, а я старался по возможности не снижать темпа, тем более эта дрянь, которой он меня напоил, скоренько развязала мне язык и напрочь отключила систему контроля за происходящим.

В общем, я наговорил на три моральных каторги с пожизненным поселением в колонии строго режима. Кажется, главной мыслью внутреннего монолога, который этот слоновий доктор выудил из меня, было утверждение о том, что насилие добром должно караться по закону. И будь моя воля, я бы привязал графиню к кровати и насильно кормил мёдом до скончания дней, чтобы получить на выходе сахарного человека, приятного во всех отношениях. Сахарного не только духовно, но и физически, если он понимает, о чём я.

Впрочем, полностью развернуть свою мысль я не успел. На самом интересном месте у него из кармана выпал плоский предмет, при ближайшем рассмотрении оказавшийся диктофоном. Этого обстоятельства хватило мне на вполне полноценную истерику с показательным уничтожением кассеты и воплями типа: вон из моего дома, сволочь!

Конечно, сказать, что все эти мероприятия проводились для галочки, — означало погрешить против истины: графиня вполне искренне мне сочувствовала. Однако ее безмерная активность напоминала заботу о варежках для безрукого или контактных линзах для слепого. Что до меня, так я в чудеса не верил — это не по адресу. Гораздо легче было смириться с реальностью, чем тратить время на сказки. Жить на облаке, безусловно, приятно, однако падать я предпочитал с пола. После случая с психотерапевтом я клятвенно пообещал графине проломить голову всякому, кому она решит меня показать.

23 июня

Графиня решила устроить мне день рождения. Все мои категоричные «нет» действия не возымели: терпеть не могу этот день, а уж отмечать его с ними — сами понимаете. Однако что получилось — то получилось...

Весь день накануне она суежилась на кухне: пекла свои фирменные кренделя, делала салаты; с утра запахло печеной индейкой... Я лежал и думал, что еще я должен сделать, чтобы они поняли, насколько мне все это не в жилу. Есть такая форма насилия — добром. И вроде бы бредово обвинять людей в

том, что они регулярно делают что-то хорошее для тебя и терпят все твои выходки. Заботливо укутывают твои ноги и взбивают подушку, чтобы тебе было хорошо спать, волнуются о твоём здоровье и подкладывают лучший кусок... Заискивающе смотрят тебе в рот и ловят каждое слово. Все замечательно, кроме того, что оно тебе не надо. Жирный кусок торта с нежнейшим кремом едва ли способен порадовать любителя колбасы, не терпящего сладкого.

К двум часам я почувал неладное: судя по тому, что графиня, неумело скрываясь, поглядывала на часы, кого-то ждали. Я нервно заворочался и замер, когда раздался звонок в дверь. Графиня побежала открывать, и через несколько минут в комнату влетел молодой мужчина со смеющимися глазами и, протянув мне руку, коротко бросил: «Стив!» При этом на лице его было приклеено такое сногшибательное счастье, словно он собирался посвятить мне лучшие годы своей жизни.

Я занервничал — следом за Стивом в комнату проскользнула Зоя.

— Толя, — сказала она торжественно, обнимая его за плечи, — Стив многим помог, и я подумала...

Я посмотрел на цветущую Зою, которую по незнанию можно было назвать моей ровесницей, на ладно скроенного загорелого Стива, стоящего рядом, и подумал, что они из другого мира, где все о'кей. Мира, который благополучно избавился от меня, переводя в разряд думающих растений, требующих ежедневного ухода и абсолютно бесполезных.

В общем, я не стал пробивать Стиву голову — с этого дня он поселился у нас, как он сказал, до полного моего исцеления.

Из дневника Тоси

30 июня

Вернувшись, я обнаружила, что мама нашла для Толи мануальщика, который, по ее расчетам, поможет ему подняться. По-моему, этот Стив — идиллия. Жизнерадостный и самовлюбленный. Он ходит вокруг Толиной кровати, сверкает «дирижёрской» белозубостью и, потирая руки, беспрестанно повторяет: «No problem!» Типа, и не таких поднимали.

Моя ловкая мама устроила все таким образом, что в качестве платы за Толино лечение мы будем сдавать Стиву угол. А ещё она собиралась подтянуть свой английский, находящийся в глубоком пассиве. Мама всегда любила комплексный подход.

Что до меня, так я не умею верить в чудо, кажущееся кому-то возможным. Время на протест против неизбежности я трачу на попытку примирения с ней. Надеюсь, Толя не прочтает этих строк: я не верю в то, что он встанет. Это бабушка может верить да дед — поддакивать ей, а я... Кто-то же должен в этой семье ходить по земле.

1 июля

Коляй возник на пороге как черт из табакерки. Однако по трясущимся рукам и бледному, словно меловому, лицу было очевидно: случилось что-то из ряда вон... Собственно, это «из ряда вон» было мало применимо к Коляю: с самого его появления в нашей жизни с ним все было не слава богу. Не подрался, так напилсь, не напилсь, так разбил машину, не машину, так свою физиономию, не свою, так чужую, не физиономию, так наши окна или ящик водки, который нес на чужую свадьбу... День без события объявлялся пропавшим. То, что Коляй был настоящим человеком-аварией, давно перестало считаться новостью, однако таким мы его еще не видели.

Быстрее всех сориентировался дед: еще никто не успел ничего понять, а он уже отковыривал доски, чтобы спрятать Коляя в погреб. Сделано это было

весьма своевременно, потому что буквально через несколько минут раздался резкий и остервенелый стук в дверь. Стучать и снимать дверь с петель стали почти одновременно; все растерялись — мне вообще показалось, что меня выдавливают по капле... Бабушка бессмысленно кричала: «Что вам нужно?», дед стелил на погреб половик и волочил кресло, чтобы поставить сверху. Толя схватил табуретку и вцепился в нее побелевшими пальцами — что он еще, бедный, мог сделать.

И тогда Стив сел за фортепиано и пробежался левой рукой по клавишам. Боже мой, как же он играл! Ожесточенно и в то же время легко, артистично и безумно; казалось, пианино сейчас забьется в истерику от того, что он с ним вытворял. Дверь пала очень быстро, и, когда те трое вломились в наш дом, они замерли, потрясенные тем, что их старания могли оставить кого-то равнодушным. Откинув голову назад, полностью отдаваясь жизни и музыке, Стив играл Моцарта так, словно это не в нашу дверь ломались, а он в данный момент развлекал дам на каком-нибудь приеме в посольстве.

Те трое были хороши. Один в ядовито-зеленом пальто с грязными, полуотодранными полами, двое других запаяны в одинаковые кожанки, словно в них родились и с тех пор стриглись у одного парикмахера, причем наголо.

— Где этот козё-ол? — напирая на последний слог, проревел Зеленый.

— Молодой человек, — начала было бабушка, но ее, разумеется, никто не брал в расчет.

Зеленый кивнул «близнецам» на Стива, словно определив в нем главного. Те двинули к нему и склонились над инструментом, заинтригованные столь странной реакцией на их визит. Стив же играл столь самозабвенно, словно не подозревал, что эти два дуболома натренированы только на две команды — «рядом!» и «фас!», а в Моцарте смыслили не больше, чем соседский поросенок Борька — в апельсинах.

Непонятная ситуация ввергла «близнецов» в ступор, тогда за дело принялся Зеленый. Подлетев к Стиву, он попытался захлопнуть крышку пианино, но Стив не дал отбить свои музыкальные пальцы и вовремя выдернул руки. После этого пружинисто вскочил с места и, заломив Зеленому руку за спину, стал методично ее ломать. Тот взвыл от боли так, что Близнецов, кинувшихся было на помощь, отбросило этим воплем назад. В этот момент Стив вытряс из Зеленого пистолет и приставил его к виску. После чего он заговорил на своем чистейшем английском с той же интонацией, с какой Зеленый орал на русском: угрожал, ругался, бешено жестикулировал... Те трое смотрели на него, словно в них засыпали горячих углей и заставляли их проглотить. Произведя нужное впечатление, Стив спросил уже на чистейшем русском:

— Не понимаете?

Все трое поспешно замотали головами.

— Вот и я вас не понял, — подытожил он, растирая Зеленого по стене. После этого, волоча за собой нелегкую добычу, он подошел к телефону и, набрав номер, сообщил: — Разбойное нападение, улица Морская, дом 14...

Положив трубку, он с сожалением посмотрел на разбитого в кровь Зеленого и швырнул его на пол со словами:

— Go away!

Горячие поклонники американского кино, все трое поняли его с полуслова и молча потянулись к выломанной двери...

Прибывшие милиционеры тоже ни черта не понимали в Моцарте и, увидев музицирующего Стива, подумали, что над ними издеваются... Извлеченный из подпола Коляй долго и путано объяснял, что те трое от него хотели, но мы так до конца и не поняли. Какая-то машина, какой-то долг — вникать во все это было невозможно... Впрочем, Стив слушал все очень внимательно и, когда Коляй закончил, съездил своему подзащитному по физиономии, посоветовав решать свои проблемы где-нибудь в другом месте.

Коляй насупил, долго и ожесточенно чинил дверь, а потом ушел, не попрощавшись.

4 июля

Стив среднего роста, однако когда он стремительно влетает в комнату, чуть откинув назад голову, то кажется выше любого собеседника. Делами он занимается играючи — словно легонько щелкает их костяшками пальцев, — и они разлетаются, не оставив следа. Он парит над суетой, облетая проблемы стороной, срывая лучшие цветы, даже не сомневаясь в том, что они принадлежат ему по праву.

Случайно увидела его в кафе с девушкой. Он слегка обнимал ее, улыбался, не замечая ее измученного грустного взгляда, и нетерпеливо покачивал остроносый ботинком. Девушка смотрела на него с изумлением и печалью — так смотрят на редкую птицу, которая неминуемо улетит в теплые края. Я подумала, что Стив и есть та южная птица, обжигаящая своими солнечными крыльями, завораживающая неземным говором и нездешним умением наслаждаться жизнью.

Потом его спутница заплакала, беспомощно утопив лицо в пушистом шарфе. Стив тряхнул головой — такие зрелища были не для него. Он встал, потрепал ее по спутанным волосам и, бросив на стол несколько бумажек для официанта, стремительно пошел к выходу. Когда Стив выбежал из кафе, я успела увидеть, как он ловко щелкнул зажигалкой и с наслаждением затянулся.

Из дневника Толи

7 июля

Принеся с собой последний французский аромат — цветущих лугов с лимоном, на краешек кровати опустилась Зоя. Она была изящна, как всегда, и зла, как никогда...

Мне порой казалось, что графине подменили в роддоме дочь, настолько бесцеремонная и равнодушная ко всему Зоя не вязалась с интеллигентной щепетильностью этой семьи. Она могла неделями не появляться на горизонте, а внезапно возникнув, только вяло прошебетать про соус бешамель, который чудно готовят в ресторанчике на Солянке. То, что все это время мы сидели на пшенной каше с гренками, Никитос, сброшенный нам по случаю, пропорол до кости ногу, а Тосе третий месяц не платят зарплату, никак не оседало в ее мутном сознании. Что именно там оседало — остается загадкой, во всяком случае, ей давно уже не звонили по поводу очередного происшествия. Как-то глупо было тратить время на бессмысленное мычание и дежурное: «Ну, вы там держитесь!», что в переводе означало: «Сами, сами...».

Сейчас же случилось страшное... У Зои не было секретов от коллектива — раскалывалась она мгновенно, едва начав говорить. Выяснилось, что она застучала отца Никитоса с какой-то девицей. Точней, не с какой-то — она сама же и порекомендовала её в бар — сделала, называется, доброе дело...

Когда с Зоей случалось что-то подобное, она не ждала милости от природы и не уходила в себя. К чему тратить на психотерапевтов, если скорую помощь можно получить быстро и бесплатно? К тому же, если рассказать всем, — её (помощи) будет много. Сегодня мне особенно повезло: я был первым. А это означало, что, пока не вернутся граф с графиней и Зоя не переключится на них, мне предстояло терпеливо слушать и деликатно поддакивать... или не очень деликатно.

Вместо стариков заявился Стив. Глядя, как он весело болтает с Зоей, я снова подумал: откуда он вообще взялся? Странная помесь ковбоя с интеллектуальным фантомасом, скучающим по своему кошмару.

Словно почувствовав мой интерес, Стив развернул бурную деятельность и вместе с Зоей вынес меня во двор. Посмотреть, очевидно, как легко он крутит «солнышко» на турнике под очередную порцию Зоиных причитаний. С

работы вернулась Тося, и я снова перехватил этот её взгляд... После случая с Коляем я заметил, что Тося стала по-другому смотреть на Стива — с растерянностью и недоумением ребёнка, наблюдающего за полётом хрустальной вазы, выпавшей из серванта. Того самого, в который он со всей дури влетел на своём трёхколёсном велике...

Кое-что о Стиве

Стив не мыслил себя без приключений — «дышал и ими жил», они же, не иначе как в знак благодарности, сами его находили. Подобный сомнительный бартер по всем законам должен был закончиться казённым домом, однако Стив был счастливым баловнем судьбы, которая не ловила его в свои сети, а бездумно выпускала на волю. Обаяние его было несомненно, и судьба, будучи женского рода, демонстрировала в отношении него двойную мораль.

Пташка божья, он порхал по жизни, оставляя после себя не только радость, но и разоренные гнезда.

Их дом стоял на берегу океана, и Стив, навсегда замороженный его бушующей синевой, казалось, пропитался бурями, солёным прибоем и обжигающей клочковатой пеной. Он, как и все мальчишки в их краях, великолепно плавал и нырял.

Его отец был известным ловеласом: играючи соблазнял женщин, легко заметал следы, легко расставался с ними. Джейк не терпел двух вещей — женских слез и молитв, считая все это ложным и вздорным.

Жена устало выслушивала очередную версию его вечернего времяпровождения и, опустив и без того потухшие глаза, говорила без всякого выражения что-то вроде того, что ужин на столе, а свежая рубашка — в шкафу. Чистота в доме была её маленьким пунктиком, за которым скрывалась странная манера самозащиты от его измен. Все в доме сверкало в ожидании хозяина: сахарные раковины и блестящие ручки кранов, натертый паркет и накрахмаленные сорочки, отдающие голубиной.

Все было в полном порядке в этом доме. Все, кроме главного. Он привык не отказывать себе в маленьких слабостях, она — однажды оглушенная его предательством, так и не смогла оправиться и объяснить самой себе, как это могло произойти с их семьей. Она предпочла делать вид, что все о'кей, дополняя свою добровольную слепоту внешним сиянием чистоты. Пыль оседла на тряпке, а грязь, которую муж регулярно приносил в дом, — на дне её сердца. Стив запомнил мать с небольшим пластиковым ведром в руке, озабоченно трущей и без того чистый пол. Она не помешалась: фанатичное стремление к чистоте трактовалось как вариант нормы.

Первым не выдержал отец. Однажды, придя домой, он поймал себя на том, что боится сломанной улыбки собственной жены. Присмотревшись повнимательней, он увидел то, что не замечал раньше. Ужасающую своей безукоризненностью чистоту, бьющую в глаза, как ослепительный мартовский снег.

Он стал приглядываться: проходили недели, а чистота оставалась первозданной. Он украдкой проводил рукой по полкам в надежде обнаружить хоть слабый след пыли и не находил ее. Брошенные в прихожей ботинки, заляпанные глиной, уже после ужина переливались бархатной матовостью. Однажды, проснувшись среди ночи, он, осененный идеей, помчался на балкон, провел рукой по краешку и тихонько застал, обнаружив ее абсолютно белой. В коридоре мелькнула полоска света — он увидел тень жены и поспешил уйти балкона, но не успел: она медленно шла ему навстречу.

В этот момент он поймал себя на мысли: если она прямо сейчас ткнет его чем-нибудь острым, это будет понятно. Однако она пришла к нему с пустыми руками — просто молча смотрела и улыбалась исподлобья. Он отвел рукой ее волосы и привлек к себе — она тихонько ткнула лицом в его плечо, продол-

жая молчать. Тогда он понял, что их брак окончательно себя исчерпал. Точнее, ему было удобней так думать.

Впоследствии, вороша прошлое, Джейк думал, что Наташа, появившаяся в их доме именно в это время, играла невольную роль завершающего штриха. Худенькая русская девочка, насмерть перепуганная заграницей, смертью матери и странными манерами вертлявого отчима, заглядывающегося на молодых барменов, отчаянно искала в этой жизни хоть какой-то опоры. Она возникла на пороге их дома во время завтрака — тихо и внезапно, как сама судьба.

— Простите, вам не нужна домработница? — несмотря на московскую спецшколу, английским она владела препаршиво. И, зардевшись, добавила: — Или няня?

Услышав про няню, Стив, порядком уставший от мертвенного родительского безмолвия, в восторге закивал: йес, йес, бэбиситтер — это то, что им как раз необходимо...

Джейк не менее радостно ухватился за идею завести домработницу («Дорогая, мы вполне можем себе это позволить»). Детский инфантилизм всегда был ему свойственен и был способен умиливать самого прожженного циника, однако здесь он превзошел самого себя. Он искренне думал, что, освободив жену от уборки, он сможет одним махом исправить свои ошибки и вернуть в их дом былую теплоту.

Ее трудно было назвать красивой, но в ее угловатой неловкости и патологической застенчивости читалась какая-то трогательная беззащитность. Она была из тех, кого хотелось оберегать.

Наташа осталась у них работать. А когда в один прекрасный день отец заявил, что уходит к ней, никто особенно не удивился, хотя для того не было никаких предпосылок. Еще вчера она тихой тенью скользила по кухне, выбрасывала картофельную кожуру и туго перевязывала черный пластиковый пакет, чтобы оттащить его к контейнеру с мусором. А сегодня сидела в машине Джейка, облокотившись на свой потрепанный сегодана, и с оттенком неприязни разглядывала набегающие на берег волны: она с детства страдала водобоязнью.

Отношения Стива с отцом не претерпели никаких изменений, благо мать никоим образом не пыталась на них повлиять. Со стороны казалось, что она восприняла эту новость с облегчением, как Аленушка, вынырнувшая со дна реки, где провела лучшие годы жизни, придавленная тяжелым камнем. Освобожденная от самообмана, она избавилась и от навязчивого стремления к чистоте, ударившись в другую крайность. Приходя домой, Стив нередко вынужден был брать в руки веник или отскрести недельный запас тарелок, погрязших в средстве для мытья посуды. Стив ни разу ничего не сказал матери, а молча наводил чистоту, каким бы уставшим ни был. При этом мать сидела у окна и, глядя на все эти манипуляции, равнодушно улыбалась.

Стив частенько бывал у отца — тот снимал небольшую квартиру. Наташа не страдала особой любовью к домашним делам — оставалось только догадываться, как это она проработала у них домохозяйкой почти полгода. Однако Джейк, которого чистота в последнее время скорей пугала, чем радовала, казалось, не замечал ни мутных стекол, ни засаленной скатерти, ни мятых кухонных полотенец. А может, дело было в том, что он обожал свою молодую жену, испытывая неизвестное ему до этого чувство восторга просто оттого, что она была рядом. Более того, его перестало тянуть к другим женщинам, он торопился домой, и цветочница из магазина на углу уже заранее готовила ему букет самых свежих цветов, зная, что он даст щедрые чаевые.

Однажды, придя к ним чуть раньше отца, Стив столкнулся в дверях с Наташей, которая с плохо скрываемой брезгливостью несла завядшие букеты к мусоропроводу. Она оказалась не готовой к столь буйному помешательству и никак не могла взять в толк, зачем покупать цветы каждый день, тем более что их уже некуда ставить, а на новые вазы у них нет денег.

Дитя любви — их маленький Коля — еще не умел ползать, но уже вовсю переворачивался и совершенно уморительно шурился от солнца. Стива он чрезвычайно забавлял: не имевший ни братьев, ни сестер, он едва ли не впервые видел столь крошечное существо и с удовольствием делал ему козу и тихонько гремел над ухом малыша погремушкой.

Однако вся эта лирика была не в духе Стива, и отец, знавший сына как облупленного, поначалу был слегка насторожен его заботой о брате. Но очень скоро устыдился собственной подозрительности и стал дышать свалившимся на него счастьем полной грудью — тем более что новую семью надо было кормить, а средства, как известно, были почти промотаны в прошлой — не столь, как ему казалось, счастливой — жизни. Глядя, как Стив валяется на траве в обнимку с гукающим Колей, Джейк почувствовал, что сейчас заплачет. Ослабив узел галстука, он уткнулся в мягкое, пахнущее корицей Наташино плечо и закрыл глаза. Режущая глаз зелень травы, колющиеся лучи солнца и она — теплая, нежная, своя-я-я... С каждым днем он все больше и больше растворялся в ней и не замечал, как она смотрит куда-то мимо него и даже мимо Коли. И уж тем более не замечал, что ее взгляд опирается в Стива...

... Стив бегал по корту как заведенный, как здесь бегали все. Бросив тенниску на скамейку, он бросался на мяч с пластикой барса — ловкого, изящного, не знающего промахов. Он не ведал ни переживаний, ни отчаяния, ни метаний. Он знал только удачу, ни на секунду не сомневаясь в ее покровительстве. К ней тянулось все его существо, он чуял ее расположение даже влажной от пота спиной.

И когда за прутьями корта появилась Наташа, он ничуть не удивился, зная наверняка, зачем она сюда пришла.

И когда шел к ней, привычно перекинув через плечо белоснежное полотенце, подчеркивающее шоколадный глянец его кожи, уже знал, как все будет, и скучал в душе от преступной легкости добычи. Он не здоровался с ней, просто молча смотрел — не новый способ психологической атаки безотказно действовал на тех, кто уже был у него на крючке, и вербовал новых несчастных.

Потом был какой-то отель — первый попавшийся под руку. Ее сбивчивые слова, восторг вперемешку со слезами... Зашторенные окна, поджарый официант, доставивший в номер бутылку легкого и уже никому не нужного вина... Корешки сигарет, раздавленные им о краешек пепельницы. Ее задранный взгляд, выдающий несчастный тип женщин, не умеющих и не бывающих счастливыми. Долгое, убивающее своей натянутостью молчание... Бессмысленные для постороннего движения тел — священные для нее и ничего не значащие для него...

Выходя из номера, он вскользь окинул ее взглядом и с размаху нарвался на жадно-влажные, вконец измученные зрачки. И его на миг тронула ее беззащитная жалкость. Но лишь на миг — как все в круговерти его стремительных будней.

Вернувшись домой, Стив, подражая любимым героям, крутанул глобус и ткнул пальцем. Наугад. А попал в Россию. Впрочем, промахнуться было сложно: одна шестая часть суши как-никак...

Из дневника Толи

10 июля

Зоя решила устроить маленький семейный праздник. Столь странным способом она обычно зализывала раны. Организовывала веселье, с разбегу вламывалась в него — и выныривала уже другой. Точнее, прежней — жизне-радостной пофигисткой. Довольно распространённый вампирский приёмчик. Я бы тоже хотел научиться так перепрограммировать себя, но не всем дано...

Стив тоже приобщился к сабантую, а заодно устроил мне сеанс шоковой терапии. Не всё же ему руками работать — надо мимоходом прогуляться и по моим нервам. Посреди застолья он включил магнитола и начал на моих глазах танцевать с Тосей. Они двигались так красиво — моя воздушная девочка и этот нагловатый гладкий тип в кофейной рубашке, распахнутой на груди, что я кожей почувствовал, как он к ней прикасается.

До появления Стива я успел основательно расхотеть встать на ноги: не верил, смирился, а может, просто щадил сам себя, стараясь не вспоминать, что когда-то был человеком, а не говорящим овощем. Теперь же, когда кто-то обнимал мою женщину, я понял, что хочу стать прежним. Научиться танцевать, чтобы вести ее так же красиво и легко, как делает этот легконогий бестия. И хотя Тося прятала взгляд и не смотрела на Стива, я прекрасно понимал, что происходит и в чем она еще долго (долго ли?) не признается сама себе...

Из дневника Тоси

13 июля

Столкнувшись со Стивом в коридоре, была слегка удивлена его грустной сосредоточенности. Стив не видел меня — его темные глаза были влажными и серьезными, — он напоминал актера перед выходом с замершим от ужаса сердцем, не ведающим, что его ждет, — успех или фиаско. Обнаружив же меня в дверном проеме, он моментально натянул привычную белозубость и, как если бы раскланивался партеру, тряхнул головой в знак приветствия.

Из дневника Толи

13 июля

Я всё-таки не без способностей. Моё горизонтальное положение довело до истерики даже Стива. Пройдясь сегодня в очередной раз по моей спине и не дождавшись чуда, он неожиданно впал в отчаяние.

— Я не понимаю, почему ты не ходишь, черт побери! — Стив с досадой шваркнул ребром ладони по столу. — По всем законам ты должен. Надо сконцентрироваться... Возможно, какое-то сильное потрясение заставит твои ноги работать.

Я предложил ему оттащить меня в лес и там оставить. Возможно, этого потрясения будет достаточно для того, чтобы доползти к дому. Стив вымученно улынулся: юмор он понимал и ценил. Однако здесь был полный пат.

15 июля

Случайно услышал разговор Тоси с матерью. Смешно получилось: Никитос забыл у меня свою рацию, а вторую оставил в комнате Зои. В детстве мне рассказывали, что подслушивать нехорошо, но когда я услышал их голоса, то прибавил звук...

- Я же вижу, как вы друг на друга смотрите.
- У тебя галлюцинации, мам...
- Возможно. Тем более жаль.
- Ты специально его сюда притащила, да?
- О чём ты?
- Я о приятном с полезным. Ты всегда недолюбливала Толю и теперь решила отыграться, да? Конечно, кто же устоит перед таким Стивом...
- Ну, как выяснилось, ты.
- Я не понимаю одного — тебе-то это зачем?

— Я твоя мать...

— Неужели?

— Прекрати... Тося, жизнь шире, чем этот деревенский вольер, в который ты сама себя загнала.

— Мама, меня всё устраивает.

— Устраивает... Хорошо — ты так всю жизнь собираешься?

— Как?

— Тося, я всё понимаю. Толя — хороший парень, ему просто не повезло...

— Поэтому давай его просто выкинем на помойку? Mam, твоя забота меня пугает. Лучше вообще без неё. Толя — часть меня, понимаешь?

— Понимаю, что ты скоро начнёшь хромать, а потом и ходить разучишься. Чтобы как он. Ты удираешь в свои экспедиции, потому что тебе страшно. Ты ведь тоже думаешь: что дальше? А дальше ничего — пустота. Ни детей, ни радости, ни жизни... Ты же видишь — лучше не становится!

— Что ты всё время каркаешь! Толя встанет! Обязательно.

— Сама-то в это веришь? Тося, куда ты? Подожди...

Хлопнула дверь, и Зоя выругалась уже в пустоту.

Когда Тося пришла, я едва успел вырубить рацию. Мы долго лежали молча, и в этом молчании каждый впервые был сам по себе — со своим знанием, пониманием и смирением.

Из дневника Тоси

17 июля

Вечером мыла посуду на улице и наткнулась на взгляд Стива — он, улыбаясь, смотрел на меня. Потом подошел, молча взял у меня из рук вымытые тарелки и стал ими жонглировать. Мы стояли очень близко — настолько близко, насколько это позволяли летающие тарелки. Стив смотрел на меня в упор — очень серьезно и грустно, продолжая молчать. Это было, должно быть, красиво — белые круги, мелькающие в засыпающей темноте.

В тишине сада вдруг раздался надрывный и жалобный птичий крик — от неожиданности Стив упустил тарелку, за ней полетели и разбились вдребезги все остальные. Я наклонилась, чтобы собрать осколки, осторожно взяла в руки кусок тарелки и даже немного залюбовалась его искореженной неровностью. Потом подняла второй, третий осколок... и почувствовала на своей руке ладонь Стива.

Я резко встала и пошла в дом. На крыльце столкнулась с дедом. Он ничего не сказал, но как-то странно посмотрел на меня. Я даже сжалась от его взгляда и поторопилась проскользнуть в дом. Когда я ссыпала осколки в мусорное ведро, дед не выдержал и сказал мне негромко:

— Себя не разбей...

Я с остервенением грохнула крышкой: как будто без него непонятно...

Толя притворялся спящим, но я чувствовала, что он не спит. Здесь же слышен каждый шорох, а уж тем более звон битой посуды.

18 июля

Почему Стив? Я же не заперта в четырёх стенах и в командировках всегда чувствовала пристальное внимание к себе. Но всё мимо: у меня был Толя. Как аксиома, как вавилонский столб, как дважды два. И я даже не задумывалась о том, что смогу думать о ком-то ещё.

После той аварии ничего не изменилось. И даже наоборот: он стал мне ближе, родней. Я осталась за главную. Но только сейчас понимаю, насколько я не умею этой главной быть. Я делала вид, что всё нормально, это просто жизнь, которая продолжается, я всё сделаю, я должна, я обязана, мы одной

крови. И никому-никому, даже самой себе не признавалась в том, как же мне на самом деле страшно. Дико страшно, нечеловечески. Как будто мне под кожу вшили капсулу с личным кошмаром, а он взял и разбился, расплескался по организму, растворился в нём, заразив меня этим скользким ужасом. Вторгся в моё сознание, пустил корни и медленно подбирался к самому горлу.

Толя полностью погружен в себя. Я понимаю, он чувствует себя заложником, ему тяжелее во сто крат. Он мечется, он задыхается, как дикий зверь, загнанный в клетку, которая ему не по размеру. Он тоже в аду. И когда он сорвался с якоря и заметался, я потеряла ориентиры, оказавшись в не меньшем кошмаре.

А от Стива веяло такой теплотой, такой спокойной уверенностью. Мне казалось, его улыбкой можно кормить детей, как рыбьим жиром: выздоровеют все. Я поймала себя на том, что стала невольно пристраиваться — бочком-бочком, пыталась ловить эти солнечные лучи, столь редкие в вечной, казалось бы, мерзлоте этого дома.

Я думала, что смогу немного согреться и соскочить. Но нет, это утопия. Я, как героиновый наркоман, подседа на Стива. Мама всегда добивалась своего...

19 июля

Сегодня все слетели с катушек. Толя ни с того ни с сего наорал на деда, на месте которого, очевидно, должна была быть я. А потом долго и мучительно вглядывался в дырку на потолке, тихонько постанывая, как раскаявшийся преступник, осудивший сам себя. Я знаю, Толя варится в перманентном и неиссякаемом чувстве вины перед моими стариками, как невольный заложник, лишённый выбора.

Бабушка поругалась с мамой, а Коляй подрался со Стивом. Вот уж никогда бы не подумала, что ему присуща столь высокоразвитая интуиция. Они катались по полу, и Коляй хрипел, что, если этот недобитый америкашка сегодня же не свинтит отсюда, он его зарубит. Национальная идея вдруг прорезалась. Какое-то время Стив не сопротивлялся, покорно позволяя себя валять. А потом у него что-то щёлкнуло, он легко отбросил Коляя в сторону и вскочил на ноги. Бешено глянул на бабушку, пребывавшую в лёгкой прострации, и поинтересовался: она как — о том же мечтает?

Бедная бабушка, не умевшая никому и ничего сказать прямо, мяла в руках фартук и прятала взгляд. За это время Коляй успел подняться, чтобы пойти на Стива врукопашную. Но тот так же легко отшвырнул его в противоположный угол кухни и молча выжидающе смотрел на меня. Сквозь прутья решётки билось моё живое пульсирующее счастье. Казалось бы — протяни руку, и оно опутает тебя тёплым коконом, унесёт за тридевять земель...

Но я скорей дала бы отрубить себе голову, чем протянула руку. Очевидно, наше молчание было столь красноречиво, что даже поднявшийся на ноги Коляй не решился его спугнуть. Неизвестно, сколько длилась бы эта немая сцена, если бы не прибежал всклокоченный полубезумный дед. Вид у него был такой, словно сгорел уже весь посёлок, а наш дом охвачен пламенем. Однако новость оказалась радостной: Толя начал шевелить ногами.

Стив выдохнул и слабо улыбнулся: его методика работала. И теперь ни у кого не хватило бы духу указать ему на дверь. Все ждали показательного чуда.

25 июля

Сбежала в командировку, но лучше не стало. Женька говорит, что я хожу, как опоенная, и вообще где-то не здесь. А где мне быть и как мне быть — вот бы кто подсказал.

Я не знаю, что делать. Оказывается, пошлые истории случаются не только с соседкой, которая к ним привыкла. Но и с тобой, совершенно к ним не готовой.

Завтра летим на нижнее озеро — отбирать пробы. Женька закрутила с очередным вертолётчиком, и Святозаров не просыхает. Когда-нибудь она его доконает.

Из дневника Толи

25 октября

У меня две новости: одна хорошая, другая плохая. Я начал ходить. А ещё я умер. Случилось то самое потрясение, о котором грезил наяву Стив.

Собственно, встал я только с одной целью: добраться до реанимации, где, опутанный трубками, лежал этот обдолбанный урод, из-за которого Тося... Но, в общем, дойти до него всё равно бы не успел: в тот момент, когда я встал, он, словно почуяв неладное, отключился навеки.

Тося рассказывала мне о нём. Комический кретин, которого все не любили, а жалели. И дожалелись... Я заметил, что всё самое плохое происходит по воле несчастеньких. Если бы эти парни собрались со всей земли, то легко бы взорвали мир. Чисто походя. Как старушка из моей маршрутки.

И кому сейчас важно, что этот самый Святозаров мучился от несчастной любви, которой ему по жизни недодали. Если верить протоколу, находясь в своём привычном состоянии — алкогольного опьянения, он пошёл разбираться с пилотом, с которым была счастлива его несостоявшаяся девушка. Результат — разбившийся вертолёт, потерявший управление. Кроме этого уroda и его невольных заложников в нём была моя Тося...

После похорон я вернулся в город. Моя мечта — обрести вольную и никогда больше не видеть стариков — сбылась. Только теперь свобода моя не имела никакого смысла.

Я не то чтобы нарывался, но неделю назад разыскал Стива: хорошие люди скинули адресок. Зачем? Я и сам не очень понимал. Наверное, хотел разглядеть на нём отпечатки Тосинога дыхания.

Узнать его было невозможно. Стив и здесь выпендрился: глядя на его русые волосы, и предположить было нельзя, что борода будет чёрной.

Но главная перемена была даже не в этом. Обычно подтянутый и молодецкватый, он выглядел каким-то съезжившимся и помятым, его темные блестящие глаза казались черными дырами, в которых не отражался свет. Жалкая, состарившаяся пародия на Стива, но никак не сам Стив...

— Проходи, — безразлично кивнул мне мой доктор, чья методика сработала столь диким образом. Ценой Тоси.

Я сразу свернул на кухню. Ни слова не говоря, Стив поставил на стол два стакана и равнодушно плеснул в оба водки. Похоже, адаптировался он у нас навеки. Мы молча выпили, я скользнул взглядом по сторонам и увидел небольшую фотографию Тоси, стоящую на столе. Перехватив мой взгляд, Стив болезненно поморщился.

Мы не подрались, хотя, наверное, были должны. Просто не было сил. Мы тупо пили, думая об одном. Потом так же тихо разошлись. И я снова не знал, куда мне себя деть.

Идти уже было некуда: все, что можно, я исходил. Парк, наш маленький дворик, кладбище, ночные улицы, ослепшие от рекламных огней, дорогу к двадцатичетырехчасовому ларьку, снова кладбище... Я никак не мог остановиться в своих бессмысленных хождениях. Видимо, потому, что понимал: дома снова нет — Тося унесла его с собой. Я даже не мог спать на нашей кровати: лежал рядом на полу, словно это был памятник моему счастью. Мне казалось, что, если я прижмусь к подушке и почувствую Тосин запах, сойду с ума.

«Ну, ты держись», — хрипела телефонная трубка, меняя то тембр, то громкость, то тональность... Кто-то еще говорил: молись... Не знаю, какое там

держись или молись, когда из тебя выпустили воздух. Даже на голову не встанешь, а будешь валяться на земле, как гоголевская ветошка...

Последние дни я вдруг засуетился: меня начало что-то сверлить изнутри, не давая покоя. И это что-то не было той тупой безысходностью, в которой я варился все это время. До моего потрясенного сознания начало доходить: это я что-то недоделал, отчего Тосе там неуютно и беспокойно. И не надо было быть психоаналитиком, чтобы понять что...

Когда я приплелся к ним со своим старым чемоданом, в который забил столько вещей, сколько влезло, было уже поздно, порядочные люди в это время спали.

Однако я знал, я был уверен, что графиня полуночничает: бессонница не отпускала ее до трех-четырёх утра. Однако свет не горел, и, когда я поднялся по темным от времени ступенькам, мне никто не открыл. Я тупо стучал в дверь, которую столько времени мысленно хотел разнести, и не было мне ответа.

Таксист нетерпеливо хлопал меня по плечу: поеду ли я обратно? Но я чуть не вырубил его. Орал, что это мой дом и больше идти мне некуда. Что эти старики — последнее, что у меня осталось. А теперь похоже на то, что не осталось и их.

Мужик, конечно, по-быстрому свинтил: не спорить же с сумасшедшим. А я только в этот момент почувствовал, что устал так, словно проживаю не первую, а двадцать пятую свою жизнь, и тяжело опустился на скамейку при входе. Скажи мне кто-то полгода назад, что я приду к ним сам и по доброй воле, я бы рассмеялся тому в лицо. Я приполз к тем, от кого так стремился сбежать, я ждал тех, с кем даже не хотел не то что быть, а дышать одним воздухом...

Я проснулся оттого, что кто-то осторожно трогал меня за плечо, словно боясь потревожить. Я открыл глаза: всё было залито светом холодного осеннего солнца. И сквозь этот свет на меня изумлённо смотрели испуганные старики. Граф и графиня Клевские. Перебивая друг друга, они что-то мне говорили про Зою и про то, что, если бы знали, что я приеду, не остались бы ночевать... Я смотрел на них — постаревших, но озарённых какой-то нечеловеческой радостью, и не мог ничего сказать. Только кивал головой, как болван, как будто на этот раз у меня парализовало язык. А потом меня прорвало, и я вместо того, чтобы заговорить, зарыдал. Горько, навзрыд, как подстреленный, но недобитый подранок. Так, как не позволял себе даже в тот день, когда хоронили Тосю...

Лера Манович

Твой взгляд печален...

Liberté

У моего приятеля
умер родной человек
Шарль Азнавур
у моей сестры
умер близкий человек
Роман Карцев
сто лет не видела
своего далекого
неродного соседа
с нижнего этажа
думала — он тоже
у меня умер
А сегодня встретила
его в подъезде
он поздоровался
но не узнал
захромал к почтовым ящикам
Наверное он забыл
меня и пятно
которое образовалось у него на потолке
когда потек наш холодильник
а когда-то
мы были связаны этим пятном
вчера связаны
сегодня — не связаны
вчера-сегодня
Liberté, liberté...

Джимбинову

Зачем, учитель мой, опять
Твой взгляд печален,
Никто не хочет умирать,
DieBlätterfallen.

Лера Манович — поэт, прозаик, математик. Родилась в Воронеже. Окончила Воронежский государственный университет и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Урал», «Гвидеон», «Арион», в литературных сборниках. Финалистка Международного Волошинского конкурса 2013 года. Живет в Москве.

Всё предо-о-пределено,
На дни разъято,
Вот тополь поделил окно
На два квадрата.

На крышу влезешь, смотришь вниз —
Заплаты-латки.
Вот Полетаев на карниз
поставил тапки.

И сам ты тут не навсегда,
Такой тревожный,
А самолеты-поезда
Умрут чуть позже.

Всё — только улиц тишина,
На миг притихших.
Моргнет и скатится луна
За ворот крыши.

Barbershop

Отличные парни
красивые как в старых американских фильмах
открыли в нашем доме барбершоп
до этого в помещении была унылая цветочная лавка
с огромным плюшевым сердцем в витрине.
Теперь там поставили кресла
для настоящих мужиков
с блестящими как у Харлея Дэвидсона боками.
Огромная вывеска гласила — мы открылись!
Первым посетителям
полагалась скидка 50 процентов
я ходила мимо
смотрела на вертящуюся как в Лас-Вегасе рекламу
и думала — Господи, помоги этим чокнутым.
И он помогал, пока была скидка 50 процентов.
Через месяц кресла стали пустовать
красивые парни
с закатанными рукавами
и татуировками на мощных плечах
драматично курили у входа.
Я ходила мимо и жалела
что у меня нет бороды
или чего-нибудь наподобие.
Парни не хотели сдаваться
они наняли мулатку
которая в шортах не прикрывающих булки
елозила в кресле
играя с полосатой накидкой.
Это было так красиво
что у меня чуть не начала расти борода
хмурые бородатые мужики из нашего района
шли мимо
к остановке

им было не до мулатки в кресле.
Иногда мне казалось
что блестящая витрина барбершопа мираж
который вижу только я.
Господи, отчего ты не попускаешь
ничего красивого в нашем районе
кроме дикси и усадьбы графа Шереметева
где он жил со своей чахоточной любовницей.
За что ты убил ту кофейню на берегу пруда
с венскими стульями и запахом круассанов
я выпила там столько кофе
что у меня чуть не остановилось сердце
а ты убил мечту
теперь там шашлычная.
Смотри же как танцует мулатка
в витрине барбершопа.
У нее блестящие глаза
и холодные тонкие пальцы.
Дай этим парням немного жатвы
дай им свою небесную бороду
они будут держать ее бережно
как дети в цирке держат на палочках сладкую вату
у них острые ножницы
и сильные руки
не дай им нарушить заповеди
дай им брить и стричь
всего лишь брить и стричь.

Hit the road Jack

Помню, как мама вернулась из Геленджика
загорелая, белозубая
в новом синем купальнике
с завышенными бедрами
отец поставил пластинку
и она ходила по советскому паласу
туда-сюда
под песню HittheroadJack
а мы с отцом ничего не могли сказать
просто смотрели на нее
открыв рот
а она улыбалась нам снисходительно
как американская кинозвезда.
Потом по межгороду
Нам долго звонил мужчина
Илья Михайлович
с которым они познакомились
в Геленджике
он всегда здоровался с отцом
и со мной
а потом часами пел ей что-то в трубку
у него был оперный баритон
и еще он вышивал гладью
так сказала, сияя, мама.

Потом пришла зима и перестройка.
Мама ходила в старом пальто
с вытертым воротником.
Отец уезжал по вечерам.
У мамы началась экзема.
Отец уезжал.
Мама чесалась.
Я примерила купальник
пока никого не было дома
я была хреновой ветвью
женской эволюции.
Зато я знаю способ
помнить все это
спустя тридцать лет
даже нитку на ковре
и как у отца блестели глаза.
Все остальное
неважно
потому что музыка
в той комнате
до сих пор
играет.

идешь сегодняшний-вчерашний
примерив к улице лицо
и как пасхальное яйцо
забор не вовремя покрашен
и год кончается — и страшно
и всё кончается — и страшно

Вербное

Господь всходил и золотил дома
в листву деревья тихо одевались
и мы как малахольные кривлялись
так сладко выживая из ума
кого болезнь взяла кого кручина
она же подколотная змея
оставшиеся пили капучино
и ожидали пух на тополях

Мне снились все, кто на фуршете пил,
И жизни драматичная конечность
Среди миров, в мерцании светил
Всю ночь стояла в очереди в вечность
Шумели птицы, рушился прибой,
И люди шли, прикрывшись одеялом,
И я не понимала — кто за мной
И кто передо мной не понимала...

Роман Сенчин

Ты меня помнишь?

Рассказ

Все вокруг говорили, что у Сергея запутанная жизнь. Одни осуждали, другие сочувствовали, Сергей же не понимал ни тех, ни других. Да, запутанная, но в молодости она и не должна быть другой — необходимо поплутать, чтоб набраться опыта, а потом уж, годам к тридцати, выйти на магистраль. Это лучше, чем сбиться с нее уже взрослым по году рождения, но младенцем в плане накопленного опыта, знаний об окружающем мире. Все эти разводы, шумные увольнения с работы со швырянием заявлений на начальнический стол и прочие эпатажные поступки, психозы и истерики немолодых, не нагулявшихся в положенное время мужчин и женщин...

Об этом Сергей часто не то чтобы спорил, а разговаривал с друзьями — Славкой и Юлькой Седых. При каждой встрече обсуждали.

В их дружбе народная мудрость — что противоположности сходятся — подтверждалась буквально. Сергей вечно спешил, хватал впечатления, удовольствия, получал удары, переезжал с места на место, а Славка с Юлькой жили в родном городе, женились после двух лет отношений, работали там, куда устроились, получив дипломы, распорядок их дней не менялся месяцами... Сергей, конечно, вслух об этом не заикался, но ожидал, что вот-вот кто-то из Седых не выдержат и сорвется. И разлетится их семья, как камень — от внутреннего давления.

Где-то он читал, что камни могут раскалываться, а то и взрываться без всякой видимой причины. Или минералы... Разница наверняка невелика, тем более для него — он не геолог и не физик.

— Здоров! — кричал Сергей в трубку домашнего телефона. — Как оно? Живы-здоровы?

— А, привет, — отзывались Славка или Юлька, — вернулся из своей экспедиции? Приходи!

Периоды жизни не здесь сначала Сергей стал называть экспедициями, а потом и друзья. И этот звонок со стационарного телефона на стационарный стал своего рода традицией, знаком, что он снова рядом.

— Ну что, вернулся, наполнился своим опытом? — спрашивали Седых, когда, усевшись за праздничный стол, готовились выпить по первой. — Надемся, теперь-то уж навсегда.

— Как знать, как знать.

Сергей оглядывал комнату, в которой почти ничего не менялось. Тот же советский сервант с посудой за стеклянными дверцами, тот же диван, тот же ковер на стене, те же шторы, то же кресло перед телевизором. Телевизор,

Роман Сенчин — прозаик, редактор, литературный критик. Автор романов «Минус», «Нубук», «Елтышевы», «Информация», «Зона затопления», сборников рассказов «Иджим», «День без числа» и др. Лауреат Национальной литературной премии «Большая книга» и многих других литературных премий.

правда, другой — не фанерный ящик с выпуклым экраном, а черная плазма. Еще вон столик в углу за сервантом, на столике компьютер... Но в целом обстановка была настолько знакомой, какой-то замороженной, что Сергея начинала крутить тоска.

— Вряд ли, — уточнял, повинувшись этой тоске. — Рано оседать и закапываться в донный песок.

— Почему в песок-то? Мы что, например, зарылись? — В голосе Славки слышалась обида, а Юлька добавляла:

— Очень интересная жизнь тут стала, и в школе — нагрузка, конечно, приличная, но ребята всё искупают — каждый новый класс умнее и умнее. И понимаешь, когда ведешь своих все семь лет, это такое... Не побоюсь этого слова — счастье.

— Да я понимаю, — соглашался Сергей, но соглашался, не зная того чувства, о каком говорила Юлька, — понимать понимаю, а вот самому влиться... Нет, ребята, я хочу, только не получается... Что ж, — поднимал рюмку, — за встречу!

Ели горячее, приготовленное хозяевами, закуски, купленные по пути гостем. Вспоминали прошлое, Сергей рассказывал о своей очередной экспедиции.

— Город из тех, что три перекрестка, два светофора. Хотя симпатичный. Дома двухэтажные, с резьбой. Как у Симонова — домотканый, деревянный... Прихожу в школу, они все: «Наконец-то учитель истории будет! Мужчина к тому же!» А там всё стоит, работы ноль, огородами живут, и учителей некомплект лет уж двадцать... Посмотрели трудовую: «А что это у вас: год, три — и новое место?» — «Я не лгун, — говорю, — но обстоятельства часто складываются так, что приходится менять место». Они кривятся: «Вы это в анкете не указывали. Знали бы, подумали...» — Славян, — Сергей кивал на бутылку, — плескай... Поселяюсь в квартирке. Комната, кухня, туалет даже с ванной, по их меркам — люкс. Обычно-то сортир на дворе, а мыться — в баню... Приступаю, в общем, к работе. С пятого по одиннадцатый. Первый месяц отлично, а потом девчонки из седьмого класса как с ума сошли — болтают, с места встают, словно нет меня. Я и так, и этак, и под запись давать стал — один хрен. Главное, пацаны тихонько сидят, им-то интересно, а эти... Ну, давайте. — Чокнувшись и выпив, он продолжал: — Однажды оставил пацанов после урока, говорю: «Вы чего девчонок своих так распустили? Это ж жены ваши будущие, они вот так всю жизнь будут, если сейчас их на место не поставите». А пацаны: «Да как их поставишь — они нас бьют». А там такие кобылы, как из одного помёта, — толстые, высокие, чуть не с меня ростом. Родителей вызываю — родители тоже: «Ничего не можем сделать». На педсовете: «Не можем». Главное — другие классы нормально, а это... До того дошло: однажды вскакиваю, собираюсь — а первый урок как раз у седьмого «Б», — бегу в школу, а тут коров в стадо сгоняют. Это в апреле уже... «Почему, — думаю, — так поздно сгоняют?» Посмотрел на часы: половина седьмого. Тогда и понял: надо сваливать. Написал заявление, дотерпел. И вот — снова с вами.

— Ну уж, — Юлька шутливо морщилась, — не верю, что какие-то семиклассники могли тебя выжить. Колись, что еще было. Давай, давай.

Сергей для интриги увиливал, потом признавался:

— Было еще... Женщина...

— Ну вот!

Он не считал себя бабником, не коллекционировал связи и романчики — влюблялся искренне и серьезно. Часто женщины отвечали взаимностью, но прочных отношений не получалось...

— Колись, колись, дружок. — Юлька толкала его в плечо.

— Слав, плескай... В чем колотья? Ничего не было.

— Сам же говоришь — было.

— Причина уехать была, а так — ничего. В том-то и дело, что ничего... В

общем, влюбился в девушку, учитель биологии. Валентина. Молодая, одинокая, из местных. Года три назад пед окончила... Пьем? Пьем! — Кидал в себя содержимое маленькой рюмочки. — Уф!.. Такая, в общем, небесная особа, хоть и биолог. Ну и влюбился. Стал оказывать знаки внимания, цветы, провожать пытался. А она прямо как стена. По коридору идет живая, улыбается, а меня увидит — и каменеет. «Валентина, говорю, почему вы так? Давайте встретимся после работы, в ресторан или в кино хоть, как подростки». — «Я занята». И так неделя за неделей. Мне самому неловко, и вижу, что другие заметили... «Валя, ну почему?» Молчит. Потом — бац — директор меня зовет, Людмила Викторовна. Такая тетенька лет пятидесяти, но крепкая, из тех, на кого время не действует. Очень эту напоминает, Светлану Михайловну из «Доживем до понедельника». Вхожу. «Присаживайтесь». Сел. «Я вижу, вы, Сергей Андреевич, равнодушны к Валентине Федоровне. Не ошибаюсь?» — «Не ошибаетесь. А что здесь такого?» — «В общем-то ничего. Рамки вы, кажется, не переходите. Но я должна вам сказать, что ничего вы не добьетесь». Мне интересно стало, и зло взяло, спрашиваю: «Почему не добьетесь?» — «Потому, что у нас так не принято». — «Хм! А как принято?» — «У нас принято к избраннице относиться всерьез. А не как к такой — на одну ночь, в общем». Я аж на стуле подскочил. Не от слов, а как она это сказала. С такой комсомольской сталью. В школе так отчитывали на собраниях, помните? «Я, говорю, отношусь к Валентине Федоровне вполне серьезно. Зову ее в ресторан, например». — «У нас порядочные люди в рестораны не ходят». — «Что, предлагаете сразу на домашний ужин позвать?» Ненавижу эти разговоры. А директриса так на меня смотрит: чего, типа, дурака корчишь? И говорит: «Серьезные отношения выражаются в том, что вы готовы взять вашу избранницу замуж. Знаю, это теперь мало где принято, но мы здесь сохраняем традиции». Мощно, да?.. Ну, я конечно: «Не исключаю такой вариант. Правда, для того, чтобы делать предложение, нужно все-таки узнать человека ближе, не правда ли?» Она: «Вы знакомы с Валентиной Федоровной уже три месяца, наверняка могли убедиться, какой она замечательный и чистый человек. В старину сватали зачастую почти незнакомых, и ничего, семьи были крепкими, многодетными. Не обязательно ходить по ресторанам». Ну, тут уж я не выдержал: «А вам не кажется, Людмила Викторовна, что вы перегибаете палку. Я вам не школьник и не студент-практикант, а взрослый мужчина. И позвольте мне самому решать, как мне ухаживать за потенциальной невестой. Людям нужно по-настоящему узнать друг друга, понять, подходят они или нет. Четырнадцать процентов пар распадаются из-за того, что им не нравится запах друг друга. У нас, говорю, не девятнадцатый век и, слава богу, уже не социализм, а свобода. Каждый вправе сам выбирать...» Как она взвилась! Как ее понесло! И про свободу, про бездуховность, проституцию, наркоманию, мой цинизм... Ну, думаю, не выжить тебе, Серега, в таком заповеднике. К Валентине любовь не то чтоб испарилась, а такой стала, как к инвалиду, что ли... А когда она узнала, что заявление подал, так на меня посмотрела. Я ей говорю: «Валентина, поехали отсюда. Найдем другой город, другую школу». Она прям с лица спала, шепчет: «Нет. Это моя родина». Ну, нет так нет. Уехал.

Подобные истории Сергей рассказывал каждый год или через год, или раз в три года — дольше нигде не задерживался. Седых слушали с печальной усмешкой: «Эх, Сережка, Сережка». А он в душе жалел их.

Есть, конечно, поговорка — где родился, там и пригодился, но она не для него. Люди делятся на тех, что сидят на одном месте, обустроивая свое гнездо или норку, возделывая почву вокруг, подстригая газон из поколения в поколение, и рвущихся прочь от гнездышка или норки. Не будь этих вторых, планета была бы сплошным белым пятном.

Если принять теорию, что наши предки зародились в одном каком-то месте, то расселиться по земле их заставило наверняка не перенаселение. Их тянула жажда постигать пространство. Вряд ли юкагиров на берег Ледовитого океана или рапануйцев на остров Пасхи загнали более сильные соседи — шли

и плыли туда, скорее всего, по своей охоте, в поисках лучшей доли. Интересно, что, как недавно доказали ученые, через многие тысячи лет потомки выходцев из Африки потянулись из Европы и Азии на свою прародину, в район озера Чад, нынешнюю Эфиопию, — словно сообщили природе, что семя хомо сапиенс распространено повсеместно...

Сергей любил родной Екат, но через несколько дней уставал в нем. Начинал тосковать. Квартира, в которой знал каждую мелочь, мама, для которой он по-прежнему был несмышленным мальчишкой, тополя во дворе, школа, где отучился все десять лет, гастроном, гаражи, стойки для бельевых веревок, многократно покрашенные, и если колупнуть эти синие-коричневые-зеленые-бордовые слои, дойдешь до ржавого, уставшего металла. И сам начинаешь казаться себе уставшим, покрывающимся ржавчиной и ищешь школу в каком-нибудь городке или поселке, где еще не бывал, куда требуется учитель истории или русского языка и литературы.

Конечно, он не молодец, но видел себя в зеркале каждый день — когда брился, умывался, поэтому к себе, постепенно матеряющему, привык. А вот мама, друзья и приятели юности, с которыми встречался спустя время, вызывали грусть. Не тем даже, что мама стареет, а друзья из парней и девчат превращаются в дядя и тетя, а этим своим прозябанием на одном месте. Деятельным вроде, но все равно прозябанием.

«И о чем они вспомнят потом, перед смертью? Что выделяют из тех десятков лет, что были после школы, института? Ведь там будет одно. Один и тот же дом, одна и та же дорога на работу, одна и та же работа, одни и те же люди вокруг. Жуть».

Сергей ежился от этой перспективы и скорей, чтоб взбодриться, раскладывал свою послеинститутскую жизнь на этапы, выделял события.

В таком-то году был Туринск, а с такого-то по такой-то работал в Верхотурье, такой-то и такой-то провел в Ирбите, а в таком-то его занесло в Кунгур... Там-то была Наталья, там-то Ирина, а там-то по нему сохла Рая, но он никак не мог ответить взаимностью — не лежала душа, а вот к Валентине там-то лежала так, что не выдержал ее каменной неприступности и уволился...

Да и для дружбы полезны периоды разлук. Работай он в одной школе, например, с Седых, наверняка бы давно друг другу осточертели, рассорились из-за какой-нибудь ерунды. А так — редкие телефонные звонки, еще более редкие посиделки за накрытым столом дружбу только укрепляли. Тем более поговорить есть о чем: коллеги. Но — не сослуживцы.

Познакомились летом восемьдесят девятого на экзаменах в истфил их областного пединститута. Юлька была тоненькой, скромненькой, в старомодном платье в цветочек из легкой такой ткани; на площади перед центральным входом, где вечно гулял ветер, подол платья то и дело взлетал, и Юлька скорее хватала его, опускала под взглядами парней, успевших увидеть розовые продолговатые бедра... Славка выглядел стопроцентным ботаником, только очков не хватало, все время листал какие-то учебники и тетради, казалось, он-то один Юльку с ее ногами и не замечает. А вот же, на первом курсе стали парой, на третьем поженились и столько времени вместе.

Юлька успела поправиться, даже слишком, стала этакой сдобкой, со Славки сползла личина ботаника — превратился в мужичка, уверенного в себе, но чересчур: наверняка ведет уроки по лекалу, мало читает новых материалов, строго пресекает вольнодумцев, требует порядка и дисциплины.

Сергей же, хоть, естественно, годы берут свое, остается прежним. Сухощавый, подвижный, сомневающийся, хватающийся за книги и публикации в интернете, выписывающий журнал «Дилетант», в джинсах, свитере или клетчатой рубашке навыпуск, с начесом и прямым, по моде восьмидесятых, пробором... По крайней мере, ему хотелось верить, что он если и меняется, то не сильно.

Сдружился с Юлькой и Славкой не сразу. По сути, все пять лет оставались просто однокурсниками — здоровались, иногда выпивали вина в дешевых

кафешках после лекций, болтали, давали друг другу конспекты, если кто-то вдруг не был на лекции... В общем, таких, притягивающих, было человек пятнадцать на курсе из двадцати с лишним. Остальные держались поодиночке — здоровались, прощались...

Дружба, именно дружба, а не притягивание, возникла позже.

В девяносто четвертом году, когда выпускались из института (он уже успел стать педуниверситетом), система распределения на работу накрылась крышкой, да и вообще профессия учителя считалась лишней, смешной, позорной даже. Большинство ребят окончили институт ради дипломов — с дипломами, как им казалось, легче было войти в бизнес.

И вот на обмывке этих самых дипломов Сергей, захмелевший от шампанского и водки, заявил, что едет в сельскую школу в Серовский район, один из самых отдаленных и бедных. И, помнится, образовавшуюся тишину после таких слов прервал именно Славка. Как-то очень серьезно и взросло спросил:

— Это правда?

— Да, я словами не бросаюсь.

И через месяц действительно уехал. И отработал там два года.

После этого Юлька и Славка стали воспринимать Сергея сначала как героя — не только остался в профессии, но вдобавок и трудится бог весть где, — а потом, после двух-трех смен мест работы, как непутевого сына, что ли.

Судьба очень долго не давала им ребенка. Сергей, ругая себя за такие мысли, ждал, что вот-вот или Славка, или Юлька не выдержат и уйдут к другому человеку. К тому, кто ребенка сделает... Иногда осторожно, прятаясь за шуточный тон, интересовался:

— Хотите ли наследников, господ?

Отвечала обычно Юлька. Прижималась к мужу мягким и спелым боком и говорила:

— Хотим. Не получается.

Потом следовали уточнения: оба здоровы и группы крови с резус-фактором вроде подходящие, но вот — никак. Пробовали даже искусственное оплодотворение, денег заплатили. Бесплезно.

И все же случилось: в тридцать четыре года Юлька забеременела. Для всех это было удивительно, даже пошли разговоры, что отец — не Славка.

Сергей, слыша их, отмахивался:

— Перестаньте. Радоваться надо. Добились ребята.

— Да ведь как? Ну, три года замужем, ну пять, а тут почти после двадцати.

Как в сказке какой-то.

— Бывает, все в жизни бывает...

Родила Юлька в начале августа — Сергей как раз оказался дома в отпуске, встречал ее вместе со Славкой и их родней. Хлопнул пробкой шампанского, как на свадьбе...

На свет появилась девочка, которую назвали Надей.

— Ну, что-то вы без фантазии, — морщились близкие. — Надь сейчас каждая пятая. Могли б пооригинальней что-нибудь.

— Наденька, — отвечали Седых. — Она наша Надежда.

Сергей в те недели часто бывал у них. Стоял перед кроваткой, смотрел на младенца. Надя постоянно шевелила ногами и руками, словно делала какие-то гимнастические упражнения. Это было странно и страшновато.

— А что она так? — однажды спросил. — На ушу похоже.

— Мышцы разрабатывает, — ответил Славка и понизил голос: — Юля раньше времени ведь... на два месяца почти... кесарево пришлось делать.

Когда девочка пыталась смотреть на что-нибудь, зрачки у нее расползались в разные стороны. От этого тоже становилось не по себе, но тут Сергей знал: у новорожденных часто расфокусированный взгляд.

— Что, Сергунь, — говорила Юлька, — завидно? Давай тоже делай своих.

Пора.

— Надо бы, — соглашался он, — надо...

А в душе уверенности не было — там была тишина. Или вообще пустота. И тогда, перед кроватью, Сергей, кажется, впервые не понял еще, а почувствовал, что, видимо, проскочил в своих экспедициях какую-то важную точку, необходимую зацепку, спасительный крючок.

«Да нет, что, — пытался возражать, — для мужика тридцать пять — это фигия. Пусть не всё впереди, но очень многое — почти всё».

Вернулся в городок под названием Заводоуковск, где тогда работал, и стал подумывать о женитьбе. На примете здесь были две женщины. Не учительницы, слава богу. С одной отношения сложились отличные, на другую поглядывал. Хотя той влюбленности, что разгоралась раньше, он не ощущал. И не мог сказать себе: вот с этой или с этой я буду счастлив всю жизнь. Нет, скорее всего, через два-три года снова потянет отсюда, и жена не удержит. И, наверное, даже ребенок.

После уроков уходил к железнодорожной станции, садился на скамейку, смотрел на пролетающие по Транссибу поезда с табличками на вагонах «Омск — Москва», «Москва — Тюмень», «Абакан — Москва», «Москва — Владивосток», и тоска сжимала нутро всё сильнее и сильнее. Огромная страна, непомерные расстояния, миллионы людей, а ему суждено побывать лишь в нескольких точках, узнать от силы тысячу, другую человек, из которых память удержит едва ли две-три сотни...

Этот учебный год дался ему тяжело. Несколько раз приезжал на родину, был особенно нежен с мамой, которая скучала одна и заметно старела, подолгу сидел у Седых, качал на руках Надю. Та уже научилась гулюкать и впервые засмеялась от шутки Сергея.

— Ух ты-ы! — поразилась Юлька. — Да ты волшебник... Надюш, дядя Сережа волшебник?

И та, будто отвечая, ухватила Сергея за щеку, потрепала...

В юности он был уверен: сейчас время летит, а потом, с годами, станет замедляться, дни растянутся, будет когда почитать толстые сложные книги, подумать, ответить на скопившиеся в душе вопросы. Сейчас, пока молодой, нужно скорее жить, потом же анализировать прожитое.

Оказалось, не так. Скорость всё увеличивалась, как-то раскручивалась, и даже сидя часами на стуле, не двигаясь, Сергей ощущал ее, эту скорость. Ощущал физически: вот он замер, а на самом деле несется вперед. И вокруг все несется вместе с ним, сидящим на стуле, и в голове тоже. Мысли не то чтобы путаются, мельтешат — это было бы понятно и объяснимо, — нет, они мчатся так же ровно, гладко, словно автомобиль по прямой, без кочек и выбоин дороге... Впрочем, и мыслями это было сложно назвать — начиналось с какой-нибудь конкретной проблемы или воспоминания, а через несколько минут оставалось лишь ощущение скорости под черепом. Не тяжелой, без давления и боли, а наоборот — приятной такой скорости, стирающей детали, мелочи, нюансы...

С мамой Сергей созванивался часто, узнавал о здоровье, говорил теплые, ласковые слова, терпеливо выслушивал ее советы, какие мамы обычно дают сыновьям-подросткам... Он был ее единственным ребенком, с отцом они разошлись, когда Сергею исполнилось двенадцать, — он запомнил, что из счастливой пары мама и папа вдруг стали врагами, несколько раз без крика, но очень зло поругались, папа собрал чемодан, с которым они прошлым летом ездили в Анапу, и ушел. Навсегда. Присылал денежные переводы, но сам больше никогда не появлялся.

Сергей спрашивал и тогда, и немного повзрослев, почему так случилось, мама пожимала плечами: «Устали друг от друга». Он не верил. «У папы другая женщина появилась, поэтому?» Мама возмущалась: «Нет! Не было у него никого. Просто устали. Бывает так — устали. И всё».

Добравшись до пятидесяти пяти лет, мама не стала держаться за работу — сразу вышла на пенсию. И вскоре во время очередного телефонного разговора спросила:

— Я тут решила квартирантку взять, студентку, мне рекомендовали. Ты не против? Ты и так почти не бываешь...

Сергей подавился от возмущения — ответить, даже продохнуть не мог. Как это, в его комнату чужого человека, а он... Но пока налаживал дыхание, решил согласиться:

— Хорошо, поселяй. У меня здесь, кажется, всё прочно. — Он тогда работал уже не в Заводоуковске, а еще дальше от дома, в Тобольске, город ему нравился, но насчет прочности сочинил, для мамы. — Поселяй, конечно, не так скучно будет.

— Да? Ну, спасибо, сынок. — Мама то ли обрадовалась, то ли оскорбилась его согласием — по голосу невозможно было понять.

Наверняка, как он догадался потом, заговорила о квартирантке, чтобы сын понял: ей нелегко одной, пора ему возвращаться, укорениться дома, завести семью. А он — хорошо, поселяй.

Она и поселила.

Квартира у них была удобная. Двухкомнатка хоть и в хрущевке, но не малогабаритная. Довольно большая прихожая, прямо — кухня, тоже не пятак, а скорее столовая, чем собственно кухня, там умещался большой стол и человек десять за ним. Налево и направо от прихожей — две комнаты одного размера, метров по пятнадцать квадратных. При желании можно не встречаться сутками, что иногда и бывало, когда мама чувствовала, что своим вниманием Сергею она слишком уж досаждала.

И вот теперь, по крайней мере на некоторое время, он лишился родного жилья. С музыкальным центром, дисками, книгами, типа как бесполезными, но необходимыми безделушками вроде коллекции игрушечных индейцев на полке...

— Это правильно, правильно, — убеждал себя. — Мама правильно решила. Надо определяться, взрослеть.

Убеждал и одновременно усмехался таким словам: как-то незаметно, не успев по-настоящему повзрослеть, он стал стареть. Сам чувствовал себя стареющим. И опыта особого не набрался...

Почти весь отпускной июль просидел в Тобольске. Свободное время старался употребить на посещение музеев, кремля, изучение истории города. Начал писать очерк о Марии Хлоповой, выбранной в жены первым царем из Романовых Михаилом Федоровичем, а потом, под давлением матери, которая Марию невзлюбила, отправленной сюда, в Тобольск, с формулировкой «к царской радости непрочно».

Судьба девушки увлекла, тем более, как стало ясно Сергею во время сбора материалов, царь ее по-настоящему любил и пытался позже все же на ней жениться... Но — не сел за компьютер один раз, другой и вскоре очерк забросил.

В конце месяца не выдержал и сорвался в Екат.

Ну не то чтобы прямо так взял и сорвался — мама сообщила, что квартирантка на пять дней уезжает к своим в Новую Лялю. На этот раз намек Сергей понял сразу, купил билет на поезд и через десять часов был дома.

Конечно, навестил Седых. Их дочке шел уже пятый год, и из почти бесполого пупсика, какой он видел ее прошлым летом, стала настоящей девочкой.

— Надюш, дядю Сережу узнала? — спросил Славка.

— Узнала.

Сергей не поверил:

— Правда?

Она в ответ его обняла и как-то по-взрослому посмотрела.

— Так, — засуетился Сергей, — я тут муксуна привез, груздей соленых...

Потом по традиции было застолье, особенно праздничное потому, что Сергей убеждал друзей: в Тобольске он надолго, все ему нравится, ученики отличные, интересуются историей, много читают, и женщина есть, дело к свадьбе идет... Обманывал, конечно, но сам пытался поверить своим словам.

— Давай, давай, — поддерживали Юлька и Славка, в последнее время, после появления Нади, с особенным чувством — дескать, ты сам не представляешь, какое тебя счастье ждет в семейной жизни.

— Дам, ребята, — кивал Сергей, — дам, не волнуйтесь.

Надя слезла со своего стула, перебралась на диван, где сидел он, а потом к нему на колени.

— Я тебя люблю, дядя Сережа, — сказала отчетливо, поставив ударение на «я», и следом, как когда-то, потрепала по щеке. И прилегла головой ему на грудь.

— Вот так вот, — Сергей хмыкнул, не зная, как реагировать.

— Да, ребенок чувствует, кому любовь необходима, — отозвался Славка, а Юлька велела дочери:

— Пересядь, не мешай есть дяде Сереже.

— Ты на мне женись, — продолжала Надя, не слушая маму. — У меня комната, и игрушек много, и телевизор.

Взрослые посмеялись. Сергей погладил девочку и спустил с колен на диван. Но чувствовал на себе ее взгляд, и это беспокоило.

Перед отъездом он еще раз заходил к Седых, но коротко, попрощаться, и снова Надя смотрела на него странно, горячо.

А дальше началась для Сергея новая жизнь.

Нет, не сразу началась, со случайности, которой не придавал значения, а потом случайность эта потянула большие, коренные, а может, и роковые перемены.

Встретил в «Одноклассниках», куда недавно вступил, своего институтского приятеля Жеку — учился на два курса младше. Оказалось, теперь работает в одной газовой компании, вернее, в компании по транспортировке газа. Живет в городе Комсомольский в Ханты-Мансийском округе.

«Возглавляю пресс-службу, — писал Жека. — Всё ништяк. А ты как-чего?»

Сергей поначалу отвечал тоже бодро, а потом признался: «На самом-то деле хреново. Учитель-кочевник. Сейчас в Тобольске третий год, зарплата — одному хватает, а если семья...»

То, что Сергей работает в обычной школе простым учителем, Жеку изумило: «Ты ж крутым чуваком был. Я думал, в бизнесе или на худой конец в какой частной гимназии. Ну, ты даешь!»

Недели две после этого от Жеки не было сообщений — Сергей решил, что с таким неудачником тому и переписываться позорно. Совсем приуныл, и дело, каким занимался больше пятнадцати лет, и само здание школы, старенькое и бедное, и город, тоже старенький, несмотря на торчащие тут и там новостройки, сонный и тихий, стали казаться тюрьмой, каторгой, на которую он отправил себя добровольно. Еще и осень с низким небом, ветром, колючим и едким, почерневшим Иртышом...

Утром поднимался через великую силу, кряхтя и ругаясь, с отвращением брился, оттягивая лишнюю кожу под щеками, впихивал в себя завтрак и брел на уроки...

Жека написал, и письмо было волшебным: «У нас тут освобождается место, низовое, правда, но тем не менее. Надо готовить пресс-релизы, материалы для корпоративной газеты, еще разное. Не пыльно, да и не особо сложно. Хочешь попробовать?» И следом еще: «Помню тебя в институте. Ты для меня примером. Честно. Мы уже люди немолодые, нужно подумать о будущем. В школе у тебя будущего нет по-любому».

Целый день потом Сергей находился в состоянии, будто заболел. Гриппом или еще каким вирусом. Вокруг колыхалось и плыло, голова очугунела, звуки сделались резкими, от них тошнило, запахи били прямо в мозг — даже мел стал вонючим... Пришел на квартиру и сразу, не проверяя тетрадей с самостоятельной работой, не выпив чаю, даже не раздевшись, зарылся в постель и уснул.

Проснулся ночью свежим, крепким, как в юности. Оглядел комнатку, за два года не ставшую домом, неудобную, казенную, соскочил с кровати и написал Жеке: «С удовольствием! Когда приезжать?» Жека, словно все это время дежурил у компьютера, ответил тут же: «В понедельник».

Увольняться Сергей не стал. Наврал директору с завучем, что возникли семейные проблемы, срочно нужно побывать дома.

— Надолго?

— Неделя.

Директор полистала журнал с учебным планом на первую четверть, вздохнула:

— Что ж, не можем не пойти вам навстречу, Сергей Андреевич. Только... Ну, вы сами понимаете — мы на вас надеемся. Заменить вас некому.

Сергей покивал, а когда его отпустили, побежал к себе, стал искать в компьютере лучший способ добраться до Комсомольского. Судя по карте, они с Тобольском находились чуть ли не по соседству, и «Яндекс» подтверждал — «по прямой 442 км». Если ехать по автомобильной дороге, то уже под девятьсот километров, к тому же автобусного сообщения нет. Самолеты тоже не летают. Остался поезд с пересадкой как раз в родном Екатеринбурге... Решил ехать поездом.

Купил билеты, собрал сумку самых необходимых вещей. По дороге на вокзал отдал ключи от квартиры соседке — «на всякий случай». В вагоне сразу занял верхнюю полку, и накатило такое хорошее состояние, будто он снова двадцатидвухлетний, едет туда, где его ждет счастье. Наверняка ждет.

Маме ничего не сообщал, а перекантоваться часть ночи решил у Седых. Квартира трехкомнатная, в зале диван. Попросился, они согласились. Добрался в третьем часу, возле двери позвонил Славке на мобильный.

— Чего вдруг примчался? — спросил он, впуская.

— Да тут бумагу одну срочно оформить...

— Завтра ж воскресенье.

— Теперь можно... теперь они и по воскресеньям работают.

— Устраивайся. Диван застелен.

— Спасибо, друг, я тихо.

Из своей комнаты вышла Надя.

— А ты что? — в голосе Славки послышалась досада. — Спи давай.

Сергей помахал ей, поздоровался полусшепотом:

— Привет, красавица.

— Здравствуйте... А вы к нам?

— К вам, но ненадолго.

— А куда вы?..

— Ложись спать, — перебил ее Славка. — Сейчас еще мама проснется, задаст нам. Давай, дочь, иди. И дяде Сереже пора, он устал с дороги.

Оказавшись на диване, Сергей действительно почувствовал страшную усталость. Не физическую, а моральную, что ли. От переживаний, суеты, нервов, мечтаний...

Почувствовал — кто-то лег рядом. Удивился, забеспокоился, но во сне. Стало казаться, что это пришла Ольга, с которой у него в Тобольске тянулась странная, унижающая его связь — Ольга раз в неделю-полторы давала знать, что хочет побыть вместе, а после бурной ночи теряла к нему всякий интерес на несколько дней, и, когда Сергей заводил разговор о том, что нужно обсудить их отношения, смотрела на него с искренним недоумением: что обсудить? что ты вообще от меня хочешь? А потом снова манила, и он, злясь, ругая себя, бежал за ней, как кобелек за потекшей сукой.

Но сейчас Ольга была желанной, доброй, надежной; продолжая спать, Сергей радовался, что она пришла, она рядом. Всплыла, взбухла и разбудила мысль: но ты ведь не в Тобольске, какая Ольга.

Сергей сел и увидел Надю. Ее блестящие в полутьме глаза.

— Ты что тут делаешь?

— Я с тобой хочу спать, дядя Сережа, — сказала Надя. — Я тебя люблю.
— Тише! — Он соскочил с дивана и отошел на пару шагов. — Сейчас же иди к себе.

— Я с тобой буду. Как мама и папа.

— Нельзя. Ты маленькая.

— Мне страшно...

Никакого возбуждения у него, конечно, не было, но от недавнего ощущения, что рядом Ольга, трусы дыбились... Вот сейчас войдет Славка...

— Иди, пожалуйста, к себе в кроватку, — повторил умоляюще. — Если папа увидит, он меня накажет.

— Как он тебя накажет, ты же большой, — ответила Надя, продолжая лежать.

— Он подумает, что я плохо себя веду... Пожалуйста, иди к себе.

Говоря это, Сергей взял со спинки стула джинсы и попятился на кухню. Там надел их, сел. Его трясло. От страха. Не мог поверить, что это действительно происходит. Что такое может быть... Ей же четыре всего... А где-то в глубине головы смеялись и плясали чертики: «Может, может».

В комнате долго была абсолютная тишина, потом шевеление, шлепки по ламинату голых ног, короткий стук закрывшейся двери. Сергей выглянул из кухни, ничего не увидел, прокрался к дивану. Он был пуст. Не снимая джинсов, лег, свернулся клубком, подоткнул одеяло...

Процесс устройства на новую работу, увольнения со старой происходил непросто. Впрочем, нормально. На первые три месяца Сергея оформили по контракту, за это время он добился того, чтобы из Тобольска выслали трудовую книжку. На оставшиеся вещи пришлось плюнуть — приезжать самому было стыдно, а для отправки контейнера дорого, да и не такие уж богатства он там оставлял.

Втягивался медленно, постепенно — возраст не позволял все схватывать на лету, — но в итоге стал полезным работником.

Комсомольский понравился: новый, чистый, разноцветный, с молодым и активным населением. Из тех северных городов, что создают уверенность в крепости страны.

Сергей много ездил, побывал в трассовых поселках, полюбил сидеть у костра, слушать песни под гитару, рассказы трудяг романтиков. Думал, такие люди были в шестидесятые — восьмидесятые, а потом или вымерли, или переродились, но вот, оказывается, они существуют. И не просто существуют, а действуют. Качают газ, заваривают разрывы труб, часто в пургу и мороз, едут на вахту в глухую тундру, где невозможно, кажется, и недели прожить, не то что работать... Он уважал этих людей и старался заразить этим уважением других. Для того, по сути, и существует пресс-служба. Чтоб люди знали.

С Седых не встречался. Звонил им, но разговоры получались сухие, короткие. То ли обиделись, что предал профессию, кинулся в бизнес, то ли Надя им рассказала про ту ночь...

В сорок три года Сергей похоронил маму. Квартиру оставил пустой, коммуналку оплачивал через интернет. И не зря не продал, не впустил жильцов — еще через два года пришлось увольняться.

Жека к тому времени давно перебрался в Ханты-Мансийск, с Сергеем поддерживал связь, но далекую от приятельской. Видимо, был уверен, что все у того благополучно. Так оно и было, а потом благополучие кончилось...

Естественно, знал, читал, слышал о том, как выживают с места, устраивают невыносимую атмосферу, но когда столкнулся с этим лично — растерялся. И опыт не помог. Потрепыхался месяца два и написал заявление по собственному желанию. Освободил кресло то ли для чьей-то родственницы, то ли любовницы. Еще и посмеивался: «Как в фильме прям». Как в каком фильме, вспомнить не мог, но сюжетец был явно изъезженный. А для него — новый, резанувший по самому сердцу.

Усталый, одинокий, будто выпотрошенный, с широкой плешью на голове, с брюшком, дряблым, потасканным лицом вернулся на родину. Скопленных денег — в Комсомольском мало тратил, квартира была служебная — хватало на то, чтоб скромно жить года три, не работая. Решил отдохнуть.

Спал, пытался читать, но то и дело отвлекался на интернет с его соцсетями, в которых он был молчаливым наблюдателем; манил к себе телевизор, хотя тут же раздражал обилием программ, набитых рекламой, нудными фильмами, крикливыми ток-шоу. Выключал, некоторое время лежал в тишине, потом подтягивал к себе ноутбук.

На улицу выходил лишь за едой — медленно, глядя под ноги, брел к ближайшему «Магниту». Заставлял себя встряхнуться, повторял то мысленно, то шепотом: «Тебе и полтинника нет. Чего раскис-то? Давай соберись». Не помогало.

Во время очередного похода столкнулся со Славкой.

— О! — Славка, румяный, еще сильнее заматеревший, напоминавший кабанчика, удивился, обрадовался и одновременно, кажется, испугался. — Здорово!

— Привет, — на эмоции у Сергея не было сил. — Как живете?

— Отлично. А ты?

— Так... В себя прихожу. Наметался...

Помолчали. Было холодно, но под ногами каша из снега и соли.

— Ты, эт самое, заходи.

— А можно?

Славка хохотнул:

— А почему же нельзя-то! Приходи, конечно. Только... Нас опять на шестидневку перевели — у детей такая программа, сам с ног валушь, — поэтому в субботу вечером. Посидим, старое вспомним, расскажешь нам про экспедицию.

— Расскажу... Хорошо... Привет семье.

Одну субботу пропустил — выбраться из того омота, в каком находился, было трудно. В следующий четверг заставил себя позвонить. Договорились встретиться в субботу, в пять вечера.

Всю пятницу готовился — отмокал в ванне, скоблил себя мочалкой, брился так тщательно, будто предстоял выход к прессе, сходил в парикмахерскую, гладил костюм — почему-то решил идти в костюме, а не в обычных для себя джинсах, свитере... Перед сном выпил три таблетки персена и хорошо, глубоко поспал.

В субботу снова брился, рассматривал себя в зеркале. Выдернул торчащие из ушей и носа волосы, долго пробовал, какая прическа лучше, и вернулся к прямому пробору по моде восьмидесятых. Хотя это смешно, конечно, особенно сзади. Он видел фотографии, где был снят со спины, — начес с пробором, а ближе к затылку розоватая голая плешь...

— А, чего уж теперь! — отмахнулся, бросил массажку на полку.

Купил две бутылки сухого красного, сока, долго выбирал торт. Разглядывал цветочки и завитушки из крема, читал состав. Точно утонул в этом процессе. Очнулся, всплыл, взял первый попавшийся. Какой-то шоколадный.

Припоздал — подошел к нужному дому в начале шестого. Уже темнело.

Поднялся на третий этаж, постоял перед дверью Седых. Дверь была все та же — стальной лист с приваренной ручкой и щелями замков. Устанавливали такие торопливо в девяностые, когда началось массовое воровство. Потом многие сменили их на более цивилизованные, из магазинов, с обивкой, а Седых не сменили. Значит, с достатком у них не очень.

Щелкнуло, и свет погас. Сергей мгновение был уверен: его ударили сзади по голове и он потерял сознание, ослеп. Но вот выступили очертания стен, дверей, плитки на полу. Понял, свет отключился, потому что он не двигался.

— Прогресс, маму вашу, — бормотнул и нажал кнопку звонка; с той стороны заиграла мелодия «Подмосковные вечера».

— Здоров-здоров, — принял у него торт и пакет Славка. — Мы уж заждались.

— Извините...

— Приветик! — появилась в прихожей Юлька; она стала совсем тётенькой — пышная, краснощекая, большую грудь то ли подчеркивал, то ли скрывал цветок-бант. — Разболакайся!

— Что?

— Ну, раздевайся по-сибирски.

— А? Никогда не слышал.

— Да? Ты ж там столько лет...

— Тобольск с Комсомольским давно уже к Уралу пристегнуты. Так что сибирские слова там неактуальны.

Посмеялись. Сергей присел, расшнуровывая высокие ботинки.

— Надюш, — позвала Юлька, — иди поздоровайся с дядей Сережей!.. — И ужаснулась: — Это ж сколько мы не виделись?

— Ну так, полноценно, — семь лет. Вы на мамины похороны приходили со Славкой — я видел, спасибо... но не до общения было...

— Да-да, помню, конечно, Сереж. Извини, что быстро ушли, — очень было тяжело... Обалдеть, как время летит, — семь лет. Вот глянь, — Юлька подвинулась, пропуская высокую, почти с нее ростом, девушку, — узнаешь?

— Надя?

Сергей честно ее не узнавал. Действительно, вошла девушка.

— Привет. Я дядя Сережа... — он кашлянул, — Сергей Андреевич. Помнишь?

— Здравствуйте, — вежливо ответила Надя. — Извините, не помню.

Сергей внимательно посмотрел на нее, пытаясь заметить то короткое выражение, какое бывает у подростков, когда они говорят неправду. Не заметил.

— Я пойду? — Надя повернулась к маме и ушла.

— И сколько ей? — тихо, недоумевающе спросил Сергей.

— Двенадцать. Не поверишь, да? Вот они теперь какие. А на самом-то деле ребенок ребенком... Так, идем за стол.

Тот же стол, та же скатерть на нем с золотистым орнаментом типа древнегреческого меандра, та же посуда, мебель, шторы... Сергею стало так хорошо и грустно, что глаза защипало.

— У меня коньяк есть, — сказал Славка.

— Давай лучше вина. Двух бутылок хватит ведь...

— Ну, если не хватит — кониной усугубим.

Снова немного посмеялись.

— Надь, иди есть!

Из своей комнаты вышла Надя, присела, деловито наполнила тарелку оливье, пюре, мясом и попросила:

— Можно я там?

— Ну, посиди с нами, — попросил Славка. — Гость ведь... однокурсник наш с мамой. Тебя нянчил...

Надя искоса глянула на Сергея и стала есть, но через пару минут повторила:

— Я у себя, пожалуйста? Мы там в переписке.

— Пусть идет, — разрешила Юлька, — все равно ведь не даст покою.

— Спасибо!..

— Вот такие наши дела, — вздохнул Славка. — В школе воспитываем чужих, дома — свою.

— И как успехи? — сделав голос шутливым, спросил Сергей.

— Переменные. То мы их, то они нас... Ты рассказывай — надолго, какие планы?..

Может, оттого, что давно не выпивал — все месяцы после увольнения не притрагивался к спиртному, боясь, что не оторвется, — или из-за непривычно обильной еды — ел тоже мало, все больше холодное, запивая чаем, — или из-

за обстановки такой домашней, теплой, от которой отвык, довольно быстро потянуло в сон. Сначала отвалился на спинку дивана, но активно участвовал в беседе, потом стал больше молчать, потом веки отяжелели и стали опускаться на глаза, и в конце концов задремал. Так сладко стало в дреме, и тут же нечто хихикнуло внутри: «Как уличный пёс возле печки».

— Серёг, — затормошил Славка. — Спишь, что ли?

— Что-то — да... Какой-то я стал... — Вспомнил стихи и процитировал, чтоб сгладить эту неловкость с дремотой: — Ах, и сам я ныне чтой-то стал нестойкий, не дойти до дому мне с дружеской попойки...

— Если что — у нас заночуй. А то действительно.

— Нет-нет! Пойду. Я здесь, видимо, надолго. Так что — будем встречаться.

— Конечно!.. Надь, выйди, дядя Сережа уходит! Попрощайся.

Появилась Надя, кивнула и без всякого выражения сказала:

— До свидания.

— До свидания, — машинально повторил за ней Сергей, и тут вспомнился ее тот взгляд, взрослый, странный, глубокий. — Ты меня помнишь? Скажи, пожалуйста, — он услышал в своем голосе слезливую мольбу, — ты меня помнишь? А?

— Не помню, дя... Сергей Алексеевич.

— Андреевич, — почему-то шепотом поправил Славка.

— Не помнишь? — Сергея захлестнула обида. — Не помнишь, как на коленях сидела, говорила, что любишь? Как пришла тогда?..

— Серег, ты чего?..

— Не помню, — беспощадно пресно повторила Надя. — До свидания.

Не зашнуровывая ботинок, Сергей вышел из квартиры, ответил: «Да-да» — каким-то словам Юльки и Славки, сбежал по лестнице.

На улице было холодно. Сухой снег оглушительно хрустнул под ногами. За углом дома светилась, гудела и шипела автомобильными шинами широкая улица... Сергей потерянно, как оказавшийся здесь впервые, стоял на месте, не понимая, куда идти.

Юрий Казарин

Когда в деревне выключили свет...

К.

Все больше осенью земли,
и небеса в себя ушли:
молчат — во рту мешает крошка.
Река. К воде прилипла мошка.
И помнит новая картошка,
как на плечах ее несли.
Земля глотает каблуки
и с подоконника в окошко
глядит в себя — и в кошке кошка
спит, золотая, вдоль реки.

Видишь, сады улетели. Как мало
жизнь накопила — с тюрьмой и сумой.
Все, что осталось, — зовется зимой.
Время мое от пространства отстало —
жметя ко мне, как река за спиной.
Осенью сытое — небо упало
на бережок ледяной.

Ночь. Не спишь. И в четыре глаза
пьешь со страниц золотые пятна.
Кто-то прошел под окном два раза —
туда и обратно —
легче ветра — почти прозрачен —
даже больше — его просто нет:
нежен, призрачен, равнозначен
смерти, зеркалу и — утрачен
тьмой, придумавшей взгляд и свет.

Юрий Казарин — поэт, исследователь поэзии, языковед. Автор многих книг стихотворений и прозы. Стихи публиковались в периодике в России и за рубежом. Профессор Уральского федерального университета. Живет и работает в Екатеринбурге.

Из ночи в ночь сквозь золото окна
летает птица — белая, одна —
полярная сова,
и на лице ее свеченье — не слова,
а круглое сеченье и значенье
познания и счастья, и мученья —
и кружится, как небо, голова.
Души и звезд струится осязанье:
хрустален взгляд и призрачен предмет,
и ширится печаль и мирозданье,
когда в деревне выключили свет...

Очи поднимаются, выплеснув очки,
тронутые изолентой синей,
и кругами ширятся зрачки,
словно камни, брошенные в иней
сумрака и света на траве —
в нежный хруст присушенной водицы,
затвердевшей в новой синеве,
чтобы — прямо в лед соединиться.
Око открывается слишком высоко
от земных предчувствий и наитий:
вслушивается игольное ушко
в шевеленье нити...

На тепличку, на бельмо, на обмылки
птичка ляпнет — пяточком — алюминий,
птичьим веером сбегутся закрылки —
птичка песенку допьет из бутылки,
из чекушечки, из колбочки синей —
из сосуда без объема и линий,
где на доньшке делают иней:
самый свежий, самый завтрашний иней,
настоящий серебряный иней.

В небе метет метла
ветра, верхушки взгляда —
нежностью листопада
в небо земля легла.
В сад отворилась дверь —
так мы поем и стонем:
оком округу тронем —
ходит то снег, то зверь
в поле потустороннем.

Небо в лесах раздвигает листву —
всю — в пустоту листопада:
все, что летает усилием взгляда,
держит в глазах синеву.
Все без меня происходит: со мной —
все исчезает, а значит,
просто, как мальчик, стоит за спиной,
смотрит мне в спину — и плачет.
Снег не спеша убирает траву
в безднах и леса, и сада:
небо раздвинешь — увидишь листву
сквозь пустоту снегопада.

Над бездной равнины
в руках белизны —
ребенок осины,
ребенок сосны.
Мужают отвесно —
как слезы в глазах —
равнина и бездна
смерти размах:
ни смеха, ни бега,
ни слез, ни страстей —
над пропастью снега
растенья детей.
Зеленым и красным
целуют снежок —
прекрасным, напрасным,
как жизни ожог.

Не Страшный суд, а снежный сад,
в себя вмерзающий до крика,
в себе чернеющий, как книга,
распахнутая наугад.
С утра вращает глаз и взгляд
в лицо прекрасному унынию —
и память тянет в рай и в ад,
в страницу неба — первый ряд
твоей кириллицы, с латынью,
некрупный горький виноград.

Николай Мурзин, Тимур Денисов

Песня для Корби

Главы из романа

Часть первая Странный мальчик

Мы непостоянны,
Мы — стрелы в полете,
сумма углов преломления;
дети на школьном дворе,
сотни звонких голосов,
последние штрихи оркестровки.
Кому нужны эти дети?
Кто мог бы заставить их однажды
войти в дом?

Джим Моррисон

Глава 1

Средство от пиявок

Школа закончилась, но Корби этого не чувствовал.

Он лежал на спине и смотрел в потолок. Там дробились осколки солнечных зайчиков. Было раннее утро семнадцатого июня, воскресенье. Тишина. Пять дней назад он сдал последний ЕГЭ, и еще пять дней осталось до выпускного.

Рядом спала Ира. Ее каштановые волосы рассыпались по подушке. Они пахли розами, табаком и блюдом. Рука девушки лежала у подростка на груди, бедро тяжело прижималось к его бедру. Даже во сне она не хотела его отпускать.

Ира была на четыре года старше Корби. Она была второй гитарой и бэк-вокалисткой в рок-группе. Они познакомились две недели назад, когда Корби предпринял очередную попытку отделаться от одного странного паренька, чистюли, своего одноклассника. Но только из этого ничего не вышло, и теперь он оказался в двойном плену: Ира обнимала его, а странный мальчик Андрей, обнимая бутылку шампанского, спал в соседней комнате.

— Может, он гей? — тоскливым шепотом спросил Корби. — Ну на что я ему?

Четыре года назад родители Корби погибли в автокатастрофе, и четырнадцатилетний сирота переехал жить к деду. Он пошел в новую школу. Его одноклассники оказались отличными ребятами — в первую очередь потому, что не

Тимур Денисов, Николай Мурзин — живут и работают в Подмосковье. По образованию философы. Пишут под псевдонимом Румит Кин. Печатались в журнале «Урал», альманахе для семейного чтения «Детская».

задавали дурацких вопросов. Им было плевать, откуда он, где его родители и почему у него на запястьях шрамы самоубийцы. С двумя из них — Ником и Арой — он скоро крепко подружился.

Но была одна проблема. В начале последнего учебного года в их школу и в их класс перевелся странный мальчик Андрей. Корби обычно сидел в третьем ряду, Андрей — в пятом. Оборачиваясь, Корби часто ловил на себе взгляд его задумчивых золотистых глаз.

Когда они один-единственный раз разговорились, Андрей ни с того ни с сего спросил Корби что-то насчет смерти его отца. С тех пор Корби старался его избегать. Но странный мальчик Андрей этого как бы не замечал. Других друзей у него не было. Он, наверное, решил, что Корби должен стать его другом. А в начале этой весны Андрей без приглашения увязался гулять вместе с Корби, Арой и Ником. Он будто чувствовал, что школа вот-вот закончится, и пытался наверстать годы упущенного общения. Но в каждом его движении была неприятная неловкость. Он, кажется, все время чего-то хотел, но не мог прямо об этом сказать. Его пристальный взгляд выводил Корби из себя. К тому же Андрей не курил, не пил пиво, не обращал внимания на девчонок и не слушал рок.

Две недели назад прилипала достал Корби окончательно.

На окончание последнего звонка кто-то принес весть, что в ДК в пяти минутах ходьбы от школы выступают «Зеленые Создания». Это были районные знаменитости, группа, выросшая из школьного ансамбля и уже записавшая свой второй альбом. Примерно треть класса отправилась за пивом, а потом в ДК.

Корби надеялся, что этот маневр освободит его от странного спутника, но Андрей, трезвый и скучный, ходил за ним как тень. К концу концерта он все еще был тут как тут. Корби решил доконать его и подвинул друзей на близкое знакомство с «Зелеными Созданиями». Это кончилось большим весельем. Они протрезвели, только чтобы сдать экзамены. А потом Ира подстерегла Корби у подъезда, и пьянка началась снова, и снова появился Андрей.

— Пиявка, — прошептал Корби.

Надо было что-то придумать. Он устал чувствовать на себе взгляд золотистых глаз. Он хотел остаться наедине с друзьями. Он хотел, чтобы их выпускной прошел под знаком: «Андрея нет».

— Он сводит меня с ума, — беззвучно взмолился Корби.

Он приподнялся на локте. На тумбочке часы. Половина седьмого. Юноша осторожно снял руку девушки со своей груди и соскользнул на пол. Его тело оказалось не готово к вертикальному положению. Минуту Корби стоял не шевелясь, заклиная желудок и больную голову.

Ира отреагировала на его отсутствие, недовольно заворчав и свернувшись калачиком. Он был благодарен ей за продолжительный, искушенный секс. Но его пугало то, что это она ухаживает за ним, а не он за ней. К тому же она стала нечаянным союзником Андрея.

«Бежать, — подумал Корби, — пока они оба спят».

Но убежать было не так-то просто. Они с Ирой вчера разбросали одежду по полу комнаты, а наклоняться Корби не мог: вестибулярный аппарат мстил ему за лишнюю банку джин-тоника.

Подросток босиком прошлепал в коридор квартиры. Она была большой, запущенной, неизвестно чьей. «Зеленые Создания» превратили ее в свой флэт. С потолка свешивались приклеенные скотчем и частично отлетевшие детские рисунки. На стене висели старинные плакаты «Аэроплана Джефферсона» и «Радуги» Ричи Блэкмора.

В ванной лилась вода. Корби понял, что проснулся не только он. Осторожно, боясь произвести малейший скрип или шорох, юноша заглянул на кухню. Андрей все так же спал на диванчике под окном. Бутылка лежала у него под головой.

Корби беззвучно усмехнулся: хорошо.

Дверь ванной была закрыта, под ней — полоска света. Корби негромко постучал.

— Сейчас, — ответил знакомый голос.

Корби улыбнулся. Это был Ара. Он очаровал другую девушку из «Зеленых Созданий» — смешную рыжую барабанщицу.

— Доброе утро, черный брат, — громко прошептал Корби.

— Это ты, — тоже узнал Ара.

Он открыл дверь. Как и Корби, он был в одних трусах. На его смуглой коже блестели капли воды. Его мать была армянкой, а отец — одним из «детей Патрииса Лумумбы», негром, некогда приехавшим в Москву, чтобы учиться по контракту. Национальность их сына не поддавалась определению. У него были большие глаза. Мягкие темные волосы обычно скручивались в завитки, но сейчас они промокли и отдельными прядками прилипали к его лбу.

С детства у Ары было хобби — бисер. Свои шедевры — фенечки — он носил с собой, вернее, на себе. Многочисленные плетеные браслеты свободно висели на его запястьях, украшая его чистую темную кожу и сверкая всеми цветами радуги.

— Мне срочно надо сунуть голову под холодный душ, — объяснил Корби.

— Вы еще пили? — ужаснулся Ара.

— Да, черный брат, — подтвердил Корби.

Ара улыбался, но глаза у него были усталые.

— Как рыжая? — поинтересовался Корби.

— Кажется, я ее обидел.

— Сильно?

— Случайно.

Они замолчали. Корби включил холодную воду и сунул под нее голову. Его пробила дрожь, но он удержался и продолжал стоять под ледяным потоком. Ручейки воды сбегали у него между лопаток.

Ара стоял у Корби за спиной.

— Знаешь, иногда мне кажется, что мы снимаем девчонок только для того, чтобы не пропадала наша красота, — вдруг сказал он.

Корби фыркнул и выпрямился. Он увидел свое лицо в зеркале. Темноглазый и черноволосый. Губы тонкие, неяркие, но в их уголках живет озорная улыбка. Нос, как обычно, задран кверху. Под глазами темные впадины — дань бурной ночи.

— Щетина, — критически заметил Корби, — желтые зубы и вонючее дыхание. Какая, на фиг, красота?

— Не будь так суров к своей похмельной физиономии. — Ара приобнял Корби за талию, и его темное лицо появилось в зеркале рядом с лицом друга. — Мы настоящие красавчики.

— Уйди, противный, — поежился Корби.

Ара не смутился, но отодвинулся.

— Кстати, — спросил он, — а где Ник?

— Ночью взял полбутылки водки и пошел домой. Сказал, что еще накатит с отцом.

— Чудовище, — одобрительно сказал Ара.

— Будешь мириться с рыжей? — поинтересовался Корби.

Черный брат качнул головой.

— Точно не сейчас, — решил он. — У тебя есть жвачка?

Корби взъерошил голову полотенцем и теперь приглаживал влажные волосы.

— Была в карманах, — ответил он. — А у тебя есть что-нибудь от головы?

— У меня нет, но на кухне аптечка, — сообщил Ара.

Корби поймал отражение его взгляда.

— Давай свалим отсюда прямо сейчас, — предложил он.

— Убегаешь, — понял Ара.

— Меня затрахали, — нервно улыбнулся Корби.

— Я поищу таблетки, — предложил Ара, — а ты угостишь меня жвачкой. И мы свалим.

— Ага, — кивнул Корби.

Ира проснулась от одиночества. Корби всю ночь был рядом, а сейчас куда-то делся. У него была манера неуловимо ускользать. Он уже один раз сбежал от нее, но она вычислила, где он живет, и нашла его.

Девушка услышала шорох, приоткрыла глаза и увидела Корби. Он наклонился, собирая с пола свою одежду, и на его спине проступал пунктир позвоночника. Он смешно прыгал на одной ноге, когда надевал штаны. У него был подтянутый живот, плавный разворот плеч, какого не бывает ни у спортсменов, ни у сутулых ботаников.

Он опять убежал. Она могла в любой момент остановить его. Но вместо этого она продолжала лежать, притворяясь спящей, и сквозь чуть приподнятые ресницы наблюдала, как он одевается. Его кожа была бледной и чистой, хотя в минуты страсти или опьянения у него на щеках вспыхивали красные пятна.

Ира почувствовала, как по внутренней стороне ее бедра скользнула капелька теплой влаги.

— У меня на тебя стоит, — тихо сказала она.

Корби вздрогнул и обернулся. Его руки запутались в мятой рубашке-поло. Несколько мгновений он выглядел глупо, потом улыбнулся уголком рта.

— Да, — ответил он, — теперь я заметил, как твой большой упругий фаллос приподнимает край одеяла.

Ему удалось просунуть руки в рукава. Он небрежно застегнул две пуговички воротничка. Ира сверлила его взглядом.

— Мне больше нравится видеть, как ты раздеваешься, — сказала она.

Корби фыркнул.

— Не все коту масленица. — Он нашел в кармане жвачку. — Тебя угостить?

Ира протянула ладонь. Ее грудь показалась из-под одеяла. Над сосками темнели маленькие впадинки для пирсинга. Корби отвернулся и, не глядя, выдавил на ладонь девушки пару пастилок резинки.

Ира поймала его за руку.

— Нет, — сказал Корби.

— Хорошо ломаться, — прошептала девушка.

Корби посмотрел на нее.

— «Нет» значит «нет», — ответил он.

— Вчера тебе все нравилось, — зло напомнила Ира.

Корби вырвал руку. Розовые кубики жвачки упали на пол.

— Я тебе не сучка. И я не ломаюсь. Ломаются, когда «нет» значит «да». А мое «нет» значит «нет».

Ира села на кровати. Теперь белые складки одеяла скрывали ее тело только по пояс. Дождь каштановых волос красиво обтекал полушария груди.

— Струсил? — слегка охрипшим голосом спросила она. — Маленький?

Корби отошел от девушки на безопасное расстояние, сел на корточки и стал зашнуровывать кроссовки.

— Я не буду мериться с тобой мачтами, — сказал он. — Я маленький баркас, а ты многопущечный галеон. И мы плывем в разных направлениях.

— Плавает говно в проруби, — ответила Ира, — а мы с тобой на суше. И хватит гнать.

— Я все равно уйду, — возразил Корби.

— Останься, — попросила она. — Я хочу тебя.

— Нет, — поднимаясь, сказал Корби.

— Тебе наплевать на желание девушки? — поинтересовалась Ира.

— А тебе не наплевать на мое желание уйти? — парировал Корби.

— Нет, — обиделась Ира, — не наплевать. Но я хочу, чтобы ты остался. Ты мне нравишься.

Она порывисто встала с кровати, и Корби мигом отпрыгнул к двери. Сейчас он молился о том, чтобы Ара уже успел собраться. Но Ира остановилась — ее одолела похмельная качка.

— Послушай, — сказал Корби, — у меня своя жизнь, свои желания. Не надо хватать меня за руки и делать все остальное.

Он вышел из комнаты.

— Ну и иди на х..! — закричала ему вслед девушка. — Все вы, маленькие онанисты, пялитесь на меня с танцпола, а потом ничего не можете: ни пить, ни трахаться!

Она швырнула что-то в дверь.

— Таких, как ты, у меня полный зал, понял, сосунок? Я думала, ты чего-то стоишь, а ты просто школьник, просто еще один долбаный школьник!

Корби, не останавливаясь, пересек коридор.

— Ара, — громко позвал он.

— Считай, что я тебя пожалела, — горько напутствовала его Ира.

Ара, одетый, выскочил с кухни. В руке он сжимал пачку таблеток. Корби начал открывать дверь.

— Уже уходишь? — раздался у него за спиной сонный голос.

Андрей.

— Да, — подтвердил Корби. — А ты оставайся.

Он никак не мог открыть дверь. В висках пульсировала боль, а оскорбления Иры, как отравленные пули, застряли в затылке и разъедали мозг.

— Нет, я с вами, — запротестовал Андрей. — Я тоже пойду.

— Давай я разберусь с замком, — предложил Ара.

Корби послушно отступил от двери. Глаза Андрея блестели в полутьме коридорчика.

— Послушай, — жестко сказал ему Корби, — тебе прямо и направо. Там красивая девчонка, голая и в истерике. Просто зайди в комнату и поцелуй ее. Давай.

— Зачем? — не понял Андрей.

Корби даже смутился от его вопроса.

— Ну, как тебе сказать, — ответил он. — У тебя есть шанс на...

Он сделал характерный жест. Ему было неловко и стыдно.

— Мы вчера слишком много выпили, — промямлил Андрей. — Она, наверное, не в себе, и я не...

Ара открыл дверь, и они вышли из квартиры.

— А куда мы идем? — спросил прилипала.

— По домам, — ответил Корби.

— Я позвоню тебе днем, — решил Андрей.

Ара протянул Корби пачку таблеток. Тот благодарно кивнул.

— Не надо мне звонить, — сказал он.

— Почему? — снова спросил странный мальчик.

— Днем я буду спать, — ответил Корби.

Ара молчал и смотрел на него с сочувствием.

— Тогда я позвоню вечером, — решил прилипала.

— Андрей, — устало сказал Корби, — тебе не нужно звонить мне вечером. Тебе вообще не нужно мне звонить. Мы не друзья.

Андрей досадливо мотнул головой. Его тонкое лицо исказила нервная судорога.

— И что такого в твоих друзьях, чего нет во мне? — тяжело проговорил он. — Я не урод и не дурак. Так чем тебе не нравится моя компания? Объясни.

— У нас нет ничего общего, — сказал Корби.

— О, ты ошибаешься, — странно усмехнулся Андрей.

— И что же это? — спросил Корби.

Они добрались до первого этажа. Здесь пахло мусоропроводом. Смутно белели почтовые ящики.

— Иногда людей объединяют вещи, о которых трудно говорить, — попытался объяснить странный мальчик. — Это связано с судьбой и с самыми главными событиями в жизни человека...

Корби открыл дверь подъезда, и вдруг его осенила идея.

— Послушай, — перебил он, — мы: я, Ара и Ник, — мы банда. Стать одним из нас не так-то просто.

Ара удивленно поднял брови. Корби бросил на него выразительный взгляд: «Подыграй мне».

— Ты должен пройти посвящение, — продолжал Корби. — Но я тебя предупреждаю, что это будет трудно.

— Если ты не шутишь, — сказал Андрей, — я сделаю это.

Корби подумал, что прилипала и правда сделает. Он решил подстраховаться.

— В посвящении три этапа, — объяснил он. — Сейчас я расскажу только о первом.

— Ладно, — угрюмо согласился Андрей.

Теперь они шли по улице. В микрорайоне царила блаженная утренняя тишина. Воздух был прохладный. На траве и на капотах машин блестели капельки росы.

— Ты должен принести вещь, которую тебе нельзя брать, — объявил Корби. — Не просто чужую вещь, а что-то особенное.

— Например? — уточнил Андрей.

— Не знаю, — Корби пожал плечами. — Но это должно быть посерьезнее, чем любимая чашка твоей мамы. Понимаешь?

— Да, хорошо, — сказал странный мальчик. — А вы все принесете такие вещи?

— Мы уже делали это, — соврал Корби.

Взгляд Ары, оживленный, заинтересованный, перебежал от лица Андрея к лицу Корби и обратно.

— Так не пойдет, — вдруг решил прилипала. — Я хочу гарантию, что это не пустой розыгрыш. Пусть каждый принесит такую вещь.

— Не ты здесь ставишь условия, — накинулся на него Корби.

Андрей усмехнулся.

— Если вы банда, — заметил он, — если вы такие крутые, чего вам стоит принести?

Корби подумал, что попался. Андрей и правда не был дураком.

— Мы принесем, — неожиданно вступил Ара.

Корби даже опешил от такого оборота.

— Ладно, — сказал Андрей. — Когда?

Он был на удивление уверен в себе, будто наконец ступил на родную почву. Корби почти жалел, что не предложил ему Иру в качестве пари, но это было бы так жестоко и грязно, что другая часть его души радовалась началу честной игры.

— Сегодня вечером, — ответил Корби. — В восемь, у старого здания школы.

Он с легким испугом подумал, что сам еще не знает, что за вещь он мог бы принести. С другой стороны, какого черта он должен об этом знать? Может, странный мальчик принесет какую-нибудь ерунду, с которой его сразу и навсегда можно будет прогнать из их компании.

— Идет, — согласился Андрей.

Они дошли до перекрестка, где их пути разошлись. Прилипала попрощался и пошел в сторону автобусной остановки. Он жил в другом районе. Корби остался наедине с Арой.

— Ты не подыграл мне, — упрекнул он друга.

— Подожди, — сказала Ара, — а ты это все несерьезно?

— Нет, — опешил Корби. — Я просто хотел отделаться от него.

— Но это же крутая идея, — возмутился черный брат. — Я слушал тебя и думал, какого дьявола мы не сделали так с самого начала. Почему мы с самого начала не стали бандой?

В его глазах блеснули огоньки.

— Я знаю, что принесу, — объявил он. — Это всем понравится.

Корби зло усмехнулся. Странный мальчик Андрей как будто обыгрывал его на ход.

— Ладно, — сказал он. — Может, ты и прав. Хотя по мне это детская игра.

Ему вспомнились обидные слова Иры. Что бы она сказала сейчас, как бы она смеялась над ним. Корби твердо решил, что выкинет ее из головы. Она не первая и не последняя. И все всегда кончается скандалом с оскорблениями.

— Что ты принесешь? — поинтересовался черный брат.

— Увидишь, — обещал Корби.

Он понял, что придется найти что-то по-настоящему серьезное. Иначе он окажется самым большим идиотом на свете.

— Надо предупредить Ника, — заметил Ара.

— Он еще спит, — сказал Корби. — Я позвоню ему через пару часов.

— Договорились, — согласился Ара. Он каверзно улыбался своим мыслям. У него явно был план.

Глава 2 Реванш

Корби пришел домой, когда еще не было восьми. Он надеялся, что сможет тихо проскользнуть в свою комнату, но дед уже встал. Желчный старик спал не больше четырех часов в сутки. В остальное время он пил чай, смотрел телевизор или, как призрак, слонялся по пустынной трехкомнатной квартире.

Дед Корби был отставным полковником КГБ. Он получал роскошную пенсию и занимал восемьдесят метров жилплощади, но все эти блага казались ему лишь прахом былого величия империи. Он был одержим накопительством, прибавлял к своей пенсии деньги за бывшую квартиру родителей внука, которую сдал сразу после их смерти, и все равно частенько жаловался на нищету.

Еще стоя на пороге квартиры, Корби наткнулся на неодобрительный взгляд старика. Тот сидел на табурете в коридоре и в поисках незаполненных кроссвордов перебирал кипу старых газет.

— Пришел, — вместо приветствия буркнул дед.

— Доброе утро, — невинно ответил Корби.

В коридоре горела одна-единственная желтая лампочка. Лысина старика тускло поблескивала в полумраке. Ее обрамляла подкова встопорченных седых волос. Такие же волосы росли на осуждающе сдвинутых бровях Рябина-старшего и на дряблой груди, которая виднелась из-под по-летнему расстегнутой рубашки.

— Все празднуешь? — продолжал он. — Нечего тут праздновать. Тебе еще учиться и учиться. Поступать в вуз. Готовься вот.

Он грохнул кипу газет на пол, словно это были учебники, которые Корби следовало немедленно прочитать. Подросток остановился. Он не мог пройти в свою комнату — дед перегородил ему путь.

— Я сдал ЕГЭ, — устало ответил Корби. — Теперь другая система. Мне уже не нужно готовиться к вузу.

Они вели этот разговор не в первый раз.

— Портят молодежь, — сказал дед. — Напридумывали всякого. А мне плевать. Хочу, чтобы ты взялся за ум. Учи впрок, коли так.

— Можно я пройду? — спросил Корби.

— Нельзя, — процедил отставной полковник. — Я с тобой говорю.

— Хорошо, — вздохнул Корби. — Давай поговорим.

Он сел на приступочку под вешалкой. Минуту старик сопел, глядя на внука.

— Пил, — угадал он. — Это ничего, что пил. Парень должен пить. Но он должен понимать, с кем пить. Иногда с тем, кто равен тебе, но чаще с тем, кто выше тебя. Вот как надо пить. — Старик перешел на шепот. — С генерал-май-

ором я пил только раз. Но это подняло меня наверх — ты не представляешь, как... Пять лет службы дают меньше, чем такая честь. Все дело в людях. Если ты нравишься им, то поднимаешься вверх.

Старик отстранился от Корби.

— А с кем пьешь ты? — уже громко и презрительно спросил он. — С чуркой да с сыном неудачника.

Корби почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— Куда тебя приведут эти люди? — спросил Рябин-старший. — В могилу? В тюрьму? Может, и так... Но не наверх. Ты не научишься у них ни чести, ни власти. Понимаешь?

— Я уважаю своих друзей, — ответил Корби. Он говорил тихо и медленно. Ему приходилось предпринимать огромные усилия, чтобы его голос от гнева не сорвался на петушинный юношеский фальцет.

Старик рассмеялся.

— Нашел кого уважать, — сказал он.

Корби знал, что дед делает это специально. Он хочет, чтобы внук сорвался. Он хочет скандала, криков, брани, разбитых вещей. Он будет даже рад, если Корби ударит его. Ведь это выйдет такой восхитительный позор, которым можно будет кормиться много дней. Его можно культивировать, растревлять, растить, из него получится отличная семейная язва.

— Ты так же провоцировал моего отца? — спросил Корби.

— Слабак и собака был твой отец, — выплюнул старик. — Я едва признавал в нем сына.

Лицо Корби дернулось, но он проглотил еще одну обиду.

— Чего тебе от меня надо? — тихо спросил он. — Я хороший мальчик, разве нет? Школу закончил, вот-вот поступлю. Даже согласился на твою долбаную юридическую академию. Чего тебе еще надо?

— Как ты говоришь со старшим в семье? — возмутился дед.

— О, прости, — выдохнул Корби. — Действительно, как я мог оскорбить тебя? Ведь ты так добр ко мне и так мудр.

Отставной полковник не почувствовал издевки.

— То-то же, — сказал он, тыча пальцем внуку в лицо. — Будешь меня слушать — вырастешь большим человеком. Может, генералом.

Он удовлетворенно почесал грудь. Извинения он любил.

— А с девушками у тебя как? — участливо поинтересовался он.

— Нормально, — сказал Корби.

— Ты, случайно, не из этих, не из говномесов? — старик подмигнул. — Да ладно, шучу, шучу.

Он явно подобрел. Но даже это его не остановило.

— Значит, то с одной, то с другой, — подытожил он. — Неужели ты не чувствуешь, молодой человек, каким хрупким и эфемерным является все, что ты делаешь? Ведь женщин у мужчины не должно быть слишком много. — Он снова перешел на шепот. — Не больше двух. Одна должна быть матерью твоих детей, а с другой ты будешь развлекаться.

Тайная премудрость была изречена, и дед снова заговорил громче.

— Или ты хочешь быть таким вечным мотыльком, который все порхает и порхает, и у которого ничего нет? Но ведь ты состаришься. Тебе захочется иметь рядом женщину и продолжить свой род. Кто тебя поддержит в трудный час, если ты будешь так порхать? Никто. Все эти давалки болеют заразой и сведут тебя в гроб.

Корби снова почувствовал, как кровь приливает к его щекам, но упорно молчал. Он видел перед собой лицо, прошедшее через крушение империи. Он слышал горячечный шепот престарелого маньяка. Эти мясистые губы предлагали ему сделку с тысячью дьяволов.

— Предай своих друзей, — шептали они, — и ты получишь власть.

— Предай самого себя, — шептали они, — и ты станешь уважаемым человеком.

— Предай свой образ жизни и все, что дорого твоему сердцу, и ты получишь обеспеченную жизнь.

Шаг за шагом. Сделка за сделкой. Твои губы станут такими же плотоядными. В жадную щель между ними ты будешь опрокидывать рюмки с водкой и совать мясо. Пройдут годы, и ты станешь полковником. Пройдет вечность, и ты станешь вершителем судеб. У тебя будет личный кабинет и гербовая бумага, на которой ты будешь подписывать смертные приговоры чуркам, неудачникам и собакам, предавшим родину. А в довершение ко всему ты вырастишь сына, маленького монстра с покореженной психикой. Он будет еще страшнее, чем ты.

— Ты убивал людей? — прервал излияния деда Корби.

— Решил проповедовать мне пацифизм на старости лет? — вскинулся старик.

— Нет, — подаваясь вперед, ответил Корби. — Я просто хочу вникнуть во все тонкости пути. Хочу понять, как стать таким, как ты.

— Семнадцать раз, — отчеканил дед. — Два раза — случайно. Рикошет в тире и судороги за рулем. В обоих случаях — оправдан. Остальное до сих пор не рассекретили.

Корби захохотал. Это произошло непроизвольно. Его как будто дернуло изнутри.

— Сколько человек мне надо убить, дедушка, — простонал он, — чтобы ты почувствовал, что наш род снова в чести? Столько же? Или больше? Восемнадцать? Двадцать пять? Сто?

— Малча-а-ать! — закричал старик.

— Ты убивал других, а я чуть не убил себя, — с лихорадочной искренностью сказал Корби. — Думаешь, я не знаю законов жизни? Я знаю их не хуже тебя. Я знаю, какое все хрупкое и чего стоит каждый шаг. Так что пошел ты на хрен.

Старик размахнулся и закатил внуку жесткую пощечину. Зубы Корби щелкнули, он почувствовал, как немеет половина лица, но быстро пришел в себя. Дед невольно освободил ему дорогу, и юноша воспользовался своим шансом, чтобы проскользнуть мимо табуретки.

Он заперся в своей комнате, подошел к письменному столу, трясущимися руками достал из верхнего ящика пару бумажных салфеток и заткнул ими разбитый нос. Потом посмотрел в зеркало. Фигня. Даже синяка не останется.

— Пожалуй, с меня хватит, — прогнусавил Корби.

Он открыл платяной шкаф и начал запихивать в рюкзак нижнее белье. Трусы, носки, шорты, пару футболок. Новая капля крови повисла у него на верхней губе. Корби пришлось взять третью бумажную салфетку. Он уронил рюкзак и обессилено опустился на кровать.

Полковник Рябин никогда не был приятным человеком, но до сегодняшнего дня он не позволял себе рукоприкладства. Ему были свойственны фортели другого типа. Корби вспомнил, как три года назад старик затащил его на пикник к своим бывшим сослуживцам.

Пожилые кагэбэшники сидели на поляне перед большой генеральской дачей, поглощали тушеную капусту и бывало рассуждали о власти. Корби было пятнадцать лет. Ему первый раз в жизни налили водки. Делать было нечего, общаться не с кем, и он стал тихо напиваться.

Он помнил, как наступили сумерки и среди мужчин началось какое-то движение. Орава собутыльников отправилась за дом. Там было специальное место, где между деревьями натягивали мишень. Пробившие ее пули застревали в двухметровом кирпичном заборе. Корби стоял в толпе датых стариков и чувствовал, как его сознание окончательно заволакивает алкогольный туман. Он очнулся, когда дед сунул ему в руки свой «стечкин». Корби начал отказываться.

— Что ж ты меня позоришь? — напал на него дед.

— Очередью, — потребовали пьяные голоса. — Очередью сложнее.

Корби поставил на стрельбу очередями, прицелился в вырезанный из картона человеческий силуэт и спустил курок. Дистанция была пятнадцать шагов. Мишень разнесло пополам. И тут же из-за нее раздался дикий визг.

На застолье была пара маленьких близнецов — внуки или правнуки владельца дома. Корби бросился к мишени. Он с ужасом думал, что подстрелил одного из мальчиков.

За картонкой оказалась связанная свинья.

— Да что с тобой? — спросил дед. — К ночи ее зажарят.

— Я думал, что попал в человека, — сказал Корби. Холодный пот заливал ему глаза. Юноша вытер лицо рукавом. Он чувствовал, что дрожит изнутри. Вокруг хохотали старые толстые мужики. Им казалось, что они отлично пошутили.

— Меткий! — кричали они. — Нормального парня Витек вырастил!

— Испугался, а! Испугался, малой! — один из стариков хлопнул Корби по плечу.

Дед наклонился к Корби. От водки его щеки побледнели, а нос, наоборот, налился красной.

— Даст бог, — сказал он, — и в человека однажды попадешь. Они тоже иногда орут, когда подышают.

— Я не буду военным, — ответил ему Корби.

— Он не будет военным, — повторил знакомый генерал-майор.

Смех стал еще громче. Корби испугался, что перебьет их всех, отбросил пистолет и убежал.

С тех пор старик становился все более невменяемым. В последние месяцы он перешел к тактике оскорблений и провокаций.

Корби было примерно ясно, как рассуждает дед. Дряхлый монстр понимает, что внук вырос, что до его восемнадцатилетия остался месяц. Он догадывается, что жертва вот-вот ускользнет, и пытается наверстать упущенное. Хочет сделать с Корби все то, что не успел с ним сделать за эти четыре года.

Юноша смотрел на свою комнату. Над кроватью — мелованные лица Курта Кобейна и Джейкоби Шэддикса. Над столом — его любимый плакат: «Увеличивайте производство конопля, добивайтесь высоких показателей в своей работе. Берите пример со знатного коноплевода Александра Хрипунова». Ноутбук, настольная лампа. Окно закрыто белыми кисейными занавесками. Раньше здесь жила бабушка. Эти занавески остались от нее. От нее же остались торшер, кровать-полуторка, шкаф и комод. Из мебели только стол был новым.

Корби помнил, какой чужой эта комната показалась ему четыре года назад. Теперь он не хотел отсюда уходить. Ему даже было немного страшно. Он привык к этим стенам. Эта дверь со щекоткой много лет защищала его от сумасшедшего старика. Дед угрожал, что в отсутствие внука снимет щекотку, но почему-то так и не снял. Корби всегда мог запереться в своей маленькой крепости.

Кровь перестала. Корби скомкал салфетки и метко бросил их в мусорку под столом.

— Итак, — подытожил он, — это лучшее утро в моей гребаной недолгой жизни. Я ухожу.

У него в голове сложился простой план. Через два дня будут известны результаты ЕГЭ. Если они сносные, в августе Корби сможет переехать в студенческое общежитие, а потом легко отсудит у деда права на квартиру родителей. Но он не будет дожидаться августа. Он уйдет из дома прямо сейчас, пока любимый дедушка не успел окончательно свести его с ума.

Корби стянул покрывало с кровати, забрал себе простыню и наволочку, бросил их в рюкзак на общую кучу одежды. Потом переоделся сам. Грязное белье он решил оставить здесь. Он обойдется без пары ношенных носков.

Так, что еще? Его взгляд обратился к книжным полкам. Он знал, что не сможет унести много, поэтому выхватил с полки только самое любимое: Сат-Ок, «Земля соленых скал», «Артемис Фаул» Колфера и «Двенадцать стульев». Потом повернулся к компьютерному столику. Он решил, что вложит в книги еще пару самых ценных дисков. Ребра сиди-коробок смотрели со стеллажа. Корби

нашел подписанное Гааном японское издание «Playing the Angel» Дэпеш Мод — неожиданный и щедрый подарок Короля, фронтмена «Зеленых Созданий» — и вложил его в книжку Сат-Ок.

Он заметил на стене над кроватью свой лук. Тетива была снята, пластик реверсивных плеч изгибался серыми дугами. Корби замешкался, глядя на оружие. Оно было красивым и благородным. Он использовал его только для спорта и помнил, какой радостью наполнялось его сердце, когда пальцы легко соскальзывали с тетивы.

Если бы не та несчастная свинья, которую ему в буквальном смысле подложили...

— Прости, прощай, — сказал Корби, — я больше не возьму тебя.

Он наклонился к оружию, тронул его кончиками пальцев, потом снял из-под него свою любимую семейную фотографию. Он на ней был совсем маленьким, сидел между отцом и матерью. Корби знал, что это паршивая фотография: мама смотрела куда-то в сторону, а в папиных глазах горели вампирские красные блики от фотовспышки, — однако он любил именно ее. Подросток положил ее вместе с ноутбуком в отделение для бумаг.

— И это все? — с легким недоумением спросил он себя.

Минуту он осматривал комнату. Ему пришло в голову, что в десятидневную поездку люди берут больше вещей, чем когда уезжают откуда-то навсегда.

— Все, — подтвердил Корби.

Он застегнул рюкзак, поставил его у двери, а сам лег животом на пол и заглянул в щель над порогом. Отсюда было видно большую часть коридора — пузырящая пустость линолеума, пыль под тумбочкой, ботинки.

Из-под двери тянуло сквозняком. Паркетные половицы все еще хранили запахи сосны и лака. Корби подумал, что вот так, наверное, мир видят мыши. Они смотрят на все снизу вверх, а ножки кровати кажутся им башнями.

Юноша вспомнил, что не взял две важные вещи. Он тихо встал, добавил к содержимому рюкзака свою электробритву и зарядку для мобильного телефона. Потом снова лег на пол. Табуретка исчезла. Старик ушел. Но этого было мало. Корби хотел точно знать, в какой именно комнате находится дед.

Пока он был в засаде, к нему приходили мысли. Корби стал думать о том, где будет жить в ближайшие дни.

У него была возможность, поджав хвост, вернуться к Ире, но он, само собой, не хотел этого делать. Куда большие надежды он возлагал на Ника. Отец его друга был самым спокойным и милым из всех родителей, которых Корби когда-либо видел. Да, он пил. Но он никогда никому не хамил и ни с кем не дрался. Он слушал хэви-метал, мечтал купить какой-то особенный мотоцикл, смотрел те же фильмы, что и его сын. С ним можно было поговорить, и у него можно было попросить помощи.

Когда Корби думал о Нике, в его памяти воскресли события раннего утра. Он даже сам удивился, как пощечина деда выбила проблему Андрея из его головы. Вот это удар мастера. Корби хихикнул.

Он вспомнил, что обещал Аре рассказать Нику про их уговор. А между тем он сам до сих пор не знает, какую вещь можно принести на их встречу. Украсть у старика вставную челюсть? Смешно.

Нет. Нужен настоящий запретный плод.

Корби услышал шорох, потом скрип шагов. Он затаил дыхание и наблюдал, как тапочки старика, поскрипывая и постукивая, движутся вдоль по коридору. Рябин что-то бормотал себе под нос.

— Слабак. Убежал. Испугался. Слабак. — Рваные бессмысленные слова. Корби не сомневался, что они относятся к нему. — Никогда ничего не мог.

Внезапно Корби осенило. Он понял, что есть только одна вещь, которая ему подходит. Подходит по-настоящему.

Дед пощелкал выключателем, потом открыл дверь туалета. Полоса света пробежала через коридор и снова исчезла. Дверь захлопнулась.

Корби понял, что это его шанс. Он вскочил, бесшумно, но очень быстро распахнул дверь своей комнаты, в два прыжка пронесся через темный коридор, взял из ванной швабру и заложил ею дверь туалета.

Старик услышал, как ручка швабры стукнула о ручку, но неправильно истолковал этот звук.

— Занято, супостат, — гаркнул он. — Чего тебя понесло в ту же минуту?

Корби не ответил. Он зашел в комнату деда, приподнял край ковра. Там лежал ключ от верхнего ящика дедушкиного письменного стола. Подросток никогда бы не нашел этот ключ, если бы старик не ленился сам убирать в своей комнате.

Корби взял ключ и отпер ящик.

Деньги — три пачки тысячных купюр, стянутых банковскими резинками — лежали, прикрытые кипой счетов за квартиру. Старик получал пенсию в тридцать пять тысяч, и еще двадцать пять ему зарабатывала квартира Корби, а тратил он немного. Внуку он денег почти не давал, новые вещи покупал редко.

«Никаких угрызений совести, — подумал подросток, — это мои деньги».

Он схватил две пачки, потом вспомнил, что сегодня семнадцатое. По восемнадцатым числам дед ездил забирать у квартиросъемщиков деньги. Значит, завтра он полезет в этот стол. Корби решил сделать хитрее. Он вытащил из каждой пачки четверть купюр, а оставшиеся, еще довольно толстые, денежные брикетки положил на их прежнее место. Потом он сдвинул бумаги и заглянул в глубину ящика.

«Стечкин» был там. Его рукоятка поблескивала через щели в кобуре. Оружие убийцы, пистолет палача, заряженный боевыми патронами и готовый к работе. Корби вспомнил визг свиньи, и его охватила легкая нервная дрожь. Он поднял «стечкин». Пушка была тяжелой. Ее жесткая кобура могла использоваться в качестве приклада, и тогда оружие превращалось в маленький пулемет.

Корби зажал пистолет под мышкой и постарался вернуть бумаги на то же место, где они лежали до его вмешательства. Результат ему понравился. Ограбление было почти незаметно. Подросток закрыл ящик на ключ, вернулся к углу ковра и положил ключ на его место.

Когда Корби, сжимая в руках пистолет, выходил из комнаты, дед спустил воду и предпринял первую попытку открыть дверь туалета. Разумеется, у него ничего не вышло, но ручка швабры опасно прогнулась. Корби понял, что рано или поздно старик сломает ее. Пора уносить ноги.

Он снова заскочил в ванную, схватил щетку, полотенце и зубную пасту. На ходу он завернул «стечкин» в полотенце, потом побежал к своей комнате.

— Ублюдок! — кричал старик. — Что за детские шутки?

Корби забросил рюкзак на плечо и быстро пошел к выходу из квартиры. За спиной он услышал оглушительный треск. Швабра не выдержала, но ее обломки все еще мешали деду выбраться из сортира.

Корби не оборачивался. В это мгновение он чувствовал себя героем боевика, который не оборачивается, когда слышит, как у него за спиной обрушиваются взорванные здания. Он вышел на лестничную клетку, не стал дожидаться лифта и побежал вниз. Он жил на седьмом этаже. Он знал, что дед не догонит его по лестнице и не успеет догнать на лифте.

На выходе из дома Корби встретил знакомую старушку. Она как раз выносила мусор. Женщина с удивлением посмотрела на розовый, расшитый розочками полотенчик, который Корби сжимал в руках.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Нет, — широко улыбнулся Корби. — Все просто отлично.

Он прошел три двора, потом остановился, сел на лавочку и убрал в рюкзак обернутый розочками пистолет.

— Что ты будешь делать теперь, старая калоша? — поинтересовался он. — Как ты меня теперь достанешь?

Подросток чувствовал, что на его губах играет такая же каверзная улыбка, как та, что украшала лицо Ары в минуту их недавнего расставания.
Корби достал из кармана телефон и набрал номер Ника.

Глава 3 Идиот

— Только не шуми, — еле слышно попросил Ник, открывая Корби дверь. — Я только что встал, и у меня жуткий бодун.

Друзья обменялись рукопожатием. Ник был плотный и коренастый. В полутьме лестничной клетки Корби рассмотрел на черной поношенной футболке друга картинку с одного из альбомов «Металлики».

— Мне тоже было плохо, когда я проснулся, — шепотом поделился Корби.

Он неловко зашел в узкую прихожую и скинул с плеча тяжелый рюкзак.

— Ты что, в поход собрался? — все тем же приглушенным голосом спросил Ник.

Корби, не развязывая шнурки, скинул кроссовки с ног.

— Я бомж, — объявил он.

Ник потянулся мимо него, чтобы закрыть входную дверь. Его серые глаза блеснули.

— На кухню, — подсказал он.

Корби послушно прошел на кухню.

Квартира Ника была однокомнатной, очень маленькой. Кухня казалась просто крошечной, но у нее была приятная особенность: она выходила на балкон, увеличивавший ощущение внутреннего пространства за счет кусочка внешнего. В единственной комнате одну из стен целиком занимал экран, а к потолку вместо люстры был подвешен проектор. Отец Ника был техником на частной киностудии и делал всякие особенные штуки вроде катающихся платформ для бутафорских монстров и тому подобное. Он принадлежал к тому редкому сорту людей, которые могут одновременно работать и пить. Сейчас он спал, и до Корби доносился его громкий храп с веселым мелодическим присвистом.

— Пиво или водку? — предложил Ник. Он прикрыл дверь на кухню и теперь говорил чуть громче. Корби издал звук, означающий болезненную нерешительность. Ник насмешливо фыркнул.

— Шучу, — сказал он. — Рассол или колу?

— А простая минералка есть? — поинтересовался Корби.

— Чистая вода, — предложил Ник. — Есть чай.

— Вода, — выбрал Корби.

Ник налил ему из фильтра полную кружку. Корби взял ее с благодарностью и опаской.

— Что у тебя с лицом? — спросил Ник.

— Ничего, — соврал Корби. — Ты тоже выглядишь не лучшим образом.

— Одна половина краснее другой, — указал Ник на щеку Корби, — и глаз, кажется, подбит... чуть-чуть.

Корби повернулся спиной к окну и спрятал лицо в тени.

— Тебе кажется, — сказал он.

— Бомж, — повторил Ник. — Что ты имел в виду?

Он налил себе колы и сел напротив. Корби молчал, сведя брови и глядя, как над чашкой Ника фонтанируют пузырьки. Ему вдруг захотелось остаться в одиночестве и сойти с ума, разрушая какие-нибудь невинные вещи. Он вспомнил, как после смерти родителей шел по полю и палкой рубил траву. От воспоминания стало только хуже.

— По-моему, ты хотел о чем-то поговорить, — напомнил Ник.

Корби кивнул.

— Мне неловко, потому что это серьезная просьба, — сказал он, — но можно мне будет у тебя пожить?

— Это дед, — произнес Ник. — Этот гребаный палач НКВД разбил тебе лицо.

Корби начал пить.

— Я надеюсь, что он сейчас тоже утирается кровавыми соплями, — заметил Ник, — что у него подбиты оба глаза и что его старые яйца ноют как никогда в жизни.

Корби допил чашку.

— Нет, — сказал он.

— Этот урод бил тебя, а ты стоял и терпел? — разъяренно спросил Ник.

— Нет, — повторил Корби. Он тоже разозлился. Ему очень хотелось сказать Нику, что все это не его, Ника, собачье дело. Но он не мог так сказать. Потому что это он пришел сюда и сидел здесь со своими вещами, и собирался жить здесь еще пару месяцев.

— Послушай, — продолжал Ник, — да эта гнида достойна того, чтобы быть избитой ногами уже за то, что ты клянул школьные завтраки, не имел денег на телефоне и ходил в обносках.

Корби встал и пошел к выходу с кухни. Ник дернулся, думая, что он совсем уходит.

— Подожди, — успокоил его Корби. Через полминуты он вернулся на кухню с рюкзаком, достал полотенце в розочках и вытряхнул его содержимое на стол. Деньги разлетелись веером, «стечкин» тяжело рухнул в центр кучи, а сверху на него упали зубная щетка и паста. Получилось не эффектно, как в кино, а поидiotски.

Ник уставился на пистолет. Корби отложил его в сторону и сгреб бумажки в маленький холм.

— Ты говоришь, он был мне должен, — вернул он. — Ну вот, мы в расчете.

Его руки опять начали предательски трястись, как тогда после пощечины.

— О господи, — простонал Ник. — Лучше бы ты просто разбил ему лицо.

— Он не знает, что я его обчистил, — сказал Корби. — А когда узнает, уже ничего не сможет с этим сделать.

Ник молчал.

— Послушай, — продолжал Корби, — я в любом случае ушел из дома и туда не вернусь. Просто скажи, да или нет. Я могу у тебя пожить?

— Надолго? — спросил Ник.

— Пока что-нибудь не придумаю, — ответил Корби. — Если поступлю в вуз, с августа можно переселиться в общагу.

Ник устало потер лицо.

— Это не ко мне, — сказал он. — К сожалению, это не ко мне. Это должен решать отец. Но я буду просить за тебя.

— Спасибо, — поблагодарил Корби.

Ник пристально смотрел на него. Он явно не считал, что разговор окончен.

— Деньги — это я понимаю, — сказал он. — Он тебе их был должен. Но зачем ты взял у него пушку? Ты совсем рехнулся?

Корби открыл рот, чтобы ответить, но не успел.

— С отцом или без, — добавил Ник, — я не позволю тебе хранить это дерьмо здесь. Извини, Корби, но я не хочу сесть за чужую глупость.

Корби тяжело перевел дух.

— Есть причина, по которой я ее взял, — промямлил он.

События сегодняшнего утра вдруг предстали перед ним в таком нелепом виде, что говорить о них стало стыдно. Но говорить пришлось. Корби сбивчиво рассказал про пари с прилипалой и про идею насчет банды. Ник слушал, и выражение его лица становилось все более недоверчивым, как будто Корби рассказывал историю про инопланетян. Юноша ждал, что друг будет насмехаться над идеей банды, но, к его удивлению, Ник заговорил не об этом.

— Я тебя не понимаю, — начал он. — Видно, старик заразил тебя своим безумием.

Корби молча ждал, что Ник скажет дальше.

— Что такого тебе сделал Андрей? — спросил Ник. — Он тебя пидорски об- лапал? Увел девчонку? Кнопки клал на стул? Я весь год удивляюсь, почему ты его так ненавидишь. Объясни мне.

— Ну, он какой-то странный, — сказал Корби. — Как будто чего-то все вре- мя хочет, а сказать не может.

— Он помог мне с английским языком, — сообщил Ник.

Корби опешил.

— Он стеснительный и замкнутый, — продолжал Ник. — У него богатая вздрюченная мамка, которая устраивает скандал всякий раз, когда он возвраща- ется домой позже девяти, и еще более богатый отец, который, правда, с ними не живет, но тоже постоянно до него докапывается. А в остальном...

— Ты с ним общаешься, — упавшим голосом констатировал Корби.

— Почти нет, — возразил Ник. — Но это не отменяет того факта, что стран- но здесь ведешь себя именно ты. Ни у кого, кроме тебя, нет проблем с тем, что- бы просто с ним поговорить.

— Он не пьет, — Корби стал загибать пальцы, — ему плевать на девчонок, он не слушает нормальную музыку. Что удивительного, что у нас с ним мало тем для общения?

Ник пожал плечами.

— Он стеснительный, — снова сказал он. — Если бы ты захотел ему помочь и вместо своих загонов привел в нашу компанию, сейчас бы он уже пил, бегал за девчонками и слушал рок.

— Ну... — пробормотал Корби.

— Он не ушел с концерта, — напомнил Ник, — и вчера вечером он начал бухать...

— Шампанское, — презрительно вставил Корби.

— И что? — спросил Ник. — С него выносит не хуже, чем с пива, а осталь- ное — дело вкуса и денег. У него есть деньги на шампанское. Кстати, он пред- лагал остальным. Он не жадина и не говнюк, как твой дед.

Корби тяжело вздохнул.

— Ладно, — сказал он. — А что с пари?

— Я не буду ничего красть, — наотрез отказался Ник. — Но я могу принести реально крутую вещь. Спрошу у отца.

— Ты подыграешь? — уточнил Корби.

— Ты мой друг, — ответил Ник, — и я не хочу, чтобы ты выглядел идиотом.

— Спасибо, — второй раз поблагодарил Корби.

Ник усмехнулся.

— Сочтемся. — Он медленно, осторожно поднял пистолет со стола, следя за тем, чтобы дуло все время смотрело в стену.

— Ты умеешь обращаться с этой штукой? — поинтересовался он.

— Немного, — ответил Корби. — Капелька сбоку — это предохранитель и переводчик режимов огня. Рычажок сзади — курок.

— А как вытащить обойму? — поинтересовался Ник.

— Снизу на рукоятке, — показал пальцем Корби.

Ник вытащил магазин из рукояти пистолета. Пули были цвета бронзы. В их маленьких круглых головках Корби увидел отражение комнаты и бледное с по- хмелья лицо друга.

— Восемнадцать? — предположил Ник.

— Обойма полная, значит, двадцать, — поправил Корби. — У деда где-то лежали еще, но у меня не было времени.

Ник медленно вставил магазин обратно в рукоятку оружия.

— Я надеюсь, что двадцати достаточно, — с мрачной усмешкой сказал он. — Зачем тебе больше?

— Я думал пострелять по банкам, — честно ответил Корби.

— Глушитель есть? — спросил Ник.

— Не у этой модификации, — сказал Корби.

— Тогда выстрелы услышит весь микрорайон, — резонно предположил Ник.

Корби не ответил. Он опять был идиотом. С полминуты они молча смотрели на оружие. Потом Ник встал, взял кухонную тряпку и тщательно вытер со «стечки» отпечатки своих пальцев. Потом достал и протер обойму.

— Ты параноик, — заметил Корби.

Ник, вытирающий пистолет тряпочкой, выглядел сурово. Он закончил и положил пушку на стол перед Корби.

— Что ты собираешься с ним делать? — спросил он. — Я уже сказал, хранить здесь его нельзя.

— Окей, — решил Корби. — До вечера он полежит у меня в рюкзаке, а после встречи с Андреем мы его куда-нибудь денем. Хоть закопаем.

— Хорошо, — согласился Ник. — У меня есть эмалированная жестяная коробка. Отец даст масляную тряпку.

Корби кивнул. От мысли о спрятанном в землю смертоносном оружии у него по спине пробежали мурашки. Они уже не дети, и их игра уже не совсем игра. Они поступят с пистолетом так же, как поступила бы настоящая банда гангстеров.

— Твой звонок меня разбудил, — сказал Ник.

— Извини, — попросил Корби.

— Ничего, — ответил друг. — Просто, если не возражаешь, я еще посплю. Могу сделать тебе пару бутербродов.

— Нет, — отказался Корби. — Меня мутит со вчерашнего. Я тоже посплю.

— Балкон твой, — любезно предложил Ник.

Корби благодарно кивнул. Ник принес ему чистую простыню.

— Пока папа не сказал «нет», чувствуй себя как дома, — напутствовал он.

Корби выпил еще чашку воды, убрал со стола краденое и лег спать. Когда он остался в одиночестве, обиды и глупости этого утра вдруг разом вернулись к нему. Он устало потер лицо руками. Его охватило чувство, будто сейчас не день, а поздний вечер, не лето, а поздняя осень.

Уснул он, тем не менее, быстро — сказывалась усталость. Во сне на него обрушилась мешанина странных, тревожных образов. Он снова был на концерте «Зеленых Созданий», но потом почему-то оказался на сцене — огромной, вмещавшей тысячу музыкантов. Потерянный, он стоял между ними, живыми и мертвыми, пытаясь отыскать взглядом своих друзей, но не мог найти никого. Вдруг все разом запели, заиграли. Тысячи инструментов и голосов, огромный, невозможный ряд оттенков звука — все сложилось в песню, в один колоссальный, непередаваемый по своей силе призыв. Он взорвал что-то в душе Корби, так, что стало больно. Постепенно он различил слова.

— Андрей Токомин, — звали они все множеством голосов. — Андрей Токомин. Андрей...

Из третьего ряда поднялся Андрей. Он пошел к сцене, но кто-то преградил ему путь. Корби сшибся с неизвестным, и они выскочили из зала через дверь в стене, которая откуда-то появилась, хотя ни зал, ни сцена не имели границ. Улица. Потом Корби бежал по стальным лестницам, прилепившимся к стене старого кирпичного небоскреба, все вверх и вверх. Шел мелкий дождь. Город внизу был окутан сумерками и дымами, сквозь которые светили неведомые огни (быть может, те самые сценические софиты), но все это уже напоминало старые боевики про Нью-Йорк. Перила были мокрыми, металлические ступени звенели под ногами. Так же они звенели над головой, там, куда убегал неведомый противник. Наконец, у самой вершины небоскреба Корби почти настиг его, но противник успел проскользнуть в дверь запасного выхода. Корби локтем разбил стекло. За ним был коридор гостиницы, но до него Корби не дошел. С внутренней стороны дверь была зеркальной. В осколках он увидел, что у него другое лицо. Потом он поднял взгляд и обнаружил, что в коридоре стоит человек с какой-то дикой, оскаленной улыбкой. Но тут все померкло, ушло куда-то, куда Корби уже не мог последовать, и сам он, наконец, провалился в забывчивую темноту без сновидений и огней.

Проснулся Корби от звука шипящего масла. Дверь на кухню была приоткрыта, и на балкон затягивало сытный запах жареного мяса. Подросток перевернулся на спину и увидел отца Ника. Тот хозяйничал без передника, на нем были только шорты и красная майка без рукавов. По большим умелым рукам тянулся темный узор вен. Когда-то отец Ника занимался подводным спортом и пещерным туризмом. На плече бывшего дайвера была выбита группа крови, под ней — список аллергенов.

— Здравствуйте, — поздоровался Корби.

— Выспался? — вместо приветствия спросил Олег Борисович.

Корби посмотрел на небо. Солнце висело где-то на полпути между зенитом и горизонтом. Было жарко, но не так, как в середине дня.

— А сколько времени? — ответил Корби вопросом на вопрос.

— Половина седьмого, — сообщил мужчина. — Отбивную будешь?

— Да, — обрадовался Корби. — Я не ел со вчера.

— Тогда вставай и приводи себя в порядок, — посоветовал Олег Борисович.

Корби достал из рюкзака полотенце, электробритву и зубную щетку, но в ванную не пошел, а в нерешительности замер в дверях балкона.

— Ник сказал вам? — спросил он.

Олег Борисович стоял в пол-оборота и деревянной лопаткой переворачивал на сковороде мясо. Он ответил не сразу, и на протяжении нескольких секунд Корби ждал, чувствуя, как сердце выпрыгивает у него из груди. Он так не нервничал даже когда сдавал ЕГЭ. Этот человек был первым и последним взрослым, который мог ему помочь. Все другие варианты казались равно паршивыми.

— Живи, — ответил Олег Борисович. — Только одно условие.

— Какое? — нервно спросил Корби.

— Каждый третий раз в магазин ходишь ты. Еду берешь на свои деньги. Мой пацан сказал, что они у тебя есть.

— Конечно, — выдохнул Корби. — Вы меня спасли.

Мужчина пожал плечами и продолжил катать отбивную по раскаленной, плюющейся маслом сковороде.

Корби прошел в ванную и поставил стаканчик со своей зубной щеткой рядом со стаканчиком Ника. Он нашел новый дом. В четырех кварталах отсюда, в полутемной пустынной квартире, был его дед. Подросток представил, как старик склоняется над помятой газетой и вписывает кривые синие буквы в просветы черной решетки кроссворда. Его передернуло.

— Не думай о нем, — шепотом сказал себе Корби. — Думай о том, что ты все еще похож на небритого похмельного урода, и пока ты будешь таким, сегодняшнее утро не перестанет преследовать тебя.

Отражение немо шевелило губами. Корби подсоединил к сети серебристое тело электробритвы и начал стремительно расправляться со щетиной. Крошечные волоски превращались в пыль. В мерном жужжании вибролезвия были покой и торжество цивилизации. Жизнь.

Корби закончил бриться, почистил зубы и умылся. Взъерошил волосы полотенцем. Махровая ткань все еще пахла деньгами и ружейным маслом. Подросток искренне улыбнулся и присмотрелся к своему отражению.

Кожа после бритья стала гладкой и притягательной. На лбу чуть пульсировала голубая венка. Волосы, еще влажные, стояли дыбом. Он привычно зачесал их назад и решил, что теперь выглядит на четыре с плюсом. Только небольшое кровоизлияние под глазом портило вид.

— Как лицо? — поинтересовался Ник.

Корби вздрогнул и понял, что друг уже некоторое время стоит у приоткрытой двери ванной.

— Краснота прошла, — ответил он.

— А синяк — нет, — сообщил Ник.

Корби пропустил замечание мимо ушей.

— Твой отец разрешил мне остаться, — сказал он.
— Мой отец отличный мужик, — понизил голос Ник, — но не дай ему пропить все твои деньги.

Ник ушел прежде, чем Корби успел ему ответить. Такого предупреждения он не ожидал. Ему пришло в голову, что он был слишком легкомысленным. Ведь он до сих пор даже не пересчитал свои барыши. Никогда раньше он не держал в руках такую сумму. Она казалась ему огромной, но он мог быть глубоко не прав. Он никогда не жил на свои деньги.

Корби решил, что ни в коем случае не будет считать бабки на глазах у Олега Борисовича, и уж тем более не станет показывать ему, где они лежат.

Когда Корби вернулся на кухню, поздний обед уже был готов. Они едва уместились за маленьким столиком. Корби досталось место напротив Олега Борисовича. Он дипломатично притих и ел, изредка выдавая свое восхищение кулинарными способностями хозяина дома. Олег Борисович выглядел довольным.

— Куда будешь поступать? — спросил он.

— Я еще не решил, — признался Корби. — Дед хотел, чтобы я учился на юриста, и я хорошо готовился к ЕГЭ по русскому, истории и обществознанию.

— Пока оценок нет, это пустой разговор, — заметил Ник. — Можно готовиться к математике, а случайно сдать на пять химию.

— Да, — согласился Корби. — Но даже если у меня хорошие оценки только по моим трем предметам, я могу поступать много куда. Например, на историка или психолога.

— А не хочешь в театральный? — серьезно предложил Олег Борисович. — У тебя модельная внешность. С таким лицом будешь зарабатывать деньги, почти ничего не делая. — Он добродушно усмехнулся. — Только не дай себе потолстеть и держись в форме.

Корби подумал, что, наверное, перестарался, когда приводил себя в порядок.

— Я никогда не был к этому расположен, — двусмысленно заметил он.

Ник усмехнулся.

— К нам приходят ребятаки сниматься в рекламе, — жуя, продолжал Олег Борисович, — так играть вообще не могут, даже улыбаются в камеру ненатурально. Но у них классный вид. Я не знаю, что они с собой делают. В качалку, наверное, ходят.

Он встал, открыл холодильник, вернулся за стол с банкой пива.

— Если хочешь, — показал он на банку.

— Нет, спасибо, — отказался Корби. — Мне вчера хватило.

Олег Борисович посмотрел на сына.

— Пап, я утром опохмелился, — сказал Ник.

Продолжали есть.

— А зачем вам леталка? — неожиданно спросил отец Ника.

Корби удивленно вскинул голову, но ничего не сказал. Он догадался, что это связано с уговором с Андреем, и тщетно пытался себе представить, о чем идет речь.

— Просто классная вещь, — ответил Ник. — И еще, Ара интересуется твоей работой.

— А... — протянул Олег Борисович. — Ну, пусть заходит.

— Зайдет, — заверил Ник.

— Тогда и камеру бери, — предложил ему отец, — и все остальное.

— Круто, — сказал Ник.

— Спасибо, — поддакнул Корби.

У него зазвонил телефон.

— Ара, — сообщил он.

— Легко на помине, — рассмеялся Олег Борисович.

— Привет, — сказал Корби в трубку.

— Здорово, — приветствовал его Ара. — Я уже подхожу к школе.

Голос у него был совершенно ошалелый.

— Ты рано, — сказал Корби.

— Я просто не могу нести их домой, — с каким-то нездоровым восторгом объяснил черный брат. — Они огромные и торчат из рюкзака. Меня пропалят.

— Ладно, я понял, — протянул Корби.

— Может, вы придете пораньше? — спросил Ара.

— Ник, — сказал Корби, — Ара предлагает пораньше.

Ник пожал плечами.

— Мы почти доели, — ответил он.

— Минут через двадцать, — сказал Корби в трубку.

— Окей, — согласился Ара. — Буду ждать.

— Давай, — напутствовал его Корби.

Он спешно запихнул в себя остатки отбивной и даже вытер тарелку корочкой черного хлеба. Друзья встали из-за стола.

«Стечкин», леталка и загадочные «они». Корби почувствовал, что его захватывает желание увидеть трофеи своих друзей. Что бы это ни было, что бы теперь ни выкинул Андрей — в любом случае, вечер пройдет необычно.

Глава 4 Банда

Без четверти восемь Корби и Ник подошли к старому зданию школы. За полгода до окончания их перевели в новое здание, которое находилось дальше и отсюда, и от их домов, из-за какого-то мутного проекта реновации микрорайона. Впрочем, по этому проекту ничего пока не было сделано, и школа по-прежнему стояла, окруженная обветшалыми, выселенными домами. Директриса еще собиралась за нее повоювать, так что школа жила практически на два здания — часть вещей демонстративно не перевозили, все время ссылаясь на какие-то неурядицы, окна и двери не заколачивали, а просто заперли. Периодически, опасаясь резких движений со стороны непонятно кого, сюда отправляли охрану, но обычно ее заменяла сигнализация.

Корби нес за плечами рюкзак. Ворох своей одежды и другие вещи он оставил у Ника, и теперь в рюкзаке лежали пистолет, предназначенная для его хранения жестяная коробка с промасленной тряпкой внутри, и деньги. Ник тоже был нагружен. Он перекинул через плечо ремень черной спортивной сумки. Для своих размеров она казалась неестественно легкой и слегка хлопала парня по бедру. В сумке лежала загадочная леталка. Из-под молнии, застегнутой не до конца, выглядывало сверкающее на солнце серебристое ребро. Корби догадывался, что это крыло, но с уверенностью сказать не мог.

Территория школы была обнесена весьма условным бетонным заборчиком. Покосившиеся от времени рифленые блоки всего на метр выступали из земли. Калиток не было. На прогретой солнцем вершине ограды, болтая ногами, сидел Ара. Он потягивал что-то из пластикового стаканчика.

Корби и Ник издали махнули ему рукой. Черный брат приветствовал их жестом тоста.

— Что это он пьет? — спросил Ник.

— Не воду, — уверенно ответил Корби.

— Да он бухой, — заметил Ник.

— Не может быть, — сказал Корби. — Он двадцать минут назад говорил со мной трезвый.

Но Ник был прав. Ара широко улыбался. Его голова была чуть запрокинута, и он, шурясь, подставлял лицо солнцу. К его темным щекам прилила кровь, и от этого он казался еще смуглее, чем обычно.

— Эй, Джим, — хрипло крикнул Ник, — ты опять разграбил хозяйские погреба?

— Не бейте меня, масса! — звонким голосом взмолился Ара. — Тетя Сара сказала, что вино помогает от бородавок.

Корби прыснул от смеха.

— Когда ты успел набратся? — восхитился он.

— Я не набрался, — запротестовал Ара. — Я выпил всего три стаканчика.

Черный брат многозначительно посмотрел вниз. В траве у основания забора лежал его рюкзак. Из него выглядывали матовые горлышки трех глиняных бутылок. Каждый сосуд покоился в своей плетеной обвязке. На пробках стояли красные восковые печати. Одна из них была сорвана.

Корби сел на корточки рядом с рюкзаком Ары. Он увидел, что в центре каждой печати продавлен витиеватый христианский крест, а вокруг него извиваются непонятные армянские буквы.

— Ты принес это в качестве трофея? — с сомнением спросил Корби.

— Да, — подтвердил Ара.

Корби посмотрел на него снизу вверх.

— Как-то несерьезно, — сказал он. — Выпивка продается в любом магазине.

— Только не эта, — возразил Ара. — Ни один из вас такого вина не пил никогда в жизни.

— Дай, что ли, попробовать, — попросил Ник. — Проверим.

Черный брат протянул ему стаканчик. Ник пригубил, потом пригубил еще раз и облизнулся, как старый котяра, наконец добравшийся до пузырька с вале-рьянкой.

— Это так круто? — не поверил Корби.

— Попробуй, — просто предложил Ник.

Корби встал и принял из рук Ары стаканчик. Вино было красным, полупрозрачным, лучи солнца преломлялись в нем и рубиновым светом падали на белесый камень ограды. Корби отпил из стаканчика крошечный глоток. Напиток был полон спокойного тепла и отдавал кофейно-шоколадным привкусом.

— Ну как? — хором спросили Ара и Ник.

Корби проглотил вино, вздохнул и почувствовал, что вкус кофе сменяется терпким и приятным вкусом ягод. Он заметил, как его слегка качнуло. Теперь он верил, что Ара выпил всего три стаканчика. Этого было вполне достаточно, чтобы захмелеть.

— Где ты взял это чудо? — спросил Корби.

Ара фыркнул.

— У тебя такое лицо... Я думал, ты скажешь: «А можно еще?»

— А можно еще? — поинтересовался Ник.

Ребята рассмеялись. Черный брат спрыгнул с ограды.

— Там еще четыре стаканчика, — сообщил он.

— Слушай, — предложил Корби. — Может, пойдем к ручью?

— А Андрей? — спросил Ник.

— Он нас там найдет, — с поддельной уверенностью обещал Корби.

— Ладно, — сдался Ник.

Ара поднял свой рюкзак, и они двинулись по тропинке, идущей вдоль внешней стороны школьной ограды.

Трехэтажная школа стояла на пригорке. Она имела четыре крыла, сомкнувшихся в периметр вокруг квадратного внутреннего двора. Облупившиеся белосиние стены в лучах вечернего солнца. Между зданием и забором раскинулось полудикое футбольное поле. На нем редко играли — из-за отсутствия сеток мяч все время улетал в траву.

Там, где кончалась территория школы, начинался неглубокий овраг, по дну которого бежал ручей — любимец местных подростков. Это было странное место. Здесь фактически кончалась Москва: школа была последним домом на своей улице.

С другой стороны оврага не было многоэтажек — там находился дачный кооператив. За ним с одной стороны раскинулся лес, а с другой были пустыри и пищевые фабрики «Кока-Кола» и «Макдональдс».

— И все-таки, — сказал Корби, — откуда это вино?

— Помнишь, три года назад я учился в армянской церковно-приходской школе? — спросил черный брат.

— Это трудно забыть, — заметил Ник.

— Даже я что-то помню, — сказал Корби, — хотя мы тогда только познакомились.

— У нас было всего четыре предмета, — продолжал Ара. — Родной язык, история Армении, литература Армении и священное писание. Последние два преподавались через раз. Домашних заданий не давали. Занятия по субботам.

Они углубились в заросли. Эти кусты были знакомы, как родной дом. Здесь они первый раз курили, первый раз выпивали вместе, здесь назначали свидания и целовались. Ребята уверенно шли знакомой тропинкой.

— Я забыл лекцию двухнедельной давности, — продолжал Ара. — Я постоянно их забывал, и отец Тевос попросил меня остаться. Он был нестрогий, дружелюбный такой. В пристройке почему-то выбило пробки, он зажег свечку и закурил от нее трубку. Мы сидели под окном, дым утягивало в форточку, а на улице шел дождь и кружились листья. Было круто.

Они вышли на маленький полуостров у последнего изгиба ручья. Дальше тот тянулся совершенно прямо. Ложбина неглубокого оврага, на дне которого они находились, превратилась в длинный зеленый коридор, образованный склоненными ивами — сияющий, полный солнечных просветов. Здесь лежало бревно и перевернутые ящики. В разбросанных бутылках Корби узнал последствия одной из последних массовых попок. Под бревнами траву затоптали, но у воды была топкая земля, на которую подростки не решались ступить. Там выросла густая влажная осока. Под зеленым берегом бежал переливчатый ручей. Красивое место.

— Отец Тевос скоро сбился с темы, и мы просто говорили, — рассказывал Ара. — Что-то про горных отшельников. Я ему понравился. Мы попрощались почти по-дружески. Он остался курить трубку и сказал мне, чтобы я спускался на улицу сам. Класс был на втором этаже. А на первом этаже были они.

Ара сделал многозначительную паузу и поставил свой тяжелый рюкзак на один из перевернутых ящиков. Глиняные сосуды даже не звякнули, только доска глухо дрогнула под их весом.

— Бутылки? — догадался Корби.

— Да, — подтвердил черный брат. — Они стояли прямо на столе в маленьком холле и ждали воскресной литургии. Я, наверное, минуту на них смотрел. Но тогда мне не хватило порохи их взять.

— Не-е-ет, — простонал Ник. — Не говори мне, что это вино для причастия.

Он теперь тоже увидел кресты на печатях. Все вдруг встало на свои места: эйфория Ары этим утром, красный воск, распятия и армянские буквы, необычный вкус вина.

— Да-а-а, — в тон Нику простонал Корби. — Это же кража века, ты, долбанный негр Джим, черный дьяволенок!

Ара широко улыбался. Он вытащил початую бутылку из рюкзака. Из-за ее необычной формы Корби не мог понять, какой у нее объем. На толстой глине рука мастера выдавила еще несколько печатей.

— Думаю, это повод выпить, — сказал Ара. Рядом с бутылкой он поставил стаканчики. Было что-то нелепое в этих пластиковых штучках, стоящих рядом с освященным глиняным монолитом церковной бутылки. Корби вспомнил про зубную щетку, лежащую на пистолете, и усмехнулся своим мыслям.

— Ладно. — Ник со вздохом взял один из стаканов. — Но ты ведь больше не ходишь в церковную школу?

Ара начал разливать. Над поляной повис потрясающий терпкий аромат. Черный брат чуть промахнулся мимо стаканчика, и кровь Христа рубиновыми каплями повисла у Корби на пальцах. Он слизнул их. Все вокруг казалось неожиданно ярким, свет немного резал глаза, но не мешал. Вещи жили, вибрировали, плыли под солнцем. Лица друзей излучали особую красоту. Было легко улыбаться. Мысли, веселые и сиюминутные, стремительно пронеслись в голове.

— Я не хожу в школу, — объяснил Ара, — но моя мать ходит в церковь. Вообще-то она обязана исповедоваться только пять раз в год, перед религиозными праздниками, но она делает это чаще.

— Надеюсь, тебя за это не посадят? — перебил его Ник.

— В принципе, могут, — легкомысленно сказал Ара. — Но отлучить должны точно.

Ник только покачал головой.

— За то, чтобы этого не случилось, — провозгласил Корби.

Они выпили стоя, потом Корби сбросил с бревен грязные газеты. Ребята расцелись вокруг импровизированного стола.

— Моя мама три дня постилась, — продолжал Ара. — Я знал, что она пойдет на исповедь и потащит меня с собой. Она ходит исповедоваться по субботам, потому что по воскресеньям большая очередь. Церковь святого Саркиса одна на весь юго-западный округ.

Корби медленно протянул руку и бережно поднял бутылку. Она оказалась такой тяжелой, что ему пришлось подхватить ее второй рукой. Глина была шершавой, обвязка пахла травами, а печать — настоящим воском.

— Пока мама исповедовалась, я зашел во флигель. Там шел четвертый, последний урок. Я взял бутылки, положил в рюкзак, и они даже не звякнули. Но я нарвался: рюкзак не получалось закрыть.

Ара перевел дух, вспоминая.

— Тогда я положил их вместе с рюкзаком в багажник маминой машины.

— Ты полный псих, — серьезно сказал Ник.

— Да, это было стремно, — подтвердил Ара. — По дворику ходили люди, а я нес этот рюкзак с торчащими бутылками. Но никто не обратил внимания.

— И она их не нашла? — спросил Корби.

— Она не открывала багажник, — объяснил черный брат. — Мы вернулись. Она пошла домой, а я взял брелок от машины, спустился вниз и достал вино.

— Ты нарушил седьмую заповедь, — сказал Ник.

— Бог простит, — жизнерадостно сообщил Ара. — И вообще, на его месте меня бы это достало. Они уже две тысячи лет пьют его кровь и едят его тело.

Корби фыркнул.

— Налей еще по одной, — попросил он.

Ара послушно налил.

— Бутылка кончается, — с удивлением заметил он.

— У нее очень толстые стенки, — заметил Ник. — Там меньше, чем кажется. Не открывай вторую, пока не придет Андрей, а то мы все выпьем.

— Кстати, а сколько времени? — спросил Корби.

— Восемь пятнадцать, — сказал Ара. — Он опаздывает.

Ник поставил свой стаканчик на ящик.

— Я схожу к школе, — решил он. — Вдруг он нас не нашел?

— Если он такой недогадливый, может, не стоит принимать его в банду? — предложил Корби.

Ник не ответил, просто ушел. Скоро его спина скрылась в зарослях.

— Да ладно тебе, — весело сказал Ара. — Ты слишком суров.

Он посмотрел на оставленную Ником сумку.

— Что там?

— Его трофей, — ответил Корби. — Я еще не видел.

— А у тебя что? — заинтересовался черный брат.

— Бандитская вещь, — с предвкушением сообщил Корби. — Почти такая же крутая, как твое вино.

— Покажи, — попросил Ара.

Корби запустил руку в свой рюкзак и достал из него пистолет. Вороненая сталь мрачно блеснула на свету. Черный брат, замерев, смотрел на оружие. Корби извлек магазин, молча показал другу пули, зарядил пистолет обратно и положил его рядом с бутылкой краденого вина. Тяжелый ствол «стечкина» гулко стукнулся о ящик.

Ара слотнул.

— Это не подделка? — спросил он.

— Нет, — сказал Корби. — Я когда-то из него стрелял. Это пушка моего старика.

Он вкратце рассказал историю своей ссоры с дедом и тот случай, когда ему случайно довелось убить связанную свинью. Они выпили свое вино. Только недопитый стаканчик Ника оставался одиноко стоять на ящике. Ара, не отврываясь, смотрел на оружие.

— А мне можно его подержать? — попросил он.

— Да, — разрешил Корби. — Только не снимай с предохранителя.

Черный брат взял пистолет в руки. Он обращался с ним не как Ник, а как копы в фильмах восьмидесятых: поднял ствол к левому уху, потом медленно опустил его, прицеливаясь в дальнее дерево на другом берегу ручья.

— Потрясная вещь, — констатировал Ара. Он встал и повернулся вокруг поляны, как будто расстреливал множество врагов.

— Он стреляет очередями, — сообщил Корби.

— Серьезно? — переспросил Ара. — Это же пистолет, а не автомат.

— Это автоматический пистолет Стечкина, — объяснил Корби, — оружие для спецподразделений.

— Круто, — восхитился Ара. — А какая будет отдача?

— Ощущение в руке как от удара по боксерской груше, — сказал Корби, — но я удержал.

Ара еще целился в кусты, когда из них вышел Ник.

— Опустит, — сказал он, — не направляй на людей.

— Извини, — Ара положил пистолет обратно на ящик. — Андрей не пришел?

— Нет, — подтвердил Ник. — Я ему звонил, но он не берет трубку.

— Уже и не придет, — улыбнулся Корби. — Струсил.

Ник сел на свое место.

— Андрей не трус, — возразил он. — Если он не пришел, то либо потому, что его достали твои законы, либо по веской причине.

Корби не ответил, только мотнул головой. На несколько секунд над поляной повисла тишина. Ара первым нарушил неловкое молчание.

— Ник, а у тебя что? — поинтересовался он.

— Леталка, — буркнул Ник.

— Мне тоже интересно, — заметил Корби. — Ты знаешь, что у нас, а мы не знаем, что у тебя.

— Машина из стали и ветра, — чуть смягчившись, сообщил Ник.

— Это эвфемизм для летающей мясорубки? — спросил Ара.

Все трое рассмеялись.

— Ты несправедлив, — возразил Ник. — Он красивый.

Корби посмотрел на Ару. Оба одновременно пожали плечами.

— Это красивая летающая мясорубка, — резюмировал Корби.

— Я хотел дождаться Андрея, а потом показывать, — сказал Ник, — но уже почти половина девятого.

Он расстегнул свою сумку. Черные края молнии расползлись. Свет закатного солнца пятнами упал на обтекаемое серебристое тело. То, что раньше было одиноким острым ребром, теперь оказалось вершиной изогнутого хвоста. Внутри полукруглой рамки замер маленький винт. Ник обеими руками поднял модель.

— Ух ты, — тихо сказал Ара.

— Красивая мясорубка, — усмехнулся Ник.

— Это вертолет, — догадался Корби, — только без лопастей.

— Лопастей одеваются, — объяснил Ник.

— Твой отец сам его сделал? — удивился Корби.

— Да, — кивнул Ник.

— Это вертолет твоего отца? — переспросил Ара.

— Я не крал его, — объяснил Ник, — просто одолжил.

Корби поморщился.

— Неважно, — отмахнулся Ара. — Это вещь.

Солнце отражалось от воды. Корби смотрел, как солнечные блики плывут по серебристому борту. Модель была красивой и очень техничной. Она вся состояла из гибких линий. Лишь тонкие швы и крепления винтиков, заглубленных в корпус, выдавали то, что вертолет не является единым слитком пластика или металла.

Ник нащупал что-то на дне своей сумки, достал. Устройство в его руках выглядело как трубка, но когда он произвел с ним несколько манипуляций, оно раскрылось подобно зонтику. Ник опустил основание винта в муфточку на крыше вертолета и зажал крошечные рычажки под лопастями. Он рукой крутанул винт, и тот легко закрутился. Вокруг основания механизма были два маленьких шарика-противовеса.

— Эта штука правда летает? — недоверчиво спросил Ара. Пока Ник орудовал с устройством, он успел откупорить еще одну бутылку вина и теперь снова наполнял стаканы.

— Еще как, — заверил Ник. Он достал из сумки вторую съемную деталь. Это оказалась видеокамера. Корби не решился бы судить о том, как она выглядела раньше: отец Ника или переделал ее, или сделал вообще с нуля. Устройство было забрано в такой же непроницаемый обтекаемый корпус, как и вся модель. Ник задвинул салазки камеры в полозья на брюхе вертолета и зажал защелку. Камера слилась с моделью.

— То есть, ты видишь, куда летишь? — спросил Корби.

— Да, — подтвердил Ник, — но суть не в этом. Отец все это сделал для работы. Камера маленькая, но видео будет профессионального класса. Они хотят, чтобы камера летала между городскими домами, там, где не разрешат летать ни одному настоящему вертолету.

— Круто, — понял Корби.

— А потом к отснятому видео трехмерщики подрисуют все, что угодно, хоть корабль инопланетян.

— Здорово, — одобрил Ара. — А можно просто запустить два вертолета, чтобы вертолет с камерой гнался за обычным вертолетом?

— Это будет нужно, если папе закажут рекламу вертолетов, — сказал Ник. Он достал из сумки последнюю вещь. Это был пульт вроде тех, которым снабжают радиоуправляемые машинки, но более сложный. К блоку с рычажками сверху был приделан айпод.

— Видео выводится на эту штуку, — объяснил Ник.

— Твой папа гений, — заметил Ара.

— Покажешь, как это все работает? — спросил Корби.

— Не здесь, — возразил Ник. — Отец меня убьет, если вертолет винтом запутается в ветвях. Допивайте и пойдем к школе.

Он потянулся к своему стакану, но Ара его остановил.

— Подождите, — сказал он. — Мы ведь все принесли то, что обещали.

— Да, — согласился Корби.

Ник просто кивнул.

— Значит, мы банда, — заключил Ара.

— Я говорил про три условия, — запнулся Корби.

— Какие? — спросил черный брат.

— Ну, я еще не придумал, — сказал Корби. — Неважно. Андрей все равно не пришел.

— Тогда это фигня, — решил Ара, — и мы уже банда. Мы должны это закрепить.

— Ты романтик, — чуть улыбнулся Ник.

— Он прав, — серьезно сказал Корби. — Школа закончилась, но я этого не чувствую. Моя жизнь в полном дерьме. Надо это как-то изменить.

— Давайте поклянемся, что не расстанемся, — предложил Ара, — что всегда будем встречаться и...

Он сбился, не находя нужных слов. Несколько секунд над поляной висела тишина, которую нарушало только журчание воды.

— Банды бывают разные, — сказал Ник, — но обычно это что-то плохое. Я не хочу делать зло.

— Тогда что-то вроде Робин Гуда получается? — спросил Ара.

Корби слушал их и чувствовал, как в его взбудораженном вином мозгу происходит ядерный синтез событий сегодняшнего дня. Он бездомный сирота. Он не знал, что ответить Ире, не знал, что сказать отцу Ника, когда тот спрашивал его о будущем. Лузер. Никто. Да, у него есть прикольные друзья и смазливое личико, чтобы снимать девчонок, но это все, что у него есть. Неужели так?

— У банды должен быть главарь, — сказал Корби, — а банду придумал я.

Он, щурясь, посмотрел на Ника, ожидая, что тот возразит, но тот ничего не сказал.

— Значит, я буду главарем, — решил Корби.

Он поднял пистолет и встал, опустив дуло в землю — красивый, со вспыхнувшими от вина щеками, румянец которых так любила Ира.

— Я хочу, чтобы мы стали лучшими, — продолжал Корби. — Я хочу, чтобы в нашей жизни все было настоящим. Я хочу, чтобы в ее конце мы были не такими, как наши родители: как мой злобный тупой старик, как твоя мать — религиозная кликуша... Извини, черный брат.

Но Ара молчал, заморожено глядя на него.

— И как твой отец, Ник, — договорил Корби. — Алкаш. Хотя он лучший из всех троих.

Подросток замолчал.

— Он мог бы стать знаменитым мастером и изобретателем, если бы не сдался, когда умерла мама, — охрипшим голосом сказал Ник. — Если ты об этом, то да, я с тобой. Я за то, чтобы ни одна вещь нас не раздавила.

— Я об этом. — Корби сунул пистолет сзади себе за пояс и оправил рубашку так, чтобы оружия не было видно. Он чувствовал себя настоящим главарем маленькой банды. Ара был прав: неважно, как появилась эта идея — она им действительно прекрасно подходила.

— Пойдем, — сказал Корби. — Хочу увидеть леталку в действии.

Он залпом допил вино. Ник сделал то же самое. Аре вдруг представилась странная картина: Корби, бледный, в окровавленной белой рубашке, с развевающимися черными волосами, с древним длиннодулым дымящимся пистолетом в руке, стоит на скале и говорит: «следующий», — а под ним, с одной стороны, бесконечная очередь дуэлянтов, а с другой — обрыв, медленно заполняющийся трупами. Ара неплохо учился в школе. «Что-то из Лермонтова?» — подумал он.

— За нас, — сказал Ара и тоже осушил свой стаканчик. Потом встал и пошел за Корби. За главарем бандитов.

Глава 5 Второе испытание

Они вышли на футбольное поле перед школой. Ник опустил вертолет на гравий. У модели были мягкие лыжи-подставки, как у маленьких частных вертолетов. Потом он включил айпод, потыкал что-то на интерактивном меню, вспомнил, разобрался и повернул экран к друзьям.

— Вот, — сказал он.

— Класс, — хором ответили Корби и Ара. Они увидели поверхность поля, песчинки и камешки, далекие футбольные ворота и белую ограду школы за ними. Потом — деревья и клочок неба.

— Даже при съемке с настоящего вертолета, — гордо заметил Ник, — есть такая проблема, что камера захватывает части самого летательного аппарата, крыло или винт. А мой отец поставил ее так, что ничего подобного не видно. Кадр будто парит в воздухе.

Он активировал пульт. На индикаторе заряда батареи вспыхнула панель зеленых огоньков.

— От винта, — скомандовал Ник.

Друзья расступились.

— Полетит? — спросила Ара.

Ник не ответил. Лопасты сделали медленный оборот, потом еще один, и еще. Они вращались все быстрее, пока не исчезли, превратившись в единый сверкающий диск. Майки ребят затрепетали от потоков воздуха. Стало слышно тихое, с мелодическими переборами журчание мотора.

Лопасты раскручивались — три серебристых меча, три напряженные до предела струны. Можно было заметить, как скорость заставляет выпрямляться длинные, чуть провисавшие на концах алюминиевые пластины. Винт вертолета стал прозрачным, а потом совсем исчез из вида. Вокруг модели побежала песчаная поземка, разлетелись солнечные зайчики. Вертолет вздрогнул, теряя вес, его повело в сторону, и он оторвался от земли. Ник потянул рычажок «тангаж», и машина выровнялась, зависнув в метре над землей.

Корби, щурясь, смотрел на экран. Земля плыла, вертолет повернулся, и в кадр появилось веселое, пьяное лицо черного брата. Он помахал камере.

— Ник, пусть он летит, — попросил Корби.

Ник улыбнулся — и вертолет рванул вверх. На мгновение поток воздуха стал сильнее, а потом исчез. Машина из ветра и стали ушла далеко вверх, в солнечные сферы. В лопастях винта поднимались маленькие радуги.

— Покажи скорость, — сказал Ара.

Вперед и вбок, потом по кругу. Вертолет разогнался. Низко наклоняя нос, он два раза обошел поле по краю, потом снизился над оврагом и чиркнул по самым макушкам деревьев. Приблизившиеся листья со сногшибательной скоростью проносились в кадре камеры.

Ник снова поднял машину, устремил ее вверх, заставил перевернуться, потом снизил скорость и подвесь вертолет высоко в небе над центром футбольного поля. Но модель не замерла в воздухе, а тихо начала дрейфовать в сторону ручья.

— Ветер? — спросил Корби.

— Ага, — Ник пошлюнявил палец и поднял его вверх.

— Нас от ветра заслоняет школа, — сказал он, — а в небе он сильный.

Ему пришлось снова взяться за рычажки управления, чтобы вернуть аппарат на прежнее место.

— Можно осмотреть крышу школы, — предложил он.

— Давай, — обрадовано согласился Ара.

Ник повернул леталку и направил ее к зданию.

— Черт, я вижу парты в классе математики, — подивился Корби.

Вертолет приблизился к зданию. Теперь он шел медленно, борясь с фронтовым ветром. В кадр, наконец, попала крыша — черные полосы рубероида, залитые варом, выходы вентиляции и еще какие-то непонятные надстройки. Корби перестал смотреть на экран айпода и взглянул вверх, на серебристую модель, плывущую над краем крыши. Крошечная тень вертолета падала на окна класса математики. Ник тоже смотрел вверх. За экраном следил только Ара.

— Ребята, — вдруг сказал он. Корби посмотрел на него, а потом на изображение с камеры. Там что-то происходило. Хрупкий подросток сжался в тени вентиляционного выхода, а с другой стороны здания к нему подбирались две фигуры.

— Это Андрей, — сказал Ник. И тут же Корби узнал его. У прячущегося были золотистые волосы и клетчатая рубашка. В таких рубашках ходил только прилипала. Все нормальные ребята носили майки, часто с прикольными рисунками или с лицами любимых музыкантов.

— Он в беде? — спросил Ара.

Ему никто не ответил. Все трое не могли оторвать взглядов от экрана.

Преследователи Андрея были в черных масках и напоминали киношных ниндзя. Но в том, как они шли по крыше, не было ничего киношного. Они спо-

койно заглядывали за каждый выступ, в каждую тень, и было понятно, что они найдут Андрея.

Но им не пришлось этого делать. Внезапно, в каком-то паническом порыве, тот сорвался и побежал. Двое бросились за ним. Ник почти машинально поднял вертолет вверх, так что тот охватил кадром всю крышу. Она замыкалась в единое кольцо. На крыше другого крыла был еще один человек. Он шел, огибая по кругу школьный двор. Было понятно, что рано или поздно он зайдет Андрею в спину.

Андрей метался от одного укрытия к другому, но спрятаться уже не пытался. Он, видимо, рассчитывал обмануть своих врагов и между них прорваться обратно к открытой двери спуска на чердак. Но его преследователи были очень быстрыми и ловкими. Андрей почти проскочил вокруг одного из них, но тот зацепил его рукой за плечо, и они оба чуть не упали. Подросток вырвался и побежал дальше, снова отступая. Он приближался к стороне крыши, обратной той, над которой парил вертолетик Ника. Вот он добрался до бортика и в отчаянии глянул вниз.

Корби понял, что может больше не смотреть в камеру. Он поднял голову и увидел прилипалу. Они смотрели друг на друга лишь одно мгновение. Потом Андрей оглянулся на подступающих преследователей и побежал вдоль бортика крыши. Корби видел, как он на бегу лихорадочно ищет что-то в карманах, ищет и оглядывается — то на врагов, то на троих подростков, стоящих далеко внизу. Наконец, ему попала в руки какая-то маленькая вещь. Он добежал до угла крыши, остановился, сложил руки рупором и изо всех сил закричал:

— Это я вам принес!

Он бросил вниз какой-то маленький легкий предмет белого цвета, похожий на кусочек жесткого картона. Ветер подхватил и его звонкий крик, и карточку. Белая точка закружилась в воздухе. Ее несло над футбольным полем, в сторону дачного поселка.

Ара бросился бежать за карточкой. Он глупо протягивал вверх руку, хотя белая точка еще летела в далеких пятнадцати метрах у него над головой.

— Корби, ты должен... — надрывая голос, продолжал Андрей.

Договорить он не успел. Один из преследователей налетел на него. Какую-то секунду они боролись. В руках Андрея блеснуло лезвие перочинного ножа, но противник выбил у подростка его оружие. Нож упал вниз, на газон.

Вертолет все еще парил над школой. В какой-то момент — когда Андрей крикнул про то, что он им принес — рука Ника дернулась, и леталку немного отнесло в сторону, но он почти сразу вернул его в прежнее положение, и его камера вновь была устремлена на две далекие сцепившиеся фигурки. К ним подбежала еще одна. Третья замедлила шаги и спокойно шла к жертве. Корби оглянулся на Ника и увидел, что тот смотрит не на школу, а на экран айпода своего отца. И тут Ник сказал:

— Стреляй.

Корби вспомнил про пистолет, выхватил его из-за пояса и прицелился вверх. Он чувствовал, что стремительно трезвеет. На мгновение Корби увидел лицо Андрея. Тот лежал спиной на жестяном карнизе, его голова и плечи уже были за краем крыши, но он продолжал цепляться руками за своего противника.

— Стреляй, он падает, — без выражения, почти спокойно повторил Ник.

Корби показалось, что целик, мушка и корпус тела первого убийцы находятся на одной линии. Он нажал спусковой крючок. И ничего не произошло — «стечкин» был на предохранителе. Корби снял пистолет с предохранителя и поставил флажок на режим одиночной стрельбы.

Он успел подумать, что очередь стрелять нельзя — можно убить обоих. А потом — что, возможно, они все неправильно поняли, и на крыше происходит какая-то игра, а он сейчас убьет невинного человека. И все же, несмотря на свои сомнения, Корби собирался выстрелить.

Он снова прицелился, но в этот момент Андрей упал вниз.

— Нет, — тихо сказал Ник.

Андрей упал на асфальтированную дорожку рядом с газоном, в траве которого секундой раньше исчез его нож. Тело подростка чуть подпрыгнуло, вздрогнуло и замерло.

«Я видел убийство», — пронеслось в голове у Корби. Человек на крыше стоял и смотрел вниз, на трех свидетелей. «Это не наше дело», — подумал Корби. «Теперь все наше дело, — тут же возразил он себе, — что-то вроде Робин Гуда значит восстанавливать справедливость». А еще он подумал, что прилипала точно был не настолько плохим парнем, чтобы убивать его.

— Я поймал! — издали, с другого конца поля, закричал Ара.

Его слова перекрыл оглушительный грохот выстрела. Корби сразу понял, что не попал. Его ладонь заныла от отдачи. Гильза с шипением упала на гравий у его ног. Он поддержал руку с пистолетом второй рукой и выстрелил снова. Теперь вышло более точно. Корби показалось, что он видел и слышал, как пуля чиркнула о карниз крыши. Но силуэт убийцы уже скрылся из поля зрения.

— Мы ведь должны задержать их и сдать в полицию? — спросил Корби у Ника.

— Что случилось? Где Андрей? — закричал Ара. Корби слышал, как он бежит обратно к ним.

— Они спускаются на чердак, — ответил Ник. Корби сообразил, что Ник все еще видит преступника с помощью своей летающей камеры. Он побежал к школе, но не к тому месту, куда упал Андрей, а к одному из запасных выходов первого этажа.

— Ара, беги за Корби, — скомандовал Ник, — а я вызову скорую.

«Скорая Андрею не нужна», — подумал Корби. Он пересек подъездную дорожку, в три прыжка взобрался на невысокий косогор у фундамента школы и подбежал к дверям запасного выхода. Ара догнал его через полсекунды.

— Что произошло? — опять спросил он.

— Андрей стрелял с крыши, — скороговоркой проговорил Корби, — я упал в его убийцу.

Он понял, что сказал бред, и страшно разозлился на себя.

— Как? — не понял Ара.

Корби увидел лицо черного брата, отраженное в стеклянной двери запасного выхода. Ара стоял спиной к школе, когда все произошло. Он еще не понял, или не хотел понять, что случилось.

— Андрей лежит там, мертвый, — Корби повернулся и показал.

Ара посмотрел вдоль стены школы и, наконец, увидел тело погибшего подростка. Оно лежало у дальнего угла здания, метрах в восьмидесяти или ста от того места, где стояли они.

— Ты? — спросил Ара.

— Нет, дурак, — ответил Корби. — Его столкнули, а я стрелял в...

Он почувствовал, что может опять запутаться в словах. Идиотское бессилие мысли злило. За бестолковым разговором они уже потеряли две, три или даже четыре драгоценные секунды. Корби не договорил и с размаху рубанул тяжелым дулом «стечкина» по стеклу. Осколки со звоном посыпались на кафельный пол первого этажа.

Пожарные выходы школы запирались изнутри с помощью простых щеколд. Рискав изрезаться стеклом, Корби просунулся внутрь, отодвинул тяжелый стержень большого шпингалета и пинком открыл дверь.

— Убийцы внутри здания? — спросил Ара.

— Да, — сказал Корби. Он был рад, что черный брат наконец-то понял его. Они вбежали внутрь школы и остановились на стыке коридоров центрального

и правого корпусов, не зная, куда дальше идти. В школе было четыре лестничных клетки. Одна была закрыта, три другие использовались. Убийцы могли спуститься по любой. В наступившей тишине Корби услышал свое тяжелое дыхание. Пистолет холодил руку.

— Пойдем, — решил он.

Они двинулись вдоль по коридору центрального корпуса. Слева от них были пустые раздевалки, справа — окна, выходящие во внутренний двор.

Корби представил, что он будет делать, когда увидит людей в черных масках. Он подумал, что наведет на них пистолет и скажет: «Стой, стрелять буду». Они, возможно, попытаются убежать, и тогда он подстрелит кого-нибудь из них в ногу.

«А как ты объяснишь полиции историю с пистолетом? — тревожно спросил он себя. — Незаконное хранение оружия, незаконное ношение оружия, воровство, превышение необходимой самообороны, что еще?»

Они дошли до середины коридора. Здесь был центральный вход школы. На пустом ресепшене охранника зеленой лампочкой мигал телефон.

— Я что-то слышу, — прошептал Ара.

Корби тоже слышал. Кто-то сбегал вниз по лестнице, расположенной между центральным и левым корпусами.

— Мы все делаем неправильно, — тоже шепотом ответил Корби. — Не надо по ним палить. Надо вызвать полицию и срочно спрятать пистолет...

Он не договорил, потому что в конце коридора, в тридцати метрах от них, появился человек в черной маске. Корби поднял пистолет и крикнул:

— Руки вверх!

Убийца легко отскочил в сторону и оказался в коридоре левого корпуса, вне поля видимости Корби. Подросток опустил пистолет.

— Вызывай полицию, — негромко сказал он. — Телефон охраны должен работать.

Убийца высунулся из-за угла. Корби снова поднял «стечкин».

— Убьешь меня, плохой мальчик? — крикнул человек в маске. — За это сажают в тюрьму!

— Проверь телефон, — напряженно повторил Корби.

— Да, — слабым голосом согласился Ара. Он неловко перебрался через стойку ресепшена и снял трубку. — Работает!

Убийца совсем перестал прятаться и медленно вышел на середину коридора.

— Ты ведь не будешь стрелять? — поинтересовался он. — Ты не такой, как мы.

— Корби! — неожиданно закричали сзади.

Корби узнал голос Ника и едва успел обернуться. Их с Арой обманули. Два других преступника подкрадывались к ним сзади. Им осталось пройти всего десять шагов. А в пятидесяти шагах у них за спиной был Ник. Он зашел в школу через тот же запасной выход, что и его друзья.

Один из убийц перемахнул стойку охраны и нажал сброс на телефоне. Ара отскочил от него за крутящийся стул охранника. Другой убийца прыгнул в сторону Корби, но подросток успел поднять пистолет и истерически закричал:

— Выстрело!

Все замерло, только Ник продолжал медленно идти к центру коридора с одной стороны, а первый убийца так же медленно шел с другой стороны.

— Стреляй, — сказал Ник.

Корби облизнул высохшие губы и к своему ужасу увидел, что человек, оказавшийся у него на мушке, расслабляется. Из прорезей маски на него смотрели волчьим взглядом карие глаза.

— Он не выстрелит, — возразил первый убийца. — Он не такой, как мы.

Тот, кто пытался напасть на Ару, вырвал трубку из телефонного аппарата охраны. Корби подумал, что дело плохо. Украденный у деда «стечкин» был их единственным козырем. Корби вдруг понял, что полиция и все человеческие законы не работают в этом таком знакомом школьном коридоре в этот проклятый момент. Здесь был только один закон: либо ты, либо тебя.

Корби направил пистолет вниз, в пах преступника, и выстрелил. Раненый с нечеловеческим криком упал на колени. Он схватился руками за промежность. Между пальцев у него текла кровь. Первый убийца бросился к Корби, но он все еще был слишком далеко, и его попытка не имела никакого смысла. Вторая из уцелевших масок отшвырнула стул, сбила Ару с ног и коленом придавила его шею к углу ресепшена. Лицо Ары посерело. Он беспорядочно перебирал руками по краю стола. Уже не думая о превышении самообороне, Корби выстрелил в противника Ары.

Он метил в голову, но промахнулся. Пуля раскроила маску. У убийцы оказалось женское лицо. Это была девушка лет семнадцати. Пуля оставила у нее на щеке длинный бледно-розовый шрам, на поверхности которого тут же начали выступать капельки крови. Оглушенная выстрелом, девушка перевалилась через стойку и побежала по коридору в сторону левого крыла здания.

В тот же момент рядом с Корби сшиблись первый убийца и Ник. Ник защищал Корби, и только его вмешательство помешало преступнику овладеть пистолетом. Ник полетел на пол. Но той секунды, которую он выиграл, Корби хватило, чтобы отступить в сторону и направить оружие на врага.

Корби увидел безумные синие глаза. Даже сквозь маску было видно, что бандит скалится. Он был на полголовы выше Корби. Под обтягивающим черным костюмом ходили мускулы.

— Не двигайся, гад, — прохрипел с пола Ник. — Я сейчас вызову полицию. Он достал мобильник.

— Попробуй, — предложил парень, — и увидишь, что из этого получится.

— Ник, он прав, — заметил Корби. — Нас посадят так же, как и их.

Убийца усмехнулся.

— Еще увидимся, — обещал он.

— Почему бы мне не отстрелить тебе яйца? — дрожащим голосом спросил Корби.

Синие глаза чуть прищурились. Парень больше ничего не сказал. Он отступил назад, рывком поднял на ноги скулящего товарища и, помогая ему, пошел вслед за убежавшей девушкой.

— Черный брат, — позвал Ник.

— Она меня чуть не убила, — булькающим голосом ответил Ара из-за стойки.

— Живой, — констатировал Ник и заплакал. Корби посмотрел на него. Вот теперь он по-настоящему не знал, что им делать.

— А Андрей мертвый, — сказал Ник. — Почему ты их не убил? Почему ты их всех не убил?

— Я бы сел, — ответил Корби. Он подошел к ресепшену и заглянул вниз. Ара лежал на полу и массировал шею. Его лицо почти вернуло свой нормальный цвет.

— Помнишь, — все еще булькающим голосом сказал он, — три испытания. Это было второе.

— Да, — опустошенно согласился Корби. В словах Ары была безумная логика. Все, что они сегодня думали и делали, подчинялось ей. Они стали бандой. Они стреляли в других людей. Или нет? Может, им как раз предстояло столкнуться с настоящей бандой, чтобы понять, насколько смешны и ничтожны были их фантазии? Корби не знал. Да и какое значение это имело теперь?

— Гады, — рыдал Ник.

Где-то далеко взвизгнула покрывками машина. Убийцы скрывались с места преступления.

Глава 6 Совет

В школе Корби предпочитал сидеть у двери, и его часто посылали за всякими мелочами. Он был рад пройтись во время урока по пустым школьным коридорам. В отсутствие детей там было удивительно тихо и светло. Можно

было видеть, как блики солнечных зайчиков бегают по потолку, когда уборщица огромной щеткой разгоняет по полу воду.

Теперь пол был в крови. Корби смотрел на следы, оставленные раненым убийцей. Ему хотелось бы, чтобы эти красные лужицы означали вино, а разгром вокруг — последствия пьяного загула. Все, что угодно, лишь бы не то, что на самом деле случилось.

Было девять часов вечера. Мертвый мальчик лежал у стены школы. Двери — взломаны, стекла — разбиты. Ресепшен — разгромлен во время драки. Оторванная трубка телефона валялась на полу у самых дверей парадного входа. В стене над стойкой охраны застряла пуля, которую Корби предназначал для девушки-убийцы.

Тишину нарушало шумное дыхание Ника. Его рыдания быстро закончились, но остались одышка и странные нервные вздрагивания.

— Ара, тебе помочь подняться? — спросил Корби у черного брата.

— Я сам, — ответил Ара. Он уцепился руками за край стойки и медленно встал.

— Надо сваливать отсюда, — сказал Корби, — и как можно быстрее. Мы не сможем объяснить все это.

Ник засмеялся. А может, это только казалось, что он смеется.

— Ник, ты в порядке? — испуганно поинтересовался Ара.

— Нет, — ответил тот и перевел взгляд с черного брата на Корби. — Самый плохой полицейский пес по такой погоде через полчаса приведет к дверям наших квартир. Пули из твоего «стечкина» опознают. И найдут мои неотвеченные звонки на мобиле Андрея. И все. Лучше сразу вызвать полицию.

— Пули можно найти, — возразил Корби. — Выковыряем эту из стены, и все. Две улетели в небо. Одна осталась в человеке... наверное.

Точно он сказать не мог, потому что не думал о пуле во время схватки. Теперь его взгляд лихорадочно метался по полу коридора в поисках того места, куда она могла попасть, если прошла навывлет.

— Корби, не глупи, — сказал Ара. — Ник прав. Мы все равно не уберем все следы.

— Табак сбивает собак со следа, — вспомнил Корби. — Я читал в рассказе про пограничников.

— А я читал комиксы про супермена, — Ник раскачивался, сидя на полу. — Там тоже были всякие способы делать вещи. И что теперь?

Он снова поднял свой телефон и нажатием кнопки разблокировал экран.

— Я звоню в полицию, — попыток он, — и мы рассказываем всю правду.

— И нас сажают! — заорал на него Корби.

— Тебе дадут пару лет условно! — крикнул Ник в ответ. — А этих гадов найдут и посадят по-настоящему!

— Я не дам тебе позвонить, — сказал Корби.

— Да? — спросил Ник. — И что ты сделаешь? Пристрелишь меня?

— Что вы делаете! — тонким голосом закричал Ара. — Перестаньте, успокойтесь!

— Впрочем, это неважно, — усмехнулся Ник. Крик, кажется, помог ему успокоиться. — Андрея найдут в любой момент. И все всё узнают.

— Давайте уберем тело, — предложил Корби.

— Так нельзя, — сказал Ара.

— А может, это ты нанял этих парней? — вдруг спросил Ник. Он тяжело встал и отряхнул брюки. У него из носа все еще шла кровь. Корби облизнул губы.

— Ты спятил, — ответил он.

— Да вы оба спятили, — на грани отчаяния простонал Ара.

— На денежки деда, — продолжал Ник. — Там ведь тысяч сто, да? У тебя наверняка еще и осталось. Ты же ненавидел его. Хотел, чтобы он от тебя отстал. Нанял ублюдков. Они знали, что он придет сюда.

— Я не делал этого, — запротестовал Корби.

— Тогда почему тебе его не жалко, долбаный ты урод? — спросил Ник. — Тебе же насрать на него, насрать на все, что случилось. Ты ходишь тут и выделываешься со своей пушкой. Главарь банды, мать твою. Крутой пацан с района, да?

— Ник, прекрати, — сказал Ара.

— Пусть он сначала прекратит, — потребовал Ник. — Пусть уважает Андрея, хотя бы мертвого.

Внезапно он содрогнулся, и из его глаз снова потекли слезы.

— Ты медлил с выстрелом. Медлил, когда Андрей уже висел головой вниз. Ты хотел, чтобы все так кончилось.

— Нет, — возразил Корби. — Я запутался. Не снял с предохранителя.

Ник отвернулся и пошел к выходу. Корби на мгновение поймал испуганный взгляд Ары, а потом тот бросился следом.

Корби заметил на полу стреляную гильзу, подобрал ее — она еще была чуть-чуть теплой — и побежал за друзьями.

Они прошли вдоль школы и остановились в десятке метров от разбившегося Андрея. Ник уткнулся лицом в стену. Когда Корби подошел к ним, черный брат трепал Ника по плечу.

— Ник, Ник, все было по-другому, — увещевал он друга. — Я думаю, Андрей что-то украл, что-то действительно важное для каких-нибудь очень плохих людей. Украл, чтобы принести к нам на встречу, и его за это убили. Послушай меня, Ник.

— Что он бросил? — глухо спросил Ник. — Я не видел, леталка была с другой стороны.

Ара вытащил из кармана маленькую белую карточку. Вблизи было видно, что на ней надпись — лейбл какой-то компании.

— Вот, — сказал черный брат.

Ник обернулся, шмыгнул носом, угрюмо посмотрел на Корби. Потом перевел взгляд на карточку.

— Убили за это? — с недоумением спросил он.

— Ну, совсем не обязательно, — сказала Ара. — Но ведь так может быть.

— Может, — подтвердил Ник. Он повертел карточку в руках. Она была плотной и жесткой. Ник попробовал ногтем пальца открыть ее запаянный край, но у него не получилось, и он не стал ломать ее.

— Что там написано? — поинтересовался Корби.

— West Wind. Inc., — ответил Ара. — Какая-то компания.

«Западный ветер», — мысленно перевел Корби. Он вспомнил, как эта карточка летела, подхваченная потоком воздуха. Западный ветер.

— Эта штука похожа на магнитный ключ с данными, — заметил Ник.

— Вроде личной карточка москвича? — спросил Ара.

— Да, — подтвердил Ник. — Это может быть ключ от камеры хранения или от номера дорогой гостиницы. Да от чего угодно.

Несколько минут никто не произносил ни слова. Ник сел прямо на асфальт, привалился спиной к стене школы и, шурясь, смотрел на заходящее солнце. Ара смотрел на Ника. А Корби смотрел на Андрея. Сейчас он как будто впервые увидел его. Может, впервые за все время, которое они были знакомы.

Мертвый подросток лежал на спине, безвольно раскинув руки. Одна его нога, странно вывернутая, была согнута в колене, другая лежала прямо. Его лицо было бледным, спокойным, красивым. Корби не мог понять, была ли эта красота раньше — или появилась только сейчас. Золотистые глаза Андрея смотрели в небо, золотистые волосы промокли от крови, как и ворот рубашки. Его голову как будто окружал алый нимб.

— Если из-за твоей глупой игры он украл этот ключ у настоящих бандитов, — тихо сказал Ник, — тогда ты все равно виноват в его смерти.

— Ник... — пробормотал Ара.

— И ты виноват в том, что он был одиноким, — добавил Ник, — и несчастным.

Корби вдруг почувствовал ненависть — и к Нику, и к мертвецу.

— Он мог дружить с кем угодно, — зло ответил он. — Зачем он ко мне лез? Зачем сюда пришел? Вон целая куча людей. Весь класс! Вся школа! Дружи — не хочу. Все твои. Так почему я? Почему ему был нужен только я? Почему он свихнулся на мне?

— Замолчи, — попросил его Ара.

— И, между прочим, Ник, — заявил Корби, — это ты с ним общался больше нас всех. Чем обвинять других, мог бы подумать сам, кто мог его убить. Или это ты его заказал по мотиву, о котором никто не знает, а? Приятно, когда тебя обвиняют?

— Да заткнись же ты! — пронзительно закричал на него Ара.

Корби заткнулся. К его удивлению, Ник ответил.

— У него богатая мать и деловой отец, — тихо сказал он. — Поэтому его тоже могли убить. Чтобы устроить их или отомстить.

— Пугать, убивая самое дорогое? — спросил Ара. — После этого человеку станет все равно.

— У него еще есть маленькая сестра, — вздохнул Ник, — но я даже думать не хочу о таких вещах.

Он оглянулся на мертвеца, умолк. И наступила тишина. В траве застрекотал одинокий кузнечик. Подул ветер, принес запах солнечных полей и далекого соснового леса.

— Виноват Корби или нет, ведет себя как урод или нет, но я не хочу, чтобы он отправлялся в тюрьму, — сказал черный брат. — Поэтому нам надо решить, что мы будем делать.

— Спасибо, — выдал Корби.

— Ага, — пробормотал Ник.

— Ник, — обратился к нему Ара, — ты самый умный. Что можно сделать, кроме простого звонка в полицию?

— Мы теряем время, — сказал Ник. — Если сейчас какой-нибудь собачник увидит нас тут с трупом, мы не отмажемся и сядем уже все. А если вызовем полицию, все будет выглядеть чуть-чуть лучше.

— О господи, — тяжело вздохнул Ара. — Прости меня за то, что я украл твое вино, господи. Ведь грешный тебе милее безгрешного. Прости меня и помоги нам всем.

Он добавил еще что-то по-армянски, чего Корби и Ник не поняли, потом замолчал.

— Иди-ка ты отсюда, — сказал Ник. — Иди и верни остатки вина на место.

Ара посмотрел на него, бледнея.

— Я верну, — решил он, — но не сейчас. Я вас не брошу. Вы друг друга сожрете.

— Да не сожрем, — не согласился Корби.

Ему никто не ответил.

— А камера в вертолете? — вдруг вспомнил Корби. — Она записала сцену убийства?

— Да, — подтвердил Ник.

— Значит, у нас есть доказательство, что это не мы? — спросил Корби.

— Ты прав, — серьезно подтвердил Ник.

— А где вертолет? — заволновался Ара.

— Я его на крышу посадил, — ответил Ник. — Это был самый быстрый способ от него избавиться, не разбив.

Корби вспомнил, как Ник хотел бежать к Андрею. Но побежал он не к Андрею, а за ними.

— Ты нас спас, — сказал Корби.

— Чего? — не понял Ник.

— Когда не дал громиле отнять у меня «стечкин», — пояснил Корби.
— Да, — согласился Ник. — Наконец-то немного человечности. Я не понимаю, Корби. Ты вроде и хороший парень, а смотрю на тебя — и тошно делается.
— Ну хватит уже, — сказал Ара.
Ник от него отмахнулся.
— Если у нас есть улики, — продолжал Корби, — единственной проблемой остается пистолет.
— Они были в масках, — возразил Ара. — Что, если экспертиза не сможет установить, мы это или не мы?
— Там офигенная камера, — напомнил Ник. — Изображение в айч-ди качестве. Даже цвет глаз можно будет установить.
— Ладно, — решил Корби. — Я здесь самый виноватый. Я сяду за эту пушку. Ник, звони в полицию.
— Убей в себе героя, — посоветовал Ник. — Я не хочу, чтоб ты жил с мыслью, что сделал нам большое одолжение.
Внезапно у Ары зазвонил телефон. Все вздрогнули. Черный брат достал мобильник, в недоумении посмотрел на экран.
— Это рывая, — сказал он.
Телефон продолжал пикировать.
— Я с ней поговорю? — спросил Ара у Ника.
Ник пожал плечами. Черный брат ответил на вызов.
— Извини меня за то, что было ночью, — сразу попросил он.
«Его еще волнует то, что было этой ночью», — удивленно подумал Корби.
— Нет, я не специально, — отвечал Ара. — Нет, я сейчас не могу... Я жутко влип... Нет, я потом объясню... Да, как только буду свободен... Честно, честно...
Ара отошел от друзей, и теперь ветер уносил его слова в сторону. Корби поймал на себе пристальный взгляд Ника.
— Ты до сих пор держишь в руке пистолет, — заметил Ник. — Убери.
Корби вспомнил про «стечкин» и сунул его сзади за пояс. Ник начал оттирать с лица подсыхающую кровь, потом задумался, перестал и снова посмотрел на Корби.
— Звони своему деду, — сказал он.

— Что? — опешил Корби. — Зачем?
— Потому что он знает, что делать в таких случаях, — ответил Ник.
— Ты спятил, — сказал Корби. — Он не будет мне помогать.
Ник пожал плечами.
— Выбор простой, — заявил он. — Либо ты звонишь деду — либо я звоню в полицию. Минута на размышление.
— Да это одно и то же! — выкрикнул Корби.
Ник поднялся с асфальта.
— Хочешь, чтобы тебя отмазали? — спросил он. — Тогда звони деду.
— Он убийца, — сказал Корби. — Он такой же, как те трое. Он убил семнадцать человек.
— Что, серьезно? — удивился Ник.
— Да, — подтвердил Корби. — Он сам мне сказал.
— Не ругайтесь, — возвращаясь к ним, потребовал Ара.
— Мы не ругаемся, — ответил ему Ник. — Я нашел выход. Корби должен позвонить своему деду.
Черный брат задумался. Его глаза перебегали от Ника к Корби и обратно.
— Я не сделаю этого, — сказал Корби Нику. — Ты сам называл его уродом и палачом НКВД. Ты говорил, что я должен ему разбить лицо.
— А он и есть урод, — с нажимом подтвердил Ник. — Но если ты еще не понял, ты — почти такой же. Ты сейчас на его земле, в его мире. Ты принес к нам его пистолет, и вот уже вокруг умирают люди!

— Не надо вешать мне лапшу на уши, — возмутился Корби. — Причем здесь пистолет?

— Притом, — ответил Ник. — Вся эта игра была твоей идеей. Ты Ару толкнул на преступление, а Андрея на смерть.

— Корби, он прав, — поддержал Ара. — Только дед может тебе помочь.

— Да он будет рад, если я сяду, — возмутился Корби.

— А ты на коленях попроси, — предложил Ник.

— У него связи, ты сам говорил, — напомнил Ара.

— Если я сейчас попрошу у него помощи, он сделает из меня раба, — уголки губ Корби задрожали. — Давайте просто уйдем.

— Куда? — спросил Ник. — В мой дом?

— Ты же мой друг, — пробормотал Корби.

— Пока еще да, — согласился Ник, — но ты меня не слушаешь.

— А твой отец? — поинтересовался Корби. — Он не сможет помочь?

— Мой отец совершенно не будет рад тому, что заигравшиеся детишки вылили на него ушат дерьма, — сказал Ник. — И не надо приплетать его сюда. Мне и так уже страшно представить, как я буду выглядеть в его глазах после всего этого. Твоя минута прошла.

Он достал телефон.

— Полиция или дед? — спросил он.

— Корби, — сказал Ара, — ты ведь сам хотел, чтобы мы позвонили в полицию. Так звони деду. Это лучше.

Корби почувствовал, как на лбу у него выступает холодный пот. Казалось, друзья где-то очень далеко. А еще у него было ощущение, что кто-то воткнул нож ему в сердце и вращает его там.

— Ладно, — выдавил он и непослушными пальцами нашарил в кармане телефон. — Ладно, черт подери.

Он набирал знакомые наизусть цифры, и к нему вдруг пришло воспоминание из глубокого детства. Когда-то, очень-очень давно, Корби набирал этот номер и, затаив дыхание, ждал, что услышит голоса Деда Мороза и Снегурочки. Это был звонок в волшебную страну. Там всегда шел снег, всегда стояла елка и жили северные олени.

— Алло, — вспомнил Корби свой детский испуганный голос.

— Да, Дед Мороз слушает.

По спине у Корби побежали мурашки. Это продолжалось, пока ему не исполнилось шесть лет. Он помнил смертельное равнодушие взрослых, которым они ответили на разоблачение своей маленькой игры. Никто из них не сказал ни слова в защиту сказки. Она умирала в конвульсиях, растоптанная и одинокая.

Потом, когда Корби уже учился в школе, умерла следующая сказка. В какой-то момент он понял, что родители его родителей совсем не «милые пожилые люди».

— Подожди, молодой человек... У меня большой-большой список пожеланий, от всех детей мира... Сейчас я заполню графу с твоим именем...

Ложь. Дед Мороз говорил голосом полковника КГБ. «Что мы наделали, — думал Корби, слушая гудки в трубке. — Нет. Что я наделал. Теперь всему конец». Он не плакал, не было комка в горле — только какое-то чувство пройденной границы.

— Да, — раздалось в трубке.

Несколько секунд Корби не мог придумать, что сказать.

— Алло, алло, — позвал дед.

— Это я, — наконец решился Корби.

Он вдруг понял, что старик может просто бросить трубку, и тогда вся затея Ника полетит псу под хвост. Дед не дослушает и до второго слова.

Но старик заговорил.

— Твое неуважение к старшим дошло до предела, — сообщил он. — Чем обязан?

— Я, кажется, попал в беду, — сказал Корби, — и мне нужна твоя помощь. Извини за то, что я сделал утром.

— По-хорошему, тебя надо отлупить обломками этой швабры, слизняк, — с удовольствием ответил дед. Он начал говорить что-то еще, в основном оскорбления, но Корби не стал слушать.

— Я сделал не только это, — перебил он. — Я взял твой пистолет, и здесь была перестрелка.

— Что? — переспросил дед.

— Я взял «стечкин», — бледным голосом повторил Корби. Он вдруг почувствовал, что не существует. Ему стало как бы все равно.

— Ты шутишь? — спросил дед.

— Ключ под ковром, — объяснил Корби. — Я давно это знаю. С крыши школы столкнули мальчика...

Он ровным, невыразительным голосом, почти не сбиваясь, рассказал, как все было. Дед не перебивал.

— Сиди там и жди меня, — внезапно приказал он.

В трубке раздались гудки.

Корби посмотрел на Ника. Тот казался очень усталым.

— Что он сказал? — спросил Ара.

— Чтобы мы ждали, — ответил Корби.

— Он придет? — уточнил Ник.

— Я не знаю, — сказал Корби. — Он просто сказал, чтобы мы ждали и не уходили, а потом повесил трубку.

— Молодец, — похвалил Ник.

Корби усмехнулся.

— Нет, ты правда молодец, — повторил Ник.

— Пошел ты, — тихо ответил Корби.

— Все будет нормально, — попытался успокоить его Ара.

— Нет, — Корби мотнул головой. — Я погиб.

Он отвернулся от друзей и уставился вдаль — на противоположный склон оврага, крыши дач и далекую темно-зеленую полосу леса.

— Так тихо, — сказал Ара. — Здесь никогда не было так тихо.

И правда, тихо. Корби вдруг услышал тишину. Полную, спокойную, слегка звенящую. Не ходили поезда, не летали самолеты, не было машин. Они словно оказались в каком-то неведомом месте вне этого мира, вне знакомого пространства и времени. И было бы так легко поверить в сказку, в прекрасный вечер замечательного дня, если бы не Андрей, неподвижным взглядом наблюдавший, как небо меняет цвет, если бы в их словах и мыслях о тишине не было трусливого подтекста, что никто еще пока не обнаружил их над телом мертвого подростка.

Глава 7

Закат

Дед объявился ровно через полчаса. Когда он вошел на территорию школы, багрово-оранжевое солнце, плавясь и тая в вечерней дымке, уже опускалось за горизонт. Деревья далекого леса четкими черными силуэтами проступили на фоне огненного диска. Красные всполохи отражались в окнах школы. Из оврага начали медленно подниматься сумеречные тени, но на футбольном поле еще было светло.

— Кто-то идет, — тревожно сказал черный брат.

Ник поднял голову.

— Похож на препода по технологии, — заметил он. — Нам кранты.

— Нет, — возразил Корби, — это мой дед.

Он подумал, что сейчас наверняка будет грязная сцена. Ему захотелось лечь на асфальт рядом с Андреем и тоже умереть. Исчезнуть.

Старик шел торопливо. Его замучила одышка, он вспотел.

— Пистолет! — закричал он с середины поля.

— Отдать? — спросил Корби.

— Да! — потребовал дед. — Быстро, дурак!

Корби вытащил «стечкин» и сделал шаг навстречу старику.

— Нет! — закричал тот. — Не по траве. Да. Вот так! Солнце... солнце садится...

Там, где асфальтированная дорожка спускалась с косогора, была маленькая бетонная лестница. Корби сошел вниз по ней и протянул оружие деду.

— Когда я говорю «быстро», ты бежишь, понял? — прошипел тот, выхватывая пистолет у внука из рук. — Солнце садится. Как я скажу им, что стрелял в темноте?

— Вы возьмете это на себя? — спросил Ник из-за плеча Корби. — Скажете, что стреляли сами?

— Да, — односложно ответил старик. Он привычным движением достал из пистолета «стечкина» магазин, взглянул на пули.

— Четыре? — поинтересовался он.

— Что? — переспросил Корби.

— Четыре раза стрелял? — рявкнул дед.

— Да, — хором ответили все трое ребят.

— Куда? — спросил старик.

— Два раза туда, — Корби показал вверх, — в небо над крышей школы.

— Когда они были там? — спросил дед.

Корби кивнул.

— Точно не в стену попал? — уточнил дед.

— Одна чиркнула об карниз... кажется, — сказал Корби, — потом отрикошетила в небо.

— Это так, — подтвердил Ник.

— Хорошо, — промурлыкал старик, — а гильзочки где?

Его еще мучила одышка, но он вдруг начал выглядеть таким довольным, каким Корби не видел его ни разу в жизни.

— Там, где упали, — сказал Корби.

— Идиот! — рявкнул дед. — Где они упали?

— Корби стоял рядом с нашими вещами, — сообщил Ник, — вон там.

— Ищите, — приказал старик. — И ты, черномазый, — он грубо ткнул пальцем в Ару, — быстро, я сказал.

Черный брат не сдвинулся с места.

— Я не собачка, — сказал он, — и говорить так со мной вы не будете. Неприятности здесь только у Корби. А я, если захочу, могу вообще уйти отсюда или просто позвонить в полицию.

Старик мгновение смотрел на него.

— Вот, — обращаясь к Корби, заметил он, — а я тебе говорил, чего стоят такие друзья. Ведь говорил.

Лицо Корби вспыхнуло красными пятнами, но он опустил голову и молчал. На скуле Ары заиграл желвак.

— Ничего они не стоят, — подытожил дед. — Чуть что, и бросят тебя.

— Если бы не его друзья, он бы даже не позвонил вам, — гневно сказал Ник.

— Вот как? — удивился старик. — Ну, тогда слушайте меня.

Ара отвернулся от старого полковника, молча прошел мимо Корби к центру футбольного поля и стал всматриваться в россыпь гравия. Ник последовал его примеру.

— А ты что стоишь? — прикрикнул на Корби дед.

Корби пошел вслед за друзьями.

Рябин заложил пистолет под мышку, выковырнул из обоймы верхний патрон. Потом поискал рукой в кармане брюк, достал еще два патрона и за-

рядил их в обойму, а поверх них обратно вставил тот, который раньше был верхним.

Трое подростков, наклонившись, прочесывали пять квадратных метров правее того места, где лежали их сумки и рюкзаки.

— Ты мог бы хоть слово сказать, — заметил Ара.

Корби не ответил.

— Нашел! — крикнул Ник. — Прямо рядом лежат.

Он поднял две гильзы.

Старик в этот момент уже осматривал тело погибшего.

— Хорошо, — отозвался он. — А где вы в школу вошли?

Ник показал на запасной вход. Дед затрусил по асфальтированной дорожке, идущей вдоль стены здания.

— Быстрее за мной, — поторопил он подростков, — только по асфальту!

Ребята бросились за ним, вверх по лесенке, мимо распростертого Андрея и дальше, по дорожке под стеной. Корби волочился позади. Внутри у него было темно. Он вспомнил, как со спокойной решимостью рассекал свои руки лезвием бритвы. Теперь это спокойствие почти вернулось. Поражение? Неудача? Не вышло стать героем? Неважно. Ничто не имеет значения, ведь все умрут — как Андрей, как отец и мать. Солнце зайдет, и наступит тьма. Пуля обязательно найдет свою цель. Кровь перекрасит воду в вино.

— Вот гильзы, — сказал Ник.

— Дай сюда, — обернулся дед. — Как вы шли к школе от центра поля?

— Они поднялись вон там, по склону, — показал Ник. — А я сделал крюк — хотел вызвать Андрею скорую.

— Ты звонил в скорую? — уточнил старик.

— Нет, — ответил Ник и передернул плечами. — Я понял, что он умер.

— Газон больше не топтали?

— Вроде бы нет, — ответил Ара. — Только если там.

Он показал в направлении, где лежало тело.

— Понятно, — оборвал его дед. — Ладно. Это потом.

Корби слушал их разговор и чувствовал себя в несокрушимом панцире одиночества. Дед, Ара и Ник стали для него бесконечно далекими. «Пусть делают, что хотят, — думал он, — они ничего не изменят и ничего не добьются».

Последние лучи солнца темным пожаром вспыхнули в верхних окнах школы. Огненный диск исчез за горизонтом, но небо над лесом еще светилось красным, оранжевым, розовым и фиолетовым.

— Как была разбита дверь? — Корби понял, что ему не в первый раз задают этот вопрос. Старик опять кричал на него.

— Он ударил, — попытался показать Ара.

— Корби? — тревожно сказал Ник. — Не витай в облаках.

— Я ударил дулом, — ответил Корби, — а потом перегнулся внутрь и сдвинул щеколду.

— Совсем идиот, — обругал его дед.

Они вошли в школу. В пустынных коридорах сгущался полумрак. Далеко впереди мерцал зелеными лампочками изувеченный телефон охраны.

— Ничего не трогать, — приказал старик, — и ходить только там, где уже ходили.

— Здесь мы стояли и думали, куда пойти, — показал Ара. — Потом Корби повернул сюда.

Все четверо двинулись вдоль по коридору центрального корпуса.

— Вон там мы остановились, потому что слышали, как идет один из них.

— Все как было, — приказал старик. — Шаг за шагом.

— На полу кровь, — предупредил Ник.

Отставной полковник остановился, присмотрелся.

— Слишком быстро запекается, — с досадой отметил он. — Дальше.

— Один из них спустился с лестницы, — продолжал Ара. — Корби взял его на мушку, но не стрелял. А тот говорил, что Корби не такой, как они, что он не выстрелит. И пошел к нам.

— Дальше, — сосредоточенно сказал старик.

— Корби сказал мне, чтобы я вызвал полицию, — снова заговорил черный брат. — С телефона на ресепшене. Хотя с мобильного было бы проще.

— Не рассуждай, — оборвал его дед. — Дальше.

Он обернулся к внуку.

— И ты. Твою версию я тоже хочу слышать.

— Он все правильно говорит, — равнодушно отозвался Корби.

— Я стал набирать полицию, — сказал Ара, — а тот парень подходил все ближе. Корби держал его на мушке. Потом закричал Ник.

— Я сажал вертолет, — вступил Ник. — Потом...

— На котором запись? — переспросил дед.

— Да, — подтвердил Ник. — Ну, то есть запись не на нем, а на айпode.

— И где это все? — спросил старик.

— Вертолет на крыше, — сказал Ник, — а пульт и айпод с нашими вещами в центре поля.

— А первые выстрелы Коли на пленке видно? — поинтересовался Рябин.

— Не думаю, — ответил Ник.

— А слышно? — допытывался дед.

— Там нет записи звука, — сообщил Ник.

— Хорошо, — кивнул старик. — Дальше.

Корби подумал, что это допрос. Старый полковник снова вышел на дело. Он стал почти таким же, как тридцать лет назад, когда он еще имел власть выбивать людям зубы табуреткой.

— Я посадил леталку, — продолжал Ник, — потом подбежал к Андрею и сразу увидел его глаза...

У него что-то булькнуло в горле, он неопределенно взмахнул рукой.

— Неподвижные, — сказал он. — Я не стал вызывать скорую и вдоль школы, там, где вы шли, побежал за друзьями.

— Дальше, — подстегнул дед. Казалось, он гонит вперед какое-то упрямое животное. Его «дальше» звучало все более сухо, отрывисто, нетерпеливо.

— Я увидел двоих в черном, — продолжал Ник, — и сначала хотел прыгнуть одному из них на спину, но потом понял, что они раньше доберутся до Корби, чем я до них, и закричал.

— Дальше.

— Можно я? — попросил Ара.

— Да, — согласился старик.

— Один парень стоял там, где сейчас кровь, — объяснил черный брат. — Корби повернулся и взял его на мушку. А тот, который вышел первым, остановился.

— И тот, который подбирался к тебе, тоже, — добавил Ник.

— Та, — поправил Ара. — Это была девушка. Она успела перелезть стойку и остановилась совсем близко от меня.

— Они все были в масках? — уточнил дед.

— Да, — подтвердил Ара, — но потом пуля Корби порвала маску у нее на лице.

— И никто из вас эту девушку не знает?

— Нет, — ответил Ник.

— Значит, убийцы в черных масках, — усмехнулся старик. — Как в этих ваших американских фильмах. Хватит шутки-то шутить. Это, небось, какие-нибудь ваши знакомые, а вы их покрываете. Вот и придумали про маски.

— Есть запись, — напомнил Ник.

— Ладно, дальше, — приказал дед.

— Первый из них опять что-то говорил, — вспомнил Ара, — а девушка оторвала трубку у телефона.

— А потом Корби выстрелил, — сказал Ник.
— Как? — спросил дед.
— В низ живота тому, который стоял вот здесь, — показал Ник.
Старик повернулся к Корби. Юноша бледно улыбнулся ему.
— Если проще, то я отстрелил ему яйца, — объяснил он. — Он схватился за них рукой и упал на колени. Кровь текла у него между пальцев.
Какое-то мгновение после его слов никто не произносил ни звука. Первым тишину нарушил дед.
— Дальше.
— Девушка стала душить Ару, — снова заговорил Корби. — Я хотел снести ей башку, но только оцарапал лицо.
— Она наклонилась вот так и прижала горло Ары коленом к углу стойки, — показал Ник, — а Корби стрелял отсюда, почти в упор.
— Дальше.
— Я увидел, что Корби открыт сзади для того, которого Ара называет первым, — продолжал Ник, — и попытался прикрыть Корби. Первый — огромный мужик. Он одним ударом разбил мне лицо, и я отлетел на пол, вон туда.
— Твоя кровь есть на полу? — спросил дед.
— Немного, — сказал Ник.
— Дальше.
Наступила тишина.
— Я лежал на полу и приходил в себя, — сообщил Ара. — Из-за стойки вообще ничего не видел.
— Корби, заканчивай, — предложил Ник.
— Я отпустил того парня, который ударил Ника, — заторможенно ответил Корби. — Он забрал раненого, и они ушли в ту сторону.
— Понятно, — сказал старик.
Корби различил тень презрительной улыбки. Он видел такую же улыбку много лет назад, когда заблудился в окрестностях их дачи и получил выговор, что настоящий разведчик так себя не ведет. Так взрослые свысока смотрят на ребенка, совершающего первую попытку сделать то, в чем они преуспели. Они упиваются короткими мгновениями своего превосходства, наблюдая, как он отбивает себе пальцы молотком, как тухнет под ветром его первый костер, как мяч попадает ему в лоб, как он кашляет от первой затяжки, морщится от вкуса спиртного и получает в шахматах детский мат.
Небо за окнами стало темно-фиолетовым.
— В общем, — подытожил Ник, — потом мы спорили, вышли обратно через тот вход, дошли до того места, где ждали вас, и все.
— Мне звонила девушка, — присовокупил Ара.
— Ты ей разболтал? — спросил старик.
— Нет, — ответил черный брат, — мы просто поговорили.
— Хорошо, — выдохнул дед. Минуту он думал, потом повернулся к Корби.
— Дай мне свой сотовый.
Корби подчинился. Дед не стал звонить на горячую линию, а сразу набрал номер местного отделения.
— Алло, дежурный, — обратился он, — произошло убийство.
Пауза.
— В районной школе...
Пауза. Было слышно, как Ара громко сглотнул.
— Рябин Виталий Сергеевич, — представился дед. — Со мной три свидетеля... подростки.
Пауза. Ник переступал с ноги на ногу.
— Трое преступников... в масках...
Пауза.
— Нет... Да... Скрылись с места преступления... Убежали...
— На машине, — громким шепотом подсказал Ник. — Было слышно.
Дед зло глянул в его сторону.

— Возможно, на машине, — добавил он.

Пауза.

— Нет, только слышал, — пояснил старик. — Они убежали от меня, когда я пытался их задержать. Потом я слышал, как уехала машина.

Ник быстро закивал, подтверждая его слова.

— Одна из них — девушка, — сказал дед.

Его слова рассеянным эхом разлетались по пустынным коридорам школы.

— Нет, мой внук — один из свидетелей. Он позвонил мне уже после убийства. Я пришел и застал преступников.

Пауза.

— Тридцать седьмого года рождения. Служил в органах.

Пауза.

— Он испугался, позвонил мне, а я не поверил на слово, поэтому не стал звонить вам, а сам прибежал к школе.

Дед делано усмехнулся.

— Глупо, неправильно, — подтвердил он, — но что уж взять со старика.

Пауза.

— Его столкнули с крыши школы.

Пауза.

— Коля, — повернулся дед, — как звали погибшего?

— Андрей Токомин, — ответил за Корби Ник.

— Андрей Токомин, — повторил дед. — Они все одноклассники.

Пауза.

— Нет, кто люди в масках, я не знаю. А погибший и свидетели были одноклассниками.

Ник тяжело вздохнул.

— Да, благодарю, — сказал старик. — Нас легко найти. Мы будем стоять у стены школы.

Пауза.

— Нет, не во внутреннем дворе. Снаружи. Еще раз спасибо.

Старик повесил трубку.

— Быстро за мной, — приказал он. — И слушайте, как все было...

Все четверо торопливо пошли обратно к выходу.

— Да, и запомните, — закончил инструктаж старик, — все случилось, когда солнце еще не село. В школе было светло. — Он оглянулся на Ника. — А позвонили не сразу, потому что приводили в порядок твое разбитое лицо... Ну-ка, подойди.

Ник сделал шаг в его сторону. Старик защемил его нос между своих пальцев и крутанул. Подросток вскрикнул.

— Ну что, идет? — спросил старик.

Ник молчал, закрыв лицо руками. Было видно, как по его подбородку сбегает темные дорожки.

— Хорошо, — одобрил дед. — Будет свежая. Осталось подновить покойничка.

Он подошел к Андрею и попытался опуститься на корточки, но не смог — подвели больные суставы. Ему пришлось встать на колени.

— Что вы делаете? — спросил Ара.

— Не трогайте, — гнусаво потребовал Ник, — я не позволю.

— Остынь, — огрызнулся на него старик, — ничего ему не будет.

Он достал из кармана баночку и пипетку, склонился над лицом погибшего и осторожно закапал ему жидкость в глаза и в ноздри. Потом провел мокрым кончиком пипетки по мертвым губам.

— Ну вот, — закончил он, — готово. Коленька, помоги мне встать.

Корби не двинулся с места.

— Ну что же вы, — рассердился старик. Его пожалел только Ара. Не сразу, с опозданием почти в полминуты, он подошел к старику и протянул ему руку. Дед Корби даже не посмотрел на него. Он сверлил глазами внука.

— Я тебе это попомню, — обещал он. Корби не ответил.

Наступили сумерки. Издалека, со стороны ручья, донеслась трель какой-то ночной птицы. Скоро ее перекрыл вой приближающейся сирены.

Часть вторая Депрессия

Наступает ночь,
и нас слишком мало.
Джим Моррисон

Глава 8 Свидетели

Корби снился странный и страшный сон. Была осень. Лил дождь. На круглом плацу лежали тела нескольких десятков людей. Сожженные, застреленные или пронзенные, с вырванными глазами и перерезанным горлом. Некоторые из погибших еще цеплялись друга за друга. Они умерли в смертельной схватке, одержимые холодной ненавистью. Дождь затекал в их открытые глаза, в их мертвые оскаленные рты.

Вокруг плаца возвышались круговые каменные террасы. Там, наверху, горели факелы. Их принесли странные создания. Они выглядели как люди, но имели огромные красивые крылья с лазурно-золотым оперением. Корби мог бы подумать, что они ангелы или демоны, но в их лицах было что-то дикое и суровое, свойственное скорее людям древности, чем мифическим существам. Они ходили в одних набедренных повязках. Их спины вздувались желваками мышц, не существующих у обычного человека. Под тяжестью своих крыльев они наклонялись вперед и припадали к земле. Они сидели на корточках, опустив руки перед собой. В этом положении в них появлялось что-то даже звериное.

Создания спокойно расположились на террасах. Иногда кто-то из них срывался и улетал, спиралью поднимаясь вверх, в непроглядную бездну дождливого неба, а другой опускался вниз, чтобы, шумя крыльями, сесть на свободное место.

Внизу, между телами погибших, пробирались два человека: мужчина и подросток. Мужчина был похож на старого грифа. Он курил, кутался в длинное осеннее пальто и все время всматривался в лица погибших. Казалось, он очень устал. Корби узнал в пожилом человеке своего отца, но его лицо было изменившимся и каким-то безвременным, словно он просуществовал долгие годы не живой и не мертвый. А рядом с ним шел юноша с лицом Андрея. Он казался чуть старше, чем при жизни. Взгляд его был спокойным и печальным. Он убрал руки в карманы куртки и тоже смотрел на мертвецов.

— Ты помнишь, как выглядит мой сын? — спросил отец Корби у подростка.

— Конечно, — ответил тот. — Он же мой лучший друг.

— Не боишься? — спросил мужчина

— Думаєте, он здесь? — усомнился Андрей. — Я бы спросил о нем у тех, кто улетает.

«Эти его вечные сложные формулировки, — с раздражением подумал Корби, — как вчера утром он стал гнать про судьбу, так и сейчас».

Мужчина и подросток начали подниматься. Теперь они шли по одной из круговых террас, мимо полулюдей, несущих свою мрачную вахту. Мужчина держал подростка за руку.

— Не боишься? — спросил взрослый.

Андрей только покачал головой. Отсветы факельного пламени падали на его лицо, заставляли искриться золотистые волосы. Никто не пытался остановить их или заговорить с ними. Никто даже не смотрел на них. Казалось, для странных существ они не существуют.

По мере того, как они поднимались, облик Андрея менялся. Он молодел. Скоро он снова выглядел как ровесник Корби, а потом превратился в мальчика лет десяти. Ребенок тоже вел себя сдержанно, как будто давно привык к этому жуткому месту, странным созданиям и угрюмому взрослому, который сопровождал его. Вот его взгляд остановился на одном из ближайших крылатых факелоносцев — так дети беззастенчиво разглядывают в метро незнакомых людей.

— Давайте спросим этого, — предложил он отцу Корби.

— Попробуй, — ответил тот. — Я пойду дальше.

Он выпустил руку ребенка и вышел на берег ночной реки, облицованный серым гранитом. Там, в воде, лежало что-то темное и бесформенное. Мужчина некоторое время смотрел вниз, потом медленно поднял голову.

— Мальчик, эй, мальчик, — позвал он, — иди сюда. Я нашел.

Корби застал и открыл глаза.

Он лежал одетый на своей кровати. Все его тело онемело и затекло. За окном был новый день. А над кроватью склонялся дед и теребил внука за плечо.

— Что? — пробормотал Корби. Язык еле ворочался у него во рту. Он чувствовал себя странно, как будто ночью его выпотрошили и набили ватой. Он приподнялся на локте, встряхнул головой и понял, что видел самый невероятный сон за всю свою жизнь. Потом он встряхнул головой еще раз и вспомнил вчерашний вечер. Это знание оглушило его, и он рухнул обратно в кровать.

Вечерние сумерки превратились в густой темно-фиолетовый мрак, когда подъехала первая полицейская машина. Ее обгоняли равномерные всполохи сигнальных огней. Тень от угла здания упала поперек лица Андрея, а потом поползла в сторону. Этот момент вдруг напомнил Корби что-то из прошлого — как однажды он остался у Ары на ночь, и тот зачем-то понес через комнату лампадку своей матери. Лампадка была из синего стекла. Корби помнил, как танцевал в ней огонек, как Ара крался по темной комнате, неся его в руках, как всполохи оранжевого и темно-синего цвета смешались на его лице. Зачем? Наверное, это была какая-то игра.

— Мою версию вы будете рассказывать не только полиции, но и родителям, и друзьям, и вообще всем, кто вас спросит, — напоследок напомнил старик.

Автомобиль обогнул школу и остановился внизу, на объездной дорожке под косогором. Вой сирены оборвался. Из легковушки показались двое полицейских. Один из них остался стоять у двери машины, другой поднялся по ступенькам бетонной лесенки, ведущей на косогор.

— Это понятно, — гнусаво ответил Ник. Он стоял, чуть запрокинув голову, и ждал, когда остановится кровь.

Полицейский подошел к группе людей, собравшихся вокруг тела Андрея.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался он.

— Здравствуйте, — вразнобой откликнулись подростки.

— Кто звонил? — спросил полицейский.

— Я, — поднял руку дед Корби.

— Виталий Рябин? — уточнил полицейский.

— Да, — подтвердил старик.

В этот момент на соседней улице и во внутреннем дворе школы вспыхнули оранжевым светом лампы уличного освещения. Центральный вход школы выходил во внутренний двор, а один из корпусов не имел первого этажа и был поднят над землей на трех рядах простых бетонных колонн. Обшарпанный голый портик напоминал разросшуюся подворотню. Теперь блики света, проникшие

между колонн, неровными квадратами легли на подъездную дорогу перед школой. Их было видно от места, где лежало тело Андрея.

— Вот черт, — сказал полицейский. — Здесь что, фонари не работают?

— Их здесь никогда и не было, — ответил Ник. — Мы зимой после уроков ходили почти вслепую.

— Плохо, — констатировал полицейский. Он оглянулся на своего товарища.

— Нужен фонарик, — крикнул он. — А лучше два.

— Нету у нас двух, — ответил напарник и полез обратно в машину.

Полицейский переминался с ноги на ногу. В его нагрудном кармане негромко шипела рация. Сквозь постоянный шум прорывались отдельные слова:

...ДТП на киевском...

...диспетчерская... ..диспетчерская...

...я Сокол, прием...

...нужно еще пару человек...

...код 309... ..код 309...

...диктую номер машины по буквам: Андрей, Егор, Сергей...

...мне нужен...

...диспетчерская... ..диспетчерская...

Корби поймал себя на том, что слушает шум эфира с большим интересом, чем происходящий у него на глазах разговор. Жизнь не остановилась; настоящее было полно событий, а будущее — возможностей. Люди умирали и рождались, машины мчались по дорогам, работали сверхсложные системы, бились сердца. Продолжался непрерывный полилог множества голосов. И его эхо поднималось к сумеречным небесам, в которые безмолвно смотрел Андрей.

— Упал с крыши? — спросил полицейский.

— Да, — подтвердил Ара.

— Его столкнули, — поправил Ник.

Служитель порядка невесело вздохнул, нажал кнопку на рации.

— Диспетчерская, я Ялта, — представился он. — Подтверждаю сообщение об убийстве.

Его голос дублировался шипящим эхом из динамика.

— Принято, Ялта, — затрещал в ответ нечеткий женский голос. — К вам едет оперативно-следственная бригада. Действуйте по инструкции.

— Хорошо, — ответил полицейский. Его напарник нашел фонарь и вместе с ним взбежал вверх по лестке. Луч света заметался по траве косогора и остановился на лице погибшего подростка.

— Пацан совсем, — заметил напарник, рассмотрев Андрея. Он обошел тело и попытался приладить светильник к небольшому выступу в стене школы, но первый его остановил.

— Упадет, — сказал он. — Положи, положи его просто.

Фонарь был опущен прямо на асфальт, в тридцати сантиметрах от края кровавой лужи. Корби поймал себя на том, что в который раз смотрит на лицо Андрея, наблюдает, как по нему ползут тени, тщится уловить в нем движение, признак жизни.

— Тело не трогали? — спросил первый полицейский.

— Нет, — заверил дед.

— Отойдите от него на два метра, — попросил напарник. — И вы, молодой человек.

Он показал на ноги Корби.

— Есть свидетели убийства? — поинтересовался первый.

— Все, — сказал Ара.

— Все? — удивился полицейский.

Дед Корби откашлялся.

— Не совсем так, — пояснил он. — Эти трое молодых людей — свидетели убийства, а я пришел позже, но успел застать убийц.

— А у вас с лицом что? — спросил полицейский у Ника.

— Мне его разбил один из тех, кто столкнул с крыши Андрея, — ответил тот.

— Так, понятно, — подытожил полицейский. — Вы еще и пострадавший. Документы у вас есть?

— Нет, — хором сказали подростки.

— У меня есть, — ответил дед.

— Подходите к машине, — решил полицейский. — Вы первый. И остальные потом тоже.

Старик по широкой дуге обогнул тело Андрея и вслед полицейским спустился вниз по лесенке.

— Вот, — протянул он служивому какой-то листок.

— Что это? — не понял сотрудник.

— Право на ношение оружия, — объяснил дед. — Будет иметь значение, потому что я ранил одного из бандитов.

Он вытащил из-за пояса «стечкин» и, держа его двумя пальцами, как бы подвесил в воздухе перед носом полицейского.

— Так... — пробормотал служивый. — Час от часу не легче.

— Вы, молодой человек, обязаны сейчас его у меня забрать и оформить протокол, — проконсультировал дед.

— Не вам судить, что я обязан, — недоверчиво глядя на оружие, сказал полицейский.

— Я, сынок, был офицером КГБ, когда ты под стол пешком ходил, — отчеканил дед. — Вот, положим, я убийца — ты бы тогда уже мертвый был. Так что бери его. Ты обязан меня обезоружить, вплоть до выяснения всех обстоятельств дела.

— Не тыкайте мне и не угрожайте, — потребовал полицейский. Однако пистолет он у деда забрал и теперь тоже держал его двумя пальцами. Подростки молча наблюдали за сценой. Корби подумал, что «стечкин» сейчас напоминает какое-то дохлое мерзкое существо: к нему относились с брезгливостью, а он холодно и темно поблескивал в тусклых всполохах полицейской мигалки.

— Я не угрожал ни в коем случае, — возмутился старик. — Даже напротив, хотел предостеречь от возможных неприятностей.

— Ладно, ладно, — согласился полицейский. Он забрался в машину, отыскал в бардачке целлофановый пакет и сунул в него пистолет. Потом стал переписывать данные. Корби поймал на себе взгляд Ника.

— Помнишь? — спросил тот. — Утром я тебе сказал, что лучше бы ты разбил своему старику лицо.

— Да, — еле слышно ответил Корби. — И ничего этого не было бы.

Полицейский вернул бумажку деду.

— Следующий.

Подошел Ара.

— Фамилия, имя, отчество?

— Джинаганаля Ара Феликсович, — ответил черный брат.

Полицейский чуть поднял брови.

— Отец был студентом из Буркина-Фасо, — пояснил Ара.

— Тогда фамилию еще раз по буквам, — попросил служивый.

— Джон, Жюль, Инга, Наталья... — начала Ара.

Один за другим следовали рутинные вопросы. Третьим подошел Ник, четвертым — Корби. Полицейский еще переписывал его данные, когда подъехала новая машина.

Это был устаревший «уазик» с подслеповатой круглой мигалкой. Из него вышли четверо. Мужчина, который сидел рядом с водителем, сразу направился к патрульной машине. Видимо, этот человек был главным в группе — высокий, как баскетболист, с плоским усталым лицом и большими расплюснутыми губами. На нем был поношенный, но еще приличный костюм.

— Я следователь, Анатолий Геннадьевич Крин, — негромко представился он. — Это свидетели?

— Свидетели, — подтвердил из машины рядовой. — Этот парень — пострадавший, — он показал на Ника. — И пожилой мужчина... сам пытался за-

держат преступников. Он сдал мне пистолет.

— Как сдал? — переспросил Крин. — Как найденный? Или по разоружению населения?

Полицейский опешил и запутался.

— Он говорит, что из этого пистолета ранил одного из нападавших. Как вещдок, наверное... — попытался объяснить он. — У него разрешение на ношение.

Крин замычал, как от зубной боли.

— Вещдоки берут при понятых, — процедил он. — А теперь это хрен знает что и лишний ком бумажной волокиты.

Полицейский начал неразборчиво извиняться.

— Покажите пистолет, — потребовал Крин. — Там тело?

— Да, — подтвердил Ара.

Крин чуть ли не вырвал оружие из рук патрульного и злой, ни на кого не глядя, пошел к своим людям. Корби заметил, что дед улыбается. Все было устроено специально. Старый пройдоха разрушил какую-то важную формальность.

— Барыбкин, — приказал Крин, — с фонарем вокруг здания. Желтую ленту на все интересное.

Один из приехавших с ним мужчин засветил фонарик и быстрым шагом ушел в темноту

— Катунин, — продолжал Крин, — ленту вокруг тела. И дайте нам свет. Я хочу, чтобы повсюду был свет. Зайдите в школу и зажгите свет в каждом классе с этой стороны. Потом найдите мне материально ответственного за школу: директора, завхоза, все равно. Зотов, найдите понятых. И если кто-то что-то видел...

— Есть, — ответил второй оперативник. Он ушел в направлении окраинных пятиэтажек.

— Михаил Григорьевич, — окликнул Крин последнего из своих спутников, — пойдете.

— А куда ж мы денемся, — ответил тот. Он был самым старшим из всех, не торопился и ждал следователя в начале лесенки, ведущей на косогор. В руках у него был большой бело-красный ящик, с удобной ручкой для ношения. Корби догадался, что этот человек — судмедэксперт.

Крин и Михаил Григорьевич поднялись на косогор. Судмедэксперт установил свой чемоданчик в ногах Андрея и начал работу. Крин вместе с ним несколько минут провел у трупа, потом вернулся к патрульной машине.

— Вы хоть правильно свидетелей оформили? — спросил он.

— Да, — сказал полицейский. — Как раз закончил.

— Дайте посмотреть, — попросил Крин. Он пролистал бумажки.

— Хорошо, — одобрил он. — Так, а это что?

— Разрешение на... — начал полицейский.

— Вижу, — оборвал его Крин. — Верните владельцу оружия. Сейчас нам эта бумага не нужна. А на то, что вы сделали, я рапорт напишу. Не потому что я злой, а потому что так положено.

На школьном дворе стало больше света: зажглись четыре старых фонаря по периметру футбольного поля. Стало слышно, как натужно раскаляются мощные лампы. Вслед за ними стал вспыхивать свет в классах. Крин с бумагами, заполненными патрульным, подошел к Корби и остальным.

— Господа, — сказал он, — прошу вас ответить на несколько общих вопросов. Пока без протокола.

— Хорошо, — отозвался Ник. Ему, наконец, удалось остановить пущенную дедом кровь. Он выглядел очень усталым.

— Кто своими глазами видел преступление? — спросил Крин.

— Мы трое, — ответил Ара.

— Знали погибшего? — поинтересовался Крин.

— Мы его одноклассники, — объяснил Ник.

— Откуда вы все видели? — уточнил следователь.

— С поля, — показал Ара. — Там до сих пор наши вещи.

— И мы записали убийство на видеокамеру, — добавил Ник. — Я могу по-

казать.

— У вас с собой камера? — уточнил Крин.

— Я запускал модель вертолета с установленной на ней видеокамерой, — ответил Ник.

— Какая-то шпионская штука? — заинтересовался Крин. — Сами делали?

— Отец делал на заказ для киностудии, — ответил Ник, — но это к делу не имеет отношения. По крыше бежали люди. Андрей и трое в масках, которые его загоняли.

— Как это, загоняли? — переспросил следователь.

— Брали в клещи, — вмешался Корби.

— Он от них убегал, — сказал Ник. — В общем, они прижали его к краю крыши. Он добежал до угла и там пытался защищаться. Это все есть на видео-записи.

— Очень хорошо, — одобрил Крин.

— У него выбили что-то вроде перочинного ножика, — добавил Корби.

Ребята переглянулись. В лице Ника появилась решимость.

— А потом он упал, — быстро закончил он, — и Корби позвонил деду.

— Корби? — переспросил следователь.

— Корби — это я, — объяснил Корби. — Прозвище.

— Хорошо, — решил следователь. — С остальным мы разберемся, как только будут поняты, а сейчас... — его взгляд остановился на Корби, — я хотел бы поговорить с вами.

Глава 9 Первая ложь

В «уазике» пахло потом и старой кожей. Крин привычно положил на руль большой планшет, запустил старый ленточный диктофон.

— Ваше имя и фамилия? — спросил Крин.

— Николай Рябин, — ответил Корби.

Крин быстро переписал данные Корби в форму.

— Как зовут погибшего?

— Андрей Токомин, — ответил Корби. — Отчество не помню.

— Вы знаете контакты его родных?

— У Ника спросите, — предложил Корби. — Они общались.

— Вы пришли вместе с друзьями? — поинтересовался Крин

— С Ником, — ответил Корби, — а Ара нас ждал.

— Когда вы пришли? — уточнил следователь.

— Чуть раньше восьми, — сказал Корби.

Подъехала белая газель-труповозка, похожая на скорую, только без окон и без мигалки. Из нее вышли устало выглядящие люди в синих спецовках.

— С погибшим у вас была назначена встреча?

— Да, — подтвердил Корби. — Он тоже должен был прийти в восемь, но опоздал. Ник ему звонил и не дозвонился.

— Что случилось потом? — спросил следователь.

— Мы стояли в центре поля, — ответил Корби. — Ник запускал модель. У него на экране мы увидели, что по крыше бегут люди. Андрей и трое в масках.

— В масках? — переспросил следователь.

— В черных масках, — сказал Корби. — Все должно быть на записи.

Крин кивнул.

— Он от них убегал? — спросил он.

— Да, — подтвердил Корби. — Они прижали его к краю крыши.

Корби вспомнил, как Андрей кричал свои последние слова.

— Что вы делали в тот момент? — перебил его мысли Крин.

— Ничего, — соврал Корби. — Я ничего не мог сделать. Ник снимал их вертолетом, а мы с Арой просто смотрели. Он добежал до угла и там попытался

защищаться. Его сбросили вниз.

Следователь кивнул.

— Пожилой мужчина с пистолетом — ваш дед? — поинтересовался он.

— Да, — подтвердил Корби.

— Как он здесь оказался?

— Я позвонил ему сразу после падения Андрея, — заученно отрапортовал Корби.

— Почему не в полицию? — удивился следователь.

— Ну, там же вроде какой-то другой код, — вывернулся Корби. — Я просил деда позвонить в полицию с городского телефона, а он мне не поверил и сам сюда пришел. И мы пошли внутрь школы.

— Вот так взяли и пошли? — спросил следователь.

— Н-нет, — медленно ответил Корби.

— Не волнуйтесь, — сказал Крин. — Просто рассказывайте, что случилось. Это не допрос. Нет протокола. Вы не даете мне показания, под которыми будет нужно ставить подпись. Пока не даете.

— Да, я не рассказал... — «вспомнил» Корби, — немного перепрыгнул...

— Перепрыгнули что? — уточнил Крин.

— Дед пришел через пятнадцать минут, — объяснил Корби. — До этого мы с друзьями сначала подошли к Андрею, а потом пошли вдоль школы до запасного выхода.

— Зачем? — спросил следователь.

— Просто... ну... была идея, что мы можем увидеть, как убийцы спускаются вниз, — попытался выкрутиться Корби, — и они действительно спустились, но не сразу, а уже когда подходил дед.

— Кто открыл двери школы? — спросил Крин.

— Мы, — сказал Корби. — То есть я и дед. Он разбил стекло, а я просунулся внутрь и открыл щеколду.

Крин оторвался от листа и сквозь лобовое стекло «уазика» посмотрел на свещающееся всеми окнами здание.

— Которую из дверей? — уточнил он.

— Ту, — показал Корби. — Дальнюю с этой стороны.

— До или после убийства? — спросил следователь.

— Конечно, после, — ответил Корби. — До убийства деда здесь не было.

— Хорошо, — кивнул следователь. — А как?

— Дед разбил стекло пистолетом, а я просунулся внутрь и сдвинул щеколду, — объяснил Корби.

— Зачем? — спросил Крин.

Корби почувствовал, что у него пересыхает во рту. Он видел, как вокруг машины и по полю ходит множество людей. Его друзья стояли рядом со своими вещами. Поодаль от них курил водитель труповозки. Барыбкин рассматривал примятую траву и что-то втолковывал одному из патрульных.

— Когда дед подошел, мы с друзьями там стояли, — объяснил Корби, — и сквозь стеклянную дверь увидели, как убийцы спускаются по лестнице и выходят в коридор.

Крин задумался.

— Ваш дед всегда ходит с оружием? — серьезно спросил он.

— Не думаю, — нервно ответил Корби, — но если вы спросите, все ли у него дома, я за него не поручусь.

Он заметил, как у него потеют руки. Ему вдруг пришло в голову, что он может просто подставить старика. Достаточно сказать еще несколько слов, и тот начнет выгладеть едва ли не убийцей. Но он промолчал.

— То есть ваш дед взял пистолет после того, что вы сказали ему по телефону? — уточнил Крин.

Корби лихорадочно облизнул губы. Ему совсем не нравилось, к чему могут подводить эти вопросы Крина. Внезапно в окно машины постучали. Вернулся Зотов. За его спиной стояла сильно крашенная тетка с маленькой собачонкой

на руках и низкорослый небритый мужчина с глазами, горящими нездоровым интересом.

— Есть понятия, — объявил оперативник.

Крин поморщился.

— Идите к труп, — приказал он. — Я буду через пару минут.

Корби понял, что это его шанс.

— Пришел дед, — быстро заговорил он, — и мы как раз увидели, как они спускаются. Мы замахали ему. Он подошел, разбил стекло пистолетом. Я просунулся внутрь и открыл дверь. Трое в масках побежали по коридору центрального корпуса. Мы за ними погнались.

Корби еле успел перевести дыхание и, не давая следователю времени на вопросы, продолжал.

— Дед приказал им остановиться, угрожал пистолетом. Они остановились, и в вестибюле школы мы их догнали. Ара стал вызывать полицию по городскому телефону.

Крин хмурился и кивал. Корби усилием воли заставил себя не отводить в сторону взгляд.

— Но тут они напали на нас, — скороговоркой закончил он. — Я растерялся. Нику разбили лицо, телефон сломали. Дед подстрелил одного и стрелял в другую, но чуть-чуть промазал. Это была девушка. Пуля сорвала маску с ее лица. Это она телефон сломала. И потом они убежали, а мы остались. У Ника было сильно разбито лицо.

— Ладно, — наконец, протянул следователь.

Корби услышал надрывный стук своего сердца. Он чувствовал себя так, будто убежал от своры собак. Крин задумчиво всматривался в его лицо.

— Ладно, — повторил он. — Пока вы свободны.

Корби вышел из «уазика» и остановился, жадно вдыхая запахи летней ночи. Снаружи тянулись шеренгой машины. На частных легковушках подъехали прокурор, замначальника розыска и сильно напуганная директриса.

Корби знал, что ему следует предупредить Ару и Ника насчет каверзы с тем моментом у двери. Но вместо того, чтобы подойти к друзьям, Корби зашел за фургон труповозки и уперся лбом в ее пыльный холодный бок. Его оставили последние силы.

Он вдруг понял, что ему все это что-то напоминает. Машины, выстроившиеся в ряд, суетливые люди, Андрей с растекшейся под ним лужей крови. И он тоже кого-то себе напоминал. Наверное, самого себя. Так же, как и несколько лет назад, он чувствовал, что люди стали ему невыносимы. Он хотел отделиться от них, остаться один. И вот он стоит здесь, забившись в проход между машинами, прячется и от Крина, и от своих друзей, как будто здесь можно спрятаться.

Корби внезапно вспомнил день смерти своих родителей. Видение прошлого было четким, осязаемым, будто сейчас все снова повторялось. Он — тринадцатилетний мальчишка — сидел за своим письменным столом и делал уроки. Было семь часов вечера пасмурного октябрьского дня. Снег еще не выпал, но листья с деревьев почти облетели. На улице было холодно и мерзко, порывистый ветер рвался в закрытое окно и звякал шпингалетом форточки.

Корби торопился разделаться с неподатливой математикой. Вечером по телику крутили его любимый сериал — «Полицию Майами». Корби знал, что если не доделает домашнее задание, отец не даст ему смотреть телевизор. Он писал формулы, жульничал, перемножая на калькуляторе трехзначные числа, и периодически поднимал голову, чтобы прислушаться. Его комната стеной граничила с лестничной клеткой; напрягая слух, он мог различить звук лифта, останавливающегося на этаже. Это бы означало, что родители возвращаются домой. Они должны были вот-вот приехать. Отец Корби работал менеджером в компьютерном салоне, а мать — бухгалтером в офисе автобусного парка. Отец на полчаса

раньше заканчивал свой рабочий день и на машине забирал маму с работы. Иногда они задерживались, чтобы зайти в магазин.

Тогда они жили на верхнем этаже шестнадцатизэтажного дома. Из окон их квартиры было видно плоскую крышу колледжа для богатеньких детишек. За ним проходило шоссе, а за шоссе, немного в стороне, была школа самого Корби.

Корби дописал условие очередной задачи и прислушался. Лифт молчал. Зато ветер принес со стороны дороги визг тормозов. Звук был коротким и резким, как оборванный предсмертный крик. Потом раздался удар.

Корби вскочил и посмотрел в окно. Серая полоса далекой дороги тонула в сумерках. Один из придорожных столбов был поврежден, а в его полуразрушенном основании застрял вдребезги разбитый автомобиль. У обочины дороги, в нескольких метрах позади машины, лежал сбитый и отброшенный пешеход. Вокруг него стояло несколько человек. Корби понял, что это подростки. Теперь ему казалось, что они стояли там точно так же, как сегодня он и его друзья стояли над телом Андрея.

Он торчал у окна, напрягал глаза, чтобы рассмотреть маленькие фигурки, и не сразу заметил, что попавшая в аварию легковушка похожа на «ауди» его отца.

Рядом с местом аварии остановились два других автомобиля. Группа несовершеннолетних испугалась чего-то, и они бросились бежать в темноту.

Загорелись уличные фонари. При их свете Корби заметил, что разбившаяся машина имеет темно-синий цвет — такой же, как «ауди» отца. «Бывают же совпадения», — подумал он.

В половине восьмого он понял, что родители должны были приехать хотя бы пять минут назад. Его охватила слабость. Он почувствовал странную тянущую боль в левой стороне груди. До этого у него никогда не болело сердце, и он не мог понять, что с ним происходит. Он прижался лбом и руками к холодному стеклу — так же, как сейчас прижимался к фургону, — потом не выдержал и побежал на кухню, к городскому телефону. Тогда у него еще не было своего мобильного. Он на память набрал номер матери. Прошла минута, две, три. Наконец гудки оборвались.

Корби повесил трубку. «Она просто не слышит, — подумал он, — она часто не слышит». Можно было позвонить отцу, но отец не любил, чтобы ему звонили, когда он ведет машину. Минуту или две мальчик мялся у телефона, потом все-таки набрал папин номер.

— Извините, абонент недоступен. Попробуйте. . .

Корби положил трубку. «Я ошибаюсь», — подумал он. Открыл справочник — телефоны всех домашних были на первой странице — и снова набрал номер матери, потом — номер отца. Все повторилось.

Корби бросился обратно в комнату. Он действовал лихорадочно, но думал спокойно. «У них сломалась машина, — говорил он себе, — папа выключил мобильник, потому что он за рулем, а мама минут через пять проверит свой мобильник и перезвонит». Спокойно убеждая себя в этом, он натягивал джинсы, надевал рубашку и свитер, завязывал ботинки.

Что-то произошло с ним, только когда он снял с вешалки куртку. «Зачем я это делаю, — спросил он себя, — ведь все в порядке».

— Нет, — пробормотал он.

Ему пришла идея, что можно позвонить родителям на работу. Он в ботинках вернулся на кухню и снова набрал номер матери. Там были только длинные гудки. Он набрал номер отца. Трубку снял папин сменщик.

— Здравствуйте, — сказал ему Корби. — А Рябина можно?

— Он ушел почти час назад, — удивленно ответил мужчина. — Погоди, а ты ведь его сынишка, да?

Корби бросил трубку. Час. Час. Час — это слишком много. За час можно дважды забрать маму с работы и дважды приехать домой.

Он бросился вон из квартиры. Сердце больше не болело — теперь оно бешено колотилось.

Он еле дождался лифта. В кабине он гладил пальцами резиновые амортиза-

торы дверей, как будто от этого они могли быстрее открыться. Как только лифт достиг первого этажа, Корби выскочил из него и бросился на улицу.

Он бежал вдоль забора колледжа, почти тем же маршрутом, которым каждый день ходил в школу. Порывистый ветер охлаждал лицо и трепал непокрытые волосы.

Выскочив к дороге, Корби резко остановился.

«Это не машина отца», — подумал он. Он стоял и с облегчением смотрел на то, что осталось от легковушки. Передней части у автомобиля больше не было. Рваные остатки капота вдавились в пассажирский салон, а крыша салона почти касалась своим верхом покосившегося фонарного столба.

Корби рассуждал логически. «Мои родители не могут умереть, — думал он, — а те, кто в этой машине, не могут быть еще живы. Значит, это не их машина». Все так просто.

Он настолько успокоился, что вспомнил про самого себя. Застегнул куртку и накиннул на голову капюшон.

Движение на дороге было слабым, но рядом с местом аварии уже стояло несколько других автомобилей. Они выстраивались в ряд, как машины у школы в вечер смерти Андрея. Водители останавливались, заглядывали в окна разбившейся машины, потом на полминуты замирали над распростершимся телом сбитого человека — и либо уезжали, либо присоединялись к небольшой группе зевак. Кто-то говорил по телефону — видимо, вызывал милицию.

Корби подумал, что раз уж он сюда пришел, глупо будет просто возвращаться домой. Он перешел дорогу. Сначала его взгляд обратился к сбитому подростку. Нижняя часть его тела была жутко вывернута, обломки костей торчали сквозь штаны. Корби затошнило. Он пожалел о своем любопытстве, отвернулся. И только тогда по-настоящему увидел.

На заднем бампере машины был знакомый номер «НЛО 177». Отец Корби любил пошутить насчет этого номера. Теперь у отца Корби не было лица. Струйки его крови блестели на сдавленном капоте погибшей «ауди» и на бетоне фонарного столба. С мамой все было хуже. Часть ее тела вылезала из разбитого окна.

— Эй, парень, хорош любоваться на чужую смерть! — раздраженно крикнул водила, который до этого вызывал милицию. — И вы все тоже! Пошли отсюда, пошли, не на что тут смотреть!

И Корби пошел прочь.

— С телом все! — закричал кто-то из оперов.

— Понятые, осмотрите вещи свидетелей, — попросил другой.

— Где Николай Рябин? — тут же позвал Крин. — Понятых обоих сюда.

Корби очнулся от видения, понял, что у него лоб перепачкан грязью с борта машины, нашел в кармане бумажную салфетку и вытер ею лицо. Руки сильно дрожали. Стараясь ни на кого не смотреть, он вышел из-за фургона и пошел к своим друзьям. Ара уже открыл свой рюкзак и показывал бутылки Крину и первому понятому. Он был бледен, но держался.

— Странные бутылки, — подивился следователь.

— Это вино из Армении, — сказал Ара, — от моей мамы.

— Дорогое, наверно, — заметил Крин.

— Нет, так только кажется, — ответил Ара. — В любом случае, мама сама бы его не выпила.

Следователь хмыкнул.

— И много у нее? — спросил он.

— Последние, — сказал Ара. — А больше в рюкзаке ничего.

— Ладно, — решил Крин, — вино запишите.

Опер занес вино в опись.

— У вас? — спросил Крин.

- Пустой рюкзак, — сказал Корби.
— Показывайте, — предложил следователь.
Корби открыл. Луч фонарика высветил ворох денег и одинокий черный носок.
— Не пустой, — возразил Крин. — Или денег в нем быть не должно?
Корби почувствовал на себе злобный взгляд старика. И Ник смотрел почти так же.
— А... это деньги деда, — почти честно сказал Корби.
— Да, мои, — подтвердил старик. — У нас утром ссора была. Разногласия между поколениями. Я потом из-за этой ссоры не сразу поверил в его телефонный звонок.
— Вот как, — прищурился Крин.
— Да, — сказал дед. — Когда он мне позвонил, я решил, что этот бандит меня разыгрывает.
— Стало быть, он вас обокрал? — спросил следователь.
— Все нет, — ответил отставной полковник. — Я сам этими деньгами в него швырнул. В ярости.
— Ладно, — решил Крин. — Пересчитайте. Мы запишем.
Корби сел на корточки рядом со своим рюкзаком и начал складывать бумажку к бумажке. Он вдруг почувствовал, что его губы дрожат и глаза наполняются слезами. Он собирался посчитать эти деньги три часа назад, когда все было совсем иначе.
Он еще возился с ворохом бумажек, когда Ник в присутствии понятых запустил ролик с убийством. Его смотрели в безмолвии. Лишь раз Крин нарушил тишину.
— Почему убийца пригнулся? — спросил он.
— Не знаю, — сказал Ник.
Корби дошел до сорока тысяч, когда почувствовал безумную боль у себя в ухе. Тихо, пока все смотрели в другую сторону, старик подкрался к нему. Теперь он тянул ухо и выкручивал.
Корби не кричал, он просто задохнулся от боли. Перед глазами поплыли белые круги.
— Что? — прошипел ему в другое ухо дед. — Не только пистолетик взял? Хотел еще пожить?
- Корби ногтями впился ему в руку. Несколько секунд они боролись и, наконец, старик проиграл.
— Я запру тебя в чулане, — поклялся он, — и ты будешь там жить. А иначе я сдам тебя с потрохами, маленькая мразь.
Корби не ответил, только отодвинулся на безопасное расстояние и, все еще вздрагивая от боли, продолжал считать деньги.
— Уж на эту-то ночь точно, — заверил старик.
Корби вынул из рюкзака последние бумажки и обнаружил, что на дне под ними все еще лежит жестяная коробочка с масляной тряпкой. Быстро, почти автоматически, он достал ее и сунул под рюкзак Ары, потом встал и, складывая деньги в ровную стопку, подошел к остальным.
Здесь шел бурный разговор.
— Зачем вам вертолет? — спрашивал Ник. — Возьмите саму запись.
— Молодой человек, не спорьте, — устало отвечал Крин. — Я все равно обязан конфисковать его как улику.
— Отец убьет меня, — с досадой отмахнулся Ник от следователя. Его яростный взгляд уперся в Корби.
Корби спас Крин.
— Пересчитали? — спросил он.
— Шестьдесят семь тысяч, — сообщил подросток.
Крин присвистнул.
— Можете проверить, — предложил Корби.
— Не нужно, — сказал следователь. — Больше у вас там ничего нет? По-

кажите дно.

Корби вернулся за рюкзаком и показал.

— Тряпочка? — уточнил Крин.

— Носок, — объяснил Корби. — Я собирался уйти из дома. Остальные мои вещи у Ника.

— Да, все с вами ясно, — решил Крин.

Он посмотрел на часы.

— Время позднее, работы еще на полночи, — заметил опер.

— Это точно, — вздохнул следователь. — Свидетели свободны. Видеозапись очень ценная, и замечательно, что был ранен один из преступников. Спасибо всем за сотрудничество.

— Пожалуйста, — ответил дед Корби.

— Завтра в первой половине дня мне нужно будет снова с вами поговорить, — продолжал Крин. — Несовершеннолетние приходят с родителями. Кому нужен отгул с работы, мы дадим справку. Все понятно?

— Да, — хором подтвердили подростки.

— Рябины, — окликнул Крин, — десять утра вас устроит?

— Устроит, — кивнул старик.

— Джинаганали одиннадцать? — спросил следователь.

— А можно, если мама будет занята, мы позвоним и передоговоримся? — поинтересовался Ара.

— Нужно, — сказал Крин. Он достал три визитки, протянул их Аре, Нику и деду Корби.

— Николай Коплин, — обратился Крин к Нику, — двенадцать. И мы с вашим отцом сможем еще раз обсудить вопрос о вертолете.

— Хорошо, — буркнул Ник.

— Все свободны, — сказал Крин. — Доброй ночи.

Он повернулся и через поле пошел к разбитым и распахнутым дверям запасного выхода школы. Опер и понятые двинулись за ним.

Когда полицейские ушли достаточно далеко, Корби поднял рюкзак Ары и достал жестяную коробку.

— Ник, это твое, — окликнул он друга.

— Выброси ее, — ответил Ник.

— Пошли, — сказал дед, — нечего тепер с ними болтать.

Он схватил Корби за локоть и потащил за собой. Подросток не сопротивлялся, но какую-то долю секунды еще смотрел на своих друзей. Они стояли посреди едва освещенного поля. Наступила ночь, и небо над ними мерцало искорками звезд. Ник сжимал кулаки, а глаза Ары блестели, хотя он не плакал.

Корби подумал, что больше не знает себя. Он не понимал, почему не может по-настоящему раскаиваться и грустить, как это делает Ник. Не понимал, почему все развалилось вместе с этой смертью. Не понимал, на чем держалась все эти четыре года его жизнь, и не понимал, на чем она держится сейчас.

Перед его глазами снова были только мертвые. Он чувствовал, что проведет эту ночь с ними.

Глава 10 Мертвые

Дед не отпускал руку внука и не переставал говорить с того момента, как они вышли со школьного двора.

— Ты не уважал старших, — бубнил он, — и вот к чему это привело. Считал себя большим и сильным, а ни шагу не можешь ступить сам. Сосунок, приживалка, малолетка неблагодарная. Молоко на губах не обсохло, а что о себе возомнил?

Старик и подросток шли по пустынным темным улицам. Корби узнавал места. Вот подъезд первой девушки Ары. Вот подворотня, где Ник как-то шу-

ганул пару гопников. Двор, в котором они залезли на крышу трансформатора. Дом одноклассника, на дне рождения которого все первый раз сильно напились. Лавочка, на которой они столько раз сидели, разговаривая обо всем на свете. Знакомые окна, машины, заборы, детские площадки, тропинки, заросли кустов. Корби ходил здесь утром и вечером, днем и ночью — веселый или грустный, трезвый или пьяный, разочарованный или окрыленный маленькими победами.

— Убежал из дома, — крутил свою шарманку старик, — и тут же приполз обратно. Все вы такие. Новое поколение. Слабаки. Тебе в восемнадцать лет еще с сосочкой играть надо и в ножки мне кланяться. А ты дерзишь, мозгляк.

Корби не реагировал. Его самооценка в этот момент была такой низкой, что никакие ругательства и попреки не могли ему досадить. «Я мразь, — думал он, — я живу, когда другие умерли. Живу, топчу землю. По-прежнему дышу. Я опять попал в ту же ловушку. Дурак, какой же я дурак. Мне не надо было даже отходить от стола деда. Надо было прямо там пустить пулю себе в висок, и сейчас всего этого не было бы. Даже Андрей, может, был бы еще жив».

— Денежки прибрал, — продолжал старик. — Шестьдесят семь тысяч. Я всю жизнь служил родине, чтобы иметь свой кусок хлеба. А ты просто взял и положил в карман. Легко тебе, тварь, было грабить старика, а? Кормильца своего обирать?

Дед рванул Корби за руку.

— Что молчишь?

Они шли мимо дома культуры. Под козырьком подъезда со сбитыми ступенями горел одинокий желтый фонарь. Корби понял, что недавно был здесь почти счастлив. Они стояли в толпе своих одноклассников и знакомых, слушая, как дрожат стекла широких окон от звука настраивающейся рок-группы, и наслаждаясь праздником лета — веселые, дружные, опьяненные своей молодостью и красотой...

Он испытывал странное дежавю. Четыре года назад он бежал к разбившейся машине тем же путем, каким по утрам ходил в школу. Теперь, после гибели Андрея, дорога от школы домой опять стала дорогой смерти. Корби казалось, что все повторяется, что ветер так же шуршит в траве, как в ту ночь, и что мир так же утратил краски.

Когда незнакомый водитель прогнал его, Корби не стал спорить, не стал ничего объяснять или доказывать. Он просто побрел прочь. Прочь от разбитой машины, от мертвых отца и матери, от неизвестного ему подростка с переломанными ногами. Тогда он тоже шел через опустевшие темные дворы, мимо чьих-то тепло светящихся окон, мимо молодых людей, курящих и целующихся за стеклами подъездов, мимо детских площадок и поставленных на сигнализацию машин.

Он прошел три или четыре улицы и вышел на пустырь. Начался мелкий дождь. Ветер разбрасывал по сухой траве крупу блестящих капель. Шоссе осталось у Корби за спиной. Он шел от света в темноту. Его рассеянная тень обгоняла его и постепенно бледнела, сливаясь с ночным мраком. Когда дорога осталась в четырехстах метрах позади, тень исчезла.

Один.

Он шел по узкой тропинке. Засохшие стебли травы цеплялись за одежду, царапали безвольно обвисшие руки. Джинсы промокли насквозь. Он замерз, но продолжал идти. Он пытался говорить с собой. Он понимал, что сходит с ума, и пытался заставить себя снова стать нормальным, живым, мыслящим существом.

Он пытался понять, любил ли он их. «Я любил своего отца? — спрашивал он себя. — Я любил свою мать? Чем они на самом деле были для меня? Как я смогу без них жить?»

Он не находил ответов. Он не мог вернуть прошлое. Он не мог вспомнить, как выглядели их лица. Он не мог вспомнить, о чем они говорили, над чем вме-

сте смеялись. Все исчезло.

Он уходил в темноту, в страшную безлюдную пропасть дождливой осенней ночи, где нет места ни ребенку, ни взрослому. Ему казалось, что там он, наконец, сможет успокоиться, остудить голову, лицо, сердце, найти точку стабильности в накренившемся мире, собрать то, что разбилось о фонарный столб. Ему казалось, что там он не встретит ничего ненавистного, ни одной повторяющейся черты человеческого мира. Там не будет одинаковых домов, которые все такие же, как их дом, одинаковых машин, которые все могут стать чьим-то гробом из скомканного металла. И там не будет людей. Людей, которые думают, что контролируют что-то, принимают решения. Выбирают комнату посветлее, вид по красивее. Подбирают кафель, паркет, обои. Высчитывают время пути до метро и расстояние до школы, в которую пойдут их дети. Но в конечном итоге, они выберут образ жизни, дорогу, соседей, судьбу. Они выберут призраков. Они выберут воздух, в котором им, возможно, придется умирать.

Корби наткнулся на одиноко растущую молодую березу и вдруг вспомнил это место. Несколько лет назад он с родителями был здесь. Они устроили пикник. Он вспомнил, как отец гонялся за мамой, держа на вилке жареную сосиску, как они смеялись какой-то глупости и как, в конце концов, сосиску уронили в траву.

В нем вспыхнула ненависть. Он налетел на бедное дерево, как на злейшего врага. Он убил бы его, если бы мог, но ему хватило сил только на то, чтобы сломать нижние ветви. Там он впервые заплакал. Эти слезы не облегчали душу, а лишь слепили глаза. Он начал кричать и быстро охрип. Он схватил одну из сорванных с дерева веток, превратил ее в палку. В том месте росла трава с макушками в форме зонтиков. Ее высокие стебли засохли, но не упали. Корби принялся рубить их палкой. Головы растений, одетые коронами из сухих цветочков, осыпались на землю, распадаясь в бурый прах. Уже уничтожив все зонтики, Корби продолжал бить по обломкам стеблей.

Он вернулся домой только под утро. Кажется, позвонил в дверь соседке. Та вышла и вызвала ему скорую. Его завернули в одеяло и укололи успокоительным. Он уснул, а когда очнулся, рядом уже был дед.

Следующие дни Корби запомнил как время бесконечной усталости. Он не простудился, но у него болело все тело — каждая мышца, каждая клеточка. Иногда он не находил в себе сил даже поднять руку.

Через несколько дней были похороны. Отец лежал в закрытом гробу. Мать — в открытом, но даже на ее лице шрамы были такими, что работники морга не смогли их толком замаскировать. Церемония прошла словно в тумане. В память почему-то врезался дурацкий разговор двух случайно встретившихся старух.

— Ну как же, — говорила одна, — я от каждой пенсии тысячу откладываю себе на похороны. Гроб хочу хороший, сосновый...

— На внука бы деньги потратила, — раздраженно отвечала другая.

— А я прилично хочу умереть...

Корби испачкал руку, когда бросал землю на гроб своего отца, и знакомая матери полила ему воды на ладонь из пластиковой бутылки. Тогда, оттирая с кожи жидкую грязь, он впервые подумал о том, что может разрезать ее и перестать жить. Так просто.

Неделю спустя Корби вернулся в школу. Ему все соболезовали, а он вымученно улыбался и говорил, что все в порядке, что надо жить дальше, что он справится, что у него замечательный дед, который позаботится о нем.

Вечером того дня он лежал на спине и смотрел в пустой потолок своей комнаты. Он думал о фонтанах крови, о том, как они забьют из его рук, когда он порежет свои вены, о том, как раскроется кожа, уступая острой кромке бритвенного лезвия. Он думал о розовом срезе раны и о темной внутренности вены. Почему-то он был уверен, что его самоубийство будет безболезненным и очень мокрым. Он хотел испачкать кровью все вещи, хотел перемазаться в ней сам. Он хотел, чтобы его лицо стало таким же красным и изуродованным, как лицо его отца.

В папином ящике с инструментами был большой оранжевый нож с выдвижным лезвием фирмы «BOSCH». Отец любил немецкие инструменты и говорил, что уважает «немецкое качество». Корби разобрал его и вытянул изнутри два запасных, новеньких, абсолютно острых лезвия. Они были серебристыми, влажными от машинного масла. Мальчик попробовал одно из них на своем пальце и получил первую каплю крови. Она вызвала у него странное чувство — почти голод, почти жажду.

Он пожелал деду спокойной ночи. Потом ушел в свою комнату, разделся, сел на кровать и взял по лезвию в каждую руку. Он по-наполеоновски сложил руки на груди, так, что лезвие, которое он держал в левой руке, воткнулось в ямочку у локтевого сгиба правой руки, а лезвие, которое он держал в правой руке, воткнулось в ямочку у локтевого сгиба левой руки.

Он сидел так и чувствовал покой. Наконец-то он был свободен. Призраки больше не мучили его. Не нужно рубить траву, кричать, бредить, метаться, лицемерить в школе. Все прошло. Он улыбнулся и развел локти в сторону. Лезвия оставили на его руках глубокие порезы, и из них тут же полилась кровь. Но не так много, как он хотел.

В этот момент дед постучал ему в дверь.

— А зубы-то ты не почистил, — напомнил он.

— Я сейчас, — соврал Корби.

Он попытался углубить порезы. Раз, другой. Все было не так, как он планировал. Он стиснул зубы от дикой боли, полосуюя свои руки. Он весь дрожал, кровать под ним скрипела, кровь, совсем не сверкающая и не красивая, брызгала на паркет и на простыню.

Старик открыл дверь его комнаты и закричал матом. А мальчик все еще пытался дорезать себя. Дед отобрал у него лезвия и перетянул его руки выше локтей. Корби сопротивлялся, как звереныш, сорвал повязку и добился того, что, наконец, лишился сознания от кровопотери.

Очнулся он в больнице, без мыслей, с руками, забинтованными от ладони до локтя и предусмотрительно привязанными к сторонам койки.

— стыдно, да? стыдно. Вся наша семья стыд и позор из-за таких, как ты. Яблоко от яблони не далеко падает. Мой сын не хотел служить родине. И вырос-тил вора! Вора и слабака! Опять молчишь.

Корби остановился. Он не мог оторвать взгляда от входа в ДК. Он вспомнил, как Андрей тоже стоял здесь, на этих ступеньках. Без банки пива и такой одинокий. Вспомнил его голос.

— Я не люблю рок, — неуклюже пытался объяснить светловолосый мальчик, — просто я почти ничего о нем не знаю.

Он говорил и улыбался. Его улыбка казалась Корби заискивающей, как будто была заготовлена заранее. Она появлялась прежде, чем кто-нибудь отпускал шутку.

Да, они были здесь еще вчера — или уже позавчера? Корби вспомнил, как они обернулись на оклик Ника. Вдоль аллеи, ведущей к подъезду ДК, выстроились огромные стальные щиты для афиш. Их покосившиеся черные рамы, казалось, еще помнили разгул девяностых. Ник отстал и, еле заметно качаясь, стоял перед одним из щитов.

— Что? — спросил Корби.

— Смотри, — ответил Ник.

Афиша на щите выглядела обтрепанной и полустертой, но изображение на ней еще читалось.

— Это же Майкл Джексон! — удивился Корби.

— Майкл Джексон уже умер, — отметил Ара.

— Да, — сказал Ник. — Он был в России в конце девяностых. Надо же.

Корби почувствовал, что сейчас заплачет. Слезы, которых так и не дождался

Ник, увидит дед, у которого они вызовут лишь привычное презрение. Майкл Джексон умер. И Андрей, который был с ними, когда они говорили об этом, тоже теперь мертв. Старый плакат, удививший Ника, исчез. На его месте уже красовалась новая афиша — большая, гладкая, черно-серебристая.

К ней прилип осенний лист.

Корби протянул руку к щиту, и кожа на его открытом предплечье покрылась мурашками, как будто он опустил ее в поток холодного воздуха. Лист был мокрым, будто сейчас шел дождь, и он только что опал с дерева. Кленовый, с прожилками гнили. Откуда?

Подул ветер, и лист вырвался из его рук. Желтый клочок унесся вверх, пропал в темном небе.

Взгляд Корби потерял фокус. Фонарь над входом в ДК расплылся в пелене слез. Вокруг него побежали, заискрились красивые крестовидные звездочки.

— Ну, что встал? — не понял дед. — Пошли.

Он рванул внука за собой. Тот качнулся, но не сдвинулся с места. Он перестал замечать деда, как не замечал его четыре года назад в дни своей депрессии. Старик был просто частью обстановки, стихией человеческого мира. Она могла помешать покончить с собой или заставить чистить зубы. Она могла решить, что ты живешь в той квартире или в этой, ходишь в ту школу или в другую. Но в ней ничего не было.

— Ты что, язык проглотил? — зло поинтересовался дед. Он ударил внука по щеке. Корби вздрогнул, повернул голову.

— Пстой-ка, — вдруг сообразил дед. — Где-то я все это уже видел... А ну, посмотри на меня.

Их взгляды встретились. Зрачки Корби были предельно расширены, взгляд стал ошалелым, неуправляемым. Казалось, подросток все время видит больше, чем хочет видеть.

— Так, — пробормотал старик, — те же елки, та же песня. Не хочешь ли ты опять вены порезать, а, сопляк?

Его голос сорвался на крик. Он тряс Корби, как тонкое молодое дерево. На них нервно оглянулся одинокий поздний прохожий.

— Отстань от меня, — попытался отвернуться Корби.

— Ага, как же, — хмыкнул старик. — Только хоронить тебя мне не хватало.

Он с новой силой вцепился в локоть внука. Корби уперся.

— Я сам, — сказал он. Дед отпустил. Подросток одернул помятую майку и быстрым автоматическим шагом пошел к дому. Старик нагнал его.

— И давно ты это задумал? Пистолет для этого брал, да!? Так ведь, хитрая бестия?

«Как все нелепо, — подумал Корби, — я сам пять минут назад жалел о том, что не застрелился, и вот он уже обвиняет меня в том, что я это планировал. А может, он прав? Может, я перехитрил самого себя? Может, я устроил все это только затем, чтобы снова решиться на самоубийство?»

Дома дед втащил Корби на кухню и толкнул на стул. Подросток сел. Он двигался как тряпичная кукла. Его бил озноб. Свет люстры казался слишком ярким.

Дед взял с холодильника телефон и телефонный справочник, с грохотом отодвинул второй стул, сел напротив внука, задумался и прикусил нижнюю губу.

— Ну вот что, — наконец, сказал он, — ты все довел до того, что мне теперь придется разбудить другого приличного пожилого человека.

Корби равнодушно прикрыл глаза.

— Ты бредишь, дед, — сказал он. — Зачем кого-то будить?

Подросток ждал, что сейчас за свои слова получит по лицу. Но этого не произошло. Старик зашуршал справочником, потом раздалось попискивание телефона. Дед набирал чей-то номер.

— Але, але, — позвал он в трубку, — Иван Петровича будьте добры.

Наступила пауза.

— Я знаю его по работе, — ответил дед на какой-то вопрос.

Из трубки донеслось слабое эхо возмущенного женского голоса.

— Форс-мажорные обстоятельства заставляют меня звонить в такой час, — объяснил старик. — Нет, нет, не беспокойтесь. Пока ничего не случилось. И уж тем более ничего страшного для вас.

Секунду он молчал.

— Вовсе не просто так, — возразил он. — И да, надо будить. Я человек чести. За доставленные неудобства мы сочтемся.

Наступило долгое молчание. Дед исподлобья поглядывал на Корби и шишковатыми пальцами теребил угол скатерти.

— Иван Петрович, — наконец, обратился он. — Виталий Рябин. Да, да, я тоже рад вас слышать. Уж простите, что в такой час.

Пауза.

— Внук, — сказал дед. — Ну, как раньше. Да, именно. Надо. Ну что вы, Иван Петрович, приличные люди всегда платят. Такси возьмите.

«Что он хочет сделать?» — задумался Корби. Дед стал диктовать адрес.

Далеко за шеренгами пятиэтажек, погруженных во тьму, стояла школа. Она еще светилась всеми окнами. Крин рассматривал стойку охраны. Опер Барыбкин собирал образцы крови. Судмедэксперт сидел за столом в пустом школьном классе, смотрел на таблицы высыхания слизистых оболочек и замеры температуры тела. Он погрузился в глубокую задумчивость, потому что его что-то смущало в определении времени смерти. Заплаканная директриса плюхнулась в кресло в своем кабинете, достала из нижнего ящика стола штоф коньяка, который прятала там до дня объявления результатов ЕГЭ. Дрожащей рукой налила себе полную рюмку. Залпом выпила ее, задохнулась и, собрав все свое мужество, набрала номер.

Трубку снял мужчина. Он еще не спал. Работать за полночь давно вошло у него в привычку.

— Что? — переспросил он.

— Ваш сын умер, — осипшим голосом повторила директриса.

А люди в синих халатах уже перекладывали тело погибшего мальчика на носилки.

Ровный белый свет люстры заливал кухню. Дед Корби повесил трубку и цепкими холодными пальцами взял внука за руку.

— Пойдем, — сказал он.

Корби не сдвинулся с места. Он подумал, что эта перемена в тоне ему совсем не нравится.

— Пойдем, — настойчиво повторил дед. Теперь он снова рванул руку внука, так же, как делал это по дороге домой.

— Отвали, — попросил Корби.

— А ну пошли, щенок, — снова потребовал дед.

«Ненадолго же его хватило, — отметил Корби. — Может, как раз сейчас мне надо разбить ему морду, как Ник предлагал вчера».

— Встал быстро! — рявкнул старик.

— И не подумаю, — истерически засмеялся Корби. Рябин рывком стянул его со стула, но подросток повалился на пол.

— Не пойду, — повторил он. Старик схватил его под руки и, сопя и надрываясь, потащил через коридор.

— Все твои хитрости я насквозь вижу, — сквозь зубы шипел он. — Я же знаю, ты просто хочешь остаться один.

«Да, — подумал Корби, — хочу». Он не сопротивлялся. Дед пинком открыл дверь комнаты внука, втащил подростка внутрь и бросил на пол рядом с кроватью. Корби ударился затылком о паркет, его зубы щелкнули. Боли он не почув-

ствовал, только забился в новом припадке странного смеха-плача.

Пока он лежал на полу, старик принялся рыться в его вещах. Содержимое ящиков стола было кучей вывалено на стол. Дед выбирал из россыпи предметов, все, чем можно нанести себе вред: точилки, циркуль и козью ножку, железный пенал.

«Неужели старый хрен думает, что я не смогу этого сделать, если захочу? — удивился Корби. — Я разобью окно головой и наткнусь шеей на острые стекла, или разобью его и просто выпрыгну. Мне не тринадцать лет. Я сильнее, умнее и решительнее, чем был тогда».

Дед швырял предметы в пластиковый мешок для мусора. Поверх степлера и россыпи канцелярских кнопок он бросил зарядку от старого телефона, интернет-модем со всеми проводами и еще несколько примочек для ноутбука. «Ого, — подумал Корби, — настала очередь всего длинного и гибкого. Странно. Я о повешении не думал. А он подумал».

Наконец, со столом было покончено. Старик распахнул платяной шкаф и принялся выкидывать из него на пол простыни, вешалки, штаны с длинными штанинами, кожаный пояс. «Как много способов умереть, — с иронией отметил Корби, — мне бы даже не пришлось в голову, что можно удавиться штанами».

Когда старик вытряхивал одеяло из пододеяльника, в дверь позвонили. Он вздрогнул и посмотрел на Корби.

— Пошли, — снова потребовал он. Подросток не шевельнулся. Старик наклонился и попытался его поднять. Корби вывернулся, упал на кровать и начал отползать к стене.

— Ну и черт с тобой, — выругался дед и торопливо вышел из комнаты. Корби, задыхаясь, остался лежать на кровати. «Я могу украсть циркуль или простыню, — подумал он, — это даже круче, чем три литра церковного кагора». От этой мысли ему снова стало смешно, и он захихикал, запрокинув бледное лицо к потолку, комкая покрывало кровати белыми от напряжения пальцами.

Старик открыл гостю дверь.

— Быстро вы, — одобрительно сказал он.

— Где мальчик? — поинтересовался незнакомый голос.

— Там, — показал дед.

— Я не буду обувь снимать?

— Не нужно, — согласился дед. — Я и на минуту боюсь его оставить.

— Конечно, — сказал гость, — и правильно.

Он чуть приостановился в дверях комнаты.

— Вижу, вы собрали все опасные вещи, — заметил он. — Хорошо, очень хорошо.

Корби снизу вверх смотрел на незнакомца. У Ивана Петровича был большой угреватый нос, на который сползали очки-велосипед, и жиденькие седые волосы. В левой руке он держал маленький черный чемоданчик.

— Добрый вечер, — обратился он к Корби. — Вы не против, если я сяду?

Подросток не ответил. Иван Петрович сел на краешек кровати и положил чемоданчик себе на колени.

— Как поживаете? — спросил он. — Вижу, что не очень.

Корби молчал.

— Вы лучше расскажите все, — посоветовал Иван Петрович. — О чем думаете, почему плачете. А я помогу.

Корби смотрел на него. «Дед позвал ко мне мозгоправа, — понял он, — плохо».

— Не говорит, — почти обиженно пожаловался старику психиатр.

— Иногда говорит, — возразил дед, — но редко и по большей части бред.

— Ясенько, ясенько, — кивнул Иван Петрович. — В прошлый раз это было...

— После смерти его родителей, — уточнил дед, — четыре года назад.

— Да, да, верно... Понятно, почему он тогда... А сейчас в чем дело? Он что, вообще нестабильный?

— Нет, что вы. Просто стал свидетелем несчастного случая. Погиб его одноклассник, у него на глазах. — Дед явно не собирался посвящать Ивана Петровича в подробности. — Вот Коля и расстроился. Наверное, ему все это напомнило... э-э... прошлый раз.

Корби едва не стошнило от фальшивого сочувствия в голосе деда.

Иван Петрович цокнул языком и покачал головой.

— Ясенько, — сказал он. — Ну что, миленький, давайте сделаем укольчик, чтобы не грустить и хорошо спать.

Он посмотрел на подростка и расплылся в улыбочке. Корби подобрался. Иван Петрович заметил его движение.

— Не больно, совсем не больно, — заверил он.

«Как будто дело в этом», — подумал Корби.

— Да вы не бойтесь, — сказал психиатр, — сейчас все пройдет. Хорошо станет.

Он открыл чемоданчик и извлек из него заранее приготовленный шприц. Снял колпачок, спрыснул капельку из иглы.

— Миленький, — сказал он, — на животик перевернитесь.

С каждым его словом Корби подбирался все больше.

— Что же вы так нервничаете? — удивился Иван Петрович. — Один укольчик, и все.

«Они лишат меня воли, — подумал Корби, — и я буду лежать здесь всегда. А старик станет приходить два раза в день, кормить меня с ложки и бить по щекам. Я буду бессилён. Я смогу только тихо плакать и шептать, что наконец-то стал уважать старших».

— Расслабьтесь. Один укольчик, и вы будете хорошо спать.

Рука психиатра как бы ненароком легла на щиколотку подростка. Корби понял, что сейчас будет. Иван Петрович прижмет его ногу к кровати, а потом резко выколет ему шприц в бедро. И все кончится.

Корби рванулся. Он ударил психиатра свободной ногой по руке со шприцом. Шприц отлетел на пол. Спектакль кончился.

— Витя, держи его! — потребовал Иван Петрович.

Следующим ударом ноги Корби сбил с него очки-велосипед.

— А-а-а! Не хочешь по-хорошему? — завопил дед и, жертвуя своей поясницей, прыгнул на кровать. Иван Петрович свободной рукой ловил Корби за вторую ногу. Подросток рванулся к двери. Дед обхватил его за корпус, но его руки соскользнули с гибкого молодого тела. Майка Корби порвалась. Он еще раз ударил психиатра ногой. Попал в плечо, но опытный старик не собирался легко отпустить жертву. Вторая нога подростка оставалась прижатой к кровати.

Корби дотянулся одной рукой до косяка двери, другую поставил на пол и пытался уползти. В этот момент дед навалился на его вторую ногу. Иван Петрович согнувшись, сумел подобрать шприц и прямо сквозь штаны всадил его в незащищенную задницу Корби.

Схватка закончилась. Подростка отпустили, и он скатился на пол к двери. Психиатр все еще сидел на краю кровати и смотрел на него. У него шла носом кровь. Разбитые очки лежали на полу. Подслеповато шурясь, Иван Петрович достал большой белый носовой платок и приложил его к пострадавшей части лица.

— Вы бы поосторожнее с ногами, — совершенно невозмутимо сказал он.

«Хоть милым больше не называет», — подумал Корби.

— Ох, — прокряхтел дед, — спасибо, Иван Петрович.

— Ничего, — ответил психиатр. — За очки только заплатите.

— Будьте покойны, — заверил Рябин.

Старики помогли друг другу встать с кровати. Корби подумал, что может убежать. Надо подняться, выскочить в коридор, рвануть к двери — и свобода. Но мысль осталась лишь мыслью. Он сидел на полу и смотрел на своих мучителей. Его охватило равнодушие. Эта эмоция не была новой. Корби и раньше казалось, что все теряет смысл, распадается. Он и раньше думал, что остается один, от-

страненный от всего остального. Но теперь идея самоубийства и жажда борьбы казались такими же бессмысленными, как и все внешние вещи. И сам себе он тоже казался бессмысленным. Он не имел больше значения — ни его прошлое, ни движения его тела, ни его страдание. Ничего больше не существовало.

Корби проследил взглядом, как Иван Петрович подбирает свои разбитые очки и выходит из комнаты. Он слышал, как дед отсчитывает ему деньги. Дед предложил чаю, но Иван Петрович отказался. Последовали дружеские рукопожатия, прозвучала пара теплых слов о былом союзе советской психиатрии со службой госбезопасности. Потом хлопнула дверь.

Корби, не шевелясь, сидел на полу. Он чувствовал, как ноет место укола, как от неудобной позы затекают его ноги, но не сдвинулся с места.

Вернулся дед. Корби поднял на него глаза.

— А ну, снимай штаны! — потребовал старик.

— Что? — переспросил Корби. — И не подумаю.

— Тогда ремень отдай, — сказал дед. — Не хватало, чтобы ты удавился.

Корби, наконец, понял, что он имеет в виду. Удивляясь собственной покорности, он вытянул ремень из джинсов и бросил его в общую кучу конфискованной одежды. Старик свалил все вещи на простыню и рывками вытащил ее из комнаты. Дверь захлопнулась, а потом в коридоре раздался грохот. Корби понял, что старик делает то же самое, что он сделал с ним сегодня утром — припирает дверь, только более основательно.

— Эй, подожди, — сказал он. — Что ты делаешь?

— Раньше надо было думать, — ответил дед.

Корби потянулся и толкнул дверь. Она не шелохнулась. Подросток распластался по полу и заглянул в щель под дверью. Там было темно.

— А как я пойду в туалет? — спросил он.

— А мне плевать, — отозвался старик. — Можешь справлять нужду в нижний ящик стола.

Корби лежал на холодных досках паркета и слушал, как старик идет по коридору. Потом шаги стихли, а в ванной полилась вода. Подросток понял, что дед ложится спать.

Он встал и налег плечом на дверь. Она даже не шелохнулась. «Ладно, — подумал Корби, — все равно». В туалет на самом деле не хотелось. В комнате по-прежнему горел яркий верхний свет. Все было разгромлено. Корби вяло сел на кровать. Ему пришло в голову, что надо разбить окно и выпрыгнуть на улицу. Но он остался сидеть на месте.

«Этот укол сделал меня совсем тупым», — подумал Корби. Медленно, будто уже во сне, он протянул руку и выключил свет. Стало видно, что на улице светает. «Надо раздеться», — подумал Корби, но не смог сделать даже этого. Он раскинулся на кровати и погрузился в болезненное забытие.

Глава 11 Чужое лицо

«Думаете, он здесь? Я бы спросил о нем у тех, кто улетает».

Дождь. Изувеченные тела. Бесприютная земля, по которой бродят души умерших.

— Половина девятого, — объявил дед. — В десять нам надо быть в полиции. Приводи себя в порядок.

Корби не шевельнулся.

— А ну, вставай давай, — снова затормошил его старик.

«Ты вколол мне вчера наркоту, — подумал Корби, — и еще хочешь, чтобы я что-то делал».

— Пять минут, — сказал дед, — иначе пеняй на себя.

Он хлопнул дверью и вышел из комнаты. Подросток лежал на кровати и смотрел в потолок. Потом он снова закрыл глаза. «Я впервые видел во сне отца», — вдруг осознал он.

«Он что-то искал. Что-то — или кого-то».

Черная клякса, плавающая у берега ночной реки.

В воде было что-то еще. Что-то грязно-белое, плавающее поодаль от черного. Какая-то материя или ткань. Она была больше черного, но они были связаны. От одного к другому тянулись длинные тонкие нити. Это напоминало...

Корби попытался уснуть обратно, провалиться, забыться, оказаться в том странном и страшном месте, где мертвые скитаются среди мертвецов. Но у него уже не получалось. Мешало тело. Он чувствовал, что хочет изменить позу, сходить в туалет, почистить зубы. Он медленно встал. У него было ощущение, что он тяжело болен и температурит. Было трудно ориентироваться в пространстве, веки стали тяжелыми, руки и ноги еле двигались.

Корби дотащился до туалета, потом перебрался в ванную. Дед увидел его через открытую дверь кухни и смерил презрительным взглядом. «Пошел на хрен», — подумал подросток. Он остановился перед раковиной, включил воду и минуту стоял не шевелясь. Холодный поток с шипением струился по белому кафелю и, пузырясь, убегал в зарешеченную дыру слива. Взгляд Корби остановился на бритвенном наборе. «Если сломать эти сменные пластиковые штучки, — подумал он, — можно вытащить изнутри лезвия».

Словно во сне, он открыл набор, достал одну из головок для бритвы и попытался согнуть ее пальцами. Она не поддавалась. Тогда Корби попытался сломать ее другим способом: зажал край пластины зубами, а рукой стал выкручивать ее. Раздался тихий щелчок, и бритвенная головка лопнула. Подросток ощутил резкую боль в десне. Он негромко застонал, наклонился и сплюнул в раковину окровавленный обломок пластика. Потом поднял глаза и увидел в зеркале свое отражение.

С ним что-то было не так.

Оно было темным, с бездонными глазами. С волос будто струился мрак. Призрак из зеркала был старше, чем сам Корби. И он едва заметно улыбался. От этой улыбки его лицо не становилось веселым. Бесконечный ужас притаился в изогнутых уголках губ.

Корби увидел, как разрушается перспектива, а мир раздваивается. Одно изображение отделялось от другого. Лицо подростка, отраженное в зеркале, расслаивалось с другим лицом, которое было и похоже, и не похоже на него.

Корби понял, что есть другое зеркало и другой человек, который смотрит в это зеркало. Он сидит в углу старого клуба. Стены обиты потертым красным сукном. На них падает тусклый свет от желтых настенных ламп. К потолку поднимается дым сигар. Бокалы с вином напоминают о крови.

Это место последнего разврата, похоти, которая так велика, что уже не нуждается в извращениях. Это место пьяного угара. Это место, где собираются убийцы. Это место беспредельной скорби. Вечное место, куда приходят те, кто не может умереть. Темные волосы падают на лицо юноши, сидящего в углу, обитом красным сукном. Он не ест и не пьет. Он не курит — только наблюдает, как в воздухе кружится дым. В его душе — замерший крик.

Он отворачивается от зеркала и глядит в окно: там, на улице, горят факелы, там лежат под серым ночным дождем мертвецы. А среди их тел пробираются два человека, которые тоже умерли. Один из этих двоих — Андрей. Он единственный след, единственная зацепка, единственная настоящая частица его самого...

Корби увидел свет. Станный свет, яркость которого была удивительно неполной. Горела лампочка на потолке ванной. По-прежнему лилась вода, блестела капля крови на слегка порезанной губе.

«Это все проклятый укол», — подумал Корби. У него было ощущение, что он спит и бодрствует одновременно. Сон стал видением. Он крутился в голове, разворачивался. Он продолжал сниться, хотя Корби не спал.

— Что ты, мать твою, делаешь!? — заорал на него дед с порога ванной. — Опять!?

Корби вздрогнул, обернулся.

— Ничего, — пробормотал он и положил обломки бритвенной головки на край раковины.

— Ничего? — переспросил дед.

Корби медленно сунул руки под кран, набрал полные ладони ледяной воды и начал полоскать рот.

— Ты что, разгрыз и проглотил лезвия? — упавшим голосом спросил старик.

— Нет, — ответил Корби. Он достал из стаканчика зубную щетку, намазал на нее пасту и начал чистить зубы. Дед резко шагнул в ванную, открыл бритвенный набор и заглянул внутрь. Все лезвия были на месте, кроме одного сломанного, обломки которого остались лежать на краю раковины.

Старик облегченно выдохнул.

— Побрейся, — сказал он. — Ты должен выглядеть нормально.

Районное отделение полиции располагалось в уродливом сером здании с неровной линией окон. Корби и дед прошли через перегороженный шлагбаумом двор, открыли массивную железную дверь и оказались в помещении, больше похожем на притон, чем на вестибюль государственного учреждения. Выщербленный кафель пола. В центре помещения находилась железная клетка. Прутья решетки выглядели так, будто их долго обливали помоями. За решеткой на пластиковом стуле сидел бомж и беззубым ртом ел помидор. Казалось, ему там вполне хорошо.

Напротив клетки находилось окно для справок — маленький желтый просвет посреди темно-серого вестибюля. Старик уверенно подошел к окошку. В этой дыре он явно чувствовал себя как рыба в воде. Наблюдая за ним, Корби подумал, что некоторые плохие вещи не меняются. Наверное, опорные пункты милиции тридцать лет назад выглядели точно так же, как это место сейчас. Сам он не был в полиции с пятнадцати лет, с тех пор, как его с друзьями единственного раз забрали за распитие в общественном месте. Тогда было весело. Вместе с остальными незадачливыми любителями спиртного они сидели на железных лавках, допивая свои напитки, и корчили рожи подвешенной к потолку камере видеонаблюдения.

За стеклом было пусто. Старик нагнулся к решеточке для переговоров.

— Есть кто-нибудь? — крикнул он.

Повисла долгая пауза.

— Что? — наконец спросили его из неразличимой глубины помещения.

— Я ищу Крина, — объяснил дед.

— Второй этаж, — посоветовал невидимый дежурный, — двести пятнадцатая комната.

— За мной, — приказал старик. Корби замешкался. Сильно, как вчера, дед схватил его за плечо и потащил за собой. Лестница в два марша, такая же серая, как и все здесь, привела их на второй этаж. Корби с удивлением отметил, что здесь почти чисто. Они попали в нормально освещенный коридор с дверями из светлого дерева. Стало слышно, как где-то впереди истерично кричит женщина.

— Не мое! Подложили! И это не мое! Подложили!

Дед быстро нашел нужную комнату, постучал и приоткрыл дверь. Корби смотрел через его плечо.

Отдел был большой, разгороженный парой ширм. Напротив двери сидел мужчина в клетчатой футболке-поло и ел — но не пончики и кофе, как это бывает в сериалах, а желтый початок вареной кукурузы. Еще два лежали на тарелке перед ним. Посреди засыпанного бумагами стола стояла консервная банка с солью, а рядом с ней, будто странное второе блюдо, располагалась фуражка.

Старик откашлялся, и мужчина поднял голову. Корби узнал в нем оперативника Барыбкина.

— Крина можно увидеть? — спросил у него дед.

— Можно, — Барыбкин впился здоровыми белыми зубами в бок початка и с

хрустом снял с него два десятка влажных желтых семян.

— Я не воровка! — снова послышался бабский вопль из коридора. — Подложили! Все подложили!

— Вот разошлась, — заметил любитель кукурузы. — У нее в сумочке восемь телефонов, а пинкод она знает только от одного.

Дед хмыкнул.

— Крин освободится и подойдет, — дожевывая, пояснил Барыбкин. — Вы там можете посидеть.

Он неопределенно махнул рукой. В коридоре было несколько железных лавок. Рябины поместились на лавку, ближайшую к двести пятнадцатой комнате. Взгляд подростка скользил по унылой обстановке: стоптанный желтый линолеум, доска объявлений с вложенными под мутное стекло листками гербовой бумаги, кофейный автомат в полутемной стенной нише.

— Суки! — верещала женщина. — Мусора! Суки! Мусора! Суки!

Корби на слух определил дверь, за которой бесновалась истеричка.

— Гнида ментовская! Тьфу! Тьфу! — Баба явно переключилась на кого-то одного. — Твоя мать шмарой была на зоне! А бахарем ее — сифилитик! Тьфу! Тьфу!

Прошло полчаса. Женщина все кричала. Появлялись и исчезали какие-то люди, хлопали двери, раздавались и затихали голоса. Воздух был густым и спертым. Дед вспотел и утирал лицо платком.

Корби чувствовал, что погружается в транс. Отделение полиции и компания деда неожиданно принесли ему тот покой, который он так безуспешно искал, пытаясь спрятаться от людей. Именно здесь было настоящее одиночество. Утренние видения больше не беспокоили его, и он старался о них не думать. Ему казалось, что если он не забудет о них, они сведут его с ума. Он сидел, свесив безвольные руки между колен, чувствовал под собой грубую железную лавку, смотрел на затоптанный пол и понимал, что ни одна вещь вокруг не вызывает к нему. Наконец-то он был один.

Лишь какой-то слабый далекий голос, забытое щемящее чувство иногда прорывались сквозь пелену, окутавшую его сознание. Они шептали ему, что так не должно быть, что он еще жив, что он должен чувствовать. Он попытался разбудить себя, растолкать. «Ты нервничаешь, — напомнил он себе, — нервничаешь, как перед экзаменами или даже больше. Если ты не сдаешь экзамены, то отправляешься в армию. А если ты колешься на допросе, тебя сажают в тюрьму. Или не сажают? Хоть кому-то вообще есть дело до меня и этого дурацкого пистолета? А Ник и Ара? Они скажут правду или прикроют меня? Вдруг они скажут правду?»

— Хватит трястись, — зашипел старик. — Напортачил, так хоть не будь трусом.

Корби только сейчас заметил, что однообразно подергивает рукой. Он перестал. Казалось, ожидание длится вечно. В какой-то момент дед встал и раздраженно заметил:

— Час прошел.

Корби не ответил ему. Старик снова заглянул в отдел и выразил свое возмущение Барыбкину.

— Обстоятельства, — ответил тот.

Двадцать минут спустя в коридоре появились Ара и его мать. Женщина увидела Корби с дедом и чуть ли не побежала им навстречу. Она была пожилой и пухленькой, с кожей в три раза светлее, чем у ее сына.

— Здравствуйте, — подскочила она к деду Корби. — Пожалуйста, скажите мне правду! Какую роль мой сын играл во всей этой кошмарной истории? Он никого не убивал? Он говорит, что вы были там.

Старик удивленно поднял брови.

— Я пришел, когда мальчик был уже мертв, — ответил он. Корби понял, что его дед испытывает садистическое удовольствие, не отвечая прямо на вопрос женщины. Он поймал взгляд Ары, влажный и измученный.

— Мама, не надо, прошу тебя, — взмолился черный брат. — Успокойся.

Армянка повернулась к сыну.

— Как я могу успокоиться — после того, что ты сделал? — закричала она.

— Как я могу тебе верить?

— Он никого не убивал, — пробормотал Корби. — Там были другие.

— И я это говорю, — подхватил Ара.

— О Господи, — выдохнула женщина. — Хоть одну заповедь ты не нарушил.

— Дайте срок, нарушит, — зло усмехнулся старик.

— С чего это вы взяли? — вскинулась Арина мать.

— Дурная кровь, — ответил дед Корби.

Круглые щеки армянки вспыхнули от гнева.

— Я забыла, какой вы человек. — Женщина поджала губы. — Пойдем, сын.

Она схватила Ару за руку как маленького, хотя тот был на полголовы выше ее, повернулась к двери двести пятнадцатой комнаты.

— Его там нет, — предупредил дед Корби.

Арина мать не послушала его и распахнула дверь.

— Это отдел убийств, да? — спросила она.

— А вам кого? — заинтересовался оперативник. Он уже расправился с кукурузой и корпел над какими-то бумагами.

— А, а... кого? — Армянка растерялась и повернулась к сыну. — Ты помнишь, кого?

— Следователь Крин, — сказал Ара.

— Он занят, — ответил оперативник. — Вон люди сидят, ждут.

— Понятно, спасибо, — ответила женщина.

Она оттащила Ару к лавочке самой дальней от Корби и его деда. Снова ожидание. Корби нервно дергал рукой, ловил взгляды черного брата и задавался вопросом: с кем он? Он догадался, что Ара рассказал своей матери про бутылки с вином, но это ведь не значило, что он сдал Корби. Или значило?

«Нет, не значило, — решил Корби, — иначе бы его мама вела себя по-другому. Спасибо, черный брат. Ты все еще мой друг».

Неожиданно открылась дверь соседней, двести шестнадцатой, комнаты, и из нее вышел молодой человек в сером костюме и темных очках. За ним следовал Крин.

— Вы мешаете мне вести дело, — выговаривал он. — Из-за вас мои свидетели должны торчать в коридоре! Час!

Его спутник слегка пожал плечами. Корби не видел его глаз, но почувствовал, как холодный взгляд незнакомца скользнул по нему и по его деду, потом — по Аре.

— Здравствуйте. Простите, — раздраженно обратился следователь к свидетелям. — Я заставил вас ждать. Это не моя вина.

— Здравствуйте, — ответил Корби. Он заметил, что его дед наострил уши и как-то по-особенному приглядывается к молодому человеку, на которого досадовал Крин.

Между тем следователь открыл дверь своего отдела.

— Барыбкин, ты чем занят? — резко спросил он. — Кукурузой?

— Утром, — спокойно ответил опер, — я обошел десять домов и нашел собачницу, которая видела, как с территории школы уезжала машина. Вот.

Он поднял бланк, на котором что-то писал, и протянул его следователю. Крин взял бумажку, пробежал глазами, засопел.

— Большой зеленый внедорожник с золоченой полосой на борту, — прочитал он. — Закрытый кузов. Лучше, чем ничего. Сопоставьте это описание со следами покрывшек и ищите дальше.

Он повернулся обратно к свидетелям.

— Рябины пришли в десять? — спросил он.

— Да, — подтвердил дед Корби. — Безобразие.

Он стал возмущаться слишком поздно, и Корби чувствовал, что он делает это специально. Но Крин ничего не заметил.

— Я еще раз извиняюсь, — повторил он. — Николай, проходите в отдел.

Корби послушно встал.

— Нет, постойте! — запротестовал старик. — Я пожилой человек. Я устал. Я не могу здесь больше сидеть. Здесь душно! А внук молодой — потерпит.

Крин поморщился.

— Ладно, — решил он, — тогда сначала вы.

Старик, следователь и его молодой спутник зашли в комнату. Дверь захлопнулась. Корби опустил обратно на лавку.

Через несколько минут человек, доставивший Крину столько неприятностей, вышел из двести пятнадцатой и остановился перед кофейным автоматом. Корби снова почувствовал, как по нему скользит взгляд глаз, скрытых за темными очками. У него по спине пробежал холодок. Незнакомое неприятное ощущение проникло сквозь порожденное вчерашним уколом транквилизаторное оцепенение, сквозь отделяющую от мира стену депрессии. Корби поймал себя на том, что ответно смотрит на незнакомца. Его охватила неясная тревога. «И дед что-то в нем увидел, — подумалось ему, — что?»

В осанке незнакомца чувствовалась военная выправка. Корби помнил эту черту в некоторых знакомых старого полковника. Но там все выглядело немного иначе — они уже были пожилыми людьми, а этот парень, казалось, только закончил институт. Корби смотрел, как быстро молодой человек нажимает неподатливые кнопки на морде кофе-машины. Он понял, что в его движениях есть что-то еще, не связанное с осанкой. Что-то хищное, пугающее. Или это только кажется?

Корпус автомата был блестящим, хромированным. В гладком металле отражалось лицо незнакомца. Слишком правильные черты делали его практически незапоминающимся. Корби почувствовал, что молодой мужчина перехватил его взгляд, вздрогнул и быстро отвел глаза.

Незнакомец подал на свой горячий кофе и пошел обратно в кабинет следователя. Потом, как бы нечаянно, заметил Ару и его мать.

— Вы ведь Джинаганалли? — спросил он.

— Одно «л», — ответила женщина.

— Простите. — Молодой человек чуть улыбнулся. — Я как раз хотел с вами поговорить... без Крина.

— Что еще сделал мой сын? — подскочила она.

— Мама, успокойся, наконец! — взмолился Ара. — Ничего я не сделал.

Он тревожно уставился на незнакомца. Корби смотрел на эту сцену и чувствовал, что к нему возвращаются утренние видения. Ему пришло в голову странная мысль, что этот человек мог бы быть в том месте со стенами из красного сукна, стоять у барной стойки и спокойно потягивать из бокала мутную красную влагу. И там на нем не было бы очков.

«Меня опять плющит», — подумал Корби. Когда же это кончится? Ему захотелось плакать, как вчера. Он сгорбился и обхватил голову руками.

— Дело не в вашем сыне, — объяснял молодой мужчина. — Вчера они заполнили некоторые документы, которые не должны заполнять на несовершеннолетних в отсутствии их родителей.

— А, понятно, — успокоилась Арина мать. — И что теперь?

— Я из отдела внутренних расследований, — сказал незнакомец. — Лейтенант Белкин. Мне нужно, чтобы вы написали заявление о нарушении ваших прав.

На самого Ару он как бы не обращал внимания.

— А это обязательно? — спросила женщина.

— Нет, конечно, — сказал молодой человек. — Просто очень желательно. Если вам не трудно.

Мать Ары замолчала, пыталась принять нужное решение. «Вот она как раз нервничает, — подумал Корби, — почти мечется. Она нормальная. А я думаю о

бредовых вещах». Он испытал зависть.

— Хорошо, — мать Ары встала. Незнакомец еще раз мельком посмотрел на Корби, и они ушли в двести шестнадцатую. Корби остался наедине с Арой.

Он посмотрел в сторону друга и наткнулся на его прямой, вызывающий взгляд. Его охватила досада. Ара разрушал его одиночество. Ара мог увидеть, что он не в себе, или даже пожалеть его. Сейчас Корби совершенно не знал, что с этим делать.

Два подростка сидели и смотрели друг на друга. «Кто заговорит первым?» — подумал Корби.

— Корби, — наконец позвал Ара.

Губы Корби шевельнулись. Надо было что-то сказать, что-то ответить Аре. Быть, как нормальные люди. Корби лихорадочно искал нужные слова.

— Что? — после паузы спросил он.

— Теперь моя мама называет меня антихристом, — сказал черный брат. — Зачем мы все это вчера сделали?

— Не знаю, — ответил Корби.

— Давай расскажем правду, — предложил Ара. — Еще не поздно.

— Ты кричишь на весь коридор, — пробормотал Корби.

Ара встал и подошел к нему.

— Надо рассказать, — тихо сказал он. — Ведь все ужасно. Погиб человек. А своим враньем мы можем помешать поимке настоящих убийц.

Его глаза, влажные, темные, искали ответный взгляд Корби.

— Мы же рассказали про них, — заторможенно возразил Корби, — описали, как они выглядят. И на пленке они остались. Мы говорим почти правду.

— Ты не понимаешь, — сказал Ара. — Я думал об этом всю ночь. Те люди на свободе. Они могут убить кого-нибудь еще. В том числе нас. А если их поймают, то они все равно расскажут, как на самом деле было.

Корби не нашелся, что ответить. В этот момент в конце коридора появились двое — мужчина и женщина. При виде их Ара как-то сжался, а Корби почувствовал, что у него пересыхает во рту.

Это были родители Андрея.

Глава 12

Срыв

Отец погибшего мальчика был в черных брюках и белой рубашке, а сложенный пиджак держал в руках и машинально теребил его. Его бледное лицо было изуродовано старым широким шрамом. Рубцы и спайки проходили через лоб и левую щеку, искажали уголок рта, форму брови и глаза. Корби никогда еще не встречался с этим человеком, о его увечье слышал лишь мельком из чужих рассказов, и сейчас оно его шокировало.

На женщине был строгий офисный костюм: голубая блузка и юбка темно-песочного цвета. Она носила короткую стрижку. Ее шею прикрывал платок из черной кисеи. Ее медленный полумертвый взгляд остановился на двух подростках, и она пошла быстрее, как будто вся подалась вперед.

— Рита, — сказал мужчина, и она снова замедлила шаг.

Он обогнал ее и первым подошел к Корби и Аре.

— Я, кажется, вас знаю, — уже обращаясь к молодым людям, продолжал он. — Вы одноклассники моего сына.

Когда он говорил, покалеченная сторона его лица вздрагивала. Это производило отталкивающее впечатление.

— Да, — Ара ответил так тихо, что осиротевший отец его не услышал.

— Вы учились с Андреем? — переспросил он.

— Да, — сказал Корби. Ему трудно было отвести глаза от увечья.

— И были рядом, когда это случилось, — мужчина замолчал.

Ара издал какой-то звук.

— Рита сказала, что он шел на встречу с вами, — снова заговорил отец Андрея. — Мне бы очень хотелось услышать, что там произошло.

Последние несколько слов он произнес раздельно и отчетливо.

Корби и Ара молчали. Корби встретил взгляд женщины, и ему вдруг стало нехорошо. Он как будто впервые понял, что случилось.

— Я не виноват, — вырвалось у него.

— Когда человек в семнадцать лет падает с крыши, кто-то всегда виноват, — сказал отец Андрея.

У Ары потекли слезы.

— Как мне это понимать? — спросил мужчина. — Как то, что я говорю с убийцами своего сына?

Корби вспомнил все обвинения, которые ему вчера высказал Ник, и теперь они, сконцентрированные в словах отца Андрея, вдруг превратились в приговор, в неизгладимое клеймо. «Они все считают, что это я, — подумал Корби, — и они меня ненавидят».

— Нет, — всхлипнул Ара, — мне просто жаль, мне очень жаль.

Во внезапном порыве он встал навстречу отцу погибшего мальчика и крепко его обнял. Мужчина секунду стоял с безвольно опущенными вниз руками, потом шевельнулся и медленно отстранил подростка от себя.

— Вы не ответили на мой вопрос, — тихо, чеканя каждое слово, произнес он. — Как все произошло?

— Мы просто смотрели, мы просто видели, — глотая слезы, попытался объяснить Ара, — как они гнались за ним, как они убивали его, и мы ничего не могли сделать.

Маргарита Токомина потянула свой шейный платок, будто он ее душил, а потом закрыла им нижнюю половину своего лица и отвернулась. Лицо мужчины хранило каменное спокойствие.

— Мы не могли ничего сделать! — вскричал Ара. — Правда! Мы были внизу, а они были на крыше!

— Правда? — переспросил отец Андрея.

— Корби, не молчи, — потребовал черный брат. — Скажи, как все было!

В этот момент на второй этаж полицейского участка вошли Ник и его отец. При виде сцены они оба на мгновение замедлили шаг. Потом Ник сорвался с места и почти подбежал к своим друзьям, но в двух метрах остановился, как вкопанный.

Неожиданно молчание нарушила Маргарита.

— Он иногда рассказывал про Корби, — сообщила она. — Про то, как разговаривает с Корби. Про то, как ходит куда-то с Корби. Про то, что у вас одна судьба.

Лицо Корби дернулось. Он пытался что-то сказать, но только шевелил губами. Вдруг разрушилась его иллюзорная изоляция, его одинокий выдуманный мир.

— Я раньше даже думала, — глухо проговорила женщина, — что он тебя придумал. А теперь оказывается, что ты действительно его одноклассник. И я даже не знаю, что хуже: придуманные друзья — или такие вот не-друзья, которые стоят и смотрят, как умирает их знакомый.

— Да, это так, — вдруг сказал Ник. — Я хочу, чтобы вы знали правду. Хотя бы какую-то ее часть.

Мужчина повернулся к нему.

— Что? — каким-то странным голосом спросил он.

— В нашем классе ваш сын хотел дружить только с одним человеком, — Ник говорил, задыхаясь. — С ним.

Он показал пальцем на Корби.

— Ник, зачем ты?.. — испуганно начал Ара, но Ник не дал ему закончить.

— Но Корби не хотел дружить с Андреем, — продолжал он. — Поэтому Андрей не стал нашим другом, хотя мог бы им стать. Он мог бы быть счастливым, но Корби все время отделялся от него.

Отец Ника подошел к Корби и протянул тому большой пластиковый пакет.

— Твои вещи, — объявил он. — В целостности и сохранности.

Корби стиснул ручки пакета. Все смотрели на него, а он по-прежнему сидел на лавочке у засаленной стены коридора.

— Не надо меня ненавидеть, — дрожащим голосом попросил он.

Внезапно двери двести пятнадцатой открылись, и на пороге возник Кри́н. На его лице отразилась досада. Человек из отдела внутренних расследований спутал все его планы. Люди, разговоры с которыми он так тщательно разводил во времени, теперь стояли вместе. Одни плакали, лица других были искажены ненавистью и отчаянием.

— Господа, — громко обратился он ко всем, — я следователь по делу о гибели Андрея Токомина. Я официальное лицо, которому можно задать все вопросы. Зовут меня Анатолий Геннадьевич Кри́н.

Родители Андрея, а потом и все остальные, повернулись к нему. Корби казалось, что его сейчас избивали камнями и вот, наконец, перестали. Он обессилено откинулся к стене.

После заявления Кри́на на мгновение наступила тишина, а потом родители погибшего подростка в свою очередь представились ему. Пока мужчины пожимали руки, к группе одновременно подошли еще три человека. С одной стороны появились мать Ары и молодой сотрудник, вернувшиеся из двести шестнадцатой комнаты. Набожная армянка, перебивая всех, попыталась выразить соболезнования Токоминым, но они, кажется, даже не слышали ее. Из-за спины Кри́на возник дед Корби. Он приветствовал всех новых лиц одним общим кивком. Этот кивок заметил отец Ника и, кажется, рассвирепел, хотя и не выразил никак свое негодование. Он регулярно пикировался с отставным полковником на родительских собраниях, и между ними давно уже установились прочные отношения взаимной ненависти.

В коридоре образовался затор. Какие-то люди, которые шли по своим делам, теперь были вынуждены проталкиваться через толпу, собравшуюся перед дверью двести пятнадцатой комнаты, и каждый своим движением и извинениями усиливал общий беспорядок. Кри́н начал объяснять родителям Андрея что-то о ходе следственных мероприятий и о том, когда они смогут получить вещи своего сына. В этот момент отец Ника не к месту спросил про свой конфискованный вертолет. Следователь сбился, начал отвечать на его вопрос. Дед Корби не удержался от язвительного замечания, а мать Ары закричала, что он ужасный человек. Их совместными усилиями разговор потерял всякий смысл и стал превращаться в отвратительную свару.

Правда, почти половина присутствующих молчала. Корби единственный сидел и снизу вверх смотрел на все происходящее. Молчали и два других подростка. Молчал молодой человек из отдела внутренних расследований. С холодным вниманием он следил за ходом разговора.

Безобразную сцену остановил отец Ника. Он начал хлопать в ладоши. Три хлопка, громких и четких, заставили всех обернуться.

— Мне кажется, — сказал он, — что сейчас мы все мешаем следователю делать его работу.

Наступила тишина. Кри́н моментально сориентировался и взял ситуацию в свои руки.

— Благодарю, — кивнул он своему спасителю. — Я прошу вас расступиться вдоль стены, а лучше — сесть, чтобы люди свободно ходили через коридор.

Началось движение. Дед сел рядом с Корби. Джинаганали и Коплины отошли к стене.

— А вам нужно ехать в морг, — сказал Кри́н отцу Андрея, — и официально опознать Андрея. Когда вы вернетесь, я закончу со свидетелями, и здесь будет спокойная обстановка.

— Хорошо, — безропотно согласилась Маргарита.
— То есть вы вот так от нас отделяетесь? — спросил Токомин.
— Моей работе помешали обстоятельства, — ответил уязвленный следователь. — Меня задержали на полтора часа. Поэтому свидетелям пришлось ждать.
— И кто же задержал?

Крин повернулся и посмотрел на непроницаемого молодого человека в темных очках.

— Отдел внутренних расследований, — сказал он.

Токомин усмехнулся.

— То есть вы сами под следствием, — заметил он, — но ведете следствие.

— Артем, не надо, — попросила мать Андрея. — Не устраивай скандал. Здесь никто ни в чем не виноват.

— Виноват, — сказал отец Андрея.

— Если у вас есть вопросы, я на них отвечу, — обещал Крин.

— Кто убил моего сына? — спросил Токомин.

— Мы это узнаем, — ответил следователь.

— Я поеду в морг одна, — сказала женщина, — а ты можешь делать все так, как всегда делал в своей жизни.

— Маргарита Леонидовна, — тут же согласился Крин, — подождите секунду. Барыбкин.

Он поднял любителя кукурузы из-за стола и увел его в глубины отдела. Ник улучил этот момент, чтобы наклониться к Корби.

— Нравится смотреть в глаза его матери и отцу? — еле слышно процедил он ему в ухо. Корби оглянулся на него диким загравленным взглядом.

Прошло меньше минуты, и Крин вернулся с бумагами.

— Вам нужно расписаться здесь и здесь, — показал следователь, — и на этой бумаге — в морге, если вы признаете, что погибший — ваш сын.

Мать Андрея всхлипнула. Мужчина со шрамом даже не посмотрел в ее сторону. Он сверлил Крина глазами.

— Барыбкин будет сопровождать вас, — продолжал Крин.

— Хорошо, — согласилась Маргарита.

Она вместе с оперативником пошла к выходу. Корби смотрел ей вслед. «Скоро ее ждет то, что я пережил у машины моих родителей, — с неожиданной ясностью подумал он. — Она увидит его тело, его мертвое лицо и расколотую голову, его безвольные руки и сломанную ногу».

— Теперь я снова вас слушаю, — сказал следователь отцу Андрея. — Мы ведем следствие. Что еще вы хотите знать?

— Все, — сказал Токомин.

Крин скрипнул зубами.

— Я сам не знаю всего, — ответил он.

— Вы видите этот шрам? — тихо сказал человек с изуродованным лицом. — Четыре года назад мой сын спас мне жизнь. Поэтому сейчас я хочу знать. Кто. Его. Убил.

«Андрей спас ему жизнь, — повторил Корби в своих мыслях. — Андрей сделал для своего отца то, что я не сделал для своего. Как странно. Как глупо, что я жив. Жив, виноватый во всем. Как глупо, что я отвергал Андрея».

Следователь тяжело вздохнул.

— Вот, — показал он, — вот люди, с которыми мне нужно поговорить, чтобы быть на шаг ближе к ответу на этот вопрос. Но я сейчас говорю не с ними, а с вами, потому что уважаю ваше положение.

Токомин молчал.

— И еще потому, что вы обвинили меня в том, что я пытаюсь от вас отделаться, — добавил Крин. — Я не пытаюсь. Я готов ответить на любые вопросы. Все, что я знаю.

— Хотите с ними говорить? — холодно поинтересовался отец Андрея. — Пожалуйста. Говорите.

Он отступил в сторону.

— Николай Рябин, пройдемте ко мне в отдел, — предложил Крин. — Всего несколько вопросов, и я смогу отпустить вас и вашего дедушку.

Корби механически встал и пошел за следователем. Молодой сотрудник отдела внутренних расследований закрыл за ними дверь.

— Я буду присутствовать при допросе, — сказал он в спину Корби. — Пусть вас это не смущает.

В комнате было светлее, чем в освещенном лампами коридоре. Стол Крина стоял боком к окну в выгородке из двух ширм. Старый монитор с маленьким мерцающим экраном, засаленная клавиатура, кипы бумаг и бокс с дискетами. За одной из ширм кто-то разговаривал. За другой работал принтер или факс.

Корби предложили стул напротив Крина. Молодой мужчина сел у угла стола. Его молчаливое присутствие действовало на подростка угнетающе. В остальном все было как вчера: диктофон, анкета. Только теперь вместо блокнота Крин использовал протокол.

— Ваше имя и фамилия? — Крин чему-то улыбнулся. — Ладно, я помню. Николай Рябин.

Он записал первые строчки протокола.

— Вы можете подтвердить, что видели, как трое неизвестных сбросили Андрея Токомина с крыши вашей школы? — спросил следователь.

Корби молчал. Он молчал с тех пор, как умолял своих друзей и родителей погибшего мальчика не ненавидеть его. «Да, — подумал он, — могу». Но ни слова не произнес.

— Вы можете подтвердить, что видели, как трое неизвестных сбросили Андрея Токомина с крыши вашей школы? — повторил Крин.

Корби облизнул губы. Сами собой потекли слезы. «Неважно, — подумал он, — ничего уже не важно». Следователь смотрел на него в удивлении.

— У вас все в порядке? — спросил он. — Почему вы плачете? Вы понимаете, что ваши показания очень важны? Вы можете плакать, но, пожалуйста, скажите «да».

— Это давление на свидетеля, — вмешался молодой человек из отдела расследований. — Рябин, очевидно, либо не хочет, либо не может отвечать.

— Вот что вы лезете? — взвился Крин. — С тех пор как вы здесь, у меня все из рук валится.

Молодой человек пожал плечами.

— Я ниже вас по званию, — сказал он, — но статус моей организации таков, что вы обязаны мне подчиняться. Так что терпите.

Корби смотрел в окно мимо людей, которые сейчас о нем говорили.

— Вам угрожали? — спросил у него следователь.

«Да, — вспомнил Корби. — Оскаленный мне угрожал. Но я не боюсь. Я боюсь, что сейчас выйду отсюда и снова увижу глаза Ары и Ника, и отца Андрея. Вот чего я боюсь».

— Вас запугивали? — продолжал спрашивать Крин. — Вы решили отказаться от своих показаний?

Корби замотал головой. Небо и ветви деревьев за окном — все расплылось. Дышать стало трудно.

— Тогда почему вы молчите? — спросил следователь.

«Я ненавижу небо, — подумал Корби, — потому что мой отец, и моя мать, и Андрей ходили под ним, а потом умерли. Но больше всего я ненавижу себя. Это я во всем виноват. Почему смерть забрала не меня? Ведь так было бы лучше для всех».

Из-за ширмы выглянула женщина лет тридцати пяти, простая, черноволосая, но еще миловидная.

— Толя, ну что ты его пытаешь? У мальчика полная истерика.

— А что мне делать, Наташа? — поинтересовался следователь. — Сейчас

по Москве бегают на трех убийц больше, чем вчера утром. И я не знаю, почему он ревет — потому что ему жалко одноклассника, или потому, что он знает, кто эти люди.

Корби снова замотал головой.

— Нет? — спросил Крин. — Не знаешь, кто убийцы?

Корби опять помотал головой.

— Жаль, — сказал следователь.

— Вы обязаны прекратить допрос, — заметил молодой человек из внутренних расследований.

Крин швырнул ручку о стол так, что она отлетела и стукнула по клавиатуре компьютера. Выключил диктофон, скомкал протокол и швырнул его в мусорку.

— Сколько вам нужно времени, чтобы успокоиться? — поинтересовался он у Корби. — Полчаса? Час?

— Я думаю, на сегодня вы свободны, — обратился молодой человек к Корби.

— Да, — процедил Крин, — статус вашей организации таков, что я должен вам подчиняться. Но этот молодой человек вам подчиняться не обязан.

Следователь сделал паузу.

— Еще как минимум полтора часа я буду здесь, — сказал он. — Поэтому будьте так добры, постарайтесь за это время привести себя в порядок и возвращайтесь сюда, чтобы ответить на мои вопросы. Если у вас есть любые опасения насчет собственной безопасности или безопасности других людей, вы можете их высказать. Мы вам поможем.

Корби судорожно покивал, но с места не поднялся.

— Пойдемте, Николай, — следователь сам вышел из-за стола и как-то умудрился поднять Корби на ноги. Они пошли к выходу из комнаты. «Не хочу, — думал Корби, — не хочу уходить отсюда. Не хочу снова видеть их всех». Он вывернулся из рук Крина и уткнулся лбом в стоящий у стены шкаф-сейф.

— Господи, да что такое, — пробормотал следователь.

Он открыл двери в коридор.

— Рябин.

— Да.

— У вашего внука истерика, — объявил Крин.

— Какая истерика? — встревожился дед.

— Молчит и плачет, — объяснил Крин. — Отведите его во двор. Пусть подышит воздухом, посидит на лавочке. Если за полтора часа успокоится, то пусть возвращается.

Дед вошел в комнату. Корби цеплялся руками за угол шкафа. Его плечи содрогались.

— Ну что? — обратился к нему дед. — Совсем не можешь держать себя в руках, да? А ну прекрати реветь! Тазик наревел. Как девка. Семью только позоришь. Вон люди смотрят, а ты все реवेशь.

Корби не ответил, только попытался закрыть лицо руками, когда дед взял его за локоть и потащил его в коридор. Спрятаться у Корби не получилось. Он увернулся от взглядов Ары и Ника только затем, чтобы встретиться глазами со стоящим в стороне отцом Андрея. В лице этого человека он прочитал свой приговор. «Ты убийца, — утверждало оно, — ты виноват во всем. Твое раскаяние — признак твоей вины».

«Оставьте меня в покое, — безмолвно закричал Корби. — Я же не такой плохой. Если бы я мог, я бы всех спас. Но я не был в машине со своими родителями. И я второй раз в жизни держал в руках пистолет, когда Андрея убивали. Что я мог? Ну что я мог? Почему никто не хочет разбираться? Почему все ненавидят меня? Я просто неудачник».

Что-то надломилось у Корби внутри. Он уже с тоской думал об уколе Ивана Петровича. Сейчас он хотел, чтобы ему снова стало все равно.

Западный ветер

Территория полицейского участка с двух сторон была обнесена забором, а две другие стороны образовали здание отделения и старый кирпичный дом, который сходил с ним углами. Унылые городские деревья вращались корнями в потрескавшийся асфальт. Томились на солнце служебные машины. Парочка угловатого вида субъектов курила на бетонных ступеньках крыльца. Вдоль перекрывающего выезд красного шлагбаума бродил постовой.

Еще было слышно ритмичную музыку. Она доносилась из открытых полу-подвальных окон кирпичного дома. Там, несмотря на дневное время, горел свет. Сквозь щели в прореженных жалюзи Корби видел фрагмент стены и движущиеся по нему тени. Подросток стал смотреть на эти окна. «Я не хотел ничьей смерти, — подумал он, — я просто хотел быть счастливым».

— И теперь переворачиваемся на спинку, — нараспев прозвучала команда, — и делаем ножницы ножками. Вот так. Вот так.

Музыка сменила ритм на еще более энергичный.

— Ты понимаешь, что все испортил? — пилил его дед. — Понимаешь, что я зря старался? Сопляк. Тварь неблагодарная. Что для тебя ни сделаю, все спускаешь на ветер.

Корби не слышал его. «Я хотел быть счастливым, но теперь я ненавижу счастье, — думал он, — ненавижу движение и красоту. Я хочу, чтобы все остановилось. Ведь это пустой спектакль. Люди умирают. Вот что настоящее. Вот что правда. А всего остального нет».

— Хоть бы утерся, — буркнул дед. Он попытался провести ладонью по лицу подростку. Тот отшатнулся.

— Да что ты, — пробормотал дед. — Дикий совсем. Меня слушай, дурак. В руки себя возьми.

«Ненавижу», — подумал Корби. Он вскочил и неровным шагом пошел в угол, где смыкались здания. Здесь росло старое корявое дерево. Под ним лежало пятно тени. Корби прислонился к пахнущей мочой стене и закрыл глаза.

— Делаем велосипед, — весело продолжал доносящийся из открытых окон голос инструктора. — Крутим ножками, как будто они нажимают педали. Вот так, вот так. Сгибаем ножку в колене и потом разгибаем, но не до конца. Молодцы, девочки.

Дед вместе с Корби дошел до угла, потом унюхал запах мочи, сморщился, махнул рукой и вернулся на лавочку.

— Теперь все подумают, что ты ссышь, — бросил он внуку в спину.

Корби приложил ладони и лоб к стене. Он искал этой позы. Он помнил ее с тех пор, как стоял у окна и смотрел на разбившуюся машину. Он повторял эту позу вчера вечером, когда прильнул к борту труповозки. И теперь он снова ее нашел.

«Я не смогу, — отчетливо понял он, — как бы я ни хотел, я не смогу туда вернуться и не смогу говорить с Крином. Да и зачем? У него есть видеозапись, у него есть слова Ника и Ары. И описание машины, которое нашел Барыбкин. И, наверное, еще куча всего. Он справится».

Музыка сменила ритм, стала мелодичнее.

— Руки под поясницу и тянем ножки вверх, — объявил инструктор. — Делаем березку. Будем стройными, как березки.

Дыхание Корби стало немного выравниваться. И тут он почувствовал на себе чье-то внимание. Оно было неотрывным и невыносимым. Подросток терпел его минуту, потом не выдержал и обернулся.

У входа в отделение стояли отец Андрея и мужчина в темных очках. Они о чем-то разговаривали, но оба, кажется, смотрели в его сторону.

Корби стало нехорошо. Эти двое, да еще вместе, показались ему самыми страшными людьми, каких он видел на свете. Покалеченный Токомин, с его бледным лицом в рубцеватых шрамах, с застывшим взглядом, полным скорби, безумия и ненависти. И молодой мужчина в очках, с непроницаемым лицом,

которое разочаровывает ожидания, на котором почти не отражаются эмоции. Корби отвернулся от них и, дрожа, вжался в стену. «Кого сейчас допрашивают? — подумал он. — Ару? Точно, Ару. Значит, скоро и он выйдет на улицу. А потом выйдет Ник. И Ник, пожалуй, еще подойдет ко мне и что-нибудь скажет».

Корби охватила паника. Взгляды сверлили ему спину. Встреча с друзьями казалась неизбежной. «Я этого не вынесу, — подумал он, — мне лучше умереть, чем оставаться здесь. Мне лучше умереть десять раз».

«Бежать, — решил подросток, — от них и от деда. От всех. Потом найду, что с собой сделать. Прыгну под поезд, или порежу себе вены битым стеклом, или просто уйду пешком из города, лягу на землю в лесу и умру от голода».

У всех, кто выходил с участка, постовой смотрел документы и забирал пропуска. «Там я не пройду, — подумал Корби, — к тому же там близко от отца Андрея».

Сквозь открытые окна полуподвального этажа снова запульсировала ритмичная музыка.

— Переворачиваемся, садимся, — прокомментировал инструктор, — ножки расставляем под углом в девяносто градусов и тянемся. Два наклона направо. Два наклона налево. Пальчиками рук касаемся пальчиков ног. Раз-два! Три-четыре!

Корби уставился на открытое окно.

— Бодрее, девочки, — жизнерадостно зывал тренер, — и хорошая фигура вам обеспечена.

Подросток снова оглядел двор. Дед не смотрел в его сторону — он исподтишка изучал молодого человека в очках. Корби, не торопясь, но целенаправленно пошел вдоль стены кирпичного здания. Он видел, что Токомин и незнакомец продолжают наблюдать за ним. У него откуда-то появилась уверенность, что человек в темных очках разгадал его план, но молодой мужчина не двигался с места и равнодушно объяснял что-то отцу погибшего мальчика.

«Даже если он понял, — подумал Корби, — он уже не успеет меня догнать. До окна остались считанные метры». Корби прошел их быстро. Сквозь щели в жалюзи он увидел ритмично движущиеся тела. Женщины в купальниках, в основном в возрасте от тридцати до сорока.

В последний момент маневр Корби заметил дед.

— Стой! — вскрикнул он. — Ты же совсем все испортишь!

Корби спрыгнул в незарешеченное углубление, а потом, ломая жалюзи, рванул в открытое окно полуподвального этажа. Раздался женский визг.

— Эй! Вам сюда нельзя! — рявкнул возмущенный, усиленный динамиками голос тренера.

Подросток освободился от надоедливых шуршащих планок и увидел, что находится в просторной комнате, посреди десятка сидящих на полу или уже начавших вскакивать бабенок. Потные, удивленные лица.

— Маньяк! — закричала одна из них. — Извращенец!

Корби увидел дверь и бросился к ней. Никто не пытался его задержать. Только тренер сделал несколько нерешительных шагов в его сторону, но остановился, как только понял, что подросток не угрожает его клиенткам.

Корби выскочил в пустынный коридор. На стенах висели плакаты, посвященные фитнесу и здоровому образу жизни. Подросток проскочил через стеклянные двери и оказался в маленьком холле фитнес-клуба. Его ноги заскользили по каменному полу.

Из-за стойки вскочил охранник.

— Вы кто? — спросил он. Корби бросился мимо него, почувствовал на своем плече захват, рванулся, вырвался. Он больно ударился коленом, но вскочил. Несколько шагов вверх. Он рванул за ручку дверь и оказался на улице.

Шум машин и запах выхлопных газов. Подросток врезался в прохожего. Тот

обругал ему матом. Не обращая внимания на гудки и скрежет тормозов, Корби бросился на другую сторону оживленной улицы. Его сердце учащенно билось.

«Когда они все в следующий раз увидят меня, — подумал он, — я уже буду лежать в гробу. Осталось совсем недолго». На другой стороне улицы он обернулся. За ним не гнались. Никто не выскочил из дверей фитнес-центра, никто не бежал из-за угла, от отделения милиции.

«Оторвался», — понял Корби. Он перешел на шаг. Ему навстречу попадались прохожие. Разные лица. Иногда мрачные, иногда веселые, но в основном никакие. Подросток заметил, что привлекает к себе внимание, утер лицо и пошел еще медленнее. «Сегодня я умру, — думал он, — это решено. Осталось выбрать способ». Он не думал о предсмертных записках и последних телефонных звонках. Он никому ничего не хотел сказать, не собирался кого-либо наказывать или шантажировать своей смертью. Он просто хотел исчезнуть.

Корби свернул в подворотню. Десять метров темного туннеля вывели его в маленький квадратный двор. Здесь росло дерево. На чьем-то балконе висело белье, на железной лестнице сидела толстая кошка. Двор был проходным. За первой подворотней открылась вторая. Корби пошел в нее. Он хотел запутать следы. Еще ему пришлось в голову, что в таких дворах часто бывают лестницы на крышу. Если удастся одолеть одну из них, смерть станет доступной.

«Чем быстрее, тем лучше, — подумал Корби, — и хорошо бы, если так же, как Андрей».

Когда он дошел до середины второй подворотни, у него за спиной раздалось шуршание автомобильных шин. Корби оглянулся. За ним полз большой «мерседес» с тонированными стеклами. Он почему-то не сигнализировал, хотя подросток явно мешал ему проехать. Подворотня была достаточно широкой, и Корби отступил в сторону, уступая машине место. «Мерседес» не стал разгоняться, но и не притормозил. Все так же медленно он ехал вперед. За темными стеклами ничего не было видно. «Давай уже, — подумал Корби, — что ты так ползешь? Боишься меня задавить?»

Вместо того, чтобы послушаться его совета, автомобиль совсем остановился. «Что происходит?» — успел удивиться Корби. И в ту же секунду задняя дверца машины резко открылась. Удар был таким сильным, что Корби сбило с ног. Он упал на одно колено в узком проходе между машиной и стеной подворотни.

Автомобиль резко проехал на два метра вперед. Его открытая дверца толкала и тащила Корби за собой. Наконец, подросток упал на спину. Ему чудом удалось увернуться от заднего колеса машины. «Меня убивают», — почти спокойно подумал он.

Из машины вышли двое. Один из них рукой зажал Корби рот. Рука была в перчатке. Она пахла кожей, мужским одеколоном, сандалом и табаком. Корби начал задыхаться и рефлекторно попытался оторвать ее от своего лица, но нападавший был слишком сильным.

— Он не закричит, — сообщил он.

Корби сорвал с его запястья часы.

— Олег, мои часы, — сказал мужчина. Он потащил подростка к машине. Его черный галстук с неброскими фиолетовыми вставками мазанул Корби по лицу. Второй нападающий поднял часы, сунул их в карман и подхватил Корби за ноги. Он был не слишком высоким, такого же роста, как и Корби, но с более развитым телом.

Корби почти не сопротивлялся. Он был слишком удивлен нападением, не знал, кто эти люди, не знал, зачем вообще ему стоило бы защищать свою жизнь. Его втащили в машину. Он оказался на заднем сидении между своих похитителей.

Из-за тонированных стекол в салоне царил коричневый полумрак. Здесь было прохладно — работал кондиционер. Играла приглушенная музыка: грубый прокуренный голос пел про трудные перипетии судьбы. Двери захлопнулись.

— Трогай, — сказал тот, с кого Корби сорвал часы. Машина тронулась. Подростка крепко держали за обе руки.

— Будешь дергаться — поедешь в багажнике, — уже обращаясь к Корби, продолжал мужчина. — Ты меня понял?

Корби не ответил. Они проехали через дворы и оказались на следующей улице. В темные окна автомобиля ударили солнечные лучи. В их пригашенном свете Корби, наконец, смог рассмотреть говорившего. Его кожа казалась шершавой. На верхней губе — сизый налет щетины.

— Ты меня понял? — снова спросил мужчина.

— Да он сейчас промочит штанишки, — ответил тот, который тащил Корби за ноги.

— Куда едем? — поинтересовался водитель.

— Сейчас, — ответил Шершавый.

Он достал телефон, набрал чей-то номер.

— Босс, — сказал он в трубку.

Слабое эхо ответного голоса.

— Он наш.

Пауза.

— Хорошо.

— Что? — спросил водила.

— Босс сказал везти его на главную стройку.

«Они что, собираются закатать меня в бетон?» — мелькнуло в голове у Корби. Он сидел очень тихо — не пытался высвободить руки, даже почти не шевелился. Пока один разговаривал по телефону, другой обшарил карманы пленника. Он вытащил у Корби мобильник, открыл его, вытряхнул батарейку. Потом выгреб из карманов подростка мелочь и маленькие полезные вещи. Монетки посыпались на дно машины. На это никто не обратил внимания.

«Кто они? — думал Корби. — Кому нужна моя смерть?» «Неужели это убийцы Андрея? — поразила его следующая мысль — Точно. Они мстят мне за то, что я ранил одного из них. И еще они убирают свидетеля».

Водитель сделал музыку громче. Он не нарушал правил, держался зеленой волны. Они ехали быстро. «Как они меня нашли? — спросил себя подросток. Они знали, что происходит во дворе отделения милиции, или пробили, где находится мой телефон. В любом случае, — рассуждал он, — теперь я знаю то, чего еще не знает Крин. Так как я не боюсь смерти, то, даже рискуя жизнью, должен попробовать убежать. Может, Ник простит меня», — с надеждой подумал он.

— Так ты говорил, что не выпался? — вдруг спросил Шершавый у другого.

— А, да, — вспомнил тот. — Прикинь, прихожу вчера домой, а моя шалава не одна.

— Я бы убил, — заметил водитель.

— Я почти и убил.

— С кем она была-то? — полюбопытствовал Шершавый.

— С соседом. Он ей, типа, телевизор чинил.

— Я бы и его убил, — добавил водитель.

— А зачем? Если баба своей дырке не хозяйка, к ней все равно будут ходить.

— И че ты сделал? — поинтересовался водитель.

— Говорю же, не спал, — ответил мужчина. — Всю ночь ремнем ее учил. Орала, как пожарная сирена. Теперь неделю сесть не сможет.

Водитель гоготнул.

«Гопники, — подумал Корби, — большие, злые, богатые, в хороших костюмах, на дорогой машине. Но те же самые гопники».

— Либо тебе нравится ее бить, — заметил Шершавый, — либо ты не можешь найти себе нормальную бабу.

В разговоре наступила пауза. Корби старался запоминать места. Он понял, что они едут в сторону центра Москвы.

— А че, ты свою Людку ни разу не учил? — через какое-то время осторожно спросил тот, который тащил Корби за ноги.

— Она мне не девка, а жена, — сказал Шершавый. — Учить пришлось только раз. Уже три года прошло.

— Значит, любит, — заметил водила.

«Они не такие, как те, что убил Андрея, — неожиданно усомнился Корби. — Эти никогда не возьмут в свою банду девушку, не будут так безумствовать, как Оскаленный, не будут ловко подкрадываться. И убивать они будут совсем по-другому, хотя убить тоже могут». Те, кто убил Андрея, пугали Корби намного больше, чем эти.

Темы для разговора закончились. Путь продолжался в молчании. Водила полистал радиоканалы. Один хриплый голос сменился другим.

— Подъезжаем, — заметил он. — Дай ключ.

Машина проехала через мост и свернула на набережную. Корби увидел башни Москва-Сити. Стекло, металл и пластик сверкали на солнце. Половина взметнувшихся в небо небоскребов была еще не достроена. «Большая стройка, — вспомнил Корби. — Неужели мы едем сюда? Ну да, — подумал он, — самый фешенебельный район города. Где еще быть таким убудкам?»

Шершавый вытянул из нагрудного кармана белую карточку. Корби сразу узнал ее, и его сердце замерло. Такую же карточку бросил с крыши Андрей. Она была белая, запаянная по углам, с лейблом «West Wind» на одной стороне.

Сомнения Корби рассеялись. Даже если убийцы Андрея были другими, эти люди — из той же организации. «Возможно, они не только мстят, — подумал он, — возможно, они еще хотят вернуть карточку. Или хотя бы узнать, что ей никто не воспользовался. Логично. Это объясняет, почему я еще жив».

— Держи, — протянул Шершавый. Водитель двумя пальцами поймал карточку над своим плечом.

— Затрахала эта система, — заметил тот, который тащил Корби за ноги. — Без карточки за кофе не сходить.

— Скоро ты в сортир без проверки сетчатки не сходишь, — сказал водила.

Они загоготали. Шершавый только слабо улыбнулся. Корби подумал: вот человек, который мог бы стать достойным потомком его деда. Он никогда не станет пить со своими подчиненными. Он точно понимает смысл субординации.

Машина свернула в сторону от набережной. Москва-река осталась позади. Башни были так близко, что Корби уже не мог увидеть в окно их вершины. Он услышал гул работающей техники: где-то рядом жужжало, рычало и бухало. Вдоль дороги потянулись сетчатые заборы. На одном из них висел плакат. «Башня Северо-Восток, — прочитал Корби на афише, — должна стать четвертым по высоте зданием...» Дальше он не смог читать, так как плакат остался позади.

— Не вертись! — рявкнул Шершавый. Подросток замер. Его взгляд зацепился за следующую афишу. Она была такой же, как первая. Под заглавием «Башня Северо-Восток» шли строчки пояснений. Он снова побежал по ним глазами. Ему удалось узнать, что башня будет закончена в две тысячи четырнадцатом году. Потом его взгляд скользнул дальше, и он увидел заветную подпись маленькими буквами: «Застройщик — компания West Wind».

Машина повернула. Ее слегка качнуло при съезде с шоссе. Теперь под колесами была дорога, сложенная из бетонных плит. «Мерседес» остановился перед сетчатыми воротами. Корби увидел, что к автомобилю подходит административный охранник, и в ту же секунду Шершавый зажал ему рот рукой в перчатке. Подросток задергался, но все его метания были бесполезны.

Водила приспустил окно.

— Вот карточка, — помахал он.

Охранник кивнул. «Загляни в машину, — мысленно попросил его Корби, — загляни в машину, и ты раскроешь преступление. Тебя повысят, тупая ты рожа». Мужчина в форме медлил. Он, видимо, услышал в салоне звуке возни.

— Я тебе не грузовик, — раздраженно сказал водила.

Охранник отступил.

— Ладно, — сказал он, — сейчас открою.

— За кого они себя держат, — бросил через плечо водила.

Задыхаясь, Корби смотрел, как охранник откатывает тяжелые створки ворот. Закончив, он махнул рукой. Машина поехала. Шершавый отпустил лицо подростка и зло ударил его кулаком под ребра.

— Спротивляться вздумал, да? — зашипел он.

Корби не ответил, только сжал зубы и согнулся от боли. «Что я буду делать дальше?» — спросил он себя. Ответа у него не было.

«Мерседес» проехал через стройку и нырнул под один из строящихся небоскребов. Здесь все было бетонным: серый пол, серые стены, серый потолок с редкими сигнальными лампами. Автомобиль спустился на два этажа под землю, въехал в огромный, совершенно пустой подземный гараж и остановился. В полумраке Корби видел, как поблескивают железные двери лифта, похожего на гигантский сейф.

— Что дальше? — спросил тот, который тащил Корби за ноги.

— Ждем босса, — ответил Шершавый.

— Сидеть в машине? — огорчился мужчина.

— Тебе что-то не нравится? — уточнил Шершавый.

Тот, который тащил Корби за ноги, не ответил. Водила заглушил мотор, и наступила тишина.

Корби сидел неподвижно. Его по-прежнему держали за обе руки. Ему казалось, что это будет продолжаться вечно: босс никогда не придет, водила будет вечно жевать свою жвачку, а Шершавый будет вечно курить и стряхивать пепел в приоткрытое окно.

«Кто этот босс? — гадал подросток. — Тот, кому принадлежит «Западный ветер»? Какой-нибудь опасный человек, мафиози или агент ФСБ, тайный покровитель разного рода убийц? И откуда Андрей мог достать эту карточку?»

Тускло светились огоньки подсветки на приборной панели автомобиля. Очердной мастер тюремной песни хрипло затянул «Владимирский централ».

«Я ни за что не скажу им, что карточка у Ары, — подумал Корби. — Я вообще сделаю вид, что ничего про нее не знаю. Скажу, что видел, как Андрей бросил что-то, какой-то клочок бумаги, но тот унесло ветром и мы его не поймали».

Под сводами подземного гаража раздался новый звук. Корби понял, что слышит, как подъезжает новая машина. Несколько секунд спустя он увидел ее отражение в зеркале заднего вида. Это был настоящий черный «хаммер», из тех, на которых ездят очень богатые люди.

Босс.

Шершавый бросил окуроч, открыл дверь и за руку потащил подростка наружу. Корби не сопротивлялся. Он знал, что не справится с этими людьми и не убежит от них.

— Шевелись, — поторопил Шершавый.

Наконец, Корби выпихнули из машины. Он чуть не упал, но чудом сумел устоять на ногах.

Подъехал «хаммер». Его окна были такими же темными, как у «мерседеса». Дверь водителя открылась. Из нее вышел еще один мужчина в костюме. «Это он», — на мгновение подумал Корби, но тут же понял, что ошибается. Водитель обошел автомобиль и открыл заднюю дверцу.

Корби почти не дышал. Он увидел ногу и плечо человека. Они показались ему странно знакомыми. «Не может быть», — пронеслось у него в голове. Но так могло быть. У пассажира машины было лицо со шрамом.

Это был Токомин.

Глава 14

Озеро Боли

Корби вспомнил, как Ник говорил про «богатую мамку» и «еще более богатого отца» Андрея. Значит, Андрей обокрал собственного отца. Как и все они, он взял что-то, связанное с его родителями. Ноги подростка подкосились, и он повис между своими стражниками. «За что? — подумал он. — Почему я опять должен смотреть ему в глаза? Ведь я убежал. Я хотел сам себя убить. Мне осталось так недолго. И вот я снова должен мучиться».

— Не ожидал меня увидеть? — удовлетворенно сказал мужчина со шрамом. — В лифт его.

Токомин обогнал своих подчиненных и сам приложил к индикатору идентификационную карту «West Wind». Двери кабины послушно открылись. Подростка втащили внутрь. Лифт был новый, чистый, с металлическими стенами, резными поручнями и безупречным зеркалом.

— Верхний этаж? — спросил кто-то из охранников.

— Да, — ответил Токомин.

Корби сжался на полу. Вокруг него были ноги в черных брюках и лакированных ботинках. Корби знал, что отец Андрея смотрит на него. Лежа на холодной стали, он ощущал всем телом вибрации скоростного лифта. Его начало трясти. «Этого не может быть, — подумал он, — это не настоящее. Не жизнь. Просто я не заметил, как умер. И сейчас я в аду».

Двери лифта открылись. Этаж представлял собой платформу с необработанными краями. Штабеля заготовленных на будущее облицовочных материалов. Синие баллоны с газом. Вокруг — двести квадратных метров голого бетона, глухие коробки двух лифтовых шахт, колонны из серого камня, черные пруты металлических конструкций и небо на месте отсутствующих стен. Между полом и потолком гулял ветер.

— Сюда могут прийти сварщики, — предупредил один из тех, кто приехал с Токоминим.

— Наверх, — сказал отец Андрея. — На крышу. Там работы уже закончены.

Корби выволокли на такую же голую лестничную клетку. Перил не было. В голых прорехах между ступенчатыми плитами открывалась перспектива устрашающей высоты. Путь на чердак был перекрыт стальной решеткой. Шершавый приложил карту к магнитному замку. Что-то лязгнуло, красный огонек сменился зеленым, и решетка открылась. Корби втащили на чердак.

Здесь не было окон. Солнечные лучи падали сверху, пробиваясь сквозь вентиляционные колодцы, отражались от окрашенных охрой лифтовых моторов и рассеивались мириадами оранжевых бликов. Пахло маслом, застоявшейся водой, птичьим пометом и чем-то еще — чем-то горьким, будто здесь недавно резали сталь.

Корби протасили мимо лифтовых моторов. Началась новая лестница — путь на крышу. Здесь снова была магнитная дверь. Один из людей Токомина открыл ее карточкой, и подростку в лицо ударил свежий ветер высокого мира.

Корби выволокли на крышу и отпустили. Он безвольно распластался на поверхности рубероида.

— Ну вот, — попытожил Токомин, — здесь нам никто не помешает.

Он опустился на корточки рядом с подростком. Корби замер как парализованный.

— Я задал вопрос, — сказал отец Андрея, — и ты промолчал. Но я хочу услышать ответ. Это ты убил моего сына?

Корби вдруг увидел перед собой лицо Андрея. Он вспомнил, как тот странно и нервно смеялся, напившись шампанского в предпоследний вечер своей жизни. Вспомнил его руки, и глаза, и улыбку, и светлые волосы.

Теперь все это умерло. Светловолосый подросток больше не улыбнется, не скажет какой-нибудь новой путаной фразы. Теперь он лежит на столе, накрытый белой простыней. Его мать сейчас смотрит на него, и у нее внутри все тоже умирает.

— Ладно, — сказал Токомин. — Ты можешь просто рассказать свою версию событий. Ты же наверняка что-то придумал. Не мог ты не знать, что тебя будут допрашивать. Так что вперед, расскажи мне хотя бы то, что собирался рассказать полиции. Давай.

Корби смотрел в его искаженное лицо, напомилавшее карту какой-то бесчеловечной холодной планеты. Обезобразивший его шрам был неровным, сетчатым. Между долинами серой кожи тянулись темные горные гряды спаек и рубцов.

«Что сделал Андрей, чтобы спасти его? — спросил себя Корби. — И как ему это удалось? От чего этот шрам? От взрыва? От брызг кислоты? Что может так обжечь и изуродовать кожу человека? Андрей должен был быть решительным и смелым, совсем не таким, как я. У него получались настоящие вещи».

— Говори, — сказал мужчина. — Я приказываю тебе говорить.

Его лицо стало совсем страшным.

— Как все произошло? — повторил Токомин. — Как мой сын упал с крыши? Как он умер? Кто с ним это сделал?

Он схватил подростка за грудки.

— Почему ты молчишь? Тебе нечего мне сказать?

Корби молчал.

— Ты притворяешься, — сказал Токомин. — Я тебе не верю.

Он отпустил Корби, вскочил, прошел несколько шагов вдоль края крыши, поднес руки к лицу и застонал. Потом вернулся к подростку.

— Рассказывай! — потребовал он. — Рассказывай! Рассказывай! Рассказывай! Рассказывай!

Корби молчал. Он нашел центр узора. Он нашел на лице своего мучителя круглую каверну посреди поля перепаханной кожи. Ему казалось, что он идет там, по серой долине, по земле, погребенной под пеплом, и выходит к темно-фиолетовому озеру с розоватыми берегами. К Озеру Боли.

— За что? — спросил отец Андрея. — За что ты его убил?

Корби повторил про себя слова Ника. «Он меня пидорски облапал, — подумал он, — и увел мою девчонку. Он мне кнопки клал на стул. Он мне сделал все плохое, и за это я его ненавижу». Эта простая ложь взорвалась в голове у Корби спазмом страдания.

— Кем ты был для моего сына? — продолжал спрашивать мужчина. — Другом? Приятелем? Просто знакомым? Ты предал его?

«Он говорил про тебя», — вспомнил Корби слова матери Андрея. И слова самого Андрея из сна: «Он мой лучший друг». И слова Андрея из реальности: «Что такого в твоих друзьях, чего нет во мне? Я не дурак и не урод». И слова Ника: «Ты мог быть его другом, но не хотел».

Корби смотрел в покаленное лицо отца Андрея и не мог вымолвить ни слова. «Да, — думал Корби, — я мог, но не стал. Я предал всех. Я мог сделать его счастливым. Я мог сделать Иру счастливым. Я мог даже моего деда сделать счастливым. Я мог сделать счастливыми кучу людей. И мне это ничего не стоило. Но я не хотел».

Мужчина ударил его по лицу. Не как дед, а так, что зазвенело в ушах и боль прокатилась через виски к затылку.

— Говори! — закричал он. — Что ты с ним сделал! И за что! За что можно убить мальчика в семнадцать лет? Говори!

Оглушенный и скорчившийся, Корби вспоминал, как все время обижал Андрея, как раздражался на то, что прилипала безропотно сносит все мелкие тычки и издевательства, пренебрежение, разговоры за спиной. А раздражаясь, Корби хотел обидеть его еще сильнее. Но тот все равно все сносил и не отставал от него. Стыд рвал Корби спазмами боли, как лезвие ножа, ворочающееся в кишках.

«Убей меня, — мысленно обратился он к Токомину. — Убей меня. Убей меня. Я хотел всего только для себя. Я недостоин жить. Недостоин своих друзей. Недостоин своего отца. Недостоин солнца. Убей. Так будет лучше». Он закрыл глаза.

— Не можешь вспомнить? — спросил отец Андрея. — Но вспомнить придется. Говори, как вы это сделали? На спор предложили ему встать на край кры-

ши, а потом толкнули? Или сначала избили его, а потом, чтобы скрыть следы, решили отправить полетать, а?

Корби не отвечал.

— Смотри на меня! — закричал мужчина. — На меня смотри!

Подросток открыл глаза.

— Я хочу знать, что случилось, — сообщил он, — и, не разговаривая со мной, ты делаешь себе только хуже. Ты не понимаешь, да? Я объясню. Если ты его убил, ты все равно умрешь. Умрешь так же, как и он. Но если ты не начнешь говорить, ты умрешь намного хуже. Это будет дольше и больнее.

«Мне все равно, — подумал Корби. — Если ему станет легче, пусть поступает, как хочет. Это последнее, что я могу сделать для Андрея».

— Не хочешь говорить? — удивился Токомин. — Даже сейчас молчишь? Может, ты мне не веришь? Думаешь, я на это не пойду? Ошибаешься. Думаешь, эти парни меня остановят? Опять промашка. Они всегда и все делают, как я говорю.

Корби молчал.

— Покажите ему, — приказал Токомин.

Тот, который носил золотые наручные часы, подошел и ударил Корби ногой в бок. Подросток охнул.

— Еще, босс? — спросил Шершавый.

— Нет, — ответил бизнесмен. — Подвесьте его. Пусть почувствует то, что чувствовал мой сын.

Двое мужчин послушно схватили Корби за ноги и подтащили к краю крыши. Его майка задралась. Он чувствовал, как жесткое покрытие крыши царапает его голую спину. Руки подростка безвольно волочились по рубероиду. Токомин шел за своими людьми и неотрывным безумным взглядом смотрел в лицо Корби.

— Попроси меня, — предложил он, — и я не буду этого делать. Умоляй меня. Расскажи мне правду.

Корби не ответил. Его подняли вверх. Он нечаянно ударился головой о стальную раму ограждения, а потом кто-то схватил его за руки и с силой выпихнул в пропасть. Корби повис над бездной. Перед собой он видел серый шершавый бетон стены. На семьдесят метров ниже начинались остекленные стены, а далеко под ним была стройплощадка и крошечные люди-муравьи в красных, желтых и оранжевых касках.

— Как ощущения? — спросил Токомин. — Нет страха высоты?

— Босс, может, потрясти его? — предложил один из охранников.

— Есть детская игра, — сказал другой, — для совсем маленьких. Их сажают на колени и поют: «Едем, едем, едем. Едем на лошадке. Ой, ямка».

Корби почувствовал, как одну его ногу на мгновение почти отпустили. Его качнуло над пропастью. Сердце екнуло.

— Мне не до шуток, идиот, — сказал отец Андрея. Он перегнулся через ограждение крыши и попытался заглянуть подростку в лицо. — Это здание выше, чем ваша школа, — перекрикивая ветер, продолжал он. — У тебя будет шанс, которого не было у моего сына. Шанс умереть еще в воздухе от разрыва сердца.

Корби чувствовал, как кровь приливает к голове. В ушах шумело. Он перестал различать звук ударов собственного сердца и гул копошащегося внизу города.

Высота. Пропасть в сотни метров. Падать и падать. Корби представил, как мимо него будут проноситься этажи недостроенного здания. Сначала пустые бетонные провалы, потом новенькие стекла окон, обклеенные белой пластиковой лентой. Они сольются в сплошную зеркальную поверхность, а где-нибудь на высоте пятнадцатого этажа его тело наткнется на торчащий из стены прут и дальше полетит разрубленное на две части. Будет очень много крови — больше, чем было на асфальте вокруг головы Андрея, даже больше, чем было на капоте машины его родителей. А потом на землю упадут ошметки плоти.

Корби казалось, что он проходит через строй барабанщиков, и все они отбивают ритм его сердца. Грохот сотен тамтамов. Вой отдаленной сирены. Гудок теплохода, плывущего по Москве реке. Бредовые угрозы Токомина. Пиликающий сигнал работающего над соседним зданием крана. Тупая ватная боль в голове. Холод и жар. Подростка стошнило. Едкие капли желудочного сока проникли ему в нос. Глаза слезились. Он начал кричать.

— Хватит, — приказал Токомин.

Охранники вытащили Корби наверх и отпустили. Кашляя и задыхаясь, он упал на новенькое зеленое покрытие крыши. Его била мелкая дрожь. Стук сердца начал медленно стихать, но головная боль не проходила, резала виски.

Отец Андрея сел на корточки рядом со своей жертвой. Корби поднял на него глаза.

— Ну что? — спросил мужчина. — Начинаешь что-нибудь вспоминать?

— Да, — прохрипел Корби.

— Это хорошо, — сказал Токомин. — Я слушаю.

Корби свернулся в комочек. Нестерпимая головная боль. Мир плыл и кружился вокруг. Мужчины в темных костюмах на фоне почти безоблачного неба. Окаменевшее от горя лицо бизнесмена. Корби чувствовал себя хуже, чем когда-либо — и впервые чувствовал себя живым. Он смотрел на своих мучителей без ненависти. Их тени казались ему красивыми.

— Говори, — снова потребовал Токомин.

— Я помню, что на девятый день рождения мне подарили огромную коробку «Лего», — прошептал Корби. — Помню, как мы строили вместе с отцом игровой аэропорт.

— Что? — переспросил мужчина.

— Я помню, что мама пела, когда готовила, — сказал Корби. — Помню ее любимую одежду. Летом она носила голубое платье, а зимой пушистый белый свитер. Он потом состарился, и она одевала его дома.

Отец Андрея схватил его за плечо и встряхнул.

— Что ты несешь? — спросил он.

Корби улыбнулся.

— Я помню, что мама называла нас «мужчинами», — продолжал он. — Меня и папу. Помню, как она учила меня чистить зубы. Помню, как папа показывал мне, как заряжать аккумулятор машины.

Лицо Токомина исказилось.

— Я помню, как он склеил мне линейку, когда ее сломали одноклассники, — сообщил Корби. — Помню, как мы разбирали компьютерную мышь. Помню, как мама делала песочное тесто.

— Замолчи, — странным голосом сказал мужчина.

— До того, как они умерли, — еле слышно добавил Корби, — у меня были друзья. Теперь я их вспомнил. Комар, Аня и Паша. Это они придумали, что меня будут звать Корби.

Токомин схватил его и притянул к себе.

— Ты специально, — прошипел он, — специально все это говоришь. Ты знаешь, что у меня с сыном тоже все это было. И ты специально это говоришь. Ты питаешься моей болью, да? Тебе плевать, что я тебя убью? — Мужчина отпустил его и встал. — Побудешь здесь, — сказал он, — а когда я приведу сюда твоих друзей и подвешу вас рядом, правда начнет проясняться.

«Друзей? — удивленно подумал Корби. — Он что же, думает, что они тоже виноваты?» Он неловко перевернулся и увидел спины уходящих сотрудников безопасности.

— Подождите, — попробовал позвать он.

Но никто даже не обернулся. Хлопнула дверь, потом громко лязгнул автоматический замок.

Корби удалось встать на колени. Он был один. Посреди неба, под солнцем, на холодном ветру.

Анастасия Третьякова

Перед концом все изольём глаза...

И рассыпались розы.
Умер кто-то. А мы нет.
Кто-то — нам свет.
И слёзы.

Кто-то молчит, слышит,
как твоя жизнь дышит
тёмной водой октября.

Кто-то любит тебя.

Перед концом все
изольём глаза.
Я была. За.
Тебе до меня теперь
деревянная дверь
ниоткуда — туда.

Говори тепло.
Если в тебе спасение.
Если не станешь руками пьяными
меня не любить.

Если тебя спасло
лето от недоверия,
губы теперь не обманешь, целуй.
Целуй, чтобы снова быть.

Анастасия Третьякова (1996) — родилась в г. Полевском Свердловской области, где проживает по сегодняшний день. Окончила ЕГТИ в 2019 г. (специальность «литературное творчество»). Работает специалистом по культурно-массовому досугу во Дворце культуры. Первая публикация в «Урале».

Что-то случилось вне:
я твоё состояние,
из голого сердца...

Чтобы согреться.

Помню тебя такой.
Если рукой
в окно
автомобиля,
как ты,
проезжающим мимо
из темноты
что-то своё дарила,

что берегу внутри.

Мне Господь велит ждать
и поливать драцену.
Нежностью полнить кровать.
Молчанием полнить стены.

Беречь настоящее и
Счастливые цифры билета.
А ты вот так на меня смотри
И когда остановят планету...

Бог живёт в этом море,
в большом родительском доме,
в масле старых картин,
в госте, что заходил.

В наших словах и слезах,
в пахнущих книжных листах,
в детях и в нашем коте.
Всюду. В каждом. В тебе.

Алексей Куксинский

Иссечение

Рассказ

Муравицкий, ненавидя в себе эту черту, следил, как в рюмке Демьяна Ильича с каждым глотком убывает коньяк. Если бы тот только мог знать, каких усилий стоило достать в этой глухомани настоящий армянский «Арагат» ещё довоенного разлива. В бутылке оставалось меньше половины, а до полуночи было ещё далеко. Муравицкий перевёл взгляд на лицо своего гостя. Демьян Ильич отставил рюмку на широкий подоконник и задумчиво смотрел в окно, на старый тенистый парк, скрытый темнотой. Старый врач в свете электрической лампы выглядел настоящим русским интеллигентом, выходцем из прошлого столетия, с крупным крутым лбом мыслителя и окладистой, ещё не полностью седой, несмотря на почтенный уже возраст обладателя, бородой. Если бы Муравицкий мог нарисовать портрет Демьяна Ильича, то этот рисунок можно было бы повесить на стену кабинета среди портретов Бехтерева, Лазурского и Чечотта. Кстати, портреты — это первое, что одобрительно отметил Демьян Ильич при входе в кабинет Муравицкого, одобрительно заворчал, что имел честь быть знакомым со всеми тремя выдающимися учёными. Муравицкий промолчал, что он привёз с собой только портреты Бехтерева и Лазурского, а Чечотт принадлежал прежнему хозяину кабинета, безмянному польскому врачу.

Молчать и умалчивать — вот чему я хорошо научился за последние три года, подумал Муравицкий, а Демьян Ильич, позабыв о коньяке, смотрел за окно, на липы и каштаны, высаженные ещё в прошлом веке. Видимо, затянувшееся молчание нисколько его не тяготило. Муравицкий размышлял о конъюнктуре слова и молчания, думал, что, промолчи он в нужный момент, и не довелось бы ему оказаться главным врачом этой крупной, но захолустной больницы. С другой стороны, если бы его неосторожные слова были произнесены лет семь назад, даже должность фельдшера в лагерной больничке показалась бы ему заманчивой. Он должен быть благодарен, говорили ему, ведь он сохранил не только свободу, но и возможность заниматься любимым делом, пусть и вдалеке от научных центров.

Когда Муравицкий узнал, что в его больницу едет из Москвы, из института нейрохирургии, какой-то высокий медицинский чин, он был сильно удивлён, недоверчиво рассматривая жёлтый бланк телеграммы с криво наклеенными полосками слов. В его больнице не было оборудования для нейрохирургических операций, и сама больница была обычной психиатрической лечебницей, каких много было создано после войны для лечения нуждающихся в психиатрической помощи, количество которых после войны многократно увеличилось по сравнению с довоенным временем.

Алексей Куксинский (1984) — родился и живет в Минске. Окончил школу, техникум, экономический университет. Работает начальником участка в электромонтажной организации. Печатался в журналах «Искатель», «Сибирские огни», белорусском журнале «Макулатура», в электронных журналах. В «Урале» печатается впервые.

О цели поездки в телеграмме ничего сказано не было, и Муравицкому оставалось только гадать, что же это за испытание, которое ему в очередной раз подбрасывает судьба. Времени до прибытия комиссии оставалось меньше суток, и Муравицкому пришлось подсуесться, чтобы встретить москвичей достойно. И встречать высоких гостей на станцию, до которой было десять километров, на больничном автобусе отправился сам Муравицкий.

Комиссия — одно название, на слабо освещённом перроне станции стояли всего три человека в военной форме, на плечах одного, бородатого и пожилого, тускло блеснули полковничьи звёзды. Несмотря на звание, приветствие было сугубо штатским.

— Демьян Ильич, — сказал бородатый, крепко пожимая Муравицкому руку.

Уже в трясущемся автобусе, раскинувшись на обтянутых красным дерматином сиденьях, Демьян Ильич кивнул на кобуру, висящую на боку у Муравицкого:

— Непокойно тут у вас?

— Бывает, — сказал Муравицкий. — То «чёрные коты», то «лесные братья». Тут по лесам много всяких после войны пооставалось.

Автобус на крутом повороте резко накренился, привычный Муравицкий успел подобраться, а Демьян Ильич, качнувшись могучим телом, едва не спихнул его в проход.

— А вас сюда что привело? — спросил Муравицкий, сочтя момент удачным. — В телеграмме об этом не было ни слова.

За окном, освещённые только светом фар, плясали деревья, кобура больно упиралась Муравицкому в бедро.

— Вы слышали что-нибудь о лоботомии? — перекрывая шум мотора, спросил Демьян Ильич.

Муравицкий несколько раз кивнул, чтобы мотание головы не было принято за раскачивание автобуса.

Оказалось, Демьян Ильич прибыл отбирать пациентов с шизофренией для эксперимента в области психирургии. Данный эксперимент должен устранить отставание советской науки от буржуазной, ведь в Европе и США лоботомия практикуется уже больше десяти лет, а в СССР по разным причинам операции носят единичный характер.

Незаданный вопрос застыл у Муравицкого на языке. А неужели было нужно ехать в такую даль, ведь и гораздо ближе к Москве набрать пациентов с нужным диагнозом не представляло никакого труда. Опыт и осторожность, напомнил себе Муравицкий, придав своему лицу заинтересованное выражение. Демьян Ильич говорил, одновременно глядя в окно, словно пытаясь в темноте разобрать что-то знакомое. Теперь они ехали сквозь сплошной лес, самый опасный участок. Водитель прибавил газу, мотор заревел сильнее. Если что-то и случится, то на следующих полутора километрах. Демьян Ильич, почувствовав, как напрягся Муравицкий, замолчал. Теперь многое зависело от мастерства водителя, его реакции, хотя, если дорогу перегорядят бревном, никакая реакция не спасёт.

Всё обошлось, до больницы они добрались без приключений, только уже возле главного входа московский гость шархнул в сторону и споткнулся, увидев рыжего кота, любимца медсестёр, вышедшего посмотреть на гостей. На правах хозяина Муравицкий предложил гостям поужинать, но Демьян Ильич приказным тоном отправил двух своих подчиненных отдыхать и принял предложение в одиночку. И вот они оба пьют старый коньяк в кабинете Муравицкого, тихо беседуя, как старые приятели.

Муравицкий обратил внимание, что закусывать коньяк московский гость предпочитает обыкновенным деревенским салом, которое разыскал на дальнем конце среди множества тарелок.

— Давно не ел сала, — пояснил Демьян Ильич. — В Москве такого не достать.

Как всегда в мужских компаниях, разговор коснулся войны.

— Где вы воевали? — спросил Демьян Ильич.

Муравицкий назвал госпитали, в которых ему довелось служить.

— А я, — сказал Демьян Ильич, отправляя в рот кусок хлеба, — во время войны партизанил в этих краях, километрах в двадцати отсюда.

Рот Муравицкого очень удачно оказался занят, и он что-то вежливо промычал, не хотел испортить неудачным замечанием впечатление о себе.

Разошлись уже за полночь, допив коньяк и избежав острых тем. Демьян Ильич немного рассказал об исследованиях лоботомии и отборе кандидатов, но опять не уточнил, зачем было необходимо уезжать за восемьсот километров от Москвы.

Утром Муравицкого встретил совсем другой Демьян Ильич, собранный, властный и резкий в движениях. Увидев приготовленную для него стопку историй болезней, московский гость замахал руками:

— Вы что, у нас нет времени всё это просматривать! Давайте пройдемся по палатам, я посмотрю пациентов лично, а вы в двух-трех словах опишете диагноз.

Безымянные помощники следовали за ними как тени, что-то черкали в блокнотах в ответ на тихие комментарии Демьяна Ильича. Муравицкий водил их по палатам, и в каждой палате Демьян Ильич пристально всматривался в лицо каждого безучастного пациента, словно искал кого-то определённого.

— Очень интересно, да-да, определённо нам подходит, — бормотал он, стягивая на плечах узкий халат (и где только старшая медсестра нашла такой маленький). Муравицкий вёл московских гостей в следующую палату, возле двери Демьян Ильич сжимал челюсти и делал быстрый шаг, вращая головой по сторонам. Не найдя того, что искал, он обмякал и становился безразличным, пока они не выходили в коридор.

— Быть может, достаточно? — осторожно спросил Муравицкий, когда они обошли уже больше половины палат.

— Я должен посмотреть всех, — сказал Демьян Ильич, недобро глядя из-под насупленных бровей.

Сам Муравицкий уже устал от череды скорбных лиц, серых, коротко стриженных черепов, скрюченных рук и бессмысленных взглядов. В его больнице содержались пациенты, не представляющие опасности для общества, но без малейшей надежды на выздоровление, много бывших солдат, перенесших ранение в голову или тяжёлую контузию. Впрочем, солдаты Демьяна Ильича не интересовали, это Муравицкий понял почти сразу.

В следующей палате взгляд московского врача остановился на пациенте, сидящем на койке у окна. Демьян Ильич сделал три быстрых шага, а потом, словно опомнившись, искоса посмотрел на Муравицкого, но тот сделал вид, что ничего не заметил, говоря что-то незначительное одному из спутников.

— А этот? — спросил Демьян Ильич, медленно подходя ближе к окну и не обращая внимания на других пациентов в палате. — Давно у вас? Каков диагноз?

Муравицкий не знал, с чего начать. Пациент, сидящий на койке и пустыми глазами глядящий в окно, был в больнице с самого начала, ещё до Муравицкого, но не имел ни документов, ни имени, ни истории. Партизаны нашли его в окрестном лесу бессмысленно бродящим между деревьев, среди брошенных отступающими немцами автомобильных прицепов и телег. Хотели сразу пристрелить как немецкого шпиона, но, увидев, что человек явно не в себе, добродушно улыбается направленному на него дулу винтовки, сдали в полевой госпиталь, разместившийся в корпусах старой польской больницы. Потом в корпусах лечебницы организовали психиатрическую больницу, и безымянный пациент остался, заняв койку в одной из палат.

Его случай ставил Муравицкого в тупик. Пациент отказывался говорить, но русский язык понимал, а когда с ним пытались говорить по-немецки, сжимался в комок и прикрывал голову руками. Часто впадал в кататонический ступор или, сев по-турецки на пол, мог часами напролёт раскачиваться, как метроном.

Муравицкий рассказывал всё-это Демьяну Ильичу, а больной, наконец-то заметив их присутствие, начал медленно поворачиваться на постели, серое солдат-

ское одеяло сползло на пол. Демьян Ильич нагнулся, всматриваясь в большие, но лишённые осмысленности глаза шизофреника. И тут на глазах Муравицкого произошло чудо — пациент несколько раз моргнул, вытянул правую руку и ткнул указательным пальцем почти в лицо Демьяну Ильичу, грязный ноготь замер в нескольких сантиметрах от носа врача. Больной замычал, натужно и глухо, как перегруженный электродвигатель. Рукав пополз по худой руке, обнажив синюю татуировку — якорь и кусок каната, обвивающий запястье.

— Обычно его трудно расшевелить, — сказал Муравицкий, — сейчас он прямо вне себя.

— Принесите его историю болезни, — сказал Демьян Ильич, выпрямляясь и одёргивая халат. Больной перестал мычать, но его палец и взгляд по-прежнему были направлены на московского врача. Прочие пациенты попрятались под одеяла, исподтишка следили за происходящим.

Муравицкий открыл дверь палаты и сказал одному из стоявших в коридоре санитаров:

— Принеси бумаги Полуштыка.

Демьян Ильич удивился:

— Как вы его назвали?

Муравицкий пожал плечами:

— Нужно же его как-то между собой называть. Имени его никто не знает, а личный номер замучаешься проговаривать. Вот мы и назвали его Полуштыком. Видите, на его руке верёвка вытатуирована? Есть у нас один санитар, раньше на флоте служил, так вот, глянул на его руку и говорит, это, мол, тоже старый моряк, не зря у него якорь и канат, завязанный полуштыком, на руке выколоты.

— Полуштык, говорите? — повторил Демьян Ильич.

— Да, узел такой, морской узел. Видимо, действительно на флоте служил когда-то.

Открылась дверь, санитар протянул бумаги Муравицкому, но Демьян Ильич перехватил их первым, несколько минут в задумчивости простоял, листая документы, придерживая, чтобы листы не рассыпались, но Муравицкий видел, что судьба Полуштыка предрешена. Тот спрятал руку под одеяло, но продолжал смотреть на Демьяна Ильича, и Муравицкому казалось, что в этом взгляде проскальзывает какая-то злая мысль, узнавание забытого лица. Демьян Ильич то и дело посматривал на пациента из-за бумаг и наконец сказал мнущемуся рядом Муравицкому:

— Этого я забираю.

Из бороды сияла ухмылка, делавшая старого врача похожим на довольного пирата, взявшего на бордаж грузённый золотом галеон.

Вечером того же дня Демьян Ильич с подручными, Полуштыком и ещё тремя больными, выбранными, как показалось Муравицкому, совершенно случайно, в сопровождении нескольких санитаров на автобусе покинули больницу, чтобы через полтора часа погрузиться в специальный вагон и отправиться в Москву.

Муравицкий задумчиво смотрел в окно своего кабинета, носком ботинка затолкав под стол пустую коньячную бутылку, не убранную со вчерашнего вечера. Он гадал, отразится ли посещение комиссии на его судьбе, и поймал себя на мысли, что чувствует себя обманутым, словно он стал жертвой первоклассного мошенничества.

Ну, это сильно сказано — партизанил. Конечно, он не лежал сутки напролёт в болоте с обрезом винтовки, вжимая голову в пахнущие прелью и тиной кочки, а со всех сторон воздух звенел от выстрелов карателей; не бегал по озёрному льду, и немцы не обстреливали его и его товарищей из миномётов; не поджигал бикфордов шнур прикопанной между шпал мины — но и не отсиживался в тылу. Он спасал человеческие жизни, рискуя своей, и любая извлечённая им

из человеческого тела пуля или осколок, любая зашитая рана грозила и ему, и пациенту смертью. Но судьба берегла его, и сам он был осторожен, насколько это было возможно.

Начало войны застало Демьяна Ильича в Минске, куда он приехал по делам службы, но в первую же бомбардировку он получил жестокую контузию, приковавшую его к постели на несколько недель, а когда уже смог передвигаться без посторонней помощи, немцы были за Могилёвом. Демьян Ильич остался при больнице, весьма кстати обзаведшись необходимыми документами, а собственные сжёг от греха подальше.

Он не искал подпольщиков, они вышли на него сами. Однажды доктор нашёл истекающего кровью подростка прямо на полу собственной комнаты в больничном флигеле. Демьян Ильич извлёк несколько пуль, зашил и перевязал и с окровавленными руками в раздумьях стоял, решая, что делать с впавшим в забытьё пациентом, когда в окно аккуратно постучали. Сердце затрепыхалось в грудной клетке, но он нашёл в себе силы подойти. Люди, старавшиеся держаться в тени, пришли за раненым.

Он привык к своей жизни, к чувству опасности и постоянного страха. Теперь у него были документы лучше прежних, он был официально зарегистрирован и мог бояться меньше других. Несколько раз выезжал за город, оперируя раненых партизан прямо в лесу, и его ни разу не поймали.

У каждого человека есть свой личный дьявол, был уверен Демьян Ильич. В тридцать восьмом он думал, что уже повстречал его, но тогда всё обошлось, во всяком случае, для Демьяна Ильича, дьявол оказался не его, а ближайшего товарища. И вот сейчас, увидев мельком через стеклянную дверь высокого немецкого офицера, держащего на руках огромного рыжего кота, Демьян Ильич понял — вот он, его личный Сатана. С офицером пришли ещё три человека, они никого не взяли, просто поговорили через переводчика с несколькими людьми. Демьян Ильич был занят в палате, но его знаний немецкого хватило, чтобы понять, что добром это не кончится. Немцы ушли, а кот обернулся и посмотрел прямо в глаза Демьяну Ильичу.

Даже сейчас, спустя много лет, на его лбу от страха выступал обильный пот. В этом долговязом фашисте и его рыжем звере было что-то нечеловеческое, потустороннее. Он слышал, что оккупанты проявляют необычайный интерес к оккультизму, но никогда в это не верил, слишком рациональны были виденные им немцы. А этот отличался, да ещё и кот... Демьян Ильич замер в предчувствии несчастья, весь вечер провалявшись на диване. Перед рассветом его разбудил нетерпеливый стук в окно, это был тот парень, кого он впервые нелегально оперировал. «Бегите! — сказал ему подросток. — Через два часа за вами придут, вот новые документы и адрес нужного человека». И Демьян Ильич бежал, несколько дней прыгался в партизанском отряде, а потом его переправили гораздо севернее, в небольшой городок, где всё пошло по новой — работа в маленькой больнице, нелегальные операции и вечный страх. В городке Демьян Ильич свёл знакомство с пожилым немецким врачом, носившим форму, но далёким от всего военного. Они были людьми одного поколения и легко нашли общий язык. Немец, доктор Хаземайер, следил за санитарным состоянием вверенного ему округа, неплохо говорил по-русски, а Демьян Ильич практиковался в немецком. Хаземайер ругал Гитлера ещё до Сталинграда, война оторвала его от привычного уклада жизни, а в таком возрасте воспоминания о комфорте и уюте действуют сильнее страха получить случайную пулю.

По вечерам они играли в шахматы (Демьян Ильич играл лучше и никогда не поддавался), беседовали о всякой всячине. У Хаземайера по всей квартире валялись медицинские журналы, немецкие, французские, английские и иногда американские. Хаземайер ругал немецкие журналы, говорил, там слишком много идеологии и мало медицины. Демьян Ильич соглашался, расставляя фигуры на доске. Любая война, говорил Хаземайер, даёт толчок к развитию медицинской науки, вспомните крымскую или мировую. Демьян Ильич соглашался, листая журналы. Однажды, после весьма напряжённой партии, закончившейся вни-

чью, за кружкой желудёвого кофе Демьян Ильич просматривал американский журнал. Его заинтересовала статья о лейкотомии, о которой он раньше слышал только мельком. Спросил Хаземайера, и тот начал рассказывать, возбуждённо махая руками, взял лист бумаги и начал рисовать. Немца привлекала возможность операционным путём воздействовать на сознание пациента, на саму его личность. К сожалению, сказал Хаземайер, в Германии лейкотомией особо не занимаются, а ведь дело очень перспективное. Вот смотрите, сверлим в черепе небольшое отверстие вот здесь...

Демьян Ильич следил за движением карандаша по листу бумаги. Хаземайер неплохо рисовал, профиль получился похожим на Гитлера, с усиками и аккуратно прочерченным отверстием в височной области. Рука Хаземайера слегка дрожала, впервые он встретил человека, с кем мог поделиться сокровенным. Смотрите, какую штуку я придумал, говорил немец. Чтобы не сверлить череп, аккуратно вводим в глазницу тонкий острый предмет, пробиваем кость и начинаем аккуратно оперировать.

Немец торжественно смотрел на Демьяна Ильича. Может получится, сказал Демьян Ильич. Только где найти подопытного, грустно вздохнул Хаземайер. Немцев мне не дадут, а станowitzя лагерным врачом и экспериментировать на несчастных, чьи дни сочтены, я не буду.

Хаземайер дал Демьяну Ильичу ещё несколько журналов, где были напечатаны статьи о психирургии. Демьян Ильич не ложился спать, читал и размышлял. Сама возможность вмешаться в глубинные слои человеческого сознания бредила душу. Перед его мысленным взором выстроились шеренги прооперированных солдат, не знающих жалости и сомнений, готовых выполнить любой приказ. Странно, что немцы до этого не додумались, это вполне в их германском духе.

Ещё не раз они с Хаземайером возвращались к обсуждению лоботомии. Хаземайер предрекал, что в будущем эту операцию будет проделать проще, чем удалить железы. Демьян Ильич качал головой, ссылаясь на недостаточность количества проведённых операций и малое время для проведения катамнеза. Но в глубине души он уже загорелся этой неосуществимой идеей, очень уж хотелось ему посмотреть, как меняется личность человека под ножом талантливого хирурга. Предполагалось, что таким образом можно излечить любого шизофреника, даже самого тяжёлого, просто иссечь белое вещество, а вместе с ним и все патологии, всё болезненное. А если прооперировать здорового человека, насколько необратимым будет ущерб и как изменится его личность? Ответы на эти вопросы могла дать только практика.

Жизнь Демьяна Ильича текла спокойно, слишком спокойно для военного времени. Фронт был далеко, и о войне в тихом городке напоминало немного. Демьян Ильич уже стал забывать своего персонального дьявола, только иногда являющегося во снах, всё так же держа на руках огромного рыжего кота. Наутро после таких снов Демьян Ильич просыпался разбитым и весь день тосковал, чуя беду.

В один из таких дней Демьян Ильич заглянул к Хаземайеру и увидел, что немец тоже чем-то расстроен. Оказалось, в одной из офицерских столовых, относившихся к его ведению, какие-то партизаны отравили больше десятка военнослужащих. Конечно же, поймали и расстреляли какую-то девчонку, но для Хаземайера близились большие неприятности, связанные с проверкой службой безопасности, а с этими ребятами связываться не хотелось никому. Демьян Ильич почувствовал на сердце неприятный холодок, какое-то животное чувство внутри подняло тревогу и всю била в сигнальный колокол. Он попрощался с Хаземайером и быстро ушёл, оглядываясь на каждом шагу, ожидая окрика или выстрела.

Дьявол появился только через два дня, Демьян Ильич увидел его проезжающим мимо рыночной площади в открытом, несмотря на морозный зимний день, автомобиле. Демьян Ильич застыл посреди улицы, умоляя себя, кого-то внутри себя: «Не смотри, не смотри», но всё равно смотрел во все глаза, как высокий молодой немец в зимней шинели пронесётся мимо, а огромный, с прошлого раза ставший ещё больше, рыжий кот, сидящий у немца на руках, презрительно

осматривает проходящих мимо людей. Офицер не заметил Демьяна Ильича, а вот зелёные кошачьи глаза встретили его затравленный взгляд. Кот потянулся мордой к лицу хозяина и мяукнул. Немец обернулся, но машина уже миновала Демьяна Ильича, и он спрятался в толпе, понимая, что если дьявол его заметит, то ему конец.

В тот же день вечером связные отвели его в соседнюю деревушку к надёжному человеку, а спустя три дня переправили западнее, почти под старую польскую границу.

Жизнь на новом месте потекла по-прежнему — такой же тихий городок с рынком и железнодорожной станцией, маленькая больница, полицаи, партизаны, немцы и глубинный страх, страх даже не за жизнь, а за бессмертную душу, к безусловному существованию которой Демьян Ильич в последнее время склонялся, коря себя за невольный идеализм. О лоботомии и переделке человеческих сущностей пришлось на время забыть.

Тем временем в войне наступил коренной перелом, и линия фронта всё быстрее начала откатываться на восток. Если бы Демьян Ильич не встретился с безымянным дьяволом во второй раз и остался, место его прежнего жительства было бы уже в прифронтовой зоне. Он воспрянул духом, надежда пережить войну утвердилась в душе, с каждым днём становясь всё сильнее. На улице стояла ранняя весна, и желание выжить и жить кружило голову.

В один из первых тёплых дней Демьян Ильич совершил ошибку, непростительную для столь опытного человека. Собираясь на рынок, он вышел на улицу, как всегда, со своим докторским чемоданчиком и в тёплом зимнем бушлате и, пройдя метров десять, понял, что сопреет под весенним солнцем. Вернувшись в дом, он переоделся в лёгкое пальто и вышел, оставив документы во внутреннем кармане бушлата. Демьян Ильич всегда был осторожен, вся его предыдущая жизнь учила этому, но сегодня мысли его были отвлечены другим, после долгого зимнего мрака почувствовав приближение тепла, рациональная часть его сознания уступила инстинктам, ему хотелось, как какому-нибудь язычнику, упасть на землю и возносить молитвы светилу, и поэтому он просто шёл по улице и улыбался, как не делал уже почти тридцать лет.

На базаре он обычно совершал покупки быстро, не торгуясь и не вступая в разговоры, а сегодня долго бродил между рядами, перебрасываясь с базарными торговками весёлыми фразами на русском, польском и белорусском вперемешку, прицениваясь к совершенно ему не нужным товарам и даже забрёл в ту часть рынка, где торговали скотиной. Там он гладил шелковистые лошадиные морды и чуть не купил худую беспородную дворнягу, которую её похмельный хозяин приволок на рынок в тщетной попытке выменять на стакан самогона. Уж очень грустные и умные у дворняги были глаза, напомнившие Демьяну Ильичу одну давнишнюю и полузабытую встречу. Толкаясь среди людей, он не сразу обратил внимание на какую-то суету, волной пробежавшую по рынку от входа. Несколько продавцов, похватав свои пожитки, попытались метнуться к забору, но их оттеснили люди с белыми нарукавными повязками. «Облава, облава», — громко шептали со всех сторон. Толпа несла не успевшего испугаться Демьяна Ильича к воротам, и, когда створ был уже близок, крепкая рука схватила его за рукав, и неприятный голос тихо сказал с вопросительной интонацией:

— Аусвайс?

Демьян Ильич, всё ещё пребывая в задумчивости, полез в карман и только тогда, вместо шерсти бушлата почувствовав сукно, понял, что попался.

— Дома забыл, — глупо краснея, сказал он.

Мимо шли люди, держа в руках воделенные бумажки, тыкая ими в лицо шущанам, стоявшим в воротах. Полицай, поймавший Демьяна Ильича, потащил его в сторону выхода, где другие люди с повязками окружили небольшую группу людей.

— Ешчо адзин, — сказал полицай своему начальнику, подводя Демьяна Ильича.

«Жаль собаку», — не к месту подумал Демьян Ильич.

Таких же, как он, бедолаг оказалось пять человек. Совсем молодой парень, почти подросток, вертевший головой по сторонам и заискивающе улыбающийся полицейям; совсем старый, еле переставляющий ноги крестьянин в драной свитке, усыпанной соломой; похожий на цыгана человек неопределённого возраста со злым лицом, сжимавший и разжимавший кулаки, и ещё один, высокого роста мужчина, лицо которого Демьяну Ильичу всё никак не удавалось рассмотреть, будто нарочно уворачивающийся от взгляда, словно прятывший лицо за пышными, похожими на накладные усами.

Мельком Демьяну Ильичу подумалось, что за всю войну ему ни разу не пришлось для конспирации сбривать бороду.

Так они и шли, провожаемые сочувственными и злорадными взглядами жителей городка, пока не пришли в участок — серое бревенчатое здание с высоким крыльцом. Там их запихнули в полутёмную комнату со стоящими вдоль стен лавками. Демьян Ильич не успел усесться как следует, как дверь открылась, и рыжий полицейский поманил его за собой. Лицо рыжего показалось знакомо Демьяну Ильичу, с месяц назад он вскрывал ему фурункулы на ноге.

Рыжий привёл Демьяна Ильича в кабинет, пропахший табачным дымом, где за столом сидел человек в форме с глуповатым испуганным лицом, на котором обильно выступали крупные, как горох, капли пота, которые он утирал рукавом. Демьян Ильич попытался объяснить ему ситуацию, что он доктор, уважаемый человек, в городе его знают, и, если ему позволят отлучиться, он принесёт трёхклятый аусвайс, пусть и под конвоем.

— Ничего не знаю! — закричал человек в форме, брызгая слюной на столешницу. — Завтра приедет начальник, пусть разбирается, а я из-за вас в петлю лезть не желаю!

Демьян Ильич наблюдал классический приступ истерии. Хозяин кабинета едва не бился в конвульсиях, хватался за пистолет и обливался слезами. Дверь кабинета открылась, вошёл рыжий полицейский, поставил на стол стакан воды и увёл Демьяна Ильича.

— Через минут десять только успокоится, — сказал полицейский, подмигивая.

— А что это с ним? — спросил Демьян Ильич.

Полицейский замедлил шаг и рассказал Демьяну Ильичу, что заместитель начальника уже очень боится своего руководителя, который сейчас в отъезде вместе с каким-то высоким чином из СС. Заместитель начальника боится совершить ошибку, потому что две недели назад, когда самого начальника тоже не было, после облавы на станции в камере придушили одного из задержанных, разыграв самоубийство и повесив его на дверной ручке. Задушенным, как назло, оказался очень важный тайный осведомитель, пытавшийся объяснить заместителю начальника, что его нельзя держать в одной камере с прочим сбродом. Начальник, вернувшись, впал в ярость, грозя сгноить заместителя в лагере или послать на восток командовать пехотным взводом, ведь остальных задержанных к его возвращению уже отпустили, и разыскать их, конечно же, не удалось.

— Поэтому можете говорить, что хоть с луны свалились, пока начальник не вернётся, с вами ничего не сделают, — сказал рыжий.

Он вернул Демьяна Ильича в камеру, забрав с собой старика в свитке. Демьян Ильич сел на свободную лавку и поставил свой чемоданчик на колени. Открылась дверь, и старика вернули в камеру, забрав высокого усача. Демьян Ильич не понимал, зачем их допрашивают, ведь главный полицейский явно не в себе. Старик сел на лавку рядом с Демьяном Ильичом и прислонился к стене, закрыв глаза, губы его беззвучно шевелились, он то ли молился, то ли проклинал кого-то. Подросток забрался в тёмный угол, и его не было видно и слышно. Похожий на цыгана человек, всё так же сжимая кулаки, сидел прямо напротив и зло смотрел прямо на Демьяна Ильича.

— Что уставился? Жить надоело? — спросил он, хотя Демьян Ильич вовсе на него не смотрел. — Что молчишь? Тебя спрашиваю!

Демьян Ильич медленно посмотрел на говорившего. «Ещё один психопат», — подумал доктор.

Черноволосый вскочил, Демьян Ильич напрягся, но тот просто забегал по камере, поднимая пыль.

— Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! — выкрикивал темноволосый, грозя кулаком запертой двери.

Дверь открылась, вошёл усатый человек, опустив плечи. Рыжий полицейский выдвинулся из тёмного угла трясающегося от страха подростка и увёл.

— Стой, подожди! — заорал ему вслед похожий на цыгана, но дверь закрылась. Усач сел подальше от Демьяна Ильича и посмотрел на него исподлобья. Доктор обомлел от страха. Врачи помнят всех своих пациентов, тем более если со времени операции не прошло и года. Демьян Ильич помнил неяркий свет керосинки в руке ассистировавшего ему человека и искажённое болью усатое лицо, матерящееся сквозь искусанные губы. Демьян Ильич вытаскивал глубоко засевшую пулю, а другой анестезии, кроме ядрёного самогона, не было. Усатый был пришельцем из былой жизни, Демьян Ильич не знал его имени, но точно знал, что пулю он получил не на охоте. Он не верил в случайности и потому напрягся, ведь судьба в своей простодушной слепоте отыскивала его именно в то время, когда он был наиболее уязвим. Усатый отвёл взгляд, ничем не показывая, что узнал доктора, и просто закрыл глаза. Темноволосый сверлил его взглядом, но ничего не говорил.

— Я вам покажу, кто здесь хозяин, — тихо сказал он, — вы ещё будете в ногах у меня валяться.

Темноволосый человек аккуратно закатал засаленные рукава своей куртки, словно готовился к драке, и Демьян Ильич увидел на правой руке синюю татуировку — якорь, перевитый канатом.

— Я вас душил и душить буду, — сказал темноволосый тихо.

— Заткнись, бога ради, — сказал усатый лениво, не открывая глаз.

Старик продолжал тихо бормотать в своём углу, как впавший в транс тибетский монах. Демьян Ильич пожалел, что не владеет техникой самогипноза, ему сейчас захотелось просто отключиться от действительности и включиться, когда всё это закончится.

Похожий на цыгана не унимался.

— А то что? — спросил он.

— Я тебя заткну, — сказал усач, открывая глаза и кладя руки на колени.

— Я убью тебя, — сказал темноволосый спокойно и буднично, словно предлагал закурить. — Меня вызовут, и я скажу им, что ты партизан, это ты на прошлой неделе поджёг немецкий гараж.

— Оставьте его в покое, — сказал Демьян Ильич усатому, — он не в себе.

Цыган перевёл взгляд на Демьяна Ильича и склонил голову к плечу, словно решая, что с ним делать.

— А ты, бородатый, будешь большевистским агитатором и членом партии, распространителем листовок. Это ты по ночам жжёшь сигнальные костры для самолётов.

Усатый резко встал одним элегантным движением и ударил темноволосого в живот. Тот захрипел и упал на пол, поджав ноги и прикрыв голову, видимо, его уже не раз крепко били. Усач замахнулся ногой, но тут дверь открылась, и в камеру вошёл рыжий полицейский, толкая перед собой заплаканного подростка, на штанах которого спереди растеклось большое мокрое пятно. Рыжий мгновенно оценил обстановку, толкнул подростка вперёд и выхватил пистолет, целясь в усатого.

— Отойди от него, — сказал он, поводя стволом.

Усатый отошёл к стене, Демьян Ильич видел, как напряглись желваки на его скулах.

Цыган выпрямился, держась за живот, словно боялся, что оттуда вывалится внутренности. Подросток сжался в своём углу, а старик продолжал бормотать, словно всё происходящее его не касалось.

Рыжий освободил цыгану проход и махнул пистолетом:

— Жди меня в коридоре.

Тот вышел молча, бросая полные ненависти взгляды на усатого и Демьяна Ильича.

— Зря вы с ним связались, — сказал рыжий тихо. — Он уже не раз доносил на разных людей, очень плохой это человек.

— Что нам делать? — спросил Демьян Ильич.

Полицай, пряча пистолет, пожал плечами.

— Если вы его убьёте, вас всё равно всех расстреляют, особенно после прошлого случая с осведомителем. Посулите ему денег, золота, не знаю, чего. Пока не вернётся начальник, его не будут слушать, ну а потом...

Полицай пожал плечами. В коридоре послышались шаги, и он выскочил, захлопнув дверь.

Доктору показалось, что его чемоданчик давит ему на колени в десять раз сильнее, чем раньше. Усач сел на лавку и замер, сложив руки на груди. Всклипывал подросток, бормотал старик, и мысли доктора путались.

— Что же нам делать? — тихо спросил он ни у кого конкретно.

Усатый нервно дёрнул щекой, словно ему мешала надоедливая муха.

— Попали мы, доктор, ох как попали. Я бы мог придушить этого чернявого гада, но тогда нам всем...

Подросток в углу завсклипывал громче, давясь слезами.

— Да не реви ты, — сказал усач. — Как донесения в отряд носить, так смельчак, а тут...

— Я ничего не хочу слышать и знать про ваши дела, — подал голос старик.

— Да тут, дед, уже бесполезно, всё равно нам крышка.

Демьян Ильич натужно соображал, пытаясь найти выход, но нельзя изнасиловать мысль. Он чувствовал, что может найти выход, но решение не приходило.

— Сегодня нас не тронут, — продолжал усатый, — заместитель побоится принять решение сам. А вот завтра вернётся начальник, и всё закрутится. А если ещё и немец этот с ним приедет, тогда вообще хана.

Чем-то холодным повеяло прямо в душу Демьяна Ильича. Ещё не услышав ответа, подспудно он понял, о ком идёт речь.

— Какой немец? — тихо спросил доктор.

— Не знаю, откуда он здесь взялся, — сказал усатый. — Говорят, приехал с инспекцией и всё не уезжает. Длинный такой немец, молодой ещё, всё время рыжего кота на руках таскает, а у кота морда больше моей.

Демьян Ильич хотел снять ставший невыносимо тяжёлым чемоданчик и не смог поднять. В ушах зашумело, подскочило давление, и лишь усилием воли он заставил себя дышать спокойно и ровно. Вот он, его дьявол, снова пытается дотянуться до бессмертной души из ледяного безмолвия.

Дверь широко распахнулась, за ней стоял темноволосый и торжествующе улыбался.

— Теперь вам точно конец, — сказал он.

Рыжий полицай, стоящий сзади, втолкнул его в камеру и захлопнул дверь. Похожий на цыгана сел на дальнюю лавку и принялся осматривать присутствующих, словно навсегда хотел сохранить их черты в своей памяти. Старик опять молился, уже громче, подросток затих в своём углу.

Лампочка под потолком стала светить тусклее, на улице стемнело, но свет от ближайшего фонаря проникал в камеру сквозь узкое, высоко прорезанное окно. Естественно, их не покормили, только принесли воды, а после поодиночке вывели на двор, к сбитому из необычайно длинных досок нужнику. Демьяну Ильичу было неловко со своим портфелем, который он побоялся оставить в камере, и полицаи посмеялись над ним.

Его угнетало, что одним из последних воспоминаний в его мозгу останется вот этот покосившийся дощатый туалет. Уже укладываясь на лавку и пытаясь расположиться удобнее, Демьян Ильич подумал, что лоботомия была бы прекрасным средством борьбы против страха смерти, и, если бы он имел возможность, обязательно попробовал бы на себе. Ещё с университетских времён ему

мечталось поставить над своим телом какой-нибудь рискованный медицинский эксперимент.

Дед помолился перед сном и затих на своей лавке. От прочих также не доносилось ни звука, и Демьян Ильич начал погружаться в полудрёму, даже тусклый свет лампы ему не мешал. Мысленно он уже оперировал сам себя, вонючая камера силой воображения превращалась в прекрасно оборудованную операционную.

Решение пришло само собой, неожиданно и спасительно, в полусне. Демьян Ильич дёрнулся, лавка скрипнула протяжно и противно. Он ухватился за последний шанс, и все будущие действия выстроились перед его сознанием в единую и нерушимую цепь, как будто ему показали обучающий фильм.

Портфель он положил под голову, одной рукой раскрыл его, а потом, закинув за голову, сунул туда и вторую руку, стараясь поменьше шевелиться. Спустя несколько бесконечных минут он нашарил за подкладкой сокровище — ампулу немецкого морфина. Несколько таких ампул ему передали партизаны около полугода назад, и обнаружение такой ампулы посторонним означало для старого врача неминуемую смерть. Он истратил почти всё лекарство во время своих подпольных операций, а одна ампула осталась нетронутой. Можно было бы сделать себе укол завтра утром, перед тем как его поведут на допрос к немцу (кот наверняка будет в кабинете), но наркотик ему нужен сейчас для другой цели.

Демьян Ильич медленно выпрямился, пряча ампулу в ладони. Остальные, казалось, спали, и только усатый был повёрнут лицом к Демьяну Ильичу. Старый доктор несколько десятков секунд смотрел на его лицо, а потом поманил рукой, мол, поднимайся. Усатый беззвучно встал и подошёл к Демьяну Ильичу. Тот достал из чемоданчика шприц, отломил кончик ампулы и втянул иглой прозрачную жидкость. В тягучей полутьме камеры он с трудом попал в ампулу. Знаками доктор показал усачу на цыгана — поддержи его. Он посмотрел на глазок в двери, тот был закрыт, и в коридоре было тихо.

Им пришлось действовать синхронно, словно они долго репетировали. Усач навалился на сонного цыгана, сжав его руки и навалившись предплечьем на горло, чтобы не кричал, а Демьян Ильич одним движением воткнул шприц хрипящему человеку в плечо и нажал на поршень.

— Поддержи ещё минуту, — прошептал он усатому.

Скоро обмякшее тело темноволосого лежало на лавке, левая рука всё норовила упасть на пол.

— Что дальше? — спросил усатый.

— Зажигалка есть? — вместо ответа спросил доктор.

Поразительно, но после ареста их не обыскали, оставив все вещи. Усатый достал сделанную из гильзы зажигалку и стал светить Демьяну Ильичу, пока тот рылся в своём чемоданчике. На свет он извлёк ампутационный нож, маленький молоток и флакончик спирта.

— Держи ему голову, — сказал Демьян Ильич, — свети над глазом.

Он чувствовал себя спокойным и собранным, абсолютно уверенным в собственной правоте. Жизни четырёх невинных людей стоят жизни одного мерзавца.

— Не так, — сказал доктор, — за лоб держи и свети ниже.

Он задрал левое веко, на него уставился бессмысленный взгляд тусклого глаза с расширенным зрачком. Демьян Ильич видел, что зажигалка нагрелась и обожгла пальцы усачу, но тот мужественно терпел. Доктор быстро протёр спиртом лезвие и аккуратно ввёл лезвие под веко сбоку, введя нож почти наполовину. Краем глаза он видел, что усатый борется с тошнотой, а со своей лавки за ними с ужасом во взгляде наблюдает старик.

— Можешь больше не светить, — сказал Демьян Ильич.

Пламя потухло, а усатый, не скрывая отвращения, не мог отвести взгляда от запрокинутой головы человека, из глазницы которого торчит нож.

Теперь руки Демьяна Ильича должны рассказать, как действовать дальше. Он толкнул нож вперёд, и тот почти сразу упёрся во что-то твёрдое. Держа нож левой рукой, доктор аккуратно стукнул молоточком по навершию ножа. Раздал-

ся хруст, и лезвие ушло ещё ниже. «Главное, не увлечься», — думал Демьян Ильич, аккуратно двигая рукоятку в разных направлениях, чувствуя рукой сопротивление живой ткани. Легко было вообразить, как ножом рассекаются потоки мыслей в голове у оперируемого пациента. Вот она, победа материи над духом, здесь, под его руками. Простой отточенный кусок металла превращает живого, думающего человека в безмолвную, тупую скотину, лишённую мыслей, а может быть, и речи. Никакому идеализму места здесь просто не останется.

Демьян Ильич не отмечал, сколько времени он осторожно водил ножом в черепной коробке цыгана, и в какой-то момент внутренний голос сказал ему: всё, достаточно. Он аккуратно вытащил нож, вытер лезвие. Даже в тусклом свете он видел, как вокруг глаза цыгана разливается огромный кровоподтёк.

— Всё? — прошептал усатый. — И он нас не сдаст?

Демьян Ильич пожал плечами. Апатия обуяла его, он без сил опустился на лавку. Усатый бережно забрал из его рук нож и молоток, извлёк из кармана шприц и пустую ампулу.

Подойдя к двери, он постучал. Через минуту глазок открылся, сонный голос из коридора спросил:

— Чего тебе?

— На двор хочу, — сказал усатый, лицом изображая муки человека, у которого не в порядке желудок.

— Так мы же вас не кормили, — удивился полицай, но дверь открыл.

Усач вернулся через несколько минут с пустыми карманами, все улики он бросил в очко туалета. Впрочем, ко времени его возвращения Демьян Ильич уже спал.

Наутро Демьян Ильич проснулся с хорошим, как никогда, самочувствием, ничто нигде не болело, не кололо и не ныло. Видимо, организм по-своему готовился к возможной смерти, мобилизуя все ресурсы. Демьян Ильич осторожно, чтобы не хрустнули позвонки, повернул голову набок и посмотрел на того, кого он оперировал ночью.

Темноволосый лежал на боку с открытыми глазами, вокруг правого расплылся огромный фиолетовый синяк, но взгляд его был тёмн и бессмыслен, а с губ свисала ниточка засохшей слюны. Человек моргнул и высунул толстый сухой язык, словно дразнился. Демьян Ильич смотрел на дело своих рук и беззвучно смеялся.

Очень скоро дверь камеры открылась, и их по одному стали таскать на допрос, начиная с темноволосого. Он в камеру уже не вернулся, не возвращались и другие узники, и, оставшись в одиночестве, Демьян Ильич чувствовал скопившийся в груди и физически ощутимый комок страха, который нельзя было ни проглотить, ни выплюнуть. Он неловко повернулся, от долгого сидения мышцы затекли, и тут открылась дверь, и его вывели на допрос.

В просторном кабинете (не том, в котором его допрашивали вчера) у окна спиной к столу стоял высокий худой человек, держа на руках что-то рыжее, большое, живое. Сбоку стола сидел незнакомый Демьяну Ильичу офицер в немецкой форме и что-то писал, а у дальней стены, опустив голову, сидел темноволосый. Периодически он сплёвывал на пол, любовался результатом, а затем растирал плевков подошвой. Демьян Ильич мялся у двери, пряча за спину чемоданчик.

— Это вы с ним сделали? — спросил немец у окна, не поворачиваясь.

Сидящий за столом начал переводить, но Демьян Ильич ответил по-немецки, не дожидаясь перевода:

— Нет, не я.

Немец вполоборота посмотрел на Демьяна Ильича.

— Вы же врач, наверняка вкололи ему что-нибудь.

Кот тоже смотрел на доктора безжалостным зелёным глазом.

Демьян Ильич протянул свой чемоданчик — нате, смотрите.

— Самое страшное лекарство тут — это стрептоцид.

Немец за столом быстро писал, не глядя ни на кого. Только сейчас Демьян Ильич заметил лежащий на столе автоматический пистолет.

Немец продолжал стоять вполоборота к доктору и гладить кота. Даже отсюда Демьян Ильич слышал исходящее от зверя сытое урчание. Раньше такие звуки казались Демьяну Ильичу уютными, а сейчас наводили ужас.

— Наш сотрудник сказал мне, что этот человек вчера говорил интересные вещи, а сейчас молчит, как свинья, и пускает слюни.

— Это сумасшедший, — сказал Демьян Ильич как можно мягче. — Я понял это вчера, когда его только увидел на рынке. Мы застали его во время кризиса болезни, а ночью кризис миновал, и он вернулся к своему обычному состоянию.

Неожиданно темноволосый заржал, почти как лошадь, скаля зубы и часто моргая заплывшим глазом, словно понимал, что говорят о нём. Успокоившись, он опять опустил голову и сплюнул на пол.

— А откуда синяк? Охранники говорят, вчера ничего не было.

— Не знаю, — ответил Демьян Ильич. — Может быть, упал ночью.

Кот продолжал урчать, перо ручки скрипело по бумаге. День за окном был пасмурный, в отличие от вчерашнего. Если выбирать, в какой день умирать, думал Демьян Ильич, то пусть лучше день будет солнечным. Я не умру сегодня, думаю он, только не сегодня. Похожий на цыгана человек в своём углу замычал какую-то первобытную мелодию, кот на руках у офицера оскалил зубы и зашипел.

— Вышвырните их отсюда, — тихо сказал немец, успокаивающе глядя кота.

Немец за столом оторвался от писанины, встал из-за стола, зацепившись за ножку и едва не спихнув пистолет, подошёл к двери и два раза стукнул. Вошли два полиция, от усердия мешая друг другу и толкаясь плечами.

Кот успокоился, и офицер обратился к Демьяну Ильичу.

— Если я ещё раз вас увижу, то пристрелю, — сказал он на чистом русском языке и опять отвернулся, утомлённый общением.

Второй немец уселся за стол и придвинул бумагу.

— Отпустить, — сказал он полициям по-русски.

Демьян Ильич пошёл сам, а темноволосого мужчину полицаи под руки вывели из кабинета на крыльцо и вытолкнули на улицу. Темноволосый с трудом удержался на ногах и пошёл вперёд, не разбирая дороги и шаркая ногами по весенней грязи.

Демьян Ильич, не веря своей удаче, быстро зашагал в другую сторону, успев заметить, как из ближайшего переулка вышел тот самый старик, который сидел с ними в камере, догнал темноволосого с фингалом и положил руку ему на плечо. Темноволосый остановился, старик сказал ему несколько слов, а потом повёл за собой, поддерживая за руку, как раненого. Из окна за ними наблюдали немецкий офицер и кот.

Демьян Ильич пошёл ещё быстрее и свернул за угол забора, чтобы перевести дух, но ноги сами уносили его всё дальше от этого страшного места.

Демьян Ильич отвлёкся от воспоминаний и вышел из купе спецвагона в коридор. Там у открытого окна курил один из его сотрудников. Доктор прошёл мимо к соседнему купе, дверь которого была оборудована наружным замком. Он заглянул в маленькое окошко, слегка запотевшее изнутри, и увидел маленькое купе без окон, освещённое одной лампой под потолком. В пятне жёлтого дрожащего света на койке сидел похожий на цыгана темноволосый человек и внимательно смотрел на Демьяна Ильича. «Он несколько не изменился за пять лет», — подумал Демьян Ильич. Глядя на человека за стеклом, он опять задумался о феномене человеческой души. Может, думал доктор, наука наконец сможет дать ответ на мучающий его вопрос — есть ли внутри человека хоть что-то, кроме материи, клеток, жидкостей и химических реакций?

Вагон раскачивался на ходу, и Демьян Ильич пошёл проверить, как там остальные будущие пациенты. Их определили во второе купе, всех троих, и сей-

час они мирно спали, убаюканные стуком колёс. Доктор вернулся к первому купе. Человек у окна докурил и выбросил окурок в окно, красная точка мелькнула в темноте. Коридор опустел. Демьян Ильич открыл замок и вошёл в купе к темноволосому человеку. Доктор сел на койку напротив, расправив серое одеяло. Темноволосый посмотрел на Демьяна Ильича, и старому врачу показалось, что его визави неумовимо улыбается. Демьян Ильич моргнул, и улыбка исчезла.

Спустя некоторое время в коридор вышел покурить второй человек. Проходя мимо, он заметил, что дверь купе приоткрыта. Он заглянул внутрь и увидел, как Демьян Ильич и похожий на цыгана человек смотрят друг другу в глаза, не отрываясь и почти не моргая, словно играют в детскую игру гляделки. Человек отошёл от двери, открыл узкое вагонное окно и закурил, разглядывая дым, уносящийся во тьму. С открытым окном стук колёс становился слышнее, но за окном совершенно ничего не было видно, ни деревьев, ни насыпи, ни столбов, только абсолютная непроглядная тьма.

Сергей Золотарев

За три потопа до того...

Авиасообщение

Авиапочта до сих пор работает по старинке.
Разъезжается вроде молнии на ширинке.

Человек, лицом напоминающий хлеб,
выбирает меньшее из двух неб,
впитывая, как будто хлебным мякишем — водку,
новую метеосводку.

Возят разное. Розно. Но главным образом то, что
в небе с легкостью превращается в точку, —
в этом — вся почта...

Мы еще до встречи различали
гендерные признаки печали.

А уж позже стали просто доки
в калибровке звездных величин,
где метеоритные потоки
делятся на женщин и мужчин.

Эволюция

За три потопа до того
мы были юными грибами
в кармане бога своего
и нас еще не погребали
под слоем пепла —
не окрепла
еще структура H₂O.

Сергей Золотарев — родился в г. Жуковском. Учился в Государственном университете управления. Печатался в журналах «Арион», «Новый мир», «Новая Юность», «Новый берег», «Интерпоэзия», «Гвидеон» и др. Автор книги стихотворений «Книга жалоб и предложений» (2015, «Воймега»). Лауреат премии «Нового мира» (2015). Живет в Жуковском.

Но жизнь — которая живот —
слилась из допотопных вод,
и высушила свой гербарий,
и в словари вложила тварей
по паре каждой на извод.

И все, что надо было знать:
что жизнь — не знать,
а смерть — аграрий,
возделывающий пядь
земли, как девочка на шаре,
вращая, ширия, множа, старя...

Впивая яблочную падь,
как келарь прячет реликварий,
подолгу мы сидели в баре,
чтоб топот вод и запах гари
впитались в сумрачные хари
и нас смогли в любом пиаре
спустя столетья откопать.

Они приходили. Невесел и желт,
старик обретался под кленом,
поскольку был срезан, как бронзовый болт,
не будучи сам закаленным.

Он знал, что не мог бы довериться им:
во имя Отца и Сына
одеты поверхности Духом Святым
в утягивающие лосины

безумья — тогда как совсем без него
пространство теряет в форму
и приобретает (что хуже всего)
границы психической нормы.

Да он и не спрашивал, почему
они недогадливы сами,
но пальцами глаз перелистывал тьму,
слегка послунявив слезами.

Мама мыла рану
рамы без стекла,
не было мембраны —
долго речь текла.

Изморози ляпис
воздух очернил,
чтоб ложилась запись
прямо на винил.

Омывала раму,
тихо сняв с креста
переплета само-
дельных два листа.

Приложила воздух —
пуховой платок
к раме без заговонок —
заглушить поток.

Ни шершав, ни гладок,
посреди миров
снег пришел в упадок,
обновив покров.

Само собой

Само собой — жизнь будет вечной.
Но здесь, на малой дуге земного глобуса,
на остановке конечной,
мне нужен скрип тормозных колодок последнего автобуса.

Звук со смещенным центром, с изнанки
кажущийся тем, что с детства привычно,
говорит о том, что мое церковное сознание
пока еще нехристороцентрично.

Что мною можно сделать квадратное отверстие,
ибо насадка души позволяет сверлу,
вращая раскаленное трехперстие,
проворачивать кое-какие делишки в углу.

Треугольник души на пересечении окружностей
простой Троицы тем и вписывается в квадрат
измерений, что нужен не для наружности,
но для перегородок, читай — преград.

e2-e2

Первый ход был e2-e4.
Потому как едва-едва.
Так одна в целом мире
прорастает трава,
головой раздвигая и ширя
кости таза — земные права.

Так читают Псалтирь и в Псалтири
оставляют пустыми слова
для прочтения их другими.

Так часов поправляют гири,
приподняв их едва-едва
над землей, как картошку в мундире,
чтобы время дышало цифирью
на пару своего CO₂.

Так мука в двусоставной просвире
превращается в муку, едва
ты коснешься губами цилиндра...

Так Каспаров играл против «Гидры»,
что уже ни жива, ни мертва.

Утки так отцентрованы,
Что, летая во мгле,
по-бурятски с коровами
говорят на земле.

Хвостовым оперением
воздух нескольких неб
нарезают на зрение
и невидимый хлеб.

И ножами консервными
отделяют, летя,
окончания нервные
от начала дождя.

Осень

Лягушня свое отквакала.
Время уток и гусей
создавать воздушный вакуум
над усобицею всей.

Нагнетать подъемной Сциллою
разряжение на крыле.
Чтоб назад тянуло с силою,
невозможной на земле.

Ты пари, мой ангел милый,
над приписанным плечом,
как живут в степи могилы,
не заботясь ни о чем.

Луч им — косточка. А мякоть
нарастает на хребет,
как придут старушки плакать —
мять глазами белый свет.

Дождь в бега податься может,
ветер — сдуть ипакои,
но тебя во мне не сгложут
просветления мои.

Понимаешь, самый близкий —
это именно каким
понимает порт приписки
шестикрылый аноним.

Эпитафия

Оболочковое устройство
причиняло ему беспокойство.

Начинали с маленькой —
начиняли смайликами,
розочками, шипами
прежде, чем ощипали.

Спят на кладбище вкладыши:
сверху — ландыши.

Чисто, поле
уходит в подполье.

Упакуй же, Господи, его душу
проводками наружу!

Мячи передают — с ракетки на ракетку,
пустую наложив поверх другой...

Так небо, как прижатое к земле
наильно, ждет, что все перевернется.

И встанет на места. Мышей летучих
одних восстановив в своих правах.

Ты сам отделил свое солнце от мира
лучащимся лезвием кожи.
Гляди же — сквозь линзы подкожного жира —
на что это стало похоже.

Потом укажи — несмотря на телесность
и телескопичность скелета —
на необходимость веревочных лестниц
и больше не думай за это.

Пока межевые проброшены верви,
лежи в гамаке синклинали
и кости вытягивай так, чтобы черви
в безмерность тебя пеленали.

Валерия Иванова

Пеликула

Рассказы

Грипп

Откуда-то принесло ветер; ветер сорвал с места город, сорвал и понес в сплаве света и грохота, как снаряд. Внизу под городом проснулся поселок, и где-то в поселке, вздрогнув, проснулась и я.

— Господи, что это?

— Самолет кружит. Наверное, посадку не дают. Ты спи.

Но на часах шесть, пора. В кухне ждет опара, надо хлебом заняться, согреть воду к завтраку. Повязывая волосы косынкой, иду в темноте по лестнице, слышу, как капает в миску сыворотка вниз. Город, снижаясь, цепляет крышу, дом, качнувшись, проваливается, и где-то в доме в пролет без ступеней падаю и я. Пролетая под окном, смотрю на руки, пальцы — наверное, о стену зацепилась — испачканы известкой.

— Птица что делает? Летит. Вопрос означает действие предмета, значит, «летит» — глагол.

Он дважды его подчеркивает — справа налево. Локоть касается исписанной доски, стирая предложение про пионеров на параде.

— Возьми мел в правую руку! — Это, конечно, из-за спины, сердито, но он доводит черту левой, вдавливая локоть в шеренги пионеров. Мел крошится, осыпается на лыжню, вспугивая птицу, и птица что делает? Летит. Летит сначала рядом, почти касаясь, потом уходит вверх, в сосновый свод над просекой. Он ищет ее глазами, подняв лицо в закат. Борода вспыхивает желтым и тут же со всей округой гаснет, только где-то за просекой, в низине, синеватым пламенем горят снега, и, кажется, пахнет дымом. Значит, еще одна деревня.

Снова хлопают крылья, но он, не всматриваясь в темноту, склоняется над лыжней.

— Ну, все как я и говорила: запродали нас китайцам, с потрохами запродали.

— Так то не нас, то Байкал... Народу-то, поди, своего у них хватает, на кой мы им?

Валерия Иванова (1972) — родилась в Иркутске. Окончила ИГУ. Публиковалась в «Сибирских огнях», «Новой Юности». Живет в Иркутской области. В «Урале» печатается впервые.

— А рыб кормить сгодимся. Байкал китайцам на прокорм, тайга — на зубочистки... Если раньше не сгорит, пожары-то, говорят, нынче ранние...

Старухи мои горемычные... В тазу полотенце с уксусом, шторы на окнах. Кто-то, наверное, заболел. Господи, лишь бы не Дарья! И чья-то ладонь меня в лоб толкает: спи!

Из прорехи в соснах пахнуло йодом, не по-аптечному горячо. Плеснула вода и после паузы не умолкала. Бежали невидимые за деревьями люди, протяжно стонали лыжи, как будто съезжали с горы или... взлетали?

Он оставил лыжню, оказавшись в ботинках, свернул с тропы и прошел совсем немного, когда хвойная занавесь, прорвавшись, выбросила его в громаду синего, желтого, жаркого. И белые птицы на синем, и голые на желтом люди. Он, кажется, спросил у кого-то: «Что это?» И кто-то ему ответил, пожав на ходу плечами: «Это? Китай».

— А в газетах вроде ничего пока не было?..

— Напишут еще, погоди... Иероглифами. В дацзыбао. Ад кромешный, господа прости...

Он — это я, и я женщина в горящих синим снегах таежной деревни. Он здесь проездом, теперь ночь, и я глажу тени на его подбородке, я глажу их пальцами, и они теплеют и, растекаясь, истаивают без следа. Я глажу острые, как иглы лиственниц, тени на его подбородке и думаю, как хорошо, что он пришел зимой: к исходу осени я рожу, а перед тем он построит на здешней реке мельницу. Ледостав будет ранним, но жернова у мельницы хороши, и мы успеем скопить кубышку и купим дом, и колыбель, и флюгер на крышу...

Я женщина в горящих синим снегах таежной деревни и я колдунья с околицы. Мало ли дел безлунной ночью у деревенской знахарки? Рассвет еще спал, когда я проводила глазами лыжника и заспешила к оставленной им мельничихиной дочке. Рассвет еще не начался, только посинели верхушки сугробов, но я сяду на крыльце и стану ждать. Когда взойдет в небе позднее желтое солнце, я знаю точно: в этом доме я буду нужна.

Я колдунья-повитуха и я мать. Я заварила чай с иглами лиственниц, над чашкой пар со смолой. Мой сын тянет руку к чашке, но я ее отвожу: «Возьми чашку правой!» Он левша, в отца. Я беру шитье и сажусь рядом. Он отхлебывает чай и от смолы морщится, или это вспухает наконец подбитая кем-то скула? Топленным снегом на полотенце примачиваю синяк... Горе мое...

— Расскажи про отца.

— Он был лыжник...

Я мать и я же сын. В пустырь за школой втопан снег и кровь пятнами. Моя, чья же еще? Они стоят рядом, в шаге, в бурых беличьих тулупах, беличьи же рукавицы на шнурах качаются лишней парой рук.

— Повторяй за мной, урод: он придет весной, он придет, и мы все спасемся...

Я сплевываю кровь на снег, стараясь не попасть на рубашку, но все равно пятнаю воротник. Мать расстроится... Потом запрокидываю голову к небу, чтобы не видеть беличьего меха над глазами:

— Ты сказал...

Лыжник сходит с круга. Не по-аптечному горячо пахнет йодом и влагой. И голые на желтом люди... Он спрашивает у кого-то: «Что это?» Но знает и без ответа: прощен. Адский круг пройден, декорации брошены в углу. Чуть перекосило задник, вылиняло небо, но жить все-таки можно, и мы живем. Я мать и я же сын. Я запорокидываю затылок и вижу птицу. Птица что делает? Летит.

— Возьми мел в правую руку! — Это, конечно, из-за спины, сердито, но он доводит черту левой, и я, всплывая из сна навстречу старухам, газетам и новостям, зачем-то ему улыбаюсь.

Пуговицы

Шестнадцать дней удушливого московского лета миновали. По свежести опыта оглядываясь назад, картинки не вижу, только детали, отчетливые, острогранные, как пуговицы. Вот их и перебираю, иногда любуюсь, иногда надеюсь забыть.

Вот шлейф резиновых лент на дверях автобуса. Яблони во дворе, листья на подоконнике. Сбрасываю их вниз, они планируют, кружась, и так же кружатся тени, вырастая навстречу ударом асфальта. Мертвый голубь на ступенях театра, номер телефона на купюре — не помню чей. Слабоумная у метро, увиденная до столкновения близко, и перенятое на себя ее удивление — врожденное, открыторотое, текущее слезой и потом. Переулок без вывесок, облепиховый чай во френч-прессе.

— Это апельсин? — спрашивает девочка и пробует из ложки огненной окраски кипятка.

— Это облепиха, — говорю я, но голос тонет: на сцене опять музыка. Пюют про пуговицы, про то, как они отрываются одна за другой, и, наверное для рифмы, про ставших бабочками гусениц. Девочка смеется, допивает чай и, оттопырив палец, поднимает руку: вкусно.

Часом позже в запретном для нее KFC заключаем пакт на троих: маме не скажем. Картофель по-деревенски, жареная курица в коробке. Масло пропитывает картон, пятнает салфетку.

— А вот вы с какого возраста себя помните? Я с полутора лет примерно.

— Ты же мне говорила, что рождение свое запомнила? — В разговор вступает отец, утирая со рта полоску сливок от капучино.

— Ну, пап... Это я когда говорила... Мне тогда скучно было, могла я приврять? Так вот, дело было в Италии, в древней какой-то парикмахерской. Там стригли папу под машинку. А мне его жалко было, и я расплакалась. Сидела в высоком кресле и редела. Мастер дал мне мороженое, шарик в вафельном рожке, а оно упало. И он принес другое, а кудряшки тем временем состригли...

Между моей рукой на подоконнике и грозовым ливнем над Переделкино — стекло электрички. Она болтает ногой и пьет отцовский чай из крышки термоса.

— А в Германии у нас есть садовник. Он одинокий и любит поговорить, но ему не с кем: никто почему-то не хочет. А я с ним разговариваю, и мы друзья.

С перрона ее уведят, обняв под зонтом за шею, прижав к щекам чайного цвета волосы, но она, вывернувшись, машет мне и хохочет. И часом позже, когда я иду по московской окраине к дому, с черного боярышника у метро падает дождь, падает и восходит испариной под фонарями, и девочка хохочет, обернувшись, и облепиховый чай под ее ложкой ворочается тяжело и жарко, и кто-то ритмично, с отбивкой, будто по слогам, заглушая наши голоса, поет:

— Отрываются... пуговицы...

Пеликула

Ночью в свете фар у дороги ковыль: белые полеглие колосья, похожие на спины зверей, — может, притаившихся, может, мертвых.

В машине еду на пассажирском, скорость для узкой дороги предельная. Вцепившись в ручку над головой, дышу, чтобы не закричать. И все-таки вскрикиваю, не удержавшись: перед капотом, почти у колес, мелькает на скорости обесцвеченная светом лиса. Стоп-кадр на обочине, негатив — и снова пустая дорога.

Соседский Матвейка из-за забора кричит:

— Угостите меня ягодой!

Мне ягод не жалко, но прямота коробит: «Невоспитанный». Молчу, а через минуту стыдно: Матвейка, слизнув из горсти клубнику, приказывает:

— Завтра встретимся, я вам банку малины наберу.

Ночная Москва, темные витрины в темных лужах, падалица на тротуарах. Рев мотоциклов оглушает, стирая на время звуки и даже запахи, затем, в тишине, снова набирает силу и звучит уже до утра сок подбродивших яблок на газонах. Мокрые астры у подъездов под гаснущими окнами пахнут дождем — недавним летним и всеми будущими близкой уже осени.

Небо — как стекло, и по стеклу медленной мухой — вертолет.

Под злым байкальским солнцем прохладный синий — гор, моря, неба, воздуха — закипает до ожога и усталости глаз. Прочие цвета неразличимы и тают в тени. Черно-синий мир развлекают чайки: целая колония покрыла берег и вдруг разом снялась — вверх, россыпью над водой. И под этим облачным, спокойным, как лист бумаги, белым жара, кажется, спадает.

По утрам дожди. Набравшая воды малина потеряла вкус. Срезала созревшие перцы, пальцы горят, и на всем, от малины до молока, жгучий привкус аджики. Кипятила воду, вспоминала чай на Арбате — чересчур сладкий, из крышки термоса — и прохожих с разговорами. Абсурд, может быть, из-за осязаемого во внятном выговаривании удовольствия, запомнился дословно:

— Танковый корпус, две стены. Идешь гуляешь — хорошо!

Кухонное окно на закате слепнет от солнца.

Утром, еще до света, заскулили щенки. Вставать не хотелось, думали, это где-то у соседей. Оказалось, у нас: два серых комка на крыльце. Похоже, подбросили. Собака обнюхала, отошла, следила из угла грустными глазами. Ре-

шали, что делать будем, искали питомник или приют, а когда вышли во двор с коробкой, щенки пропали. Странно, что весь последний час мы не замечали тишины. Обошли ограду по периметру — нигде ни норки, ни лазейки. Те, что были раньше, давно заделаны. Новых не появилось. Щенков же и след простыл. Может, и к лучшему. Беспородные, сытые, любопытные, похожие на двух птенцов-слетков, где-то они сейчас?

Бабка под конец лета посадила картошку. Взросло пятнадцать кустов в зарослях малины.

— Кто ж в августе-то сажает? Что из нее вырастет?

— Да она ж своя, домашняя, зимой угостили, а клубни проросли. Жалко ее...

— А зимой под снег уйдет — не жалко будет?

Не ответила, пошла, как ходит обиженная — по стежке, шаг в шаг. Отойдя, обернулась:

— Злая ты...

Рвала иргу, темно-синюю на солнце. Тени на траве тоже синие. Ошибалась, тянула руку, схватывала пустоту, удивлялась и через пяток ягод снова ловила тень.

Летом моталась — Москва, Париж, Нормандия, снова Москва, но странно — не пропустила смены сезонов: это когда утрами бросаешь взгляд в садовое окно — на соседский цветник за забором. По смене цветов и понимаешь, как прокатывается от весны к осени лето. Сейчас там высокие беспородные желтые цветы на ножках. Названия не знаю, но люблю давно, и осень для меня открывается ими, прежде летучих долгих паутин в нагретом воздухе, прежде стрекоз над водой и заморозков.

Ложное воспоминание, может быть, вызванное памятью о метро: проводы на перроне, я, вжавшаяся в тебя поверх пальто. Лацкан под щекой примялся, но двинуться немислимо — боюсь спугнуть мелодию. Нет, это не музыка, это толпа, свист пневматики, грохот железа, плафоны фонарей в пыли, но вместе они — одинокий орган в Нотр-Дам Вернона, точь-в-точь. И я слушаю. Лацкан режет щеку, и это тем больше, чем мягче в памяти линия, по которой капля пота ночью на подушке обвела, стекая, твое лицо.

О поездках... Хорошо бы сейчас ехать в пригородном, на электричке, и сверху, с высоты вагона и насыпи, смотреть на сады, на тазы с вареньем. Хозяйки, выставив локоть, пробуют с ложки, топырят губы, обжигаясь, и после, когда мелькнет и скроется поездная вереница, сами себе говорят: «Сахару маловато».

Тень под садовым зонтом. В тени я и куст малины. Ветка бьется о подлокотник, рассыпая муравьев, скребет штакетник, как часовую колбу песок.

Звук, мне кажется, тот же. В кувшине на столе шестипалая ромашка — кто-то начал гадать и бросил, и она живет, держа недоговоренное на лепестках: три из трех при прочих равных. Кувшин на солнце, тени как подпалины. Пчелы над цветами, пух на ветру. Покой либо его отсутствие, иногда ужас — пойманной мыши, птицы, бабочки... Песок под ногами, краснота под веками — солнце слишком яркое. И шестипалая ромашка в кувшине у самых глаз. Три из трех при прочих равных.

Ночью то ли привиделась, то ли выдумалась картинка: «Маленькая комната из-за дорожки света кажется длинной. Свет протянулся от окна до входа и похож на половик. Кто-то движется в соседней комнате: по дорожке пробегают тени. Мальчик в кровати у стены, на нем майка, руки поверх одеяла недвижны. Мальчик вслушивается в темноту. С коврика у кровати в полоску света на полу смотрит медведь».

Днем непонятно откуда всплыло слово — пеликула. Отчаявшись отделаться, набрала его в поисковике. Оказалось, *pelicula* по-испански — киноплёнка.

Соседка кромсает на засолку укроп. Удары ножа часты, как стежки машинки. Швейная дробь на доске и рассольный запах укропа.

В доме у Толстого в Хамовниках комната с соленьями называется *Маринадной*.

Проснувшись, подумала о снеге. От окна тянуло снежным, смешанным с бензином городским холодком. Даже увидела этот бегущий под медленным снегом город. Постояла у окна. Снега, конечно, не было, не было и города. Деревенская улица, за ней дорога, ивовая отметина вдоль реки и тайга на сопке. Черемуха за ночь облетела, стучала о подоконник. Звук был пронзительно-голым и жестяным.

Старая московская записка, невесть зачем сохранившаяся: «Спичечный коробок под крышкой оказался перевернут. Толкнула задвижку, спички разлетелись. Собирая, ткнулась щекой в бедро, похудевшее за неделю, *схватившееся*, как схватывается на воде ледок. Утром после душа прошлась по коже кремом, но твой ночной пот все равно уловила — может, только памятью или галлюцинацией, но голова закружилась, и, оседая на пол с горстью спичек, впервые почувствовала, что значит скучать по тебе вот так — узлом из души и плоти. Пожалуйста, приезжай».

Дальняя родственница умерла в деревне; говорят, я никогда ее не видела. Но я видела. Детское воспоминание как картинка: она выглянула из кухни с тарелкой, с ложки сметану облизала, что-то стала говорить. След от помады — оранжевый. Это я хорошо запомнила, а больше ничего: ни как одета была, ни прическу, ни голос... Как с той лисой на трассе: оранжевый мазок в детской памяти и темнота. Может, и меня кто-нибудь вот так же вспомнит однажды — по помаде. Хотя оранжевой у меня никогда и не было...

Лузёр-блюз для вечного майора

Сентябрь, как скумбрия, вошел во двор, надеясь зазимовать, — за пределами двора город лупили заморозки, а здесь стояли на асфальте тополя, как масляные лампы, и горели тепло и желто, осыпая искры на асфальт. Из асфальта вырастали стены, в заколоченных подвалах дремали коты и крысы. Сентябрь прошел вдоль решеток, и коты взвыли, крысы пустились в пляс, но никто за распахнутыми форточками четырех домов их не услышал, потому что и крысы, и коты, и даже скумбрию я выдумала только что, сидя на асфальте в продранных на коленках колготах.

С полетами такое часто: когда летишь невысоко над землей, она хватается за ноги и с размахом бьет. И вот я сижу на асфальте, готовясь разреветься, но с улицы во двор въезжает грузовик, в нем, прикрытые бортами, сидят рядом две одинаковые старухи. Зеркальный шкаф отпахивает дверцу, она принимается летать, ловя окошком, как сачком, то меня, то небо с тополями. Я утираю локтем, на продранные колготы натягиваю подол.

Старухи окажутся сестрами, я дам им имена. Познакомьтесь с Луизеттой, познакомьтесь с Гильотиной. А может быть, наоборот, разницы никакой, ведь они совершенно одинаковые. Одна старуха потом куда-то затерялась, наверное, вселилась в соседний двор, и оба имени достались сестре, я выговаривала их через черточку, вот так: «Луизетта-Гильотина».

Потом я запишусь в библиотеку, перечитав детское, проберусь в «закрытый абонемент», и хромая регистраторша с носом-бородавкой, поймав меня за ворот легким своим костыльком, махнет рукой: бог с тобой, читай. Читаю я все подряд — журналы, газеты, энциклопедии и книги, не запоминая ни авторов, ни названий, только обрывки сюжета и имена. Вот, например, отряд натуралистов идет в экспедицию за водяным орехом, а Луизетта-Гильотина в общей кухне накрывает клетчатой клеенкой стол. На столе в трехлитровой банке плавает по кругу водяной гриб, он питается заваркой и пахнет комнатой в поликлинике с надписью на двери: «Мочевая». В английском замке привидение лорда-хозяина охраняет несмываемое пятно на полу: здесь он убил свою жену за то, что была страшна и не умела готовить. А Луизетта-Гильотина повязывает газовой косынкой шиньон, красит губы оранжевым. Прогорает рыба в сковородке, и мама открывает форточку, вымахивает полотенцем гарь и кашляет с выражением, а Луизетта-Гильотина упирает руки в боки и говорит вызывающе: «Ха!»

— Ха! — говорю я библиотекарше, когда она — тоже выразительно — стучит по часам на стойке некрашеным ногтем: тебе пора!

Я иду домой, пинаю пакет с книгами. Скумбрия-сентябрь давно кем-то пойман и обглодан, хребет насквозь простреливают звезды. Во двор Бастилии на двух подводах ввозят гильотину, и арестантики льнут к окнам лунами лиц и ликов. Мама выходит из булочной с кульком карамелек, выуживает одну для меня, и мы идем с ней рядом, книги бьют меня по коленкам через пакет: бум-бом. Мама говорит, попадая между бумов и бомов старательно и аккуратно, что к Луизетте-Гильотине приехал погостить зять-майор. Я увижу его завтра, сидя во дворе на перекладине качелей, как на турнике. Он будет идти к подъезду, чуть хромая, в кителе с погонами и с банкой чего-то живого и плещущего под мышкой. «Бум!» — я переворачиваюсь на турнике головой вниз. «Бом!» — встает с ног на голову майор, но все равно идет к подъезду, и на погонах что-то взблескивает, и что-то плещет в банке. И тогда я соскакиваю с качелей и бегу из двора мимо школы, института и даже выхожу замуж, и уже совсем в другой стране и другом времени мой муж, глядя на первую в этот вечер звезду, вспоминает майора-артиллериста с военной кафедры. Вот тот диктует, проговаривая слова, как азбуку, не сглаживая, как детсадовцам, по слогам: «Взрыватель дальне-го дистанцион-но-го действия...» Детсадовцы бородаты, будущие физики как-никак и будущие,

если повезет, старшие лейтенанты. Толстый в белом бабьем свитере даже и тетрадку не раскрывал, спит, подперев кулаком скулу, тоже, если взглядеться, по-бабьи. Майор прогнал по щеке желвак и отвернулся, муж поворошил поленья в костре. Светлее не стало, скорее придвинулась ночь. Я поднялась, опрокинув садовое кресло, пошла через сад от костра, мимо института и школы обратно во двор и, прыгнув с качелей, мелком из кармана запустила майору в спину. Он обернулся, уронив банку на асфальт. «Бум!» — сказала банка, разбиваясь. «Бом!» — глотнул вина подвал, а я, взглядевшись в майора, признала теперь совершенно точно: он.

Окно смотрело на складской проезд, в стиснутое шиферными скатами небо. На ветру человечье, многое и разное, оседая, било по крышам дождем. Щен черной масти пронырнул под фурой, на въезде у конторы встал. В пасти мышь: «Глядите! Хвалите!» — ан некому глядеть, да и мышь упустил, — рванулась, неживая, вычертила в пыли бухгалтерский красный крыж и пропала, унесла в закрома неуставную мышиную смерть.

— Пристрелка по наблюдению знаков разрывов, она же пристрелка по эн-зэ-эр...

Под окном пришвартованный к стене погрузчик накрыли картонкой, придержав от ветра локотком, придавили парой килечных шайб, банкой мойвы, полбуханкой ржаного тминного и, конечно, пузырем мутноватой белой.

— ... захват цели по дальности, то есть здесь мы берем вилку...

И вилка была взята и курносо вздернута в небо, а на зубцах, как на остроге, дрожа и истекая, кропила картон пряно-малосольная белоглазая она, глядя на майора по-бабьи пристально, будто прощаясь.

А вечерами на протертой тещиной клеенке таранился из банки на майора плешивый гриб и, как звезда, отражалась в баночном боку потолочная лампа. Кто-то на кафедре — он это знал — врет про него сейчас, будто этой своей звезде на погонах майор вечерами поет на манер романса: «Ты у меня одна заветная, другой не будет никогда». Он не пел, и, может, поэтому другой никогда и не было. Майором его помнили выпускники прошлые, нынешние и всех предыдущих лет. Он был майор вечный, беспросветный, застывший, как складской двор в окошках кафедр, как брызги вина из разбившейся накануне банки. И что это за оторва с мелком? Надрать бы ей уши... Он идет к раковине в углу, и оторва из-за занавески видит: он набирает в ладони воду из-под крана, споласкивает лицо и остатками капель кропит ссохшееся мыло. Мыло тянет влагу, как ребенок во сне, не просыпаясь. Чуть пахнет дегтем, лицо майора белеет в зеркале. К полотенцу он не притрагивается.

Снилось ему всегда одно и то же: окраинный и старый, с не замкнутой в кольцо оградой парк. Безоградная часть сливалась с лесом, сперва с сосновым, потом — с березово-черемуховым. Среди берез и черемух белели санаторные корпуса. От корпусов к веревке во дворе выходили бабы, выносили латаные простыни в тазах, шли сперва по тропинкам, потом по асфальту, уперев тазы в бока, и под халатами, под казенной белой бязью, сладко и густо, как сахар в кипятке, расходилась по коже краснота. По простыням стекало к закату солнце, к августу лето и к долгой старости недолгая бабья жизнь, няньки переругивались сорочьими голосами и подхватывали простыни прищепками за миг до падения. В этом был их бабий шик, форс, манера, и майору нравилось думать, что — для него.

Хоронили его из того же двора, через два сентября на третий. Теща в черной газовой косынке над густым начесом села в изголовье, автобус на ухабах трясло, но она, вынув из кармана кофты помаду, лихо, без зеркальца и без отраженья в окне, обвела губы крутым оранжевым. В этом был ее бабий шик, форс, манера, и — черт бы вас всех побрал! — это было для него.

В опустевшем дворе вслед автобусу смотрела с качелей повзрослевшая оторва. Она сидела, чинно сдвинув ноги под подолом, на перекладине. Лоб прорезала складка, как будто оторва что-то для себя прикидывала, не решаясь исполнить, и вот решила, выпустила из коленок подол. Подол подхватил ветер, вскинул складками, как звезду, а оторва спиной назад, как в пропасть, упала с перекладины. «Бум!» — спрыгнула на асфальт. «Бом!» — выпрямилась. И, не оглядываясь, ушла из двора — в другую жизнь, в другую страну, опрокинувшись головой в небо, встав с ног на голову, потому что кто-то уже занял ее место на турнике и смотрел теперь вслед, повиснув вверх ногами, как это бывает в детстве.

Исправить ничего было нельзя, и оставалось верить, что все идет правильно.

ДРАМАТУРГИЯ

Аня Кизикова

Я и мои собаки

Монолог при счастливой жизни

Действующее лицо: МАРИНА

ГОЛОС. Давайте по порядку.

МАРИНА. Впервые за два года у меня был настоящий, качественный, чувственный поход в ресторан. Итак, платье будет опять белое, в подружках невесты пускай Наташа теперь. Ибо на свидание он пришёл с цветами. Фотография прилагается.

Предложила Егору переехать к нам. Спасибо Петькиному папе — квартира большая. Кстати, от стеллажа в большой комнате я бы избавилась уже, громоздкий, много места занимает. Егор пока не соглашается. В смысле, не стеллаж, конечно, выкидывать, а переезжать. Не думаю, что боится. Просто... Просто я всё ещё не могу поверить своему счастью! Нет, он точно не боится, раз не испугался завести отношения с матерью двоих не очень замечательных детей с собакой на каждого. Понимает — всякое в жизни бывает.

В понедельник у нас прорвало трубу. Пришёл слесарь, а он такой своеобразный очень. Четвёртый раз женат, и дети по всем городам. Завидный жених, видать. Пришёл, сел в ванну в позе лотоса, посидел, помычал, побряхтел и сказал: «Ссыт». Я и мои собаки были в шоке. Не оттого, что «ссыт», хотя слово и грубоватое, а от лотоса. А потом слесарь вообще начал говорить про деньги. Не люблю я таких тем. Позвонила Егору, он поржал над моей беспомощностью, приехал и всё сделал. Люблю. Потом кино смотрели, не запомнила, какое и об чём.

Переехал. Дети пока в лагере и в неведении. Вот такой сюрприз. Не скажут же, что мама с ума сошла? Да он им нравится, я знаю. Лично я никогда не была в лагере. Шумно слишком. Надеюсь, это не считается вот сейчас, что я проецирую на них свою нереализацию или как это называется. Надо почитать литературу по такому поводу. А стеллаж мы выкинули.

Осознание факта новой жизни для детей прошло без проблем. Сюрприз удался, молодец мама! Петька маленький и поэтому просто рад, что появился мужчина, который его поймёт и правдоподобно изобразит войнушку или самолётки, не знаю уж, во что они там играют. Мужчины. С дочкой сложнее. Всё-таки возраст такой. Она Петькиного папу за своего тоже считает, а своего не видела и не увидит. Фотография прилагается. Развод — это непросто, и думаю, тихо и мирно обоюдно — это редкий случай. Почему, когда люди вместе живут, создают семью, всё так гладко, хорошо, всё конфетно-букетно, ну не без перца, и всё же любовь. Но стоит подойти к завершению отношений, и понеслась!..

ГОЛОС. Это точно важно?

Анна (Аня) Кизикова — студентка Екатеринбургского государственного театрального института (специальность «литературное творчество», мастер — Н.В. Коляда). Пьеса «Я и мои собаки» вошла в шорт-лист конкурса современной драматургии «Читаем новую пьесу», в лонг-лист конкурса «Ремарка».

МАРИНА (*продолжает*). Оскорбления, унижения, подлянки и в конце чужие люди друг другу. Сколько людей годами возятся в прошлом, выискивая за болью боль, каждый раз переживают по новой выстраданное расставание, а бывшие давно устроились под новым боком и живут полноценной жизнью. Неужели в этом счастье — заниматься самообразованием и упрекать в том, что персонаж, для которого вы не стали любовью всей его жизни, испортил вам всё, сделал другой выбор? Абсолютно каждый принадлежит только себе, а значит, быть счастливым здесь и сейчас или заложником выстраданного прошлого только дело личное, конечно. В общем, не думаю, что для неё Егор — это большая травма.

У дочи увлечение есть — музыка. Нет, она не дурацкая, конечно, но я просто классику не очень люблю. Сядет за своё (перешедшее по наследству от меня) пианино и туда-сюда классику гоняет. Фотография прилагается. Попробовала бы джаз. Я бы подпеть даже могла. Я ей и предлагала. Такое личико изобразила, что ладно, пускай дальше своё это скучное играет. Может, ещё вырастет, осознает. Осознает, никуда не денется. А что я в её возрасте? Я в её возрасте мечтала готом стать. И даже волосы в чёрный покрасила. Ну как чёрный... с синим отливом получились. Но так даже интереснее и интригующее. Что нам — тем готам, ещё надо было? Внимание привлекали. А моя... нет, ей внимания особо и не надо...

ГОЛОС. Дальше можно пропустить.

МАРИНА (*продолжает*). Правильно. Главное, внутренняя работа. Надеюсь, она насмотрелась на меня и мечтает выйти замуж за хорошего человека.

Егор сам предложил, чтобы его квартиру сдавали, а денюжку в семью. У меня теперь снова настоящая семья. И денюжка эта кстати. Моя любимая работа не очень благодарна в плане денег, но сутки пропадать заставляет. Детям веселее будет. У Егора нормальная, среднестатистическая работа с 8:30 до 17:00. Хотя что по ночам без меня веселиться? Пускай спят. Надо сказать Егору, чтоб смотрел, чтоб в телефонах своих не засиживались.

Хотели детей в цирк повести, но вспомнили, что сцены с дрессированными животными всю охоту отбивают. Эти измученные дикие зверюшки проходят через все круги ада и ломаются под гнётом человека. Только прошу, не надо рассказывать о том, как на самом деле их любят и отборным мясом кормят, и вообще они рождаются в клетках, и для них это всё норма. Чтобы зверь принял вас за авторитета, ему нужно показать свою силу. Через насилие добиваются подчинений и выполнения команд. Так Егор сказал. Зрелищнее видеть достижения и возможности людей! Вот вчера приехали замечательные костюмчики моим собакам — тигрёнка и обезьянки. Фотография прилагается.

Всей семьёй ходили в зоопарк. Собаки в обновках, как раз к случаю. Идиллия. Мне было, правда, немного скучно. Животных я и на работе вижу — свиной, козлов, коров, ослов, пару овец... А всем остальным было так очень весело. Особенно с сахарной ватой. Конечно, им за фигурой и зубами ещё рано следить. Фотография прилагается.

Егор сказал, что он мой муж.

Работа, работа, работа, работа, много работы.

Две наши собаки боятся Егора. По ящику идёт передача, где приходят звериные психологи и всё психическое состояние животного по полочкам раскладывают, исправляют. Был похожий случай. Сделали всё, как там. Он покатался с собаками на автобусах, чтоб те научились доверять. Фотография прилагается. Не помогло. Видимо, йорки почувствовали, что Егор врёт и у него есть машина. Мол, что вы нам какой-то вонючий автобус подсовываете, мы декоративная порода собак, на секундочку. Да понятно, что ревнуют просто. Ну а что поделать? Жизнь — сложная штука. Пускай привыкают. Есть люди принципиально несчастные оттого, что они дошли до такой степени душевной усталости или неряшливости, когда каждое усилие воли становится почти физической болью. Быть несчастным легко. Счастье же, как всё прекрасное, даётся с трудом.

ГОЛОС. То есть такими суждениями вы хотите сказать...

МАРИНА (*продолжает*). Я редкий человек, у кого всё наоборот. Мой день никогда не начинается с вопросов и нытья: как же жить? мне сложно утром вста-

вать! как же тяжело! я устала! всё плохо! Именно мы задаём себе жизненный ритм! Именно от нас зависит, насколько счастливая, лёгкая и беззаботная будет жизнь. Бывает ли мне плохо? Нет! Как справиться с депрессией? А что это? Голова болит? А если внимательней прислушаться к себе?.. Может, просто кому-то нужно внимание, и единственный способ — это пожаловаться на всё. Я наслаждаюсь каждым днём и редкий случай, когда могу позволить себе инфантилизм или разрешу лени быть хозяйкой на пару дней. Да.

Мама устала. Такое бывает раз в месяц. Сына к бабушке (хотя бабушка хотела бы видеть меня, посмотреть в глаза и поговорить за душу). Дочку с мужем в кино. Собак под замок. Наташку к себе в гости на пару часиков. А потом и саму себя в ванну с пенкой можно... и с бокалом вина, если после Наташки останется.

Пришла, как всегда, весёлая Наташа. Фотография прилагается. Слушали Земфиру и «Мумий тролля»... Наташка вообще сказала, что «мы слушали их до того, как это стало мейнстримом». Пили армянское вино, потому что Наташка сейчас официантка в армянском ресторане. О том, что она могла бы быть хорошим экономистом, а не вот это вот всё, я ей, конечно, не говорю. Главное, чему научил её общепит: «Чужая шуба — не одежда, чужой мужчина — не надежда». А ведь она у меня красивая, и вот такая фигня с ней происходит. Когда пьяная Наташка уходила, она сказала: «Марина... красавица... не страшно?» К чему это вообще? Моя любимая пьяница. Фотография прилагается. Мне вот реально такие «подруги» не совсем понятны. То есть пока ты одна, то готова и дружить, и рядом быть, и обмениваться какой-то инфой (так устроен человек — без общения никуда), а как появился потенциальный партнёр, так можно на время забить на дружбу, а то и вовсе исчезнуть до первой проблемы. Как-то эгоистично это всё! Дружба не должна стоять на последнем месте. К тому же кто, как не друг, будет помогать зализывать тебе раны любви израненного сердца? Получается, пользуешься дружескими отношениями, только когда выгодно тебе. Но так не бывает, всегда приходит конец таким отношениям... И, не научившись ценить чужие чувства, будешь всю жизнь размениваться на мелочи. Не всех людей можно пускать в свою душу, а лишь тех, кто этого достоин (кто может её осветлить как-то, а не нагадить в неё). Что касается пользы, то её можно извлекать из отношений со всеми людьми, какими бы они ни были. Пользу! Но не удовольствие...

ГОЛОС. Опять нить мысли путается.

МАРИНА (*продолжает*). Не нужно ждать от некоторых людей больше того, на что они способны. Давать им ничего не нужно. Не надо метать бисер перед теми, кто его топчет. Искать необходимо таких людей, которые подходят для тех отношений, на которые вы рассчитываете и в которых нуждаетесь. И главное, надо быть взаимно нужным. Во всём нужна гармония.

Купили мужу собаку. Такого же моего любимого йоркширского терьера. Чтоб мальчик не обижался, что его не любят. Надеюсь, другие насмотрятся на новенькую и тоже Егора уже наконец примут. Ревнивицы. Может, она потом третьему карапузу перейдёт? Кого я обманываю? Это всё мои собаки. Дома стало ещё веселее. Фотография прилагается.

Если я не могу уснуть, то не могу уснуть. Вроде и спать хочется, и надо, но... Особенно если надо, то точно не могу. Попью, открою форточку, послушаю соседей, сопение, а потом храп мужчины под боком, дам под дых мужчине и продолжу слушать сопение, подумаю, что вообще-то всё хорошо. И всё это с закрытыми глазами. И всё у нас правда хорошо. Мне цветы дарят. Но уснуть не могу. Первые полтора часа просто лежу, думаю. Думаю о том, в каком порядке и что буду делать утром при условии, что не высплюсь, вспоминаю, что надо сделать на работе, купить в магазине и что надо придумать, как праздновать сынин день рождения, хоть он и через месяц. Через полтора часа мысли начнут путаться, а здоровый сон Егора раздражать. Не люблю быть злой. Поэтому залазю в телефон. Смотрю, сколько стоит такси до работы, чтобы поехать сейчас, чтобы отработать сейчас, если уж всё равно не сплю, а домой пораньше, к семье, к собакам, к телевизору, в конце концов. Пролистаю новостные ленты, вряд ли поржу, но прокомментирую. Начну сердиться ещё больше, потому что мало друзей онлайн. Конечно, все спят, суки...

Голос цокает.

МАРИНА (*продолжает*). А те, кто не спит, — в других часовых поясах. Видимо, мысленно и я где-то не тут. Не люблю быть злой. Это как-то неестественно... хотя если случается, значит, вполне себе естественно, да? Нашла рецепт успокаивающего чая перед сном (запах покупных меня изначально раздражает): 9 грамм цветков ромашки, 6 грамм корня валерианы, 15 штук плодов тмина. Измельчить. Залить 0,5 литра кипятка. Настоять. И вуаля! Вы — настоящая чародейка, сыпьте себе в лицо сонной пылью... Если буду мало спать — потолстею. Если, конечно, мало спать не из-за Егора. С Егором я готова не спать ночами напролёт. Двойко получилось. Скажу прямо — я имела в виду ниточку в иголочку. Но в последнее время он устаёт на работе. Все болезни от нервов, а вот от чего я не сплю — непонятно.

Третья несколько дней болела. С другими собаками такого раньше не было. Как бы не заразились. Мы ей имя-то ещё до конца не выбрали. То ли Бусинка, то ли Пуговка. Стонет, еле ходит, не ест, не пьёт. Вызывали ветеринара. Приехала малолетняя девочка-цветочек, серьёзно покачала головой, содрала три тысячи рублей. Стерва и наверняка дрянь. Жалко. И Егора очень жалко. Егору очень грустно... Но приняли решение усыпить. Ну а что с ней делать? И она мучается, и мы мучаемся, когда смотрим на это. Подождали, пока дети лягут спать, вызвали круглосуточную ветеринарку. Егор спустился у подъезда ждать, чтобы домофоном не разбудили. На этот раз приехали два рослых Васи. Сделали укол, накрыли простынкой в коридоре и уехали, взяв деньги, конечно.

Даже если вы уже слышите шорох своих крыльев, а нимб освещает вам дорогу, то это не значит, что за вами нет косяков. С того момента, как осудили, вы начинаете падать в ту же яму, а гордыня, которая вас ослепила, ещё и бетонной плитой сверху придавит. В общем, сидим с Егором на кухне в полумраке. Пьём водку. Поминаем и успокаиваемся. Я думаю о том, что это всё значит. Ну, кошки там как-то на себя смерть переманивают. А собаки что? Я вообще-то не суеверная, но... И тут я под ноги смотрю, а там она стоит, хвостом машет... Таких круглых глаз у Егора я никогда не видела... В общем, детей всё-таки разбудили. Точнее, разбудила. Я. Своим криком. Собака абсолютно здоровая. Фотография прилагается.

Работа, работа, работа, работа, приходишь домой, а они все всё съели.

Тут заметила, что в нашем доме стало меньше музыки. Влюбилась, что ли, моя маковка, пропадает всё время где-то. Ладно. Поговорим. Надо просто говорить и слушать.

Теперь удобно, можно ходить на оба родительских собрания. Ещё не решили, куда Егор пойдёт, а куда я. Вот мамашки офигеют. Дети в шоке, конечно, и ужасе. Хотя чего им бояться? Никогда не ругали. Никогда. Мои котятки. Да и вообще, собрания для чего-то другого созданы, а не для отчётов родителям. Всё дело в том, что мы не запрещаем. Хотите, чтоб ваш ребёнок развивался? помогал? делал, а не сидел в телефоне? Тогда объясните ему, как правильно! Небольшая травма типа синяка, мозоли, занозы и даже ушибы — это норма для человеческого тела... один фиг споткнёмся на ровном месте, стукнёмся мизинцем об косяк, заденем бедром край дивана. Хотите, чтоб ребёнок умел? Дайте ему возможность научиться. Иначе, оберегая его от всех бед (делая работу за него), вы сами растите в нём инфантилизм. Надо угомонять свою гиперопеку, иначе ребёнок найдёт другое применение молодой энергии.

Дочь знакомила нас со своим мальчиком. Фотография прилагается. Ну как знакомила, мы быстро приехали из «Икеи». Заходим, а они на кухне, на столе, разложили сухари свои и сидят едят. В кастрюльке пельмени варятся, хотя в холодильнике ещё курица оставалась. Согласно, пора предупреждать, когда домой идём. Хотя бы в дни, когда сын на борьбе или рисовании. Хороший мальчик, кудрявенький, чуть старше, молчаливый. Родители разведены, у обоих бизнес. Сестёр и братьев нет, только двоюродная в Краснодаре. Молчаливый. Говорю потом дочке, когда он ушёл: «Детки красивенькие будут, кудрявенькие». А она мне: «Ну у него, может, и кудрявенькие». Он чем-то на Егора похож. Вся, да не вся в мамку

свою. Егору парень не понравился, потому что «я сейчас банальщину скажу, но я тоже когда-то был в его возрасте и думал об одном. Не отрицаю, может, он и особенный». Ну и пускай. На ошибках учатся, и пока что им делать их можно... но не внуков мне. Хотя бы годика через три на крайний случай... а лучше через пять.

Прихожу домой. Дочь с мужем на кухне. Дочь в слезах. Зашла на моменте, когда Егор говорил что-то типа «сиди лучше дома, книжки читай». Увидели меня, дочь бегом к себе в комнату. Не знала, что Егору настолько не понравился тот парень. Чужая ему девочка, грубо говоря, а он как настоящий отец. Доча дверь мне не открыла.

Всё же у тебя в жизни есть? Семья, работа, три собаки, приятное времяпровождение и даже то платье, которое ты хотела целый месяц. Что ещё надо? Может, на фитнес записаться? Как же сохранить брак и интерес друг к другу? Как показывает практика — истории у всех похожи, но кто-то хочет сохранить брак, а кому-то и на фиг это не надо. Я из тех, кому на фиг это не надо... но если это стоит чего-то, то лучше сохранить. Часто гордость берёт верх над любым разумом. Хочется взять и послать всё к чертям! Но если притушить в себе эту слабость под названием «гордость», то можно увидеть много того, что она не даёт увидеть! Почти каждая женщина находится в состоянии жертвы. Причём сами себя в эти рамки загоняют. В этом есть часть правды — пока беременная, потом кормящая, практически нет возможности строить свою карьеру, а также благодаря гормонам эмоционально уязвима. И так год за годом. А затем с новыми морщинками и лишними кило мы чем-то недовольны! Вроде как семья норм, а как муж... претензии...

ГОЛОС. И это тоже можно опустить.

МАРИНА (*продолжает*). Почему? Конечно, надо уметь вовремя выходить из состояния жертвы. Наше умение рожать — это жизненный бонус. Мои дети — это моя отдушина и радость. Именно ярлык «я родила для тебя» убивает все отношения. Я рожаю только для себя. В первую очередь это мои дети и только потом наши. Я из тех женщин, кто не будет своего сравнивать с другими мужьями. Так как подруги всегда расскажут о том, какие у них золотые мужья, и ты понимаешь, что твой однозначное говно! А если глубже смотреть? То у каждой! У каждой одна и та же ситуация. Муж теряет интерес. Разумеется, теряет! Смотрим в зеркало и честно отвечаем на вопрос: мы-то сами себя хотим? Когда я последний раз мозг выносила? А смс «ты где почему трубку не взял?». Когда живёшь со своей второй половиной как с другом, когда не забываешь его привлекать в свою материнскую жизнь, тогда мужчины, конечно, по-другому начинают относиться к тебе, они принимают участие, они на одной волне. И всё-таки я с мужем умудрилась быть другом, с которым хорошо переспать. Он открывает мне свои горизонты, я ему — свой мир. Мы научились слышать друг друга.

Егор сказал, что ему нужно личное пространство, а я этого не понимаю. Нет, я понимаю, всем нужно личное пространство, но это значит, что он от меня устал. Он взял подушку и ушёл в ванную. Через полчаса вышел, надел куртку и уехал.

Дочки нет вторые сутки. Это всё возраст. Рано или поздно детей приходится отпускать. Егор не берёт трубку. И это всё возраст. При кризисе среднего возраста у мужчины нельзя винить себя, особенно если ты умная женщина.

Частенько слышу, как буквально с гордостью заявляют о себе «я упёртый/упёртая». Возможно, для достижения цели — это неплохо, когда человек с упорством (опять же таки упорство, а не упёртость) добивается своего. Но быть упёртым относительно каких-либо ситуаций или окружающих — это сравнимо с глупостью. Не зря же говорят «упёртый как баран». Бараны же тупые? Умные только мои собаки. Пора бы учиться быть гибкими, во всех смыслах. Кстати, замечено, что люди, гибкие умом, часто имеют гибкое тело, и так же наоборот — упёртые жалуются на шею, колени, спину. Уверена, что такую черту характера чаще приобретают, нежели она передаётся по наследству, а значит, её легко можно поменять.

Никого из подружек её я не знаю. И в чатик мамашкам одноклассников не написать: «всем приветик, у кого моё сокровище?» Эра родителей в ватсапе началась уже только на сыне. Кто-то скажет, я его больше люблю. Дети маленькие были — фотография прилагается, — всё время спрашивали: «мама, а кого ты больше лю-

бишь?» Понятно, что это старшая подговаривала маленького и довести его хотела. А я им отвечала: «вот вы кого больше любите — ручки или ножки?» — «Ручки. Я ими на пианине играю». — «И от ножек бы отказалась?» — «Не-е-е, я ими на педали на пианине жму». Тут, конечно, получалось, что дочь всё это использует в своих интересах как бы, а метафора-то о другом, конечно... но суть ясна.

В «Красном и Белом» сказали, что оптимальная температура потребления пива колеблется в пределах от +6 до +12 градусов, шампанского от +7 до +10. Виски — напиток уникальный. Его можно пить как в чистом виде, так и с различными добавками. Шотландцы и ирландцы, например, пьют виски со льдом и чистой водой, а американцы разбавляют его колой или содовой. Единственное, чего не терпит виски, — это соседства другого алкоголя. В Мексике, которую традиционно считают родиной текилы, её пьют залпом, ничем не закусывая и не запивая. За пределами же Мексики самый распространенный вариант — это «лизни — опрокинь — кусни». На внешнюю сторону ладони, между указательным и большим пальцем, насыпается соль, пальцами зажимается долька лайма или лимона, а дальше все просто: лизнули соль, выпили залпом рюмку текилы и закусили лимоном. Кстати, в Германии текилу пьют по такой же схеме, только вместо соли используют корицу, а вместо лайма или лимона — апельсин. Но я бы съездила в Мексику. Оптимальная же температура потребления пива колеблется (для разных сортов) в пределах от +6 до +12 градусов. Традиционно считается, что в теплое время года употреблять стоит светлые сорта пива, а в холодные, наоборот, темные. Всё это неправда, ложь, чепуха и вообще всё не то. Я проверила. Фотография прилагается.

Дома тихо. Я и мои собаки. Сын где-то в уголке сидит.

Оказывается, с работы могут уволить за запах! Ладно, не уволить, а сказать: «Мы алкоголикам только белую зарплату платим».

Скажите, с каких таких пор «правда» приравнялась к понятию «поливать грязью»?! Если я где-то накосячила, то признаюсь в этом! И мне, конечно, стыдно за мои косяки, потому и стараюсь исправить эти ошибки. Шила в мешке не утаить.

Вот как я люблю эту фразу «хочешь быть счастливым? Будь им!» Счастье есть у каждого, а точнее, оно живёт в каждом из нас. Мы делимся тем, что нашли или открыли в себе. Мы показываем свой мир таким, как его видим сами...

ГОЛОС. Но...

МАРИНА (*продолжает*). И вроде бы чего я тут нового сказала? Однако «унулое говно» продолжает, как мантру твердить о том, что его мечта — это быть счастливым человеком, при этом, глядя в лужу, видит там только грязь. Я очень люблю мультик про крошку енота, где он пошел на пруд за сладкой осокой и, увидев своё грозное отражение, испугался и убежал. Вот так и мы, глядя на себя со стороны, не понимаем, где оно, счастье-то, и боимся сами себя. Можно всем улыбаться, но при этом остаёшься один на один с собой, снимаешь маску, сидишь и думаешь: «а что тебе для счастья надо?» Да у тебя и так всё есть, это ты сам! Нет смысла ждать, что кто-то его принесёт и в руки как подарок даст (да, будет счастье на пять минут и не более того). Также нет смысла кого-либо обвинять, что твоё счастье украли! Счастье живёт внутри каждого, и только нам решать — быть счастливым или мечтать о счастье.

Егор вернулся. С цветами. Фотография прилагается. И двадцатью пятью килограммами корма. Я прочитала, что мужчинам в кризисе среднего возраста мешать страдать нельзя, ну и, конечно, себя винить вообще нельзя. Повторяю. Идиллия будет снова. Сидели всей семьёй, пили чай, смеялись. Фотография прилагается. Дети спать ушли, ещё долго с Егором не ложились.

Как правильно открывать рот? Речь пойдёт о том, что мы говорим! Через яркие эмоции проще узнать, кто перед тобой, — поднимешь горячую тему, и сразу натура считывается. Почему? Расклад, не мной придуманный, но мной проверенный: в любом вопросе, который вас возмущает, агрессивная реакция — это не что иное, как проекция себя лично! Открыв рот, воспользовавшись даром говорить, люди будут рассказывать о себе! Поэтому я никому ничего плохого никогда не говорю. Теперь точно никогда.

На завтрак: собакам — морковку тёртую, диета, бедняжки, мужу — кофе и бутерброд, обязательно и с кетчупом, и с майонезом, доче — йогурт, сыне — омлетик. Он так и сказал: «хочу омлетик». Цыплёночек, зайка мой, ну такой милашечка!

А ведь скоро у нас день рождения. Ну куда ему взрослеть? Играть и играть. Не представляю своих деток взрослыми. Вот пойдут они в какой-нибудь МОУ ДОД ЦВР ОД и ПК в серьёзных костюмах и с угрюмыми лицами своих детей записывать, а им скажут «перерыв».

День рождения Петьки. Дети самые чистые души, искренние и настоящие. Часто учат меня жить иначе. Они умеют радоваться дню, потому что солнце светит, они умеют прощать и умеют любить просто так. Фотография прилагается. Дочь с друзьями, муж с друзьями, я прибиралась. Смысла, конечно, не очень много делать это перед шайкой его, но всё же. Пока прибиралась, нашла дочкин дневник... бумажный! — ну моя дочка, моя, только более романтическая, что ли, не буду говорить, что старомодная. Я на самом деле не очень знаю, для чего своё это всё пишу сюда. Что хотите обсудить? Какие рубрики мне добавить? Может, больше про собак? Почему вы меня вообще читаете? А дочиного найдёныша я читать не буду. Жизнь-то и в самом деле её.

Егор сказал, что Марина сама к нему первая полезла.

Пауза

ГОЛОС. Марина?

Марина откладывает планшет. Оглядывает всех. Несколько секунд смотрит в сторону. Суд.

На этом записи в блоге кончаются. Дальше вы знаете. Мама пошла, взяла кухонный нож с лиловой рукояткой и всадила Егору, куда только можно, по самое не хочу, ну и главное... ну вы поняли куда. Фотографии прилагаются. И чё? Правильно! Сам виноват! Он меня совратил вообще-то. Я не лезла... первая. И мама не виновата. Это она защищалась. Нет, она виновата, что тупая (*смотрит в сторону*), что мир у неё такой или что дочь у неё может быть такая, как я, ну а так-то чё? Это почти самооборона, считайте. Её бы тётки с работы засмеяли, и меня бы из школы попёрли. Меня и так попёрли... но это уже из-за вас! Мне вообще-то 15. Только 15, и я жертва. Я вам говорю, а вы не верите. Не верите, потому что молодёжь щас такая пошла или чё там, как вы там думаете? Совратил, совратил, совратил. И вообще, до 16 нельзя вообще ничего там. Нет, я это не в паблосах прочитала и даже не по телику вашему дебильному увидела, и никто не подсказал, и нет, не придумала я, это так оно и есть. Он меня и девственности лишил, и ещё сказал: «Не ожидал, что ты целка». А чего он, интересно, ожидал? И квартиру он свою не сдавал, только иногда посуточно, предложил даже однажды прийти за деньги прибраться там, я ж женщина... вот видите, он ещё и по налогам чего-нибудь там виновен, я отвечаю, проверьте-проверьте. Может, недаром он мне на экономиста советовал идти, а? 10 раз сдаст, и под 30 выходит. А мама-дура рада. Она-то не знает, чё в этой квартире между мной и ним происходит... что со мной происходит! Я не знаю, может, она на меня мало внимания обращала, может... хотя мне уже кажется, что это я тогда напридумывала. Она с детства эту сказку про ручки и ножки рассказывала. Да мама идеальная у нас! (*Смотрит в сторону.*) А Егор, когда к нам приехал, сказал: «Пиво будешь?» А по ТВ «Магазин на диване» начался, и там, короче, тётка в ужасном сарафане с психоделом каким-то говорит: «Сегодня с нами Алёна, и она знает о нефритах всё. Сейчас она поделится своим богатым опытом». А я думаю: «Капец, у меня нигде богатого опыта нет, даже в нефритах. А про талант, достижения и цели я вообще молчу. Только пиликаю по клавишам. Даже собаки именно моей дрессуре не поддаются». А у Егора глаза такие голубые-голубые, что почти зелёные. Ну как цвет морской волны типа. Ладно, хорошо, убедили, это не мама тупая,

а я тупая. Хотя она ведь тоже... Запутали. Ну а чё? Да, я влюбилась. И чё? А потом она нас отправила двоих в кино. Если б она этого не сделала, не было бы вот этого вот всего. Да. Мы только половину фильма посмотрели, а потом поехали к нему. Я вам не буду всего описывать, и так понятно. Это гадко. И однажды нас тётя Наташа видела, вместе шурующих на хату. (*Смотрит в сторону.*) Вот сука, простите, но вот сука, матери ничего ведь не сказала. Хотя всё и так понятно ей было. Взрослые как-то защищать же должны детей. Да ведь? Почему вы-то такие... и не оправдываете её? Агрессивная реакция — это не что иное, как проекция себя лично. Или вам меня не жалко? Не жалко? Вы мне не верите? Он меня и психологически во все щели. Я не буду вам и несчастную любовь свою описывать. Как у всех, чё. Ну на пианино перестала играть, я классику вообще-то люблю, не знаю почему, а Егор гаражный рок, это инфантилизм какой-то... Ну, чё ещё? Ну, спала всё время и решила наконец на сообщения там одного пацана ответить. Он хороший оказался. А главное, в меня влюблённый. Чё? Егор ничего не дарил, потому что «ну, Маришка, ну ты ж понимаешь, что палево, ты у меня такая взрослая, ну всё-всё понимаешь и знаешь». Он маме букеты дарил. Жёлтые чаще всего, между прочим, ага. Ну и типа получается, я тоже могла на них смотреть, нюхать, щупать и фоткаться. Вот. А тот пацан, короче, на первой же прогулке мне розу розовую подарил. Потому что я юная и романтическая. Понимаете? Не знаю. Может быть. Не знаю. Только с Егором всё продолжалось. Я не планировала их всех знакомить. Егор потом разорался. Понятное дело — ревнует. Но я и не планировала, чтоб он ревновал... Наверное, не планировала. Короче, он наговорил какие-то ужасные вещи, и я расстроилась. Наговорил, что таких б... (*пауза*) замуж не берут, и давно пора маме о моём поведении рассказать. Нет, я не расстроилась даже, а испугалась... или стыдно стало, или это подсознание говорило, что он козёл. Для меня фактов мало, мне ещё подсознание нужно. И я решила, что выйду замуж за богатого и старого, обязательно с тёмными глазами. Всё логично и нетравматично. (*Смотрит в сторону.*) А потом не смогла смотреть на маму и ушла из дома, короче. Куда? А чё, вариантов много. Подружки? О-о-о, они-то поддержат. И особенно их родители переполнятся пониманием. Варианты, блин. Да я всем только с дневником делилась и в твиттере немножко, но у меня там типа фейк. Фейк, где я сопли выпускаю. Хочу ещё один с политической тематикой создать... Куда ушла? К Егору я ушла из дома. Он тоже её, маму мою, свою жену, считайте, видеть не мог. Это так сложно всё. Я б детей ему кудрявеньких родила. Но потом. А пока мы наплакались, наорались и вернулись. Сидели дома всей семьёй, чай пили мило. Может, мой талант врать? Но не как мама... Не, не, сейчас я искренне всё, хоть где-то это надо. Я его не люблю. Я его ненавижу. Мне за себя и за маму обидно. Правильно она всё сделала. Она говорит всегда так много и всё фигню какую-то, но... Спасибо, спасибо, спасибо, мама, мама, мама, мама. У нас же была красивая, нормальная семья наконец-то. Понимаете? Тогда, сначала, когда его не было. Нам на самом деле не нужен никто был, она где-то прочитала, что нужен... Хочешь быть счастливым? Будь им! Счастье есть у каждого, а точнее, оно живёт в каждом из нас... Только тогда мы думали, что счастье — это Егор... Егор, Егор, Егор... А Егор — это уже инвалид, правильно я говорю, а? Счастье живёт внутри каждого, и только нам решать — быть счастливым или мечтать о счастье. Вы о Петьке подумайте, если обо мне не хотите. Мама не виновата, что мир неидеальный. Ну, зачем она прочитала мой дневник, я не хотела, чтоб всё вот так... не хотела... Она невиновна. Вы поняли? И чтобы вы до конца знали, где белое, а где чёрное... Это я отравила ту, третью собаку, потому что она его была. Это, по-моему, страшнее... или чё?

Голосов становится много. Гул.
Марина плачет.

КОНЕЦ

БЕЗ ВЫМЫСЛА

Сергей Боровиков В русском жанре — 59

Когда в августе 1856 года А.В. Сухово-Кобылин был в Москве на торжествах по случаю коронации Александра Второго, то записал в дневник впечатления: «Государь... был на бело-серой лошади не очень большого роста, немедленно за ним ехали густою толпою великие князья в разнообразнейших формах — всё это составляло безразличную массу. Свита была страшная, до 200 человек. Впереди их ехал Государственный Совет и придворные чины в золотых каретах. Четыре кареты были нагружены Государственным Советом и министрами. Сколько в этих четырёх золотых ящиках было соединено грязи, подлости и совершенных и имеющих быть совершенными интриг».

Когда в 1985 году писательскую группу, которая приехала в Ростов на 80-летие Шолохова, возили в Таганрог, экскурсовод остановилась возле длинного одноэтажного здания и поведала нам, что здесь, в доме градоначальника, скончался император Александр Первый. Когда я спросил, почему нет памятной доски, прямо-таки из-за её плеча выскочила голова человечка, молча до этого сопровождавшего нашу группу, и зловеще, я бы даже сказал, радостно-зловеще спросила, заглядывая мне в глаза: «А зачем?»

Был он как две капли воды похож на чиновника из фильма Эльдара Рязанова «Забытая мелодия для флейты» в исполнении блистательного Сергея Арцибашева.

Когда в начале двухтысячных вполне справедливо оживился интерес к личности и деятельности Петра Аркадьевича Столыпина, у нас в Саратове он приобрёл исторический накал благодаря губернатору Аяцкову. Были такие примечательные акции, как сооружение перед областной думой чугунного истукана работы С. Клыкова, изготовление и установка ряда бюстов саратовских губернаторов в здании той же думы, где находились Столыпин и Аяцков, создание МБУ «ГЦ им. П.А. Столыпина». Что означает эта аббревиатура, не ведаю, но знаю, что во главе конторы стоял верный сподвижник губернатора, пламенный патриот, вскоре сваливший в Германию, журналист Сидоровнин, который написал о кумире книгу, где, в частности, объяснил, почему Лев Толстой не отправил

Сергей Боровиков (1947) — критик, литературовед, эссеист. Автор множества книг. С 1985 по 2000 год — главный редактор журнала «Волга». Печатался в журналах «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Урал» и др. Живет в Саратове.

повторного письма сыну своего севастопольского друга Аркадия Столыпина: «Толстой одумался».

Масштаб Саратовской истерии хорошо характеризует скандал с экспозицией в саратовском краеведческом музее, откуда друг Аяцкова, врач-анестезиолог В. Марон, ставший при нём вице-губернатором, велел убрать всё, что касается карательной деятельности Столыпина в бытность его министром внутренних дел.

А я в те дни вспомнил роман Валентина Катаева «Хуторок в степи»: в одесском иллюзионе начала XX века выступал скрипач-куплетист со злободневным репертуаром, привлекающим зрителей, но хозяйке доходов «показалось мало, и, зная, что публика любит политику, она приказала Зингерталью подновить свой репертуар чем-нибудь политическим и подняла цены на билеты. Зингерталь (...) на следующий день вместо устаревших куплетов «Солдаты, солдаты по улицам идут» исполнил совершенно новые, под названием «Галстуки, галстучки».

Прижав к плечу своим синим лошадиным подбородком крошечную, игрушечную скрипку, он взмахнул смычком, подмигнул почечным глазом публике и, намекая на Столыпина, вкрадчиво запел:

У нашего премьеры
Ужасная манера
На шею людям галстуки цеплять, —

после чего сам Зингерталь в двадцать четыре часа вылетел из города, мадам Валиадис совершенно разорилась на взятки полиции...»

Зингерталь, конечно, не Лев Толстой. Но вот ведь некто, не чета одесскому куплетисту, некто, именуемый русский народ, немало оставил недоброй памяти о губернаторе и премьере. И «стольпинские галстуки», как и «стольпинские вагоны», на века выдали ему характеристику похлеще толстовской. А народ вроде бы как не должен ошибаться.

Попытки задним историческим числом затолкать Петра Аркадьевича в некое нужное современному деятелю идеологическое стойло тем нелепее и обречённее, что сам Столыпин при жизни выламывался из рамок любого лагеря, оставаясь враждебным и значительной части власти, начиная с царя, и ангажированному общественному мнению, и левым, и правым, и жаждущим перемен, и тем, кто желал бы навечно остановить прекрасное мгновение пребывания у обильной государственной кормушки.

Почему-то забывают и соперника Столыпина, графа Витте. Сергей Юльевич тоже ведь реформатор был не из последних (введение винной монополии, денежная реформа, небывало укрепившая рубль, Манифест свобод 1905 года и др.), только, в отличие от Петра Аркадьевича, тяготел к либерально-западному типу реформ, не заигрывал с чёрной сотней, за что был клеймён правыми газетами как ставленник еврейского капитала и т.д. Однако ж известно, что основы будущей земельной реформы, начатой Столыпиным, закладывал именно Витте. Кто был прав, история так и не рассудила, не дав ни тому, ни другому довести собственное понимание реформ в России до конца: Витте был отрешён от дел, Столыпин — от жизни. Все знают про убийство Столыпина, но ведь и на жизнь Витте делались неоднократные покушения, самое же любопытное, что Витте в покушавшемся на него Казанцеве разглядел провокатора, «покушение имело свою цель исключительно возмутить общественное мнение против левых политических партий и, может быть, вызвать со стороны правительства более энергичные меры в борьбе с ними», — писал Витте в письме министру внутренних дел Столыпину, которому весьма не понравился акцент на явном следе охраны в покушении. И что же? Консерватор-реформатор со стальными нервами в недалёком будущем станет жертвою такого заговора, что убийство-то его в киевском театре 1 сентября 1911 года, после многочисленных покушений, выглядело едва ли не «естественным» — иного конца для Столыпина, кажется, никто и не ожидал. И убийца подобрался словно бы на любой вкус: революци-

онер, сотрудник охранки и еврей в одном лице: каравай, каравай, кого хочешь выбирай! Хочешь, кровавую царскую жандармерию, хочешь, революционную гидру, хочешь, жидо-масонский заговор... К тому же всё вместе обставлено — случайно ли, нарочно — театрально, едва ли не фарсово: место действия — киевский театр, лепнина, позолота, малиновый бархат, да и спектакль-то «Сказка о Царе Салтане» — история о древних российских придворных нравах, где правят тёмными интригами ткачиха с поварихой, с сватьей бабой Бабарихой...

Когда 15 марта 1931 года редактор «Нового мира» Вячеслав Полонский побывал на заседании государственной закупочной комиссии, записал в дневник: «Приобретает картины Богородского с его выставки. Предлагается лучшая из его работ: изображает трех женщин, несущих на голове кувшины с вином. Картина хороша: и остроумная композиция, <и> хорошие краски. Есть содержание. Рядом с этой картиной небольшой этюд, изображающий двух женщин, несущих корзины с навозом. Этюд — слабей. Я предлагаю первую. Трифонов (или Трофимов?), зав. Музеем Красной Армии, предлагает этюд. Просим мотивировать.

— Видите ли, — говорит он, — я не знаю, какое значение сейчас имеет в Италии виноделие, и вообще, какую роль играет вино у итальянских трудящихся. У нас вино также не играет большой роли. Так что эта тематика нам далека. Навоз же нам ближе. Он ближе к советской тематике».

Когда в 1979 году я с университетскими филологами побывал в закрытом Калининграде, там кроме заседаний была и автобусная экскурсия. Когда проезжала мимо очень внушительного и мрачного здания, гид сообщила, что при Гитлере в нём было гестапо. Доцент кафедры зарубежной литературы Тамара Николаева спросила: «А сейчас что?» Экскурсовод продолжала указывать на вновь возникавшие за окном достопримечательности, но Николаева повторила вопрос погромче и не унялась до тех пор, пока гид не ответила: «КГБ!»

Когда Василий Аксёнов в начале 90-х стал приезжать в СССР, на моё имя в редакцию журнала «Волга» пришёл пакет с его рассказами. Я удивился, но не чересчур, так как знал о дружбе с Аксёновым доброго друга моего и «Волги» Евгения Попова.

В мою юность, в 60-е годы, не было, пожалуй, более продвинутого у молодёжи писателя, чем Василий Аксёнов. Насколько интересен был для нас «Звездный билет» («Коллеги» ранее были приняты спокойнее), можно судить по тому, что мы заметили такую мелочь, как перемена в фильме «Мой младший брат» в разговоре о рекордах прыгунов в высоту. В романе: « — Томас мировой рекорд поставил. Прыгнул на 2.22. — Жуть!» В фильме уже Валерий Брумел и цифра 2.23. Мы заспорили тогда о причине замены. Полный же мой восторг, который, помню, не разделил друг Илюша, вызвала опубликованная в той же «Юности» подборка рассказов Аксёнова, особенно «Местный хулиган Абрамашвили». Рассказы писателя «На полпути к луне» и др. казались мне значительно романов, из которых по душе пришёлся только «Пора, мой друг, пора», напечатанный, как ни странно теперь, в журнале «Молодая гвардия». «Затоваренная бочкотара» привела в недоумение, несмотря на разъясняющее послесловие Евг. Сидорова, а из эмигрантских романов понравился лишь «Бумажный пейзаж». Словом, Аксёнов не был из любимых мною писателей, но я не мог не сознавать его известности, хотя всегда и помнил, что т.н. «исповедальная проза» началась не с него, как часто полагают, а с Анатолия Гладилина, его повести «Хроника времён Виктора Подгурского».

Присланные рассказы оказались настолько плохи, что я сперва не поверил себе, дал завотделом прозы Валере Володину, который, прочитав, только руками развёл. Рассказы мгновенно выветрились из памяти, помню лишь, что в одном был приезд американки в Россию, её столкновения с нашими нелепостями — словом, М. Задорнов, только вымученный.

Как быть? С одной стороны, прозой мы не бедствовали, выбор был хоть куда, а с другой — ведь Аксёнов.

В то же примерно время «Общая газета» заказала мне рецензию на книгу М. Рощина о Бунине, которая оказалась крайне плоха, о чём я и написал. Редакция «ОГ», не оспаривая моей оценки, рецензию отвергла, сказав, что нельзя так отзываться о Рощине. А по-моему, если известный писатель написал что-то ниже своего имени и таланта, надо не стесняться печатно о том сказать и, если от тебя зависит, не допустить такой публикации, что я и сделал, возвратив рассказы.

Попов вскоре написал мне, что крайне раздосадован этим поступком. Не знаю, были ли те рассказы где-нибудь напечатаны.

Когда в конце 2017 года объявили, что новый саратовский аэропорт, который уже называли по месту рождения «Сабуровка», будет назван «Гагарин», я на сайте «Свободные новости» предположил, что это сугубая инициатива местных руководителей: «Стоп! Какая «Сабуровка», зачем «Сабуровка»? Неизящное имя какое-то. Такие мысли возникли, видимо, в какой-то начальственной голове. Нет, наш город по части угнездившегося во власти провинциализма не сопоставим ни с одним в России». И предположил, что наши саратовские руководители так часто ездят за границу, что не могли пройти мимо того, что в Нью-Йорке есть аэропорт имени Кеннеди, в Париже — имени Шарля де Голля, в Тель-Авиве — имени Бен-Гуриона? Заметил, что и за границей подобные наименования не очень приветствуются населением, и, хоть власти Рима и назвали главный аэропорт в честь Леонардо да Винчи, все его знают как Фьюмичино, по имени соседнего городка.

Но мог ли я вообразить переименовательскую кампанию аэропортов, что вскоре развернётся по команде сверху?

И вспомнился совет бабушки моей бывшей жены родным, как бороться с пьянством её внука: «А вы отвлекайте его, отвлекайте!»

Так кремлевские советники находят все новые способы «отвлекать» российское народонаселение от наваливающих тягот и бед.

Когда в очередной раз перетряхивал книжные полки от непоμεσαемых излишеств, вдруг заглянул в эту, большую и толстую¹, и не выкинул.

Вся Европа перегрета
Нашим русским газом.
Власть российская на этом
Потеряла разум.
Иисус был так же похоронен
В пещерном склепе — не в земле,
Как тело Ленина сегодня
Нам сохраняет Мавзолей.
И тешатся властью своей,
Своей разрушительной силой.
Диктует нам каждый еврей —
Нет русским в стране перспективы.

¹ Лидина Наталия. От социализма к диктатуре капитала (Хроника проолигархического правления в стихах). М.: Алгоритм, 2001. — 336 с.

Лукашенко под прицелом
 Как никто другой:
 Западу не стал плеебем.
 И случился сбой.
 Россия, погружаясь во тьму,
 Уже не сможет выйти к свету.
 Чубайс к ней руки протянул.
 И кажется, что спасу нету.

Не выкинул, потому что подумал: где такую прелесть теперь встретишь? И был не прав.

Заклятые друзья легли под НАТО,
 Нас мажут грязью — нет других забот.
 Как говорил великий император,
 Союзники — лишь Армия и Флот!
 Америка. Ее делам и ей никто не рад.
 И на нее весь мир таит обиду.
 Америка — хазарский каганат,
 Воздвигла из финансов пирамиду.
 Ее душа мертва. И лыком шит
 Ее престиж. А мумия Америки лежит,
 Завернутая в долларовый саван.
 Они страшатся Божьей кары
 Из века в век, из рода в род.
 Из коммерсантов — в комиссары,
 Ну а потом — наоборот.
 ...Сотни лет миновало, и ныне
 Мир торгует прибытка во имя,
 Не во имя Христа и Аллаха —
 Ради доллара всходит на плаху.
 Подлый мир отказался от наших святынь,
 В этом мире другие святыни.
 И куда ты свой взгляд беспокойный ни кинь,
 Всем Россия чужая отныне.
 Беспомощен и робок каждый шаг...
 Как не пропасть? И как не оступиться?
 Уж обобрал тебя совсем чужак...
 И свой порой — не даст воды напиться.
 Распроданы озёра и леса.
 Чего ж ты ждёшь? И чем пренебрегаешь?
 Опять с надеждой смотришь в небеса
 И тихо перестройку проклинаешь.
 В седины дней склонилась голова.
 Судьба согнулась, как спина от груза.
 Россия — безутешная вдова
 Погибшего Советского Союза.
 Не в застенках, не в поле, не в гетто,
 А у самых кремлёвских ворот
 Этот вечно незнаемый некто
 В секс-притон приглашает народ.
 Он твердит про финансовый фактор.

Это попури из недавних, конца 2018 года, стихотворных публикаций пяти авторов «Нашего современника», «Молодой гвардии», «Дня литературы», «Волга. 21 век».

Когда в 2018 году начавшаяся с дела Вайнштейна вакханалия сексуальных обвинений докатилась до нас и старенькая Наталья Варлей вдруг поведала, как 50 лет назад её домогался Леонид Гайдай на съёмках «Кавказской пленницы»,

я вспомнил эпизод с русским эмигрантом в США из рассказа Алексея Толстого «Мираж» 1927 года.

«В купе кто-то вошел, сел напротив, шелкнул замочком. Затем солнечный зайчик от зеркала скользнул мне по лицу. Я взглянул. Передо мной сидела чудесной красоты девушка из породы тех, кого я видел в первый день приезда. Детское озабоченное личико, поднятые вверх небрежные светлые волосы и синие, широко расставленные глаза.

Я не остерегся. Я стал глядеть в эти глаза, синие, как ветреное небо.

...На остановке девушка вышла. Я вздрогнул, — так сердито она оглянулась на меня... Через минуту она вернулась с жандармом, указала на меня кружевным зонтиком и сказала: «Этот господин намеревался лишить меня чести. Я готова дать показания».

Меня отвели в комендатуру. Составили протокол на основании показаний синеглазой красавицы. По законам Америки этого было достаточно. Меня отвели в тюрьму. Через двадцать четыре часа был суд. Я чистосердечно все рассказал. Красавица была ужасно удивлена, — она была неплохая девушка, к тому же, видимо, ей польстили мои слова об ее глазах. Она отказалась от преследования».

Поскольку А. Толстой в США не бывал, судить о проявлении американских законов и нравов он мог лишь по чьим-то рассказам, что заставляет предположить заурядность эпизода с обвинением попутчика в попытке изнасилования девушки «чудесной красоты» еще в 20-е годы.

Когда в конце 2018 года объявили о кончине премии «Русского Букера», я вспомнил, как в 1996 году в Саратов приехал инициатор её русского варианта, сэр Майкл Кейн.

Встречая меня на заседаниях Букеровского комитета, членом которого я был, Майкл заинтересованно расспрашивал о нашем городе (кроме Москвы и Питера, он России не видел), о Волге, всякий раз уточняя ширину её, и почему-то страшно веселился, узнав, что я в Москву не летаю, а приезжаю поездом; первые слова при встрече были: «by train?»; и, услышав моё «yes», он радостно и изумленно оглядывал соседей, словно предлагая разделить его удивление, вот, мол, чудак, ездит на поезде, когда можно летать. Сам-то он прилетел в Саратов на самолёте, был поражён убожеством нашего аэропорта и в конце концов на личном опыте понял, почему я предпочитаю поезд: на обратный рейс мы его проводили, попрощались и уехали, а наш сэр, бедняга, оказывается, ещё 5 часов маялся на земле саратовской по случаю задержки рейса.

Интервью для газеты «Саратов» брала у Майкла Ольга Харитоновна, а так как днём раньше мы выезжали с гостем на «простор речной волны», она писала: «Впечатления его о дне, проведённом на Волге, нам довелось выслушать. Надо сказать, что ростом и статью он напоминает героя скандинавских саг. Особую внушительность его словам придает красивый, низкий и сильный, хорошо поставленный голос. Глядя на гостя, думаешь о том, что «Прогрессом» хозяева, конечно, не обошлись. Тут как минимум понадобилась гулянка».

Нет уж, какая там гулянка, когда был «зафрахтован» роскошный катер еще не уничтоженного авиазавода «Анапа» с огромной каютой, отделанной красным деревом, хорошим ходом, который оценил сэр Майкл, постояв за штурвалом. Когда мы проходили в районе Шумейского острова, он заметил, что места напоминают ему Флориду, где он недавно так же «рулил» на катере.

Там за волжским столом Майкл рассказал историю возникновения премии, с её несколько алкогольно-метафизическим подтекстом. Однажды глава «Букера», ромово-сахарно-судоходной компании, Джек Кэмпбелл, не чуждый, как всякий шотландец, пристрастия к виски, встретился в гольф-клубе со своим старинным приятелем, писателем Яном Флемингом. И узнал печальную новость: жить ему не более года.

«Что ты мне посоветуешь? — спросил Флеминг Кэмпбелла. — Что надо предпринять, для того чтобы сохранить состояние?»

— Дело в том, — пояснил сэр Майкл, — что в те годы в Англии подоходный налог, уплачиваемый Флемингом, при уровне его заработков от издания и экранизации романов о Джеймсе Бонде можно было приравнять к конфискации.

Находчивый шотландец вспомнил про лазейку в финансовом законодательстве, которая при приобретении компанией «Букер» на крайне выгодных для обеих сторон условиях прав на Джеймса Бонда оставляла с носом Казначейство Ее Величества. ачав с Бонда, владельцы и управляющие «Букера» так приохотились к литературе, что вспомнили: в Англии нет премии, сопоставимой с французской Гонкуровской! И учредили ее. «Впрочем, — добавлял сэр Майкл, — премия утверждалась из вполне деловых соображений. Вложения в «литературный отдел» давали очень большую отдачу. Ведь фирма «Букер» в основном оптовик, не продает под своим именем потребительские товары и поэтому неизвестна публике, как, например, «Жиллет» или «Сони». Без сомнения, престиж премии и в том, что мы установили и придерживались стандартов хорошего вкуса, укрепили репутацию компании в глазах тех, кто входит в элиту общества, — в литературном мире, правительстве, в деловых кругах. Мы не претендовали на то, чтобы держатели небольших пакетов наших акций — тетя Агата из Ньюкасла или дядя Гарри из Глазго — получали бы какие-то выгоды от затрат, связанных с премией, однако неоднократно имели возможность убедиться: они гордятся тем, что имеют к ней отношение».

А при чём здесь алкогольная метафизика? А притом, что разговор Кэмпбелла с Флемингом происходил, когда друзья задержались на «девятнадцатой лунке», тогда как поле для гольфа насчитывает их 18, т. е. в баре.

А в 1997 году отмечалось его 70-летие. Я получил от него открытку, где типографским способом отпечатано было приглашение от его жены, дочери и сына на «celebrate Michael's Birthday», а его рукою приписано: «Сергей и Тамара, если будет возможность, милости просим». Возможности, увы, не было. А Ира Кабанова, бывшая переводчиком сэра Майкла в Саратове и получившая такое же приглашение, выбралась-таки в город Лондон. Я передал с нею гигантского сушеного леща, обвив ленточкой с какими-то словами.

А в 2000 году сэра Майкла не стало. Пред тем он болел и, как рассказывал многолетний секретарь премии Джон Кроуфут, придя в сознание незадолго до конца, первым делом спросил: как там дела в Москве?

За эти годы сменилось несколько администраций премии, бравших на себя все организационные дела. Сперва в роли администрации был Британский Совет (что-то вроде отдела культуры английского посольства), затем странная фирма «Ансделл», орудовавшая по-нашенски, опаздывая, забывая и даже обманывая. После того как компаньоном «Букера» по премии стал благотворительный фонд SMIRNOFF, премия стала называться «Букер-SMIRNOFF», что дало повод поострословить: английское слово стало русским, а русская фамилия иностранной, а потом я из комитета выбыл.

А в 2018 году и самой премии пришёл конец.

Когда я перевалил за семьдесят, стал чаще стал слышать в свой адрес «ты» от молодых, чем в шестьдесят, в пятьдесят и даже в сорок, и это мне нравится. Задумался: а почему?

Решил: потому же, почему тыкают детей.

И всё же часто не могу определить причины выканья или тыканья, за исключением хамски-служебных, возрастных или родственных.

В моём многолетнем опыте есть тыканье старших меня даже и на двадцать лет и встречное от тех, кто моложе меня на те же двадцать. И, напротив, обоюдное выканье с людьми, связанными со мной многолетним общением.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Сергей Беляев Петр Давыдов: создать театр

Импозантный мужчина. За пятьдесят. В пышных усах и бороде заметная седина. Непринужденная поза, уверенный взгляд... Таким запечатлел фотограф владельца одного из екатеринбургских заводов, гласного городской думы, почетного члена разных обществ Петра Феофановича Давыдова.

Редкую (возможно, единственную из сохранившихся) фотографию этого человека в наши дни можно увидеть в музее Екатеринбургского театра оперы и балета. Рядом со старыми афишами и портретами артистов эта фотография заняла свое место не случайно. Давыдов любил театр, причем не только как зритель. В молодости он сам выступал на театральной сцене: пел главные партии в операх «Фауст», «Отелло», «Тангейзер», «Садко». Играл и в драме. В рядах верных поклонников Мельпомены он оставался и позднее, когда, оставив профессиональную сцену, занялся делом, от искусства далеким.

Через годы пронес он мечту о создании в городе собственного театра. Будучи уже немолодым человеком, выступая публично, он однажды признался: «С первых же дней пребывания меня всецело захватила мысль создать в Екатеринбурге театр, и именно такой театр, который по всей справедливости мог бы быть назван храмом искусства»¹.

Настал день, и эта мечта осуществилась. 29 сентября 1912 года Новый городской театр (так был назван при рождении современный театр оперы и балета) начал свой первый сезон. Среди тех, кто личным участием способствовал приближению этого события, имя Давыдова современники называли в числе первых.

О детстве и юности Давыдова известно немного. Последующие страницы его биографии воссозданы полнее, но всё еще не свободны от пробелов и неточностей. Предполагают, что будущий предприниматель и певец родился в Петербурге. И там же — это уже подтверждают архивные документы — он получил образование. Главное немецкое училище (известное больше как Петропавловское), где обучался Давыдов, отличалось серьезным отношением не только к общеобразовательной подготовке, но и к музыкальному развитию учеников. Много лет музыку и пение в училище преподавал органист, хоровой дирижер и композитор Людвиг Гомилиус. Занятия в хоре под руководством этого разностороннего и авторитетного музыканта, без сомнения, во многом повлияли

Сергей Беляев — искусствовед, автор книг, учебников, статей, посвященных истории культуры Урала. Постоянный автор журнала «Урал».

¹ Закладка нового театра // Уральский край. 1910. 22 июля.

на выбор Давыдовым своего дальнейшего пути. Повзрослев, он всерьез начал готовиться к карьере оперного певца — вначале в Московской, затем в Петербургской консерватории.

Весной 1881 года молодого тенора Петра Давыдова впервые услышали в Екатеринбурге. Певец дебютировал в городе на сцене театра Казанцевых. Там он выступил в дивертисменте, завершившем программу театрального вечера, устроенного местными артистами-любителями. В хроникальной заметке, которая появилась позднее на страницах «Екатеринбургской недели», Давыдов был представлен ненадолго посетившим город «учеником знаменитого Эверарди»².

Екатеринбургским ценителям вокального искусства начинающий певец понравился, что называется, с первой ноты. По мнению знатоков, своими вокальными данными Давыдов превосходил известного тенора Павла Богатырева из оперной труппы П.М. Медведева, выступавшей в городе в сезоне 1879/80 годов.

«...У г. Давыдова голос несравненно сильнее, а манера пения нам нравится больше: нет тех горловых нот, какие мы слышали у первого. Считаю себя вправе предсказать г. Давыдову блестящую будущность», — писал рецензент «Екатеринбургской недели»³.

Радушно, как старого знакомого, принимали Давыдова в Екатеринбурге через год. Один из слушателей, не скупясь на похвалу, в газетном отзыве отметил громадные успехи, достигнутые певцом за короткий срок⁴. Судя по всему, Давыдов не разочаровал своих екатеринбургских поклонников, предсказывавших ему будущий успех на оперной сцене.

Молодой певец, скорее всего, и сам мечтал о том же. В Петербургской консерватории он учился у одного из лучших вокальных педагогов, попасть в класс которого стремились в то время многие. У Камилло Эверарди учились будущие звезды русской оперной сцены — М.В. Бочаров, Ф.И. Стравинский, И.В. Тартаков, Э.Ф. Боброва, Е.В. Де-Вос-Соболева, М.А. Славина. Побывал Давыдов и в Италии — Мекке всех певцов, стремившихся в совершенстве овладеть своим искусством. Успех сопровождал его появления в концертах. Удачным был и его дебют в опере «Фауст», поставленной силами екатеринбургских любителей. Поговаривали даже о том, что ему предлагали петь на императорской сцене.

Казалось бы, в карьере ученика Эверарди всё складывалось довольно удачно — открывавшиеся перспективы сулили ему близкое осуществление юношеской мечты.

Но по каким-то известным обстоятельствам Петр Феофанович пересмотрел если не полностью, то, по крайней мере, частично свои планы. Новые заботы, связанные с появлением семьи (в Екатеринбурге он встретил дочь купца Ошуркова, на которой женился), необходимость ли заниматься делами завода, купленного на его имя отцом, или какие-то иные причины повлияли на такое решение певца — сказать с уверенностью сложно. Известно лишь, что консерваторский курс он не окончил, из столицы переехал в Екатеринбург, от лестного предложения петь в императорском театре отказался.

Однако ни с театральной, ни с концертной сценой Давыдов не расстался. Как певец он еще долгие годы выступал в разных городах, чаще всего, конечно, в Екатеринбурге.

Петр Феофанович всегда охотно откликался на предложения принять участие в концертах. В Екатеринбурге он пел на освящении костела и открытии Концертного зала И.З. Маклецкого, выступал в концертах, приуроченных к юбилеям А.Г. Рубинштейна, Л. Бетховена, Н.В. Гоголя. Были еще десятки других — благотворительных, торжественных, мемориальных — музыкальных вечеров, программы которых он украсил своим участием.

² Концерт г. Гилева 24 мая и спектакль любителей 25-го мая // Екатеринбургская неделя. 1881. 27 мая.

³ Там же.

⁴ К. Голос из толпы // Там же. 1882. 12 мая.

На концертной сцене раскрылся его талант камерного певца. Судя по многочисленным рецензиям, певцу была подвластна и ставшая уже классической русская романсовая лирика — сочинения П.И. Чайковского, А.С. Даргомыжского, Ц.А. Кюи, М.П. Мусоргского, Э.Ф. Направника, и «модернистская» вокальная музыка — модные в то время романсы Ю.И. Блейхмана и А.В. Таскина. Успех в концертах он часто делил со своим партнером — пианистом-любителем, юристом по образованию Петром Алексеевичем Кронебергом.

Не раз довелось Давыдову выступать на оперной сцене в составе профессиональных трупп. В конце 1885 года он уехал в Казань, где два сезона работал в антрепризе П.М. Медведева. Среди спектаклей, прошедших с его участием, была опера М.И. Глинки «Жизнь за царя» (Давыдов в роли Собинина). Эту постановку казанская труппа подготовила к пятидесятилетию со дня первого — петербургского — исполнения оперы. Вернувшись в Екатеринбург, Давыдов летом 1887 года присоединился к артистам оперной труппы антрепренера В.Н. Любимова, снявшего Городской театр в разгар работы в городе Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки.

Особенно памятным для певца был сезон 1896/97 годов. После большого перерыва оперу привез тогда в Екатеринбург сын казанского антрепренера П.П. Медведев. Директорство он доверил тенору В.И. Девиклеру (кстати, тоже ученику Эверарди), под руководством которого дела труппы шли, увы, не блестяще. Публика посещала спектакли неохотно, и над антрепризой нависла угроза краха. Выход из непростого положения нашел приехавший в город П.П. Медведев. Пригласив новых артистов, в их числе Давыдова, он довольно скоро исправил ситуацию и даже порадовал слушателей премьерами. Одна из них прошла с участием Давыдова. В феврале 1897 года впервые в городе он исполнил партию Иоанна Лейденского в опере Дж. Мейербера «Пророк».

С приходом Давыдова в труппу заметно изменился художественный уровень спектаклей текущего репертуара. По свидетельству П.П. Баснина, сотрудничавшего в то время в качестве рецензента в газете «Деловой корреспондент», появление Давыдова на сцене оказывало положительное влияние на всех исполнителей и преображало даже те спектакли, которые шли до этого безуспешно⁵.

В других сезонах партнерами Давыдова по оперным спектаклям были артисты-любители из Екатеринбургского музыкального кружка.

С этим объединением городской интеллигенции Петр Феофанович связал свою судьбу с первых лет жизни в Екатеринбурге. Из состава кружка он не выходил даже тогда, когда на какой-то период покидал город. Вместе с кружковцами он выступал в концертах и оперных спектаклях, участвовал во всех торжествах, приуроченных к юбилейным датам в истории объединения. И — если того требовала ситуация — первым вставал на защиту интересов кружка.

Итоги сотрудничества Давыдова с кружковцами были подведены в большой газетной статье, опубликованной в 1908 году, в юбилейные для певца дни⁶. Как оказалось, в течение двадцати пяти лет Петр Феофанович участвовал в постановках не менее десяти опер, среди них — «Аида», «Роберт-Дьявол», «Жидовка», «Отелло», «Тангейзер», «Фауст», «Жизнь за царя», «Русалка», «Садко», «Сын мандарина». Не были забыты и выступления Давыдова в качестве драматического артиста. Коллеги по кружку, да и публика помнили его роли, сыгранные в драме Д.В. Аверкиева «Каширская старина» и в драме И.В. Шпажинского «Чародейка». Уточним, что в статье, приуроченной к юбилею сценической деятельности певца, были названы только те спектакли, в которых Петр Феофанович выступал вместе с членами драматического отделения кружка. Между тем список сыгранных им ролей шире. На екатеринбургской сцене, но с другими партнерами он участвовал в постановках драмы К. Гуцкова «Уриэль Акоста» и шутки А.П. Чехова «Медведь».

⁵ -ь [Баснин П.П.]. Опера // Деловой корреспондент. 1897. 1 февр.

⁶ 25-летний юбилей П.Ф. Давыдова // Уральский край. 1908. 29 марта.

Однако главной заслугой Давыдова кружковцы считали оперные постановки. Благодаря деятельному участию певца в Екатеринбурге появился и приобрел авторитет пусть самодеятельный, но свой оперный театр. Спектакли музыкального кружка, при всех недостатках, неизбежных для постановок любителей, все же позволяли публике регулярно встречаться с любимым жанром. Особое значение эти встречи приобретали тогда, когда опера продолжительное время отсутствовала в репертуаре театральных трупп, работавших в городе.

Судьба предоставила Давыдову шанс осуществить и свою главную мечту. Летом 1910 года, в памятный день начала строительства, Петр Феофанович своими руками уложил камень в основание здания будущего театра. А спустя два года возглавил Городскую театральную дирекцию — общественный орган, в ведение которого впервые в истории города по решению думы был передан только что построенный театр. Давыдову и его соратникам из дирекции предстояло вдохнуть жизнь в новый объект культуры, возведенный на Дровяной площади (ныне площадь Парижской коммуны). Примечательно, что еще до завершения строительства, когда в думе заговорили о создании театральной дирекции, сомнений по поводу кандидатуры на пост ее председателя не было. Только Давыдов, по мнению близко знавших его людей, мог стать гарантом подлинно художественной постановки театрального дела.

Избранный председателем театральной дирекции, Давыдов принял на себя многосложные организационные заботы, связанные с подготовкой к открытию Нового городского театра и проведением сезона 1912/13 годов. Подбор солистов, формирование хора, оркестра и балета, приобретение нотной библиотеки и костюмов, масса других, на первый взгляд мелких, но не менее важных для театрального хозяйства дел — все это не обходилось без заинтересованного участия председателя дирекции.

Певица М.Г. Ростовская и по прошествии десятков лет помнила впечатление, которое произвел на нее и артистов труппы театр накануне открытия. «Мы увидели то, чего не встречали в других провинциальных театрах, — вспоминала Мария Гавриловна. — Тут были новые, по последней технике, эффектные усовершенствования. Просто умиляли нас гардеробные комнаты для артистов — высокие, просторные, прекрасно обставленные. Это было совсем необычно для не избалованного заботой провинциального артиста того далекого времени. Всё говорило о том, что организаторы позаботились об удобствах артистов. В этом сказалась предусмотрительность внимательного главы дирекции Давыдова»⁷.

Итоги напряженного труда не могли не радовать Петра Феофановича: первый в истории театра сезон был высоко оценен зрителями и критикой. Внимание проявила не только местная, но и центральная пресса. Новое дело, организованное на Урале, было названо одним из наиболее ярких событий в театральной жизни страны последних лет.

Второй оперный сезон в театре прошел под руководством той же дирекции. Но вместо Давыдова, покинувшего свой пост, ее возглавлял Н.Ф. Магницкий. Труппа (почти полностью в новом составе) не снизила художественную планку и завершила сезон успешно.

Однако уже вскоре городская дума передала театр в руки частных антрепренеров. Было ли это решение правильным? Давыдов считал — нет. При каждом удобном случае — и устно, и на страницах печати — он выступал с предложением вернуть театр в ведение города и управлять театральными делами общественными силами. Наиболее обстоятельно эту точку зрения он изложил в развернутом интервью, опубликованном в одном из январских номеров газеты «Зауральский край» за 1915 год⁸. Но увидеть воочию воплощение в жизнь своих предложений ему так и не довелось.

⁷ Ростовская М.Г. Воспоминания // Эбергардт С., Порска В. Наш оперный. Екатеринбург: Урал. лит. агентство, 1998. С. 101.

⁸ См.: Ан. Г-овъ. Прошлое и будущее Городского театра // Зауральский край. 1915. 9 янв.

Последний раз имя Петра Феофановича Давыдова появлялось на страницах екатеринбургской прессы летом 1919 года. Незадолго до окончательного установления в городе советской власти в газетах появились списки кандидатов на предстоящих выборах в городскую думу. В числе избранных на новый срок мог быть и Давыдов. Но вскоре Екатеринбург стал «красным». Петр Феофанович, видимо, покинул город, разделив судьбу многих современников, устремившихся на восток страны накануне прихода войск Красной армии. Где-то в Сибири он и провел последние годы своей жизни. По другим сведениям, в 1919 году он будто бы возглавил в Екатеринбурге театр. Но это явная ошибка. В действительности после Гражданской войны несколько сезонов директором театра был А.А. Давыдов (Карапетов). По отзывам — очень толковый администратор. Его отъезд в 1923 году в Петроград называли большой потерей для театра.

В советские годы семью Давыдовых в Екатеринбурге представлял один из сыновей Петра Феофановича — Борис Петрович. Детище его отца — оперный театр, носивший тогда имя наркома просвещения А.В. Луначарского, два сезона (1922/23 и 1923/24) был местом его работы в качестве пианиста-концертмейстера. В 1920-е годы Борис Петрович участвовал в деятельности и других театров города: писал музыку к спектаклям ТРАМа⁹ и коллектива под названием «МУХА»¹⁰. Был он и в числе организаторов детского театра — предшественника современного ТЮЗа. В последние годы жизни, в начале 1930-х годов, он возглавлял оркестр, созданный при комитете по радиовещанию. Память о композиторском творчестве Бориса Петровича и о династии Давыдовых-музыкантов сохранили дошедшие до нашего времени нотные листки. Романс на стихи Н.М. Минского, изданный в Москве, посвящен отцу — певцу, предпринимателю, театральному деятелю Петру Феофановичу Давыдову.

⁹ ТРАМ — театр рабочей молодежи.

¹⁰ «МУХА» (музыканты, художники, артисты) — екатеринбургский театр миниатюр (1923 г.).

Валентин Лукьянин

Как избавиться от «иностранных инвесторов»?

Поучительный эпизод экономической истории России

Памяти Николая Ивановича Тимофеева¹

«Лишь бы не было войны»

Два поколения советских людей — те, кто вынес на своих плечах бремя великой войны, и те, кто пережил безотцовщину, голод, холод, нищету первых послевоенных лет, будучи еще детьми или подростками, — сталкиваясь с житейскими трудностями, повторяли, как молитву, как заклинание, как мантру: «Лишь бы не было войны». Но третье поколение, дети детей, особых житейских тягот уже не испытывавшее, однако душевно травмированное открытием, что, оказывается, на «загнивающем Западе» живут по части джинсов, баварского пива и развлечений несравненно богаче нас, победителей и освободителей, переосмыслило традиционную мантру в ироническом ключе, усмотрев в ней комплекс «совковости».

Так называемая военная тема, которая могла бы сплотить общество на основе общей исторической памяти, по сути, стала мощным клином, который с конца восьмидесятых, по меньшей мере, вколачивался между поколениями российского общества. Кто его вколачивал и зачем — отдельный и непростой вопрос. Нынче в широком ходу конспирологические версии, но, думаю, никакими «происками Госдепа» и влиянием «пятой колонны» нас было бы не пригнуть, если бы мы жили более осмысленно и дорожили чувством собственного достоинства.

Да и не единственный это был клин: ни одна сфера бытия, ни одна область общественного сознания, ни один уголок исторической памяти российского общества с начала «перестройки и гласности» не избежали жесткой ревизии. При этом не всегда можно было понять: то ли это стремление к «покаянию» ради искупления исторических грехов (реальных или мнимых), то ли социальный левиафан, утративший цели и смысл своего существования, выбрасывается на берег,

Валентин Лукьянин — кандидат философских наук, публицист, литературный критик, автор нескольких книг, посвященных истории и культуре Екатеринбурга, и множества статей и исследований, опубликованных в различных российских изданиях. В 1980–1999 гг. был главным редактором журнала «Урал», истории которого посвящена его книга «“Урал”: журнал и судьбы» (2018).

¹ Н.И. Тимофеев (1936–2018) — выдающийся инженер, ученый-металлург, педагог, общественный деятель, всесторонне талантливый, творчески неистощимый, обаятельный, азартно живший человек. На протяжении десятилетий занимал руководящие посты на Свердловском (Екатеринбургском) заводе ОЦМ (бывшем аффинажном): начальник Центральной заводской лаборатории, главный инженер, директор, генеральный директор. Профессор и завкафедрой УПИ. Многолетнее общение с ним вывело меня на тематику этой статьи. Работа над статьей была в самом разгаре, когда Николай Иванович умер.

подобно китам южных морей, совершающим иногда безумный и непонятный акт самоуничтожения.

Так или иначе, советский «левиафан» был укрощен и расчленен. Мир изменился: Берлинскую стену сломали, райкомовские комиссии, тормозившие зарубежные вояжи советских граждан, упразднили вместе с райкомами. Вступили в силу договоры о разоружении. Бывшие «вероятные противники» обменялись дружескими визитами: «отец» американской водородной бомбы Эдвард Теллер съездил в уральский Снежинск, главный конструктор ядерных зарядов из Снежинска Б.В. Литвинов — в Лос-Аламос. Воевать стало не с кем, и ключевые предприятия нашей оборонки лишились государственных заказов. В середине 1990-х довелось мне познакомиться с двумя ведущими инженерами предприятия, на протяжении полувека успешно ковавшего советский «ракетно-ядерный щит». От них узнал, что в «новой России» им приходится зарабатывать себе на пропитание, занимаясь превращением в металлолом «изделий», благодаря которым Советский Союз после Второй мировой войны признавался вторым полюсом в глобальном двухполярном мире.

Казалось, угроза войны окончательно отступила. Тем самым будто бы подтвердился один из ключевых тезисов Роберта Дала, знаменитого профессора Йельского университета: «Современные представительные демократии не воюют друг с другом»², а мы ведь, как считалось, «одолели тоталитаризм» и стали демократической страной. При нынешнем всепланетном раздразе с утверждением самого авторитетного теоретика демократии трудно согласиться, да, может, теория тут и без нужды: невооруженным глазом ведь видно, что хоть самая демократичная демократия и оказалась, вопреки Далю, очень воинственной, воевать с нами ей просто незачем. Ибо что такое война? Как сформулировал еще Карл фон Клаузевиц, это «продолжение политики при помощи насильственных средств». Ну, а политика, как заметил В.И. Ленин (и никто его не оспорил), есть «самое концентрированное выражение экономики». Так зачем применять «насильственные средства» при абсолютном экономическом превосходстве? Умело двигая экономическими рычагами, можно вполне комфортно и даже «гуманно» достигнуть более радикальных результатов, нежели превратив города противника в руины и залив их реками крови. Нынче в мире даже набирает популярность концепция войны без военных действий.

Думаю, это с нами и случилось в 1990-е годы. Американцы бахвалятся, будто они нас победили в холодной войне, мы же побежденными себя не признали, поскольку гарнизоны противника не разместились в наших городах. Однако та и другая оценка выражает старый подход к принципиально новым обстоятельствам. На самом деле мы, по сути, сдали все позиции без боя и живем сейчас пусть и не в завоеванной, но, увы, в побежденной стране. Промышленность наша (по крайней мере, ее высокотехнологические отрасли) разгромлена; не опасные для победителя, а то и полезные для него предприятия (по преимуществу — сырьевые, но также потребительских товаров) принадлежат транснациональным компаниям, для которых проблемы нашего национального благосостояния не существуют по определению и никакой своей ответственности в этом плане они не мыслят: «рабочие места» создают, налоги платят (скажите спасибо, что не в офшоры; но ведь многие и в офшоры) — и чего вы еще от них хотите?

Национальная история, национальная культура, традиционные ценности почти бесследно вычищены из сознания младших поколений. Наука и образовательная система настроены на подготовку кадров для «метрополии» и экспорт туда же свежих идей (ежели таковые родятся) и светлых голов. Национальный язык разрушается под прикрытием утешительных баек про «самоочищение» и «самонастройку» — аналоги «невидимой руки рынка», между тем как язык победителей все глубже пускает корни в нашу повседневность и начинает уже в этом плане соперничать с языком коренных обитателей территории.

² <http://www.wisdomcode.info/ru/quotes/authors/65144.html>.

А ведь язык в качестве социальной «скрепы» несравненно важнее, чем олимпиада в Сочи или матчи ЧМ-2018 на российских стадионах, названных не по-русски: «Екатеринбург Арена» и т.п. Вы, наверно, помните, что написала Анна Ахматова в 1942 году, когда «час мужества пробил на наших часах»: «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово». Так понимался вопрос. А уже в наше время языковая проблема стала ключевым поводом к расколу Украины. И какой же, мягко говоря, социально-политической беспечностью предстает непонимание нынешней российской властью важности сохранения «русского слова»: а что, мол, с ним станет? Не станет, а уже стало: интонационное его богатство утрачено, похоже, безвозвратно (прислушайтесь к речам телеведущих и политиков, а как косноязычны стали дети, жертвы ЕГЭ); всякого рода словесные конструкции типа «Екатеринбург Арена», «Ельцин Центр», даже «Екатеринбург Опера Балет» уже вроде никому не режут слух, а подаются как приобщение к цивилизации. И разве большего от нас потребовал бы завоеватель, установивший над нами военный контроль? Гарнизоны в Первопрестольной и прочих «столицах», «туземные» органы охраны «ордунга» и всякие там концлагеря были бы ему не только морально в тягость, но и просто экономически невыгодны.

У граждан побежденной, патриоты тешат себя надеждой, если враг посягнет на ее границы, «отстоять» свою независимость. На почве этой иллюзии формируется имидж власти, строится государственная политика — иначе ведь будет совсем похоже на колонию, а это сильно задевало бы национальное достоинство все еще значительной части населения, учившейся в школе до введения ЕГЭ. Долго ли терпели бы такую власть? Поэтому реанимируется рухнувшая в 1990-е годы отечественная оборонка, воинственным пылом наполняется очередное президентское послание Федеральному собранию, сопровождается «мультиками», призванными устроить вероятного противника. И как-то вовсе не принимается во внимание, что линия обороны суверенитета проходит нынче в другой плоскости — экономической, между тем как удерживать свои позиции на этой линии нам и всегда-то было трудно, а сегодня и вовсе невозможно, поскольку для того в нашем оборонном арсенале нет не только аналогов «Сарматам», «Кинжалам» и прочим суперракетам, но и вообще сколько-нибудь действенных средств. Разве что «майские указы»?

Заграница нам поможет?

Дело в том, что государство наше в результате либерально-рыночных реформ выпустило рычаги управления национальной экономикой из своих рук³. Его участие в экономическом процессе наши стратеги ограничились, если воспользоваться популярным выражением из экономической публицистики, ролью «ночного сторожа». Правда, и по сей день задающие тон в обсуждении экономических проблем либералы-рыночники жалуются, что государство в сфере экономики по-прежнему стремится к роли диктатора, а это, мол, не позволяет экономическим субъектам нормально развиваться. Претензии такого рода выглядят вроде как убедительными, только их, по-моему, следует отнести все же не к государству, а к государственным чиновникам, что вовсе не одно и то же.

Чиновники извлекают личный доход из своих должностных полномочий, ибо имеют возможность что-то разрешить, а что-то запретить, между тем как уход государства из экономики проявляется в том, что оно отлучено от экономической стратегии. Самым приметным признаком разжалования его в «ночные сторожа» явилось исключение из профессионального обихода понятий «народное хозяйство» и «политическая экономия»: вместе с ними из сферы забот чиновников всех уровней удалено все, что касается совместных интересов и

³ Более подробно я говорил о том, почему и как это произошло, в статье «Праздники и будни в великой сырьевой державе» // Урал. 2018, № 11.

взаимодействия разных субъектов хозяйствования на территории страны и ее отдельных регионов. Государство теперь не может ставить вопрос, например, о строительстве (или хотя бы о реанимации) того или иного производственного предприятия, от которого бы кормился конкретный город или получил толчок к развитию регион: у него нет для того ни правовых оснований, ни тем более средств. Единственное, что оно может, — это пригласить инвестора, желательного иностранного: у него больше денег и есть доступ к передовым технологиям, которые у нас перестали разрабатывать. Понятие «иностраннные инвестиции» занимает сегодня в лексиконе российского руководства примерно такое же (не по смыслу, а по весомости) место, как «прибавочная стоимость» в «Капитале» Маркса. Удалось привлечь иностранные инвестиции — значит, экономика живет; отмечен их рост — это как бы большой успех наших экономических стратегов; произошло снижение — значит, провал, который нужно преодолеть: предложить потенциальным инвесторам еще более выгодные условия или снизить уровень их риска (и, стало быть, недоверия) какими-то немыслимыми гарантиями. За последние годы не помню ни одного публичного выступления первых лиц государства, касающегося вопросов экономики, в котором не муссировались бы мысли о привлечении иностранных инвестиций.

В привлечении иностранных инвестиций, конечно, нет ничего предосудительного: это действительно и финансы, и технологии, и «рабочие места», однако важно, откуда и почему эти инвестиции приходят и как работают. Поясню эту мысль примером, который читателю, скорее всего, неизвестен, а мне довелось столкнуться с ним близко много лет назад на Кубе, где я в течение года преподавал эстетику в университете Орьенте (Сантьяго-де-Куба) и имел возможность побывать в ряде других мест «Острова Свободы».

Куба обладает одним из крупнейших в мире месторождением никеля. На севере провинции Сантьяго-де-Куба — красная почва, красная пыль на дорогах, даже лужи после дождя красные. Как я узнал от советских специалистов, с которыми там познакомился, этот «революционный» цвет объясняется тем, что не только недра, но и почва там богата никелевыми соединениями. Однако обычно в никелевых рудах (в кубинских тоже) металла содержится очень мало: если от одного до полутора процентов — месторождение считается пригодным для промышленной разработки. Чтоб добыть никель из столь «тощей» руды, ее надо сначала «обогатить», то есть в результате определенных технологических операций получить концентрат, содержащий до 90 процентов металла, а уже из концентрата извлечь чистый металл. Но чтобы очистить металл от последних 10 процентов примесей, нужна уже другая, чрезвычайно энергоемкая технология, которую мало знать: она по силам не всякой национальной экономике.

Это короткое пояснение позволяет показать, каким образом американский капитал инвестировал кубинскую никелевую отрасль.

С момента обретения независимости от Испании (на пороге XX века), которая скоро обернулась зависимостью от Соединенных Штатов, Куба производила на экспорт сахар, табак, ром, а также служила приятным во всех отношениях курортом для богатых американских соседей. А об освоении никелевых месторождений тут и не помышляли: не кубинский, мол, профиль — металлы добывать. Но в начале 1940-х годов, когда потребность американской промышленности в никеле резко возросла, особенно в связи с разгорающейся мировой войной, американцы организовали на Кубе добычу никелевой руды и построили в небольшом городке Никаро, провинция Орьенте, завод по извлечению никелевого концентрата. О получении из него чистого металла речи не шло: для того не хватило бы всей электроэнергии, которая вырабатывалась тогда на Кубе. Кубинские власти даже не помышляли заняться этой проблемой, ибо у них, как и у нынешнего российского правительства, не было для того ни средств, ни полномочий, а главное — политической воли. Американские же инвесторы помогать им в этом деле не собирались: это значило бы рубить сук, на котором они сидели. Они построили никелевый завод во Флориде, от Кубы всего километров 70 через пролив, вывозили туда дешевый кубинский полуфабрикат и на своей тер-

ритории подвергали его высокотехнологичной переработке, получая при этом огромные барыши. Таким вот образом инвестиции и «окупались».

Беззастенчивое выкачивание одного из главных природных ресурсов экономически зависимой страны продолжалось почти два десятилетия, и ситуация эта органично вписывалась в тогдашнюю кубинскую «стабильность», пошатнуть которую казалось делом немыслимым, ибо она устраивала «покровителей»-американцев. И почему-то всегда такие ранимые демократические чувства американцев в том случае нисколько не страдали оттого, что Кубой правил диктатор, пришедший к власти в результате военного переворота.

Однако диктатура проамериканского «сукина сына» Фульхенсио Батисты вызывала все более острое неприятие у кубинских патриотов, причем не только в силу морально-политических, но и экономических причин: «Если не считать нескольких пищевых, деревообрабатывающих и текстильных предприятий, Куба продолжает оставаться страной — поставщицей сырья. Экспортируется сахар, чтобы импортировать конфеты; экспортируется кожа, чтобы импортировать обувь; экспортируется железная руда, чтобы импортировать плуги... Все согласны с тем, что существует насущная необходимость индустриализовать страну, что необходимы химические предприятия, необходимо улучшить племенное стадо, посевы, технику и производство наших продовольственных товаров, чтобы они могли выдержать разорительную конкуренцию со стороны европейских предприятий, изготавливающих сыр, сгущенное молоко, ликеры, масло, а также со стороны американских предприятий, производящих консервы; мы нуждаемся в торговых судах, туризм может стать для нас огромным источником богатства. Но владельцы капитала требуют, чтобы рабочие терпели любое угнетение, правительство бездействует, а индустриализация откладывается до греческих календ⁴».

Я процитировал фрагмент знаменитой речи Фиделя Кастро «История меня оправдает», произнесенной 12 октября 1953 года на суде после провалившегося штурма казармы Монкада. Фиделя, руководившего этим штурмом, тогда все-таки осудили на 15 лет заключения, но под давлением общественного мнения через 22 месяца амнистировали. А потом кубинские патриоты снова собрались с силами, подняли народ и выдворили-таки из страны «иностраных инвесторов» вместе с диктатором, для которого такое инвестирование было в порядке вещей.

Как развивались события на Кубе в последующие полвека — это уже другая тема, и ее не следует упрощать, объясняя кубинские беды диктаторскими замашками Фиделя и пороками социализма⁵. А здесь я вспомнил о кубинском никеле лишь затем, чтобы «на пальцах» показать, как работают «иностранные инвесторы», вкладываясь в сырьевую экономику. И не следует думать, что это какой-то особенный пример: такова общая закономерность. Можно, конечно, вспомнить Ильфа: «Бойтесь данайцев, приносящих вам яйцев», но лучше их не бояться, а просто понимать, что инвесторы не благотворители, они приходят не затем, чтобы, помогая экономически слабой стране, создать себе конкурента, а чтобы хорошо заработать, этой самой слабостью прежде всего и воспользовавшись. Ну, и пусть себе зарабатывают, если сами что-то нужное делать не умеем, но держим ситуацию под контролем и получаем от «варягов» пользу. Однако опасно пускать в дом «квартиранта», который ведет собственную экономическую политику, не считаясь с интересами хозяев.

Ситуация, согласитесь, была похожа на ту, что мы имеем в нынешней России: у нас сейчас иностранные инвесторы тоже хорошо зарабатывают. Какие барыши они получают, вкладываясь в «великую сырьевую державу», пусть подсчитают экономисты, которые «в теме», а что такая «помощь загранич^{ий}» помогает развивать российскую экономику ничуть не больше, нежели американский никелевый комбинат в кубинском Никаро, видно хотя бы уже по тому признаку, что все без исключения громко заявляемые то Путиным, то Медведевым, то сно-

⁴ <https://www.rulit.me/books/istoriya-menya-opravdaet-read-329678-14.html>. С. 14.

⁵ Я достаточно подробно разбирался в кубинской ситуации в статье «Опыт о скрепах» // Урал, 2015, № 9.

ва Путиным экономические «инициативы» — про «удвоение ВВП к 2010 году», про «стратегию 2020», «четыре И» и прочие «майские указы» — одна за другой тихо и бесславно проваливаются. Инициативы, может, и хороши, но инструментов для их реализации у правительства нет.

Несостоятельность экономической политики нынешнего российского руководства в очередной раз наглядно выразилась в недавней попытке сбалансировать бюджет за счет пенсионеров. Реакция населения страны была столь бурной, что в обсуждение взрывоопасного проекта — разумеется, как всегда, в роли защитника интересов народа — пришлось вступить президенту, который до того наблюдал за законодательным экспериментом медведевского правительства как бы безучастно. Подробности опушу: они еще свежи в памяти читателя. Опять же, не буду гадать, какими последствиями для страны обернутся пенсионные страсти, спровоцированные недалевидным правительством, — не о том пишу. Ключевую сегодня для страны проблему вижу в другом: можно ли, проиграв вчистую экономическую войну, надеяться отыграть, возрождая «оборонку» и не имея внятной экономической программы? А главное: можно ли без войн и революций возродить суверенитет в сфере экономики, обрести силу и право самим распоряжаться своими ресурсами, строить самостоятельную, на пользу отечеству, экономическую политику? Сразу скажу: на мой взгляд, можно, только вряд ли с ракет тут надо начинать.

Размышляя над этим вопросом, хочу предложить читателю не умозрительные выкладки, а опирающийся на подлинные документы рассказ о том, как экономическая проблема, очень похожая на те, что кажутся неразрешимыми сегодня, решалась — и успешно разрешилась! — в начале XX века. Думаю, любознательный читатель найдет в ней повод поразмышлять и о том, почему Россия стала тогда мировым лидером по темпам экономического роста⁶, а нынче наше Минэкономразвития считает своим большим достижением, если ВВП страны подрос за год хотя бы на полтора процента — при общемировых темпах 3,5 процента. Причем это «достижение» — результат не продуманной стратегии, а случайного везения: просто по причинам, от усилий наших чиновников никак не зависящим, временно поднялись мировые цены на энергоносители. А могли бы и упасть, как уже не раз бывало на нашей памяти.

«Русский металл» — не для России?

На первых порах история с платиной в России была очень похожа на историю с кубинским никелем: природные запасы драгоценного металла, неожиданно открытые на Урале в 20-х годах XIX века, были не просто большими — они многократно превосходили разведанные к тому времени запасы платины во всех других странах мира, вместе взятых. Но Россия не умела воспользоваться этим богатством.

Да его и богатством поначалу не считали. Не только, кстати, у нас. До того, как платиной всерьез заинтересовалась наука, с ней сталкивались золотодобытчики на разных континентах, но не находили ей применения; обычно она им просто мешала. Испанцы, промывавшие золотоносные пески в реках Колумбии, воспринимали ее как «сорный» металл и потому обозвали «серебришком» (ибо именно так переводится слово *el platino*), его поначалу просто выбрасывали в реку. А уральские старатели приспособились эти тяжелые серовато-серебристые крупницы использовать в качестве охотничьей дробы.

В 30-х годах XVII века испанский математик и путешественник А. Ульоа вывез горстку колумбийского «серебришка» в Лондон и предложил британ-

⁶ Но не по абсолютным цифрам — это надо особо подчеркнуть. По уровню промышленного развития мы тогда настолько отставали от лидеров мировой экономики, что заверения некоторых нынешних публицистов, что, мол, если бы не «большевистская» революция, то мы лет через двадцать обогнали бы Америку, — нельзя воспринимать иначе, как преднамеренное искажение реальности.

ским ученым задачку «на засыпку»: под молотом не дробятся и не сминаются, в кислотах не растворяются, в самом жарком пламени не плавятся — что это такое? Молва о неподатливых минеральных зернах из Нового света постепенно распространилась из английских лабораторий по всему ученому миру, задача вполне бескорыстно увлекла многих естествоиспытателей. Но полтора века европейская наука экспериментировала с колумбийским «серебришком», пребывая в ложном убеждении, что только там, а больше нигде в мире, этот загадочный минерал и существует. И вдруг его в немыслимых количествах нашли на Урале. Не то слово — «нашли»: опознали!

Но даже и после того, как это случилось, ценность обретенного клада далеко не сразу была осознана. Природной красотой, подобно золоту, самородная платина не обладала, интереса у ювелиров не вызвала. Интересный материал для лабораторных опытов, забава для ученых — так много ли у нас тогда было лабораторий, велик ли был спрос? А отечественная промышленность до платины к той поре не доросла — далеко еще было до ее промышленного применения.

Впрочем, и в Европе к ней тогда только еще присматривались: кажется, дальше химической посуды и экспериментальных изделий, демонстрирующих степень развития технологий обработки неподатливого металла, дело не шло.

Но главным препятствием, которое долго не позволяло оценить уникальные физико-химические свойства платины, было состояние, в котором она встречалась в природе. Зерна природной (самородной, сырой, шлиховой) платины — это не чистый металл, а сплав металлов платиновой группы (иридий, палладий, осмий и др.) с никелем, медью, цинком, железом, другими элементами. Не со всеми сразу, разумеется, а в разных сочетаниях. Как сумела сплавить их природа — это тайна геологической истории, измеряемой миллионами лет. А европейские ученые полтора столетия ломали голову над тем, как расплавить эти зерна: все практикуемые тогда лабораторные средства не позволяли поднять температуру до порога их плавления. И ковке они не поддавались, и в кислотах не растворялись. А когда научились плавить и растворять самородную платину, встал другой вопрос: как разделить компоненты природного сплава, выделить каждый из них в химически чистом виде, ибо каждый металл платиновой группы драгоценен и просто ценен сам по себе, у каждого — уникальный набор физико-химических свойств, раскрывающих неведомые прежде возможности при разработке научно-лабораторного оборудования и технических устройств. Медленно и трудно отрабатывалась технология аффинажа (то есть очистки и разделения) самородной платины, и тот, кто этой технологией овладевал, держал ее в строжайшем секрете, ибо она была чем-то вроде философского камня алхимиков: позволяла превратить невзрачный природный материал в драгоценный металл.

Вот тут напрашивается параллель между кубинским никелем и российской платиной. Правда, в первом случае национальное богатство уплывало за кордон из-за того, что у Кубы не было достаточных энергетических мощностей, а во втором, то есть у нас, из-за того, что не владели технологией аффинажа, но в обоих случаях национальное достояние доставалось иностранным инвесторам, а тем, кому оно было даровано природой, от него перепадали крохи.

Как наживались американцы на кубинском никеле, точных цифр под рукой у меня нет, а цифры о русской платине, которые мне встретились в одной давней публикации, просто ошеломляют. Автор⁷ ее, ссылаясь на немецкого профессора Бархерда, утверждает, что «платина, при цене в 300 марок за килограмм сырой платины в России, продавалась после переработки в Германии в среднем по 3000 марок за килограмм. Так как аффинаж стоил около 40 марок за килограмм, то доход германских капиталистов на уральской платине равнялся примерно 900% от стоимости сырой платины». Ничего себе? Подобный «навар» имеют разве что нынешние наркобароны.

⁷ Кржеминский К. Значение уральской платины на мировом рынке // Серп и молот: Еженедельник. — Екатеринбург, № 5, 8 мая 1920 г. С. 40.

Когда и где сам Бархерд привел эти цифры, в упомянутой публикации не сказано, но то обстоятельство, что иностранные инвесторы не помогали России развиваться, а откровенно жировали на российском платиновом сырье, причем десятилетиями, подтверждается и другими источниками. В частности, Д.Н. Мамин-Сибиряк в очерке 1890 года «Платина» пишет, что «в общей сложности количество добытой на тагильских промыслах платины достигает почтенной цифры в 5262 п[удов]. Это такая громадная цифра, которая одна стоит всего Тагильского округа, вместе с его одиннадцатью заводами, Высокой горой, Медным рудником и каменноугольными копиями. <...> К сожалению, все это богатство уплыло с Урала в Англию, куда вся тагильская платина поставлялась по контракту, кажется, фирме Матэй⁸. Собственно Тагильские заводы получили за свою платину расколотый грош. Такова уж судьба величайших национальных сокровищ, и Тагильские заводы здесь являются не хуже и не лучше других своих собратьев⁹.

Ситуация с платиной была просто вопиющей: более девяноста процентов (существует цифра: 96%¹⁰) сырой платины на мировой рынок поступало тогда из России, поэтому нередко даже зарубежные партнеры называли ее «русским металлом», а распоряжались ею англичане, немцы, французы. А россияне в дележе российского национального достояния не принимали участия даже не только потому, что не владели секретами аффинажа: их к этому лакомому пирогу уже просто не подпускали.

Известен, к примеру, такой случай. В 1910 году при Горном департаменте Министерства торговли и промышленности России была создана комиссия по аффинажу. И тогда германский посол Пурталес выразил неудовольствие российскому премьеру Столыпину (как уже в постсоветское время американский вице-президент Альберт Гор — Черномырдину по поводу «ножовки Буша»): дескать, собираетесь нарушить российско-германский торговый договор 1905 года! Наверно, пообещал какие-нибудь «асимметричные» меры. И «несгибаемый» П.А. Столыпин дрогнул: комиссию пришлось распустить¹¹.

Читатель, наслушавшийся баек про «цивилизованный рынок», может предположить, что между теми, кто дорвался до платинового «пирога», установились стабильные партнерские отношения. Как бы не так — при таких-то прибылях. Да за такие проценты они горло готовы были друг другу перегрызть.

Вот характерный эпизод конкурентной борьбы. В самом конце XIX века претензии на участие в разграблении российских платиновых богатств заявили французы. Англичане, безраздельно господствовавшие тогда на «пире» хищников (а хозяева тех богатств просто не принимались в расчет), не имели юридических прав захлопнуть входную дверь перед носом конкурентов, но боевые искусства рынка, в которых они поднаторели, были сильнее юриспруденции. Компания «Джонсон Матти» резко повысила закупочные цены на сырую платину и оставила французов с носом. Ну, а после извращения от соперников надо же было возместить убытки, потраченные на операцию изгнания конкурентов, и англичане сбросили закупочные цены заметно ниже прежних отметок. Других покупателей сырой платины, кроме них, на рынке не было: назначай любую цену — куда денутся?

Однако французы, выражаясь изысканным языком современной российской «элиты», отнюдь не были «лохами». Упав на татами, они перебросили соперника через себя, чтобы тут же положить его на обе лопатки. Говоря без экивоков, французский синдикат «Compagnie industrielle de Platine. Société Anonyme» в 1899 году учредил в Петербурге на правах своего агентства «Анонимную платиновую компанию», которая получила «законное» право заключать договоры на эксплуа-

⁸ Jonson Matthey Public Limited Company. Эта фирма существует по сей день, нынче ее в русскоязычной литературе принято называть «Джонсон Матти».

⁹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Платина / Мамин-Сибиряк Д.Н. Статьи и очерки. — Свердловск: Свердловгиз, 1947. С. 398.

¹⁰ См.: Кржеминский К. Цит. соч. С. 34–35.

¹¹ См.: Соловьев Ю.И. Николай Семенович Курнаков. — М.: Наука, 1986. С. 191.

тацию уральских платиновых приисков, а то и вовсе их покупать¹². И правом этим компания воспользовалась сполна: есть сведения, что в 1909 году французы контролировали уже 93,9 процента всей платины, добываемой на Урале¹³. Даже после революции 1917 года позиции «Анонимной компании» не сразу пошатнулись, ибо сроки договоров в некоторых случаях истекали где-то в конце 1920-х годов.

Пожалуй, не так возмутителен самый факт грабежа (а чего еще вы ожидали от «цивилизованного рынка?»), как цинизм, с которым совершалась эта операция. Как-то так интересно получалось, что российские хозяйственные структуры, по дешевке продававшие иностранцам драгоценную платину, им же, этим уважаемым перекупщикам, оставались еще и должны. Скажем, Нижне-Тагильский посессионный округ в 1910 году был должен упомянутой французской «Анонимной платиновой компании» 2203 тыс. руб.¹⁴

Даже сейчас, спустя более ста лет, читатель возмутится таким беспределом: куда, дескать, смотрело правительство? Современники же тех событий реагировали еще острее: для них это был не просто грабеж, но и знак национального унижения. Однако важнее всяких эмоций было понимание того, что отчуждение «русского металла» от России лишает страну возможности приобщиться к мировому научно-техническому развитию. Ибо передовая научная мысль уже тогда видела в платине ключ к технологиям XX века. Д.И. Менделеев писал: «Платина настолько необходимый во всех отраслях новейшей промышленности металл, что государство должно взять его эксплуатацию в свои руки, и мы убеждены, что это и будет со временем».

И «царское правительство» (закрываю это расхожее выражение в кавычки, потому что не очень-то оно было «царское»: экономической политикой Российской империи руководили выдающиеся умы), конечно, все это прекрасно понимало, но ничего поделать не могло. Не имея своих платино-аффинажных предприятий, страна стояла перед выбором: либо мы вывозим сырье, либо этот ресурс останется вообще невостребованным. Узнаёте ситуацию?

Конечно, искали выход из положения. В частности, заключаая договор с «Анонимной компанией», Министерство торговли и промышленности не только позволяло французам покупать на Урале и самим разрабатывать платиновые прииски, а также скупать платину, добытую другими заводчиками, но и обязывало их построить в Екатеринбурге платино-аффинажный завод. Требование разумное, и за сто с лишним прошедших с тех пор лет государственные экономические стратеги ничего нового придумать не смогли. Почитайте хотя бы закон об иностранных инвестициях, принятый у нас в 2009 году, — его стержневая мысль состоит в том, что инвесторы придут и уйдут, а построенные ими предприятия, привнесенные ими современные технологии останутся. Так что продуманный был договор с французами; беда лишь в том, что французы, конечно, изначально не думали его исполнять. То есть платиновые прииски они «выдаивали» усердно, а с аффинажным заводом, который, казалось, им самим позарез нужен, все тянули, тянули... И построили-таки его в конце концов... в Париже.

Аффинажный завод в России им был категорически не нужен — равно как и американцам завод для переработки кубинского никелевого концентрата на Кубе. Он не только лишил бы их баснословных прибылей, но, пожалуй, и само существование компании утратило бы смысл. Зачем же они согласились на включение пункта о заводе в договор с российским министерством? Думаю, в качестве превентивной меры против возможных конкурентов. Вдруг кто-то

¹² Если уж добытая каторжным трудом приисковых рабочих платина шла за бесценок, то покупать платину в недрах было вовсе не разорительно. Например, екатеринбургский золотопромышленник Сергей Николаевич Стрижов 4 мая 1915 года приобрел пять приисков всего за 140 руб. 40 коп. (Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 172. Оп. 1. Д. 1. Л. 68.)

¹³ См.: Филатов В.В. Тайны «горного ведомства». — Екатеринбург: ПАКРУС, 2000. С. 82.

¹⁴ См.: Вяткин М.П. Горнозаводской Урал в 1900–1917 гг. — М.; Л.: Наука, 1965. С. 274.

сунется со своими предложениями — а тут договор! Который, правда, они не собираются выполнять, но попробуйте это юридически доказать? Юридически они место надежно застолбили.

Вы думаете, что за минувшие сто лет инвесторы-«варяги» сильно изменились? Да уже один тот факт, что ритуальные пожелания наших экономических стратегов поставлять на мировой рынок только продукцию глубокой переработки остаются пустым звуком, доказывает, что традиционный слоган «заграница нам поможет» — был и остается формулой обманчивых иллюзий.

И все же «царское правительство» было трезвее и ответственнее нынешнего. Как только истек срок (в 1913 году) того самого российско-германского договора по платине, которым германский посол «пригнул» П.А. Столыпина, российская сторона продлевать его отказалась. Мало того, 20 декабря 1913 года был издан закон, которым устанавливалось создание аффинажа в России и даже вводилась пошлина на вывоз шлиховой платины. Пошлина, правда, устанавливалась не «заградительная», ибо какой высоты нужно было возвести барьер, чтоб он мог защитить от «инвесторов», рвущихся за девятикратной прибылью? Но издание закона не равноценно созданию завода, и пока сами аффинировать платину не научились, даже и применить ее в промышленности не умели, ибо не было у нас в то время такой промышленности, где без платины не обойтись, — продавать сырую платину хотя бы за бесценок все равно приходилось. Так что введение тех пошлин было не столько экономической мерой, сколько политическим жестом — успокоительным сигналом перевозбужденному общественному мнению.

А в экономическом плане платиновая проблема казалась неразрешимой.

И вдруг произошло событие, при нынешних морально-экономических порядках, по-моему, просто невозможное, но оно и тогда многих удивило. Достаточно сказать, что о нем вспоминает как о некоем казусе Н.К. Высоцкий, крупнейший российский и советский геолог конца XIX — начала XX века, большой знаток платиновой проблемы: «...Вместо того, чтобы построить, как бы следовало, казенный завод, министерство торговли и промышленности вошло в соглашение (в августе 1914 года) с Акц[ионерным] О[бществ]ом Николае-Павдинского округа об устройстве и оборудовании в гор[оде] Екатеринбурге завода»¹⁵.

А почему завод «следовало» строить казне? Никаких пояснений на этот счет Высоцкий не делает, ибо это, надо полагать, ему и его читателям было очевидно: платина — металл стратегический, заниматься ею — как, например, и эмиссией денег, — должно государство, казна. Правда, книга его вышла уже после тотальной советской национализации, однако новая идеология тут ни при чем: так же считалось и до революции.

Необычность ситуации подчеркнута и в одном из ключевых документов того самого Общества, которому министерство доверило заняться решением платиновой проблемы в России: «Постройка завода для аффинажа платины вызывается предоставленным Обществу, на основании высочайшего повеления от 14 мая 1914 года, разрешением на сооружение, *взамен казенного* (курсив мой. — В.Л.), частного аффинажного завода, действующего под непосредственным наблюдением Правительства, с предоставлением права наложения клейм — пробы на платину, что непосредственно вызовет приток платины для аффинажа на завод Общества»¹⁶.

Заметьте: речь идет не о предписании, а о разрешении, да еще с наделением «правом наложения клейм», — такой «госзаказ» не получают на основе простого заявления: его добиваются. И вот тут заключена главная интрига этой давней истории: что же это была за компания, которая бралась за решение проблемы государственного масштаба, не поддающейся, как мы видели, решению усилиями государства? И почему ей поверили?

¹⁵ Высоцкий Н.К. Платина и районы ее добычи. Часть первая. — Платина в промышленности и торговле. — Петроград, 1923. С. 34.

¹⁶ ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 22. Л. 4.

Где-то в тайге...

Где находится поселок Павда, сегодня и редкий уралец скажет, да и никогда у этого селения не было бурной, у всех на виду, жизни. Основанный более четырехсот лет назад как застава у государевой Бабиновской дороги, он, после упразднения этой дороги, перебивался случайными заработками. Одно время Павда кормилась при небольшом медеплавильном заводеке верхотурского купца Максима Походяшина, потом предприниматель из клана Пастуховых построил тут заводик железоделательный. А когда и тот закрылся, не выдержав конкуренции с пошедшей в бурный рост южнорусской металлургией, всю павдинскую территорию — горный округ площадью в 330 тысяч десятин — купил за 2,1 млн руб. разворотливый астраханский рыбопромышленник К.П. Воробьев, который затеял тут лесопромышленное хозяйство: щедро выделил средства на оборудование по последнему слову техники двух лесопильных заводов и на строительство узкоколейки до железнодорожной станции, чтоб вывозить продукцию этих заводов в западные губернии России и в Европу. В ближайшей перспективе предполагалось и создание бумажной фабрики.

Имелись в уральском имении купца Воробьева и платиновые россыпи, но, похоже, владелец особой ставки на них не делал: какой-то «приварок» дают — и ладно. Поэтому разрабатывались они самым примитивным старательским способом. Документальное свидетельство о том оставила комиссия из губернского города Перми, побывавшая на двух павдинских приисках в декабре 1902 года. Составленная ими справка хранится в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО). Вот небольшие фрагменты из нее:

«Две казармы для рабочих совершенно не удовлетворяют существующих на сей предмет требований и подходят скорее к типу временных построек, а не постоянного жилья для рабочих <...> Казармы, каждая из одного общего для мужчин и женщин помещения, тесны, темны, с выходом прямо наружу, без сеней и даже без крыльца, с одинарными оконными рамами, с малыми чугунными печками, по одной в каждой казарме, посередине помещения. Печи эти служат в то же время для приготовления пищи. Сырое белье и платье сушатся в том же помещении. Нары не подъемные и без разделения. Пол из тонких бревен со стесанными горбинками, почему поверхность его неровная и желобочная»¹⁷.

А вот как выглядело одно из самых, казалось бы, необходимых для здоровой жизни «удобств». На прииске, где зимой работают несколько менее двухсот, а летом более трехсот человек, «имеется баня 5-ти аршин длиною и шириною (чуть больше 12 кв. м. — *В.Л.*), внутри с низким потолком, в ветхом или плохо сложенном срубе со сквозными щелями, с маленьким грязным окошком, со сломанными стеклами, уже вывалившимися, с квадратной дырой в стене, прикрытой доской и веником, и с прорезом для другого окна, прикрытым, вместо стекла, досками со сквозными между ними щелями. Вместо печи — так называемая черная каменка, без трубы, и весь дым от топки поступает в банное помещение. Предбанника нет, дверь прямо наружу, внутри грязно»¹⁸.

Ну, и вот еще небольшой фрагмент о приисковой «медицине»: «В приисковой конторе имеется одна комната, с выходом прямо в холодные сени, которая и именуется приемным покоем и где нет даже форточек на окнах. В ней живет служащий Гавриил Шмаков, исполнявший в военной службе, по его словам, обязанности младшего медицинского фельдшера, но не получивший специального образования. Хотя в потребных случаях Шмаков выступает на прииске в качестве фельдшера, но он в то же время исполняет обязанности штейгера и помогает отпускать провиант рабочим»¹⁹. Дальше идет подробное описание этого «лечебного учреждения»: скудный запас лекарств в нестерильных упаковках, гигроскопическая вата, завернутая в грязную бумагу, единственная кровать с тюфяком, набитым сеном, и двумя подушками, набитыми соломой,

¹⁷ ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1. Л. 46.

¹⁸ Там же. Л. 40.

на все случаи жизни — три полотенца и одна простыня. Носилок нет, даже градусника нет...

Возможно, эти сведения не так уж важны для развития сюжета моего повествования, но я подумал, что с этим документом полезно познакомиться воздыхателям по «России, которую мы потеряли» и которая в их сознании почему-то символизируется этакой белоколонной барской усадьбой среди цветущих лип...

Однако я привел небольшие выдержки из обстоятельного архивного документа не столько для общего просвещения читателя, сколько чтобы показать, в каком состоянии пребывало уральское имение предприимчивого астраханского купца в самом начале XX века. Дела там в целом шли успешно, но добыча платины была занятием непрофильным, особых надежд на нее не возлагалось — отсюда и способ хозяйствования, для того времени, думаю, не столь уж и диковинный.

Константин Петрович в 1908 году умер; его многочисленные наследники разумно решили не делить налаженный хозяйственный организм, а образовать на его основе акционерное общество, которым будет руководить толковый хозяйственный организатор, который, возможно, уже был у них на примете. «Общество открыло свои действия», как говорится в первом докладе правления собранию акционеров, 7 июля 1912 года. Активы, которыми оно располагало на тот момент, состояли из территории около 330 тысяч десятин, почти сплошь покрытой лесом, двух лесопильных заводов и собственной узкоколейки протяженностью 70 верст. И это «почти все, что общество застало на месте в момент перехода предприятия в собственность Общества»²⁰. За этим «почти» скрываются, в частности, платиновые прииски, с которыми читатель уже познакомился, а также — хоть такие «активы» в отчетных документах не фиксировались — неординарный директор-распорядитель, которого им удалось где-то отыскать.

«Выпавший из истории» Борисов

Тут стоит обратить внимание читателя на лингвистический казус, сыгравший роковую роль в судьбе постсоветской России. Идеологи либерально-рыночных реформ убеждали общественность в том, что единственной и неотложной мерой, позволяющей оживить захиревшую при социализме экономику страны, должна быть приватизация: дескать, «эффективные собственники» заставят предприятия работать в полную силу их возможностей. Лукавство этого утверждения заключалось в подмене понятий: речь должна была идти об эффективных хозяевах, ибо «собственник» и «хозяин» — вовсе не одно и то же. На бытовом уровне (соответственно, и в разговорной речи) эти понятия могут совпадать, на чем и сыграли реформаторы; они нередко совпадают и при зарождении хозяйственных начинаний национального и даже мирового масштаба (тут можно вспомнить хоть первых Демидовых, хоть Билла Гейтса). Однако владение собственностью (наследственной или полученной путем каких-либо жульнических махинаций, что было очень характерно для наших 1990-х) само по себе человека эффективным хозяином не делает.

О собственниках, «эффективно» транжирящих деньги, доставшиеся им без труда, я уже писал в недавней публикации в «Урале»²¹. Писал также и о том, что экономическая успешность предприятия определяется не тем, кто является его собственником, а тем, как оно управляется, насколько профессионален и каков в деле его «властный распорядитель» (по выражению В.И. Дала). Поэтому не жульническая приватизация (как при вступлении во второй российский капитализм), а акционирование предприятий, то есть передача рычагов управления ими от частных владельцев квалифицированным управленцам, стала одним из определяющих факторов развития отечественной экономики на взлете первого российского капитализма — в конце XIX — начале XX века.

¹⁹ Там же. Л. 44 об.

²⁰ ГАСО. Ф. 172. Д. 6. Л. 2.

²¹ Лукьянин В.П. Праздники и будни в великой сырьевой державе // Урал. 2018, № 11.

Стать собственником — дело случая (или мошенничества, как часто бывало у нас в 1990-е годы); быть собственником — тоже дело нехитрое. А быть хозяином — творческая работа, требующая высокой квалификации, полной самоотдачи и особого таланта. Стимулы хозяйствования не укладываются в тупую матрицу монетизации. Хорошие хозяева встречаются, наверно, еще реже, нежели хорошие поэты. Вот почему акционирование само по себе еще не решение экономических проблем. Но если в роли «властного распорядителя» акционерного общества оказывается настоящий хозяин — это важнее всех прочих «активов», которыми оно располагает. (Думаю, и применительно к экономике всей страны эта истина верна.) Успех Николае-Павдинского акционерного общества, судя по всему, тем и определился, что его исполнительным директором оказался Александр Александрович Борисов — настоящий хозяин.

Имя этого замечательного человека за прошедшие сто лет было наглухо забыто — потому, я думаю, что его промышленно-организационная деятельность не вписывалась в стереотипные советские представления об устройстве и ведении капиталистического хозяйства. Даже в советских версиях истории первого в России аффинажного завода, который именно он придумал и который при его живейшем участии был построен, Борисов не упоминается совсем. Но из архивных документов, относящихся к истории Николае-Павдинского общества и к строительству Екатеринбургского аффинажного завода²², совершенно очевидно, что без Александра Александровича Борисова «тут ничего бы не стояло».

О «выпавшем из истории» Борисове за пределами его служебной деятельности мне, к сожалению, мало удалось узнать. Упоминание о наиболее ранней ступени его карьеры я нашел в одном довольно давнем краеведческом издании: в 1912 году в Николае-Павдинский округ приехали четверо руководителей только что учрежденного акционерного общества, чтобы на месте обсудить проблемы лесного хозяйства; Борисов был в их числе²³. Он занимал тогда должность главного инженера Общества; из других источников выяснилось, что было ему в то время уже 39 лет, а как он прожил предшествующие почти четыре десятилетия — мне практически ничего не удалось выяснить²⁴. Разве что один достойный удивления факт: главный инженер большого хозяйства не имел инженерного диплома. Мало того, образование его было, как выяснилось из более позднего документа, — «школа I ступени». Выходит, происхождения он был самого простого, «собственником» отнюдь не был, но умом и хозяйственной сметкой наделен был щедро. Такие случаи были не единичны в дореволюционной России, где с образованием были проблемы, но реальные деловые качества предпочитали формальному знаку компетентности — «бумажке».

Главную отличительную черту А.А. Борисова как хозяйственного стратега емко охарактеризовал Н.Н. Барабошкин — его главный деловой партнер по платиновой эпопее (о нем — чуть позже): «размах и широкое представление деловых интересов». Если сравнить хозяйственную деятельность с шахматной игрой — Александр Александрович вел партию, не соблазняясь взять следующим ходом лишнюю пешку, да хоть бы даже и слона: он держал в голове все поле сражения и рассчитывал развитие событий на десять ходов вперед. При этом умел «выворачивать» ситуацию наизнанку: находить преимущества в, казалось бы, невыгодном расположении фигур и, скажем так, отдавать ферзя за пешку ради мата противнику через два или три хода. Если говорить без иносказаний, Борисов вел хозяйство, не оглядываясь на шаблоны и творчески, не чуждаясь и риска, управляя ресурсами, которые были в его распоряжении.

²² Нынче Екатеринбургский завод по обработке цветных металлов.

²³ См.: Горбунов Ю.А., Голдин В.Н., Новопашин С.А., Ермолаев В.Н., Лепаловская Л.С., Шешина Т.В. На Тавдинских пристанях: Культурно-исторические очерки. — Екатеринбург: Сократ, 2007. С. 401.

²⁴ К сожалению, мало известно и о его судьбе после революции: некоторое время проработал на аффинажном заводе в Екатеринбурге, потом был переведен в «Главзолото», в Москву, но как сложилась его судьба дальше — не знаю.

Впервые появившись в округе, он считал необходимым сразу же оценить не только состояние текущих дел, но и выявить возможности дальнейшего развития. В зафиксированном краеведами эпизоде он обсуждает с коллегами лесохозяйственные проблемы округа. Но в этой сфере все развивалось по плану, намеченному еще покойным Н.К. Воробьевым, и менять что-то не было нужды, следовало лишь завершить оборудование бумажной фабрики, чем Борисов и занялся. Но истинный хозяин не мог не обратить внимание на платиновые прииски: производство для округа не профильное, примитивно организованное, на общем фоне добычи драгоценного сырья на Урале вроде бы не очень и заметное (24 пуда шлиховой платины в год, тогда как весь Урал поставлял на рынок уже около 400 пудов), а между тем от него Общество получало уже четверть своих доходов. А каков реальный потенциал этой отрасли акционерного хозяйства?

Деловой стиль Борисова не позволял такие вопросы разрешать на глазок: немедленно была организована оценка ситуации на самом высоком профессиональном уровне. Сумели получить консультацию у Луи-Клода Дюпарка — женевского профессора-минералога (только что избранного тогда членом-корреспондентом Российской академии наук). Никто больше, чем он, не знал о месторождениях российской (уральской!) платины: на протяжении пятнадцати лет ученый ежегодно совершал вместе со своими студентами геологические экспедиции по Уралу: для них богатая практика, а для него апофеоз профессиональной работы. Ученый открыл ряд крупных платиновых месторождений, в его честь уже в наши дни назвали Дюпарковым камнем одну из горных вершин Северного Урала. А еще руководители Общества пригласили поработать в качестве ассистента при заведующем приисками англичанина Р.С. Ботсфорта. Сопоставив мнения экспертов, А.А. Борисов и его сподвижники твердо установили: в недрах Николае-Павдинского округа таятся самые крупные на Урале (а тогда и в мире) запасы драгоценного металла. После такого исследования упомянутые выше 24 пуда шлиховой платины в год руководством Общества оказались величиною «совершенно несоответственной».

А раз так — они приняли решение перевести добычу платины на современный уровень. Заказали на Путиловском заводе драгу «самого усовершенствованного типа». Путиловцы сработали без промедления: уже зимой 1913/14 года агрегат по замерзшим таежным хлябям был доставлен к месту эксплуатации. Пока его строили и доставляли, правление Общества успело заказать еще две драги в Америке — гораздо более мощные, в России такие не строились. Однако, технически вполне достойно вооружившись, разворачивать сразу в полную силу свои «боевые порядки» павдинские стратеги не поспешили, боясь резким увеличением добычи сбить цену на сырую платину на мировом рынке. Но намерение закупить еще три таких же драги держали в уме.

Заметьте: речь пока что шла о сырой платине. Вопрос о строительстве аффинажного завода руководством Общества в первые годы официально не рассматривался, потому что этот путь для России вообще был перекрыт: французская «Анонимная компания» зорко отслеживала все ближние и дальние подступы к этой проблеме. Однако закон от 20 декабря 1913 года, видимо, вызвал у А.А. Борисова вспышку озарения: а почему бы созданием российского аффинажа не заняться им, Николае-Павдинскому обществу? Дело для России было абсолютно новое, неизвестно, как к нему и подступиться, но Александр Александрович был из тех руководителей, кто не взвешивал заранее: получится — не получится, а брался за дело с убеждением, что раз надо, то получится обязательно.

Как скоро он обратился в Министерство торговли и промышленности со своей идеей, в архивных документах не отражено, но, думаю, не мешкал. На многие вопросы ответов у него еще не было, но не с них следовало начинать: главное на первом этапе было убедить чиновников, что можно строить завод «частный, взамен казенного» и что Николае-Павдинское общество для этой миссии очень даже подходит. Думаю, при этом обсуждались два ключевых вопроса — они получили отражение в архивных документах. Первый — что частный завод будет действовать «под непосредственным наблюдением правительства».

Предоставленное ему право наложения клейм будет осуществляться пробирером — фактически государственным чиновником, назначенным министерством. Второй — что не очень заметное присутствие Николае-Павдинского общества на платиновом рынке является не минусом, но, напротив, большим преимуществом компании: оно позволяет обойти стороной те меры защиты своего монопольного положения на платиновом рынке, которыми оградила себя французская «Анонимная компания». Более крупные добытчики драгоценного металла «находятся в соглашении с одной иностранной компанией и в отношении платины ею контролируются», а «наше общество сохранило свою независимость»²⁵. Не знаю, приводил ли Александр Александрович еще и такой довод в разговоре с чиновниками, но держал в уме точно: если бы французы, контролирующие более 90 процентов добычи платины на Урале, задумали удушить построенный вразрез с их интересами аффинажный завод, перекрыв ему поступление сырья (а такая возможность у них была), то павдинцы, запустив на полную мощность имеющиеся у них драги да закупив еще столько же таких, никаких проблем с сырьем не ощутили бы. Напротив, с появлением столь мощного конкурента проблемы возникли бы у самих французов.

Аргументы Борисова были просты и неотразимы, но ситуация для министерских чиновников была непривычна. Если бы с самого начала они предполагали перепоручить решение платиновой проблемы частной компании, то о лесопромышленниках из Павды вспомнили бы, вероятно, в последнюю очередь. А для Борисова даже и несоответствие «платиновых амбиций» основному профилю Общества было не минусом, а плюсом: значит, дерзкий платиновый проект будет не таким уж рискованным для акционеров: не оправдается рискованная затея с платиной — останутся гарантированные дивиденды от древесины и бумаги.

Тем не менее переговоры Борисова с министерством затянулись более чем на полгода, но это был совсем неплохой результат. Трудно сказать, сколько бы времени они длились и завершились ли бы успехом, если бы распорядительный директор не обратил на пользу делу одну особенность управления акционированным производством, которую многие тогда не без оснований считали порочной. Так, В.Е. Грум-Гржимайло свидетельствовал, что обычно «заводами управляло Правление в С.-Петербурге, состоявшее или из владельцев-пешек, или из лиц вроде...» В общем, совершенно некомпетентных в заводском деле лиц²⁶. И правление акционерного общества, владеющего территорией и предприятиями в труднодоступной уральской глубинке, находилось по традиции тоже в Петербурге — на Малой Конюшенной, 7. Но ведь это же в шаговой доступности от Адмиралтейской набережной, 8, где размещалось Министерство торговли и промышленности! Александр Александрович при необходимости мог бывать там хоть каждый день и доказывать свою правоту не только на бумаге. Думаю, что все-таки пешком в министерство он не ходил, а подкатывал к парадному подъезду в добротной пролетке и респектабельной визитке. Во всяком случае, документы, в которых он излагал от имени Общества свои предложения, были всегда отпечатаны на хорошей бумаге с угловым штампом (такие документы я и читал в архиве). Он умел разговаривать с чиновниками на их языке и добиваться своего. И только поэтому, я думаю, решение о сооружении «частного, взамен казенного» аффинажного завода в Екатеринбурге состоялось.

Состоялось оно, напомним, в августе 1914 года, но дальше дело будто бы и застопорилось. По крайней мере, в отчетных документах Общества об аффинажном заводе — ни слова. Лишь в докладе за «третий операционный период (1914–1915)», датированном 27 августа 1915 года, правление обратилось к господам акционерам за разрешением кредитовать 150 тысяч рублей «на приобретение дома в городе Екатеринбурге и полное оборудование его под аффинажный

²⁵ ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Л. 4.

²⁶ Грум-Гржимайло В.Е. Цит. соч. С. 34.

завод»²⁷. По правде говоря, разрешение испрашивалось задним числом: дом (с участком земли и флигелем) был уже куплен Борисовым где-то в июле. Директор-распорядитель не останавливался перед бюрократическими заморочками, когда дело требовало незамедлительного решения. Тем не менее от получения правительственного разрешения до покупки дома ушел почти год.

Чем была вызвана столь длительная пауза? Ответ очевиден: «добро» на создание завода было получено, а что должен собою представлять завод, кто и как его будет строить — на этот счет у Борисова никакой ясности не было. Александр Александрович был убежден, что в конце концов все образуется, но хоть он и был прекрасным организатором, а волшебником не был. Где взять специалистов соответствующего профиля? Их в России просто не было, а выписать из-за границы не представлялось возможным. Тем более что ведь уже всю разгорелась мировая война, в которую ввязалась и Россия. Война заставляла потропиться с заводом, но она же создавала и неразрешимые трудности.

Какие шаги предпринимал Борисов, чтобы выйти из безвыходного положения, в архивных документах не отражено, однако нет сомнений в том, что он изучил все возможности. Между тем сроки пуска завода, обусловленные в договоре с министерством, поджимали, и, чтобы хоть как-то двинуть дело вперед, Борисов и купил упомянутый дом: видимо, к этому времени уже смог выяснить (ибо утаить такой секрет аффинажного производства было трудно, да и зачем?), что столь нужный России завод не потребует больших производственных площадей. Покупка вообще-то оказалась неудачной, но и в этом случае предприимчивый хозяин сумел превратить поражение в победу.

Если не он, то кто же?

Как Борисов вышел на Барабошкина, документальных свидетельств нет, но очень уж запутанной интриги тут не просматривается. Прорабатывая разные варианты, а их не могло быть много, он, конечно, обращался и на столичные кафедры, где так или иначе изучались свойства платины. Такие научные центры в стране были наперечет, и Александр Александрович просто не мог обойти стороной кафедру металлургии цветных и благородных металлов Петроградского горного института, которой руководил тогда профессор Николай Пудович Асеев. Там ему и указали на ассистента Барабошкина.

Николай Николаевич Барабошкин²⁸ в тот момент был уже далеко не юноша, ему шел тридцать пятый год, но инженерный диплом он получил совсем недавно, в 1915 году. А в ассистенты был зачислен (по конкурсу) еще до получения диплома. Он ходил в студентах 15 лет, но не потому, что был не способен к наукам или не прилежен в учебе: тут свою роль играли и семейные обстоятельства, и переклещивающая порой через край общественная активность, и строптивый характер. Но главное: и его самого, и работодателей того времени мало интересовала «бумажка» (диплом). В годы добровольного или вынужденного отлучения от учебы он выполнял сложные инженерные работы на разных предприятиях Урала и Сибири, а также работал в лучших лабораториях Петербурга по приглашению их именитых руководителей — светил отечественной науки. Его инженерный и научный талант проявлялись столь очевидным образом, что, когда у него появлялась возможность снова провести некоторое время на студенческой скамье, институтское начальство без особых возражений восстанавливало его в списке студентов.

Аффинаж платины интересовал Барабошкина «не по службе, а по душе»: ему было интересно взломать барьер секретности, который выстраивали вокруг своих производств даже те небольшие кустарные предприятия, где почти наугад совер-

²⁷ ГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 22. Л. 4.

²⁸ В отличие от А.А. Борисова, Н.Н. Барабошкин — фигура в профессиональных кругах хорошо известная. В частности, его жизни и трудам посвящен почти 600-страничный том С.С. Набойченко «Металлург Николай Барабошкин». — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001.

шались некие манипуляции с платиной — их с большой натяжкой можно было назвать аффинажем. Барабошкина интересовала не случайная удача, но логически осмысленный процесс. По совету профессора Н.И. Подкопаева он взял за основу метод казанского профессора Карла Карловича Клауса, который еще в 1830-е годы успешно расчленил природную платину и даже выявил в ней неизвестный до того времени науке химический элемент платиновой группы, который назвал в честь России — рутений. Идя примерно тем же путем, Барабошкин четко выстроил длиннейшую цепочку химических операций (сто двадцать переделов!), в результате которых из шлиховой платины получался металл эталонного уровня химической чистоты. Это был лабораторный результат, но, ввиду своей четкой научной выстроенности, он мог быть положен в основу промышленного аффинажа.

А.А. Борисов по наводке коллег Барабошкина по кафедре обратился к нему поначалу просто за консультацией: показал ему чертежи участка, купленного Обществом в Екатеринбурге для аффинажного завода, — дескать, годятся ли? Барабошкин дал письменный отзыв — столь конкретный и доказательный, что исполнительный директор понял две вещи: покупку они совершили неудачную, но Николай Николаевич Барабошкин — именно тот человек, которого он, Борисов, так долго и безуспешно искал.

Как складывался их дальнейший диалог, можно лишь догадываться, но интересны даты: отзыв Барабошкина на запрос Борисова подписан 4 августа 1915 года, а уже 10 августа Николай Николаевич зачислен в штат Николае-Павдинского общества в должности управляющего аффинажным заводом, который сам же и должен был построить. При этом события разворачивались так стремительно, что он просто не успел уволиться с должности ассистента Горного института с соблюдением всех положенных формальностей. Институтское руководство претензий не предъявило: начинающий преподаватель прервал свою научно-педагогическую карьеру ради ответственной работы для пользы отечества, которую в той ситуации мог выполнить только он и никто, кроме него. (Но, кстати, случился еще момент во время Гражданской войны, когда Барабошкин ненадолго возвращался на оставленную им второпях должность ассистента. До этого он успел уже поработать и доцентом в Екатеринбургском горном институте, но это отдельный сюжет.)

Идет война, а Екатеринбург строится

Все в том же августе 1915 года вновь назначенный управляющий Барабошкин прибыл к месту службы. С самого начала он совершенно непререкаемо заявил, что планируемый Обществом аффинажный завод в тех двух строениях, которые существовали на закупленном для него участке городской территории, разместить не может. Специально для завода спроектированное кирпичное здание — это было его условие, которое можно рассматривать и как ультиматум. Он даже пригрозил увольнением, если правление Общества это условие не примет. Борисов его поддержал.

Барабошкин и Борисов составили поразительно действенный и эффективный тандем, отвечающий изначальным традициям Николае-Павдинского общества: никаких уступок обстоятельствам (между тем шла мировая война и приближалась революция), ничего временного, приблизительного — все на самом высоком уровне требований. По-видимому, идеологом такого подхода был Александр Александрович; но Николай Николаевич не просто принял правила игры — он сам придерживался именно таких принципов и на иное не соглашался. Поэтому Борисов его понимал и поддерживал, когда при случае тот закупал строительные материалы, не заручившись согласием правления; по настоянию же Барабошкина Борисов закупал самое совершенное оборудование для завода за границей. Случалось, что грузы для завода, отправляемые на пароходе, скажем, из Англии, погибали в пути, а то еще и в порту отправления: война же шла. И приходилось снова и снова искать варианты, но — никаких компромиссов: уральская платина должна не только не уступать продукции зарубежных аффи-

нажных предприятий, но и превосходить ее по качеству, а для того необходимы наилучшее оборудование, самые совершенные приборы, безукоризненная лабораторная посуда и т.п.

Барабошкин видел свою задачу объемно и стремился к цели, выполняя параллельно разные работы. В одном из домов, купленных Обществом вместе с участком для завода, в самом срочном порядке была произведена радикальная реконструкция, там, не мешкая, устанавливалась промышленно-экспериментальная технологическая линия, на которой хозяйственный и научный руководитель строящегося предприятия намеревался адаптировать разработанный им в питерской лаборатории способ аффинажа платины к заводским условиям, а также подготовить персонал, которому предстояло работать на основной линии, когда она будет смонтирована в строящемся корпусе. Первый металл эталонной чистоты был получен на экспериментальной линии в феврале 1916 года.

Между тем главный корпус продолжал строиться, и по архивным документам того времени можно судить, с каким продуманным, именно хозяйским подходом, с каким пониманием ситуации в городе, в стране, в мире организовывал Н.Н. Барабошкин эту работу. Он точно рассчитал по времени, когда лучше начать земляные работы, а когда заняться заложением фундамента и кладкой стен. Этот, как сегодня бы сказали, социально ответственный подход особенно очевиден на примере координации работ по строительству корпуса аффинажного завода со строительством Уральского горного института: то и другое безотлагательно нужно стране, нельзя переходить дорогу друг другу.

Учреждение Горного института императорским указом в самый канун первой мировой войны — одна из ярких страниц не только уральской, но и российской истории предреволюционных лет. Конечно, это отдельный сюжет, но все краеведы обратили внимание на тот факт, что строитель и первый ректор института Петр Петрович фон Веймарн по приезде в Екатеринбург поначалу жил «у Барабошкина»; даже канцелярия института на первых порах размещалась в одном из особняков на территории строящегося аффинажного завода. Возникла даже легенда, будто бы любимого профессора приютил его бывший студент. Легенда эта едва ли имеет основания: вполне вероятно, что Веймарн и Барабошкин в Петрограде даже не были знакомы, а если и были, то очень мало. Веймарн был признанный в мире специалист по зарождавшейся тогда коллоидной химии, а Барабошкин в институте не изучал этот предмет. Вряд ли они могли сблизиться житейски: Веймарн принадлежал к древнему аристократическому роду, а Барабошкин был «незаконнорожденным» сыном молодой крестьянки, подрабатывавшей в Петербурге швейным ремеслом, то есть происхождения nižайшего. Сословные предрассудки ни тому, ни другому не были свойственны, но существует же инерция жизни, сохраняющая импульс движения, полученный в детстве.

Кроме того, в Свердловском областном архиве сохранилось письмо П.П. Веймарна, в котором он сообщает в министерство торговли и промышленности, что по прибытии в Екатеринбург остановился было в гостинице, но стоимость проживания оказалась просто разорительная, и ему пришлось переехать к Барабошкину. Кстати, в письме никак не пояснялось, кто такой Барабошкин, из чего можно заключить, что в министерстве это знали.

Так что «принц» и «нищий» сблизилась не на сентиментальных воспоминаниях о студенческой юности, а на причастности к общему делу научно-технического развития России. Это дело чуть позже сблизило их еще больше: ректор открывающегося института пригласил выдающегося ученого-металлурга с уникальным практическим опытом преподавать в институте, и директор аффинажного завода, не оставив этой должности, был избран доцентом Горного института (а впоследствии он стал профессором Уральского университета). Но потом политические ветры вновь их развели в разные стороны — и уже навсегда.

Завод же, несмотря ни на что, был построен, и это была знаковая победа русской научной и инженерной мысли. Отношения с мировыми монополистами платиновой отрасли в последующие десятилетия развивались непросто, но от кабалы зарубежных хищников платиновая отрасль России освободились навсегда.

Долгий след

Эпизод с обретением российским государством суверенитета над «русским металлом» — это не о «России, которую мы потеряли», а об историческом опыте, который всегда с нами; нужно только проявить разум и волю, чтобы им воспользоваться.

Это опыт хозяйствования, опирающийся не на теоретические клише, освященные Нобелевскими премиями, а на трезвое понимание экономической реальности: что мы имеем, что нам (стране, а не лидерам мирового рынка, диктующим удобные для них правила игры) нужно, кому можем доверять, на кого можем опереться.

Это опыт хозяйствования, полагающий национальный интерес выше меркантильных интересов участников экономического процесса, но не потому, что во главе дела стоят убежденные патриоты, а потому, что в успехе общенационального дела коренится успех каждого из отдельно взятых предпринимателей. Это опыт хозяйствования сообща — когда предпринимателей не надо уговаривать быть социально ответственными: от степени их укорененности в народнохозяйственных проектах зависит осуществимость их собственных расчетов и планов.

Это опыт хозяйствования, рассчитанного не на получение прямой выгоды сразу и сполна и не на политическую конъюнктуру, к которой выгодно приспособиться, а на поддержание и развитие экономического здоровья общества, какие бы метаморфозы оно ни претерпевало на своем историческом пути, который, как заметил классик, никогда не бывает таким же прямым и ровным, как тротуар Невского проспекта. Подчеркну особо, что заботиться о здоровье общества важно не только (и, может быть, не столько) затем, чтоб заслужить благодарность соотечественников, — хотя там, где люди живут в состоянии социального мира и благоденствия, и это очень важный стимул для активной деятельности. Но здоровое общество — это очень важно и для себя. В здоровом обществе не опасаются за дело своей жизни, за будущее свое и своих детей, не готовятся к социальным катастрофам, не сооружают «запасной аэродром» где-нибудь за границей.

Уместно еще обратить внимание на то, что за освобождение национального достояния от цепкой хватки акул мирового платинового рынка энергично и изобретательно боролась частная и даже «непрофильная» компания — но при полном взаимопонимании с министерством, действующим в интересах Российской империи. Государство не уходило в «ночные сторожа», а предприниматели, ведущие свое дело с размахом и немалым риском, не жаловались на произвол чиновников: их совместные усилия поддерживались сознанием важности миссии, которую они вместе осуществляли.

Но произошла революция, империя рухнула, и российское общество долго и трудно возродилось в новом качестве и обличье. Однако и обновленной, преобразованной державе стратегический металл — платина — был необходим, и даже в большей степени, нежели он был необходим дореволюционной России. Аффинажный завод был национализирован, пережил трудные времена в связи с Гражданской войной, но не был разорен и разграблен, а уже в сентябре 1919 года, когда взбаламученное людское море начало возвращаться в берега, все тот же Н.Н. Барабошкин, побывавший за два лихих года и красным партизаном, и советским чиновником, и преподавателем Петроградского горного института, был прислан советской властью возрождать и вводить в строй аффинажный завод в Екатеринбурге.

Независимый и неуступчивый в своих суждениях Барабошкин с изменением политической конъюнктуры никак не откорректировал свои взгляды на роль платины в развитии общества, только видел большой положительный смысл в том, что национализация разрушила непроницаемые прежде барьеры собственности, ощутимо мешавшие развитию отрасли. И построенный им завод, получивший теперь статус государственного, Барабошкин упорно продолжал называть национальным, видя в том более глубокий и точный смысл.

В сохранившихся документах 1919 — начала 1920-х годов Н.Н. Барабошкин рассматривал национальный аффинажный завод прежде всего как источник огромной экономической силы: дескать, будучи почти монополистом в мировой добыче платины и не нуждаясь теперь в иностранной помощи для ее очистки, Россия станет главным игроком на мировом платиновом рынке, оттеснив на задний план десятилетиями бесцеремонно там орудовавших англичан и французов. Это его предположение, однако, не сбылось, потому что, осознав опасность попасть в платиновую зависимость от Советской России, англичане и французы предприняли усилия в поисках новых источников платинового сырья, и крупнейшие запасы драгоценного металла были найдены в Африке и на других континентах. Платина перестала быть «русским металлом». Но, не получив желаемых выгод от экспорта платины, Советский Союз обрел возможность использовать этот благородный металл для развития собственных наукоемких производств, ибо платина — металл, без которого не может обойтись современная техника и техника будущего.

Нет преувеличения в утверждении, что платина, очищенная и обработанная на заводе, придуманном А.А. Борисовым и построенном, при колоссальной поддержке Борисова, Н.Н. Барабошкиным, помогла стране победить в Великой Отечественной войне — потому что это была «война моторов», между тем как ни один мотор без применения платины и сплавов на ее основе обойтись не может. И все эти не очень заметные неспециалисту, но жизненно необходимые контакты, клеммы, выключатели и т.п. производились либо на Свердловском заводе, либо при его участии. Завод, конечно, был строго секретным и, при весьма скромных физических размерах, занимал почетное место в ряду оборонных гигантов, производивших военную технику. После войны завод оказался незаменимым для создания советского ракетно-ядерного щита, космической техники, для развития большой химии. Это небольшое, занимавшее всего полквартала городской территории, предприятие по своей экономической мощи соперничало с Уралмашем...

Экономические преобразования 1990-х годов проводились под предлогом укрепить экономическую мощь страны, дать новый импульс развитию отечественной промышленности. При этом вспоминали о том промышленном подъеме, который Россия пережила в начале XX века и который, как утверждалось, грубо прервала «большевистская» революция. Однако авторов реформ почему-то совсем не интересовало, каким способом совершался тот легендарный взлет. Мало того, все, что делалось в области экономики в 1990-х, диаметрально противоречило тому, как организовывалось промышленное развитие в предреволюционные годы. Хозяев по невежеству или злонамеренно подменили «эффективными собственниками», которые, в полном соответствии с их природой, тут же разворовали все, что смогли. Предпринимательство подменили «бизнесом», потратив немало усилий на то, чтобы доказать, что экономика и мораль — разные области жизни, они не пересекаются. А нынче президент уговаривает «бизнес» стать социально ответственным... Но стать социально ответственным бизнес никогда не сможет, потому что это противоречило бы его природе. Конкретные социально значимые проекты заменили пожеланием создавать новые рабочие места и т.д.

Национальный аффинажный завод, построенный А.А. Борисовым и Н.Н. Барабошкиным в Екатеринбурге и после ряда трансформаций, обусловленных потребностями отечественной промышленности, превратившийся в Екатеринбургский завод по обработке цветных металлов (нынче он оставил свое историческое место на Главном проспекте в Екатеринбурге и переехал в Верхнюю Пышму), прошел через все катаклизмы разрушительных реформ, выжил и продолжает свое существование, но уже не в качестве национального предприятия: его прибрала к рукам компания «Renova». Продукция завода конкурентна на мировом рынке и пользуется спросом. Но сколь значима его нынешняя производственная и коммерческая деятельность «для пользы отечества», не берусь судить.

Владимир Губайловский

Письма к учёному соседу

Письмо 27. Свои против Чужих

Для каждого человека все люди делятся на «своих» и «чужих». Хорошо это или плохо? Правильно это или неправильно? Так вопрос не стоит. Так было, так есть, и так будет в обозримом будущем.

Новорожденный совершенно беспомощен. И его всегда встречают на земле «свои» — близкие и родные. Если они его не встречают, — человек обречен. Он погибнет. Если о нем не заботятся, не кормят, не согревают, не учат языку и восприятию мира, у человека мало шансов выжить и стать человеком. Конечно, почти то же самое можно сказать о многих других видах, в том числе обо всех млекопитающих. Но чем проще организм, чем проще устроен мозг, тем быстрее он проходит стадию взросления. А человек в этой стадии задерживается надолго. Пока у него не разовьется префронтальная кора — самая социально ответственная и интеллектуальная зона головного мозга. Ее развитие в основном завершается годам к 20–22.

Когда ребенок, который родился в семье представителей белой расы и видел вокруг только белые лица, вдруг видит черное лицо, он сосредоточивает на нем взгляд и буквально пугается: у него возбуждается миндалевидное тело — орган страха, тревоги и агрессии.

Это происходит автоматически. Никто не учил младенца быть расистом. Просто вдруг знакомая атмосфера заботы и тепла посылает нераспознаваемый сигнал. Ребенок плачет. Сходное воздействие оказывает темнота. Темнота никогда не является полной, и ребенок видит черные очертания на темном фоне, и у него автоматически возбуждается миндалина.

Нейробиолог Роберт Сапольски приводит такой пример: «Покажите группе людей лицо на десятую долю секунды (100 мс) — это так быстро, что они даже не поймут, видели ли что-нибудь вообще. Попросите их угадать расовую принадлежность показанного лица, и больше половины ответов окажутся правильными. Мы будем утверждать, что судим людей по их человеческим качествам, а ни в коем случае не по цвету кожи. Но наш мозг сразу и без всяких сомнений отметит этот цвет. В течение десятой доли секунды мозг сработает по одному из двух — прискорбных! — направлений, в зависимости от расы показанного лица, как было выявлено с помощью нейросканирования. Сначала активируется миндалина, что видно в многожды повторенных экспериментах... Если испытуемым предъявлять раз за разом тот или иной портрет и сопровождать этот показ ударом тока, то вскоре одна только демонстрация портрета будет провоцировать активацию миндалины»¹.

¹ Роберт Сапольски. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. М.: «Альпина-Нон-Фикшн», 2019. Перевод с английского — Юлия Аболина, Елена Наймарк, стр. 81–82. Там же указаны исследования, на которые ссылается Сапольски. Мой рассказ о миндалине и окситоцине основан во многом на книге Сапольски и исследованиях, на которые он ссылается.

Мы все читали в детстве страшные книжки и слышали страшные истории. И это правда было очень страшно. Но если вы спросите взрослого человека, какие книги или фильмы пугали его в возрасте после 20 лет, он с большим трудом припомнит несколько таких эпизодов.

Миндалевидное тело — это своего рода центр наших эмоций, и по большей части эмоций «отрицательных».

В одной из своих колонок я рассказывал², как формируется зрительное восприятие (главным образом меня интересовало, как происходит распознавание текста при чтении): сигнал от зрительных сенсоров (от глаз) по зрительному тракту передается латеральному коленчатому телу и дальше — к первичной зрительной коре в затылочных долях головного мозга. Дальше начинается серьезная работа по распознаванию, и информация об изображении поступает в височную и теменную доли и наконец достигает префронтальной коры. Активизируется долгосрочная память. Идет большая интеллектуальная работа. Но вся эта работа требует времени. Иногда это десятая доля секунды, иногда — и полсекунды. А за полсекунды Усейн Болт пробегает пять метров. Значит, должен быть эволюционно более древний, пусть и менее точный метод распознавания информации, не только зрительной, но и слуховой, и осязательной, и обонятельной. И такой метод, конечно, есть: иначе человек бы просто не выжил. Его бы просто съели.

Латеральное коленчатое тело — это своего рода развилка. Главный зрительный поток, как мы уже знаем, идет к первичной зрительной коре. Но есть еще и так называемый «неспецифический зрительный путь» — к области среднего мозга (эволюционно гораздо более древнего, чем кора) — к зрительному двуххолмию. Там происходит первичный анализ изображения. И этот неизбежно неточный, но почти мгновенный (примерно в десять раз быстрее, чем обработка изображения корой) снимок поступает к миндалевидному телу. Кроме сенсорной информации миндалина получает и информацию о болевых ощущениях.

И вот пока кора разбирается, что да как, миндалина уже решила, что делать прямо сейчас: затаиться, бежать или атаковать.

Причем миндалина еще и связана прямо с гиппокампом, в котором сохраняется долгосрочная эмоциональная память.

Получается не шибко-то здорово: возникшее изображение (например, черное незнакомое лицо) на основании первичного анализа картинка было интерпретировано миндалиной как угроза, если в этот же момент была получена подкрепляющая болевая реакция (случайный ушиб, никак, вообще говоря, с лицом не связанный) — формируется эмоциональная память, и она сохраняется. Нельзя сказать, что навсегда, но надолго. И вот пожалуйста, готова детская фобия, которая потом может стать самым настоящим расизмом. Правда, чтобы это случилось, детский страх должен пройти через стадию так называемой рационализации, то есть получить санкцию и объяснение от префронтальной коры: кто-то очень авторитетный должен сказать что-то вроде: «все черные — убийцы и воры с недоразвитым мозгом». Совсем необязательно, что каждый человек, боявшийся в детстве темноты, вырастет расистом. Но именно в этом направлении его подталкивает эмоциональный опыт, источником которого является в первую очередь работа миндалины.

Но и без миндалины тоже нельзя. На опытах с крысами было показано, что при повреждении миндалевидного тела, когда отсутствует реакция на угрозу, животное подвергает себя смертельному риску и в условиях конкурентной среды быстро гибнет. Такое состояние называется «паталогический альтруизм».

Страх напрямую связан с болью. Человек, не чувствующий боли (а такие случаи известны медицине), — это тяжело больной человек: он постоянно рискует погибнуть или получить тяжелейшую травму там, где нормальный человек просто инстинктивно отдернет руку. Именно «инстинктивно», то есть без

² Владимир Губайловский. Письма ученому соседу. Письмо 11. Человек читающий и пишущий. «Урал», 2016, № 2 <http://uraljournal.ru/work-2016-2-1633>.

долгого анализа сенсорной информации корой. Главное, спасти пальцы, а уж кора потом разберется, с чего это я решил проверить, горячая ли конфорка электроплиты, коснувшись ее рукой. Кора разберется: «Дебил потому что. Не делай так больше». Но это уже будет потом.

Так же и страх. Он очень нужен. И эволюционно он куда более древний, чем способность обдумывать поступки или говорить.

По мере своего развития префронтальная кора включается в работу миндалины. Так, получив информацию о страхе, она способна ее отфильтровать и погасить (это отрицательная обратная связь), если с ее точки зрения страх беспричинный. Но не всегда это работает. Например, префронтальная кора может просто не успевать обрабатывать информацию. Это так называемый «эффект 25-го кадра».

Об этом «25-м кадре» слышали, наверное, почти все, но я коротко расскажу, в чем там дело. Есть такое устойчивое убеждение: поскольку при нормальном воспроизведении видеокартинки со скоростью 24 кадра в секунду (сегодня, конечно, используются и более частотные воспроизведения, но убеждение «древнее», и я уж не буду менять формулировку) всякие враги, которые зомбируют честных и доверчивых граждан, вставляют в видео 25-й кадр, а поскольку время его демонстрации ниже порога восприятия, вставить можно все, что угодно, и никто этого не заметит, а между тем этот 25-й кадр может содержать, например, недобросовестную рекламу, пропагандистские лозунги и т.д. Мозг это все «25-е» добро воспринимает «бессознательно», картинка сохраняется в памяти и влияет на поведение человека. И вот уже пораженный 25-м кадром покупает продукт, который, как он думает, никогда не видел прежде и рекламы его не видел, а вот человеку кажется, что продукт ему просто понравился.

В этом убеждении не все предрассудок. Даже можно сказать, что большая часть этих «предрассудков» — справедлива. И «виноваты» в этом «неспецифический зрительный путь» и миндалина.

Роберт Сапольски приводит такой пример: «Самое сильное подтверждение того факта, что основой размежевания служат эмоции и бессознательный автоматизм, состоит в возможности манипулировать рациональными рассуждениями на тему Чужих на подсознательном уровне... Испытуемым предложили слайд-шоу с сухими, самыми общими сведениями о стране, про которую они ничего не знали («А что, есть страна с названием Молдова?»). При этом между слайдами со скоростью ниже уровня восприятия одной половине группы показывали фото людей с приятными выражениями лиц, а другой половине — с неприятными. В результате у первой половины группы сложилось более положительное мнение о стране, чем у второй»³.

Здесь необходимо отметить следующий момент. Мозг действительно способен регистрировать и обрабатывать информацию со скоростью, превышающей порог сознательного восприятия, то есть ловить этот «25-й кадр». И с другой стороны: в опыте, который описывает Сапольски, удалось на нейтральном фоне не улучшить «мнение о стране» у одной группы, а ухудшить мнение относительно нейтрального у другой группы. То есть намного проще научить миндалину «бояться» или «тревожиться», чем расслабиться и получать удовольствие.

С «удовольствием» все обстоит не менее интересно, чем со страхом. И как раз, если миндалина пристально следит за «чужими», «свои» — это источник радости и удовольствия. Главное «вещество удовольствия» — это нейромедиатор дофамин. Он синтезируется в прилежащем ядре — области среднего мозга (недалеко от миндалины). «Дофаминная награда» формирует исключительно положительные эмоции. И долго помнится. Дофаминное подкрепление играет очень большую роль в формировании материнской любви и отцовской заботы:

³ Сапольски. С. 360–361.

чем больше дофамина, тем приятнее человек, тем он «более свой», и чем человек роднее и ближе — тем больше будет у вас дофамина.

Другим важнейшим «веществом счастья» является окситоцин — нейропептид, который тоже генерируется в среднем мозге и поступает в кровь. В частности, он поступает в материнское молоко, и младенец получает окситоцин буквально с молоком матери.

Окситоцин выделяется у человека и у собаки, когда собака смотрит в глаза человека, а он гладит ее шерсть. Вот такой благодатный симбиоз. Вряд ли такая приятная возможность возникла у человека (и у собаки) давно. Но сегодня она есть. И это во многом объясняет такую сильную привязанность человека к собаке, да и собаки к человеку.

Максимальное количество окситоцина содержится в организме матери в период родов и кормления. И в этот момент мать становится крайне агрессивной по отношению к любой угрозе (иногда мнимой) ребенку. В этот период на префронтальную кору крайне немного надежды: мать не будет разбираться, кто и почему угрожает младенцу, — она будет его защищать. У отца эти в прямом смысле инстинктивные реакции выражены несравнимо слабее, — у него нет столько окситоцина. То есть в тот период, когда младенец более всего нуждается в защите, мать более всего готова его защищать, и это не столько ее сознательное решение, сколько влияние окситоцина. Это тот период в жизни матери, когда мир буквально разрезан на «своих» — тех, кто помогает ребенку, защищает его, и «чужих» — тех, кто представляет любую угрозу жизни младенца. То есть максимум заботы оказывается и максимумом агрессии.

И это связано уже не только с работой мозга, но с несравнимо более древней структурой — с нашими генами.

В книге «Происхождение видов» Дарвин первым последовательно описал и обосновал теорию эволюции. В основу теории он положил три принципа: естественный отбор, изменчивость и борьба за существование. Теория Дарвина произвела сильное впечатление на современников: одни встретили ее с восторгом, другие увидели в ней величайший вред.

Дарвин, как добросовестный ученый, не мог не увидеть, что одна только «борьба» объясняет не все. Он писал, анализируя колонии муравьев: «Рабочие муравьи значительно отличаются и от мужских особей, и от фертильных женских особей формой грудной клетки, они лишены крыльев, а иногда даже глаз... Если бы рабочий муравей или другое бесполое насекомое было нормальным живым существом, я бы без колебаний предположил, что все его свойства были постепенно приобретены благодаря естественному отбору... Но рабочий муравей абсолютно бесплоден; так что никогда не мог бы передавать последовательно приобретенные свойства и инстинкты. И вполне можно спросить, как при мерить этот случай с естественным отбором?»⁴

Дарвину согласовать этот случай с развиваемой им теорией не удалось. Здесь налицо вовсе не борьба, а самопожертвование, самый настоящий альтруизм. Если «наиболее приспособленный» — это тот, кто сможет оставить самое большое потомство, то рабочий муравей не должен существовать в природе — он ведь потомства не оставляет.

Научное объяснение «проблема муравьев» получила только через сто лет после выхода «Происхождения видов», в работах биолога Уильяма Гамильтона (1936–2000). В статье «Эволюция альтруистического поведения» (1963)⁵ Гамильтон пишет: «Общепринято, что характеристика поведения вида является таким же продуктом эволюции, как и морфология. Однако типы поведения, ко-

⁴ Online Variorum of Darwin's Origin of Species: second British edition (1860), page 236 // <http://darwin-online.org.uk/Variorum/1860/1860-236-c-1861.html>

⁵ The Evolution of Altruistic Behavior Author(s): W. D. Hamilton Reviewed work(s): Source: The American Naturalist, Vol. 97, No. 896 (Sep. — Oct., 1963), pp. 354-356 <https://greatergood.berkeley.edu/images/uploads/Hamilton-EvolutionAltruisticBehavior.pdf>.

торые могут быть адекватно объяснены классической математической теорией естественного отбора, недостаточны. В частности, эта теория не может объяснить ни одного случая, когда животное предоставляет преимущества другим представителям вида, а не своим прямым потомкам».

Объяснение, которое давалось до Гамильтона, его не устроило, он полагал, что групповой естественный отбор гораздо менее эффективен, чем видовой. Гамильтон исходил из того, что максимально распространить себя хочет не особь, а «эгоистичный ген». Особь может собой пожертвовать, если сохранятся ее гены. Гамильтон обратил внимание на такое обстоятельство. У родных братьев генотип совпадает на 50%. Если особь погибнет, но спасет трех (или больше) братьев и они дадут потомство, то в следующем поколении сохранится больше генов этой альтруистической особи, чем если бы братья погибли, а она осталась жива, как это предписывает борьба за существование. У дяди и племянника — 25% общих генов, у двоюродных братьев — 12,5% (одна восьмая). То есть особь есть смысл погибать за 9 кузенов, тогда ее гены будут в выигрыше.

Но у муравьев самец передает не половину генов потомству, а весь свой геном (самцы муравьев гаплоидные, то есть у них один набор хромосом), и половину своих генов передает самка-царица (она диплоидная, у нее двойной набор хромосом). И в среднем получается, что у сестер-муравьев 75% совпадающих генов. И особь спокойно погибает, спасая двух сестер, поскольку ее гены заведомо в выигрыше.

Гамильтон сформулировал простое математическое правило, которое позволяет рассчитывать, когда альтруизм является выгодным, не с точки зрения особи: особь гибнет, никакой тут выгоды нет, а для ее генов, которые сохраняются и распространяются через потомство ее родственников, и близких, и дальних.

При этом, поскольку именно альтруистическое поведение является выгодным для генов, естественный отбор сохраняет как раз такие «альтруистические гены». Так дарвиновская «проблема муравьев» была решена. Были открыты «эгоистичный ген» и семейный отбор.

С точки зрения генетики женщине все равно, кого спасать, — родного брата или своего ребенка. И так и так она сохранит 50% своего генотипа. Но только редкая женщина в критических условиях делает выбор в пользу брата, вероятно, потому, что с ним у нее нет такой сильной «окситоциновой» связи, как с ребенком. Видимо, это и является в данном случае решающим фактором.

Да, мы действительно «запрограммированы» эволюцией делить людей на своих и чужих, и к своим мы относимся лучше, чем к чужим. И это довольно трудно изменить. Но отчасти изменить это можно.

Человек отличается от всех остальных млекопитающих и даже от приматов необыкновенно развитой префронтальной корой, которая контролирует его социальное поведение. Но она же позволяет человеку выбирать среди множества вариантов этого социального поведения.

Человек является не только членом семьи или расы. Он входит в огромное количество самых различных и ситуативных, и вполне устойчивых объединений. Одним из важнейших таких сообществ является национальная принадлежность. Это объединение находится как бы между «семьей», то есть системой сохранения и передачи генетического материала (с довольно высокой степенью уверенности мы можем нарисовать генетический портрет нации), и «государством», то есть социальным конструктом, в разные варианты которого так или иначе сегодня включены все практически жители земли.

О национальности говорить особенно трудно, поскольку вокруг этого типа сообщества слишком много спекуляций и предрассудков, но несколько слов я скажу. Вероятно, национальность — это своего рода пересечение по крайней мере двух типов объединений: генетического (близость генотипов) и историко-культурного (общий язык, разделяемая историческая память и, что еще важнее, — представление об общем будущем), а вот государство здесь как раз не самое главное.

Не существует «русского» или «китайского» генотипа. Заведующий лабораторией геномной географии Института общей генетики им. Н.И. Вавилова, доктор

биологических наук, профессор РАН Олег Балановский говорит: «Генофонд популяций народа многолик — он как ковер, сплетенный из множества нитей, соединяющих его с другими популяциями других народов. Поэтому нет такой «генетической метки» народа, которая была бы только почти у всех его представителей, а больше ни у кого бы нигде ее не было»⁶. Но на этом «ковре» вполне различим уникальный рисунок нации. Вот только его границы невозможно указать — они изломаны и размыты. Тем более нет чисто «русской» или «китайской» культуры и истории.

Эти объединения скорее похожи на аттракционные бассейны с фрактальной (бесконечно ломаной) границей, то есть мы часто можем указать направление, в котором «русскость» или «китайскость» растет. Не более того, но и никак не менее.

Может ли человек изменить национальность? Я думаю, да, может. Но это очень непростое дело. И маловероятное после начала активного формирования префронтальной коры, то есть после 12–14 лет. В более позднем возрасте можно сменить страну проживания (это относительно легко), язык (это трудно, но все-таки можно, если исключить, желательно полностью, присутствие родного языка). Генотип среднего русского не слишком отличается от среднего немца, так что на генетическом уровне (да и на уровне фенотипа — внешних признаков) может вообще не встретиться никаких проблем. Как ни странно, самое трудное — это историко-культурная близость. У нее может оказаться только интеллектуальная составляющая, а вот «детские страхи» миндалины и «окситационные радости» материнской груди останутся в «другом измерении». И «теория» окажется отрезанной от «древа жизни».

Префронтальная кора формируется последней, но никак не в отрыве от долговременной эмоциональной памяти, на которую так сильно влияет миндалина. Более того, есть зона префронтальной коры (вентральная медиальная префронтальная кора), которая накрепко связана с лимбической системой — с миндалиной, таламусом, гиппокампом. И эта зона очень сильно влияет на формирование самой интеллектуальной и просоциальной — дорсальной префронтальной коры, той, которая отвечает за контроль социального поведения.

Но, как бы ни развивалась префронтальная кора, она формируется под воздействием лимбической системы, она поглощает и первичную «грязь», и тепло. И изменить эти связи, видимо, невозможно. По крайней мере, крайне трудно.

Об этом точно сказала замечательный русский поэт Полина Барскова, уже много лет живущая в Калифорнии, но продолжающая писать стихи на русском языке: «У каждого русского слова, которым я пользуюсь, есть как бы своя грибница, корневая система, бесконечное количество этих белых штучек, которыми данное слово переплетается с другими словами, которыми оно питается. У каждого слова есть память всех предыдущих регистров употребления... По-английски я не знаю, где было данное слово до того, как оно попало ко мне в рот. Я понятия не имею, что оно делало и где было раньше... Английские слова для меня одинаково стерильны... Было бы лучше, если бы все они были одинаково грязны, потому что грязь, гниль плодотворны — это чернозем. А так остается медицинская стерильность словаря, где даны два значения, которыми ты в панике и пользуешься»⁷.

Нет нужды говорить, что Барскова прекрасно владеет английским: она пишет на нем академические работы и много лет преподает в американском университете. Но как поэт она не чувствует вот этой «грязи», которая, по сути-то, и есть не стерилизованный интеллект эмоциональный опыт.

Но человек включается и во множество других — не только государственных, расовых, национальных — объединений.

⁶ «Утечка биоданных»: кто и зачем собирает биоматериалы россиян. Анастасия Зырянова. Русская служба Би-Би-Си. 9 ноября 2017 <https://www.bbc.com/russian/features-41816699>.

⁷ Интервью с Полиной Барсковой в книге: Яков Клоц. «Поэты в Нью-Йорке» <https://iknigi.net/avtor-yakov-kloc/134258-poety-v-nyu-yorke-o-gorode-yazyke-diaspore-yakov-kloc/read/page-21.htm>.

И тогда, например, тревога, которую вызывает лицо человека другой расы, может исчезнуть. В одном из исследований, на которые ссылается Сапольски, приводится такой пример: «Значимость расовой принадлежности для размежевания снижается и в том случае, если применить незаметную переклассификацию, перекатегоризацию. Одно из исследований предлагало респондентам фотографии лиц, белых и черных, сопровождавшиеся тем или иным утверждением. Затем испытуемых просили вспомнить, какое утверждение какому лицу соответствует. Таким образом выявлялось бессознательное разделение по категории «раса»: даже если респондент неверно соотносил лицо и высказывание, раса угадывалась правильно. Затем респондентам дали то же самое задание, только одна половина людей — опять и чернокожих, и белых — на фотографиях была одета в желтые рубашки, а другая — в серые. На этот раз респонденты путали лица, больше внимания обращая на цвет рубашки»⁸.

Как только мы перестаём сосредотачиваться на цвете кожи, миндалина — смолкает.

Это же происходит, когда мы объединяемся по любому нерасовому признаку. А таких вариантов у нас — полно. Сапольски пишет: «Мы принадлежим к виду со сверхразвитой кооперацией между несвязанными особями, даже со всем незнакомыми. Колония слизевика зеленеет от зависти: как можно устроить такую четкую волну на футбольном стадионе! Мы умеем быть и дружными охотниками-собирающими, и дирекцией IT-компаний. Также вместе мы идем на войну, но и помогаем жертвам катастроф на другом конце мира. Мы выступаем единой командой, когда требуется угнать самолеты и направить их прямо на высотки — и когда присуждаем Нобелевскую премию мира. Правила, законы, конвенции, санкции, общественное сознание, внутренние голоса, мораль, этика, божественное воздаяние, детсадовские песни «для-друга-ничего-не-жалко» — все это опирается на... эволюционную выгоду сотрудничества между неродственными индивидами. Время от времени»⁹. Но здесь надо отметить следующий момент: все практически примеры, приведенные Сапольски, — это примеры объединения своих против чужих (за исключением, может быть, помощи жертвам катастроф). Болельщики на стадионе объединены не только любовью к футболу, но и желанием победы над соперниками. Бескорыстно любят футбол не болельщики, а редкие сторонние наблюдатели. Для настоящего фаната самое красивое в футболе — это счет на табло. А уж как была добыта победа — дело десятое. Хорошо, если еще и игра была красивая. Но если при самой элегантной игре любимая команда потерпела поражение, приговор будет суровый: «Повыживались, лучше бы в аут били почаще». Это тем более верно для тех, кто идет на войну или угоняет самолеты, и даже для дирекции IT-компаний — победа на рынке чаще всего означает поражение конкурента.

Но человек может входить во множество объединений одновременно, и свои в одном случае могут пересекаться с чужими в другом. Так, человек, который не любит чернокожих, но предпочитает желтые рубашки, окажется в затруднении, когда встретит чернокожего в желтой рубашке. Скорее всего, произойдет некоторое сглаживание границ, возникнет некое субъективно воспринимаемое сообщество «чернокожих в желтых рубашках», отношение к которым будет наверняка более толерантным, чем к чернокожим вообще. А ведь среди чернокожих могут оказаться и те, с кем ты устраивал «волну» на стадионе. Да и вообще сильнейший удар по расовой сегрегации в США оказала вьетнамская война, на которой белые и черные сражались вместе и выносили боевого товарища с поля боя, как в «Форресте Гампе», не разбирая, какой у него цвет кожи.

В последней главе своей книги, вряд ли случайно названной так по толстовски — «Война и мир», Сапольски приводит пример того, какие последствия для ветеранов войны имеет убийство в контактном бою. Люди, совершавшие такие убийства, часто (почти всегда) получают тяжелое психическое

⁸ Сапольски. С. 365.

⁹ Сапольски. С. 333.

расстройство. И от такого же расстройства страдают военные, которые сидят на авиабазах в Америке или Англии и управляют беспилотными дронами, зависшими над Пакистаном или Суданом: они выслеживают цель. Это может быть, например, дом, в котором, по агентурным данным, планируется собрание руководства Аль-Каиды или другой организации, признанной террористической. Поскольку разрешение очень высокое, а дроны висят низко (в отличие от спутников), «пилоты» видят все — до мельчайших бытовых подробностей: играющих детей, женщин, которые идут за покупками или развешивают белье. Различимы даже лица, хотя не слишком четко. И эти «пилоты» подолгу, иногда неделями ждут, когда состоится это собрание. Наконец съезжаются на крутых тачках крутые мужчины, «пилот» беспилотника получает команду «Огонь!» и выпускает самонаводящуюся ракету. И весь этот мир, который человек наблюдал и с которым свыкся, превращается в груды горящих развалин, и в этой груды умирают хорошо знакомые «пилоту» люди. И тогда он роняет голову на клавиатуру. И плачет. Чтобы завтра послать эту очень хорошо оплачиваемую работу ко всем чертям. Или, тяжело вздохнув, идет что-нибудь крепкое выпить, чтобы завтра начать отслеживать новую цель. Человеку трудно убить человека. Если он видит перед собой именно человека, а не манекен.

Может, это и есть оптимальное состояние человеческого общества, когда люди с разным эмоциональным, лингвистическим и национальным опытом могут объединяться ситуативно и разделять общие цели, не сливаясь при этом в некоторой глобальной неразличимости?

Владимир ГУБАЙЛОВСКИЙ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

СОЛЬ И ПЕРЕЦ ПО ВКУСУ

Игорь Сахновский. Ненаглядный призрак. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019.

В это собрание малых сочинений Игоря Сахновского вошли циклы рассказов, миниатюры и эссе — вся короткая проза, созданная автором за годы творчества.

Одни произведения широкому читателю давно известны, другие способны стать открытием для значительной части аудитории. Скажем, в примечании к эссе «Защита Лауры» подчеркивается, что оно готовилось для специального выпуска парижского журнала и на русском языке ранее не печаталось. Эссе представляет собой ответ Сахновского многочисленным критикам незавершенного романа Владимира Набокова «The Original of Laura». Публикация «Лауры» в конце 2009 года вопреки прижизненной воле Набокова вызвала целый шквал нападок на ее автора. Отражая эти нападки, Сахновский саркастически отмечает: «Мертвый лев — на редкость удобный противник». Открывается же эссе знаковой для писателя темой любви.

В рассказах «Ненаглядного призрака» любовь предстает во всех своих вариациях. Самая традиционная — любовь мужчины и женщины. От любви может случаться усталость, любовь бывает тайной и запретной, но в произведениях Сахновского именно она традиционно служит движущим механизмом, мотором повествования. У героини новеллы «Аленький цветочек» есть нелюбимый муж, однако романтика в их отношениях отсутствует уже давно. И тут незнакомец «лайкает» ее фотографию в социальной сети, закручивается интернет-роман, и кавалер из-за границы присылает девушке самый настоящий аленький цветочек. Автор неразрывным узлом связывает сказочные и современные мотивы. Героиня — этакая повзрослевшая, но сохранившая духовную незрелость Ассоль, наивно мечтающая о счастье. Простой мужчина, находящийся рядом с ней, оказывается скучным и безликим, зато далекий ухажер из глобальной паутины рисуется прекрасным принцем, способным творить чудеса. Если бы эту историю рассказывала женщина, возможно, она бы даровала искомую благодать своим персонажам — Сахновский же предпочел по-мужски оборвать сюжет новеллы трагедией: налаживай-ка ты, милая, теперь отношения с мужем, а не ищи амуров в интернетах.

У «Аленького цветочка», в котором мы видим мир глазами женщины, имеется альтернатива с мужским взглядом — «Нелегальный рассказ о любви». Основа та же: он устал от жены, она — от мужа, виртуальная горячность — спасение от двух скучных браков. Только здесь реальная встреча случится —

месяцы сетевого общения завершатся несколькими часами в постели. А затем... В конце концов, любое расставание — трагедия. И неважно, сколько времени влюбленные провели вместе. Любовь и счастье в новеллах Сахновского сродни испытанию — иногда светлому, иногда горькому, иногда прекрасному, иногда бесхитростному, иногда сложносочиненному. Красок для палитры писатель никогда не жалел.

Любовную трагедию автор может подавать и с юмористической приправой. Герой рассказа «Чем латают черные дыры» — одинокий пенсионер, живущий на улице Чекистов. Его главная страсть под стать названию улицы: подозрительный старик постоянно сочиняет искивные заявления и жалобы на всех, с кем его сталкивает судьба. К эпистолярной любви добавляется реальная. Пожилой сутяжник встречает женщину мечты. Переплетаются уже не только сказка с современностью, но и смех с грехом. Прозаик — признанный мастер любовных перипетий. К чистому чувству он неизменно подмешивает дополнительные ингредиенты, так что заскучать невозможно. Соль и перец по вкусу — это детская непосредственность, суровая практичность, щемящая жалость и многое другое.

На вопрос, счастливы ли персонажи новелл Сахновского или несчастны, ответить сложно. С одной стороны, герои чаще всего небогаты, одиноки, а судьбы их полны горестей и печалей. С другой, отказывая персонажам в большом счастье, прозаик легко исполняет их маленькие желания. Захочет Арина из рождественского рассказа «Девочки с ушками» попасть в мир красоты — вуаля: бывшая медсестра превращается в успешного продавца сетевого магазина косметики. Персонаж «Цветного воздуха», склонный раздувать из мухи слона и потому уверенный в своей скорой смерти, после операции, наконец, разглядит желаемое. А героиня рассказа «Большая белая женщина»? Ведь это — настоящая самодостаточная русская баба, с виду не нуждающаяся в измельчавших мужчинах. Вчера она могла коня на скаку остановить и в горящую избу войти — сегодня наведет порядок в запущенной холостяцкой квартире и подобьет бухгалтерский баланс. Хотя любви все равно хочется. Пусть даже и не с принцем. Пусть с потрепанным мужичком с Вторчермета или случайным посетителем магазина хозтоваров, узнавшим героиню по сетевому аватару. Персонажи многих новелл Сахновского — жители окраинных районов Екатеринбурга. Целый ряд рассказов подходит под определение городской прозы. При этом в городе обязательно должны быть свои знакомые люди. Байками о них автор делится в цикле миниатюр «Городские звезды». Спектр максимально широк — от глухонемого побирушки Мули до молодого, еще не ставшего «кремлевским небожителем» Бориса Ельцина.

Герои Сахновского признаются в любви к противоположному полу, городам и странам, алкоголю, свободе, литературе, природе, истории. И делают это иногда, что называется, от противного. Герой миниатюры «Жениться на Италии» готов осуществить заявленную в заглавии авантюру, несмотря на встречающихся в чудесной европейской стране орущих теток и уродливые статуи. Над простодушными фантазиями россиян о прекрасной французской столице прозаик откровенно ерничит в новелле «Почему я не хочу в Париж». В финале рассказчик откроется: он сам любит Париж всей душой. А персонаж «Бахчисарайской розы», оказавшись в Крыму, влюбится отнюдь не в то, чем в древнем городе почти два столетия назад вдохновился Пушкин.

К пяти существующим чувствам Сахновский прибавляет новые — авторские. «Чувство пляжа» избавляет персонажа «Пляжных дикостей и приличий» от холодности к своей стервозной жене. «Острое чувство субботы» в одноименной новелле становится освобождением от тусклости и неприглядности окружающего мира. «И тогда кажется, что этим чувством все прочие дни, прожитые бездарно и безрадостно, могут быть оправданы и спасены». Дурное и страшное тоже может быть полезно: знакомый героя рассказа «Плохой вкус» с помощью реалити-шоу «Дом-2» изучает траектории человеческой низости. Перо автора по-прежнему остается острым.

Это «собрание малых сочинений» Игоря Сахновского — хороший подарок для тех оригиналов, кто с прозой этого писателя пока не знаком. Для остальных

же «Ненаглядный призрак» будет прекрасным поводом освежить в памяти его старые рассказы, прочесть новые и, возможно, вслед за автором вспомнить о любви в ее многочисленных измерениях.

Станислав СЕКРЕТОВ

ЗА МАРКСА

Андрей Коряковцев, Сергей Вискунов. Марксизм и полифония разумов. — М. — Екб: «Кабинетный учёный», 2017.

В книге Андрея Коряковцева и Сергея Вискунова философия, психология, социология и другие науки, сплетаясь воедино, образуют захватывающую, как хороший детектив, но при этом глубоко и подробно разобранную историю зарождения и развития диалектики как метода познания мира от древних времён и до наших дней. В «Полифонии» так же подробно проанализированы практически все варианты феномена ложного сознания, показано, как именно идеология, религия etc. подменяют собой истинные общеполитические понятия, исподволь превращая свободную мысль в служанку тех, кому это выгодно. (К сожалению, проблема «допонятийного» мышления не осталась в глубокой древности, всё это приобретает особую актуальность и сегодня, когда так необходимо отличать кажущееся от настоящего, действительно важное человеку — от навязанного ему извне).

Переход к анализу теории Маркса—Энгельса, прежде всего — как социально-философской системы, происходит в книге постепенно, с подробным описанием предшествующих стадий развития общественной мысли. Западно-европейский рационализм Нового времени, осваивая наследие античных философов, создаёт предпосылки для зарождения элементов диалектики в немецкой классической философии, где идеализм Гегеля со временем уступает место антропоцентричности Фейербаха. Наконец, к аппарату формальной логики прибавляется диалектика — новый инструмент познания, учитывающий свойства и характеристики субъектов, объектов и категорий исследования во всём их разнообразии. На этом философском базисе и происходит становление марксизма. Причём если для Фейербаха диалектика является универсальным инструментом познания, в том числе и духовного, то по Марксу принципы диалектики сугубо утилитарны, служат объяснению реальных, практических вещей, событий и целей.

Обычно марксистский дискурс ограничивается лишь экономикой и социологией. В «Марксизме и полифонии разумов» объёмно, хотя преимущественно и в историко-философском ракурсе, разбирается, прежде всего, человеческое мышление. При этом значительный вклад Маркса и Энгельса в дальнейшую эволюцию, в развитие интеллектуальных возможностей человечества состоит в том, что они «начали формулировать свою понятийную сетку и методологические приёмы, более годные для последовательного описания чувственно-практической деятельности индивидов, а значит — для продолжения синтеза диалектики с материалистической традицией». Однако с методологией своей диалектики ни Маркс, ни Энгельс так полностью и не определились, особенность их аналитического аппарата такова, что даже Ленин смог полагать «отрицание отрицания» и «переход количества в качество» не законами, а лишь элементами методологии. Марксизм в этом контексте можно представить как незавершённый синтез новых форм и типов мышления, мощный и оригинальный аналитический аппарат, вобравший в себя всё полезное и необходимое от западноевропейских рационалистических философских школ. Он противостоит им, но в то же время продолжает их.

Сейчас, когда на фоне современного кризиса философских идей А. Цветков предлагает заново поговорить о Марксе и его работах, Б. Кагарлицкий иссле-

дует природу и перспективы «неокоммунистического» протестного движения, периодически проявляющего себя по всему миру, — особенно необходим глубокий, качественный анализ «марксовской классики».

От современных популистских либо популяризаторских книг работа Коряковцева и Вискунова отличается удавшейся попыткой проследить историю развития философских систем, составивших ту основу, на которой и была образована политико-экономическая теория Маркса — Энгельса. Кроме того, «Марксизм и полифония» — своеобразная «призма», через которую можно увидеть как критические точки современного антропо- и социогенеза, так и некоторые ключевые моменты теории Маркса.

В нашей стране семьдесят с лишним лет проводился невероятно смелый социальный эксперимент, имела место попытка провести идеи Карла Маркса в жизнь. Любое революционное философское учение, поднятое на щит его идеологами либо практиками-строителями нового общества, многое теряет, поскольку перед его последователями неизбежно встанут конкретные, практические задачи. Их либо невозможно решить в полном соответствии с теорией, либо философские формулы сознательно искажаются, интерпретируются в угоду требованиям текущего момента. Однако часть системы, пригодная для использования в имеющихся конкретных условиях — это далеко не вся система. Маркс в своё время описывал не универсальный умозрительный конструкт. Перед ним вживую разворачивались основные драмы середины 19-го века, связанные с переменой форм и средств, субъектов и объектов собственности, с укреплением капитализма в самом зверском тогда ещё его облике на фоне растущего самосознания человека труда...

А. Коряковцев и С. Вискунов уверены, что учение Маркса и сегодня вполне пригодная к плодотворным дискуссиям среда, исследование которой в полном объёме, с учётом всех её «белых пятен», тех мест, что в своё время были превратно поняты или неверно истолкованы, может оказаться крайне полезным при поисках выхода из идеологического, философского тупика современного общества.

Авторы «Полифонии», в свою очередь, видят этот выход в своеобразной, учитывающей социально-экономические идеи Карла Маркса «революции сверху». Но почему, к примеру, не эволюции? Если применить биогенетический подход и основы теории популяций к современному обществу, может выясниться, что человечество за сотни лет своего развития в целом повторяет путь, пройденный природой в течение долгих тысячелетий. Эволюционный подход довольно-таки естественно смотрится и в применении к отдельной человеческой популяции. Может быть, пришла пора, наконец, применить что-то вроде биогенетического подхода и к марксизму, что с успехом доказывает нам эта книга?

К возможным недостаткам книги можно отнести столь научный стиль изложения, что он порой затрудняет знакомство с материалом. А избыточность в цитировании классиков приводит к тому, что они временами «путают» сами себя. (Хотя, по словам авторов, основной метод марксизма основан на эмпирике и частью просто эклектичен.)

Как бы то ни было, для полноценного восприятия «Марксизма и полифонии разумов» необходим столь основательный философский, социокультурный, исторический и психологический багаж, что я не имею возможности рекомендовать эту монографию широкому кругу читателей. Однако главы о ложном понятийном аппарате, об изнанке идеологических игр (когда культура, философия и религия подменяются агрессивной идеологией), по-моему, стоят написания отдельной и более популярной книги.

Григорий ТАРАСОВ

500 СТРАНИЦ О СЧАСТЬЕ

Счастливое место. Свердловская музкомедия Георгия Кугушева, Владимира Курочкина и Кирилла Стрежнева. — Екатеринбург: Издательский дом «Автограф», 2018.

В руках толстая и увесистая книга, изданная к 85-летию Свердловского государственного академического театра музыкальной комедии. Прекрасное и дорогое оформление — юбилейное! Спасибо Издательскому дому «Автограф» за элегантность и высокую культуру издания.

«Счастливое место» — точнее и не назвать, ибо только при одном упоминании театра музкомедии в Екатеринбурге в душе возникают свет и радость: от встреч с людьми в этом доме — артистами и руководителями, от спектаклей — всегда неожиданных и ярких. У театра был и есть свой почерк и свой характер. Ещё мне всегда казалось, и я уверена до сих пор, что это место (какая-то особая географическая точка на карте города и страны), где живет любовь — к своему дому, к работе, к жанру, друг к другу. Постоянство в наше «безбратное» время стало уж совсем редким и эксклюзивным качеством. А потому театр всегда умел влюблять в себя всерьёз и надолго.

Эта книга была инициирована влюбленными в своё дело людьми, которые пригласили к сотрудничеству людей, однажды и навсегда ставших привязанными к этому счастливому месту, — известных критиков и исследователей театра. Александр Колесников, Сергей Коробков, Александр Иняхин, Елена Третьякова создали объемную картину движения театра от нулевой отметки до сегодняшних дней, прежде всего опираясь на свой собственный опыт общения с театром. Но создание новой книги дало каждому из них возможность ещё раз по-новому взглянуть в накопленный исторический материал и в работы коллег старшего поколения. Структура этой коллективной монографии поначалу может показаться обыкновенной, но и здесь театр не мог изменить себе в поиске необычного и яркого. История театра в книге — это три эпохи режиссеров Кугушева, Курочкина и Стрежнева, но каждая представлена разными авторами и каждый из них рассматривает время «правления» под своим ракурсом и со своими акцентами. В результате возник удивительный диалог авторов вокруг имен, фактов, мнений, и каждая эпоха предстаёт перед читателем объемно, словно в современных технологиях 3D. Необычно, интересно — затягивает. Формула «три + три» сработала с поразительным эффектом.

Будучи по первой профессии театральным историком с большим опытом работы в Бахрушинском театральном музее, я абсолютно увлеклась статьями, написанными Александром Колесниковым, даже позавидовала его возможности поработать с историческими документами и литературой. Его рассказ о становлении театра и Георгии Кугушеве — это серьёзное историческое исследование не только о творческой судьбе режиссера, который «собрал» театр и определил его развитие, но и рассказ о судьбе самого жанра оперетты и его приключениях в самые сложные, заидеологизированные периоды советской власти. Тема создания современного репертуара (в ту пору определявшегося как советский репертуар) продолжена им в разделе об эпохе Владимира Курочкина, который «бился за новый репертуар». Именно при Курочкине за театром окончательно утвердилось «поставлено впервые». И несмотря на подчас социальную ангажированность произведений, которые театр заказывал композиторам, создавал и ставил на сцене первым, следом их брали в репертуар практически все музкомедии страны.

Другой автор этой коллективной монографии Александр Иняхин продолжает разговор об эпохе Владимира Курочкина. Акимыч — так с любовью и уважением называли его между собой артисты, его ученики — режиссеры, мы — критики. Это было наше преклонение перед его уникальным качеством открывать и поддерживать таланты. Иняхин описывает этот более чем двадцатилетний период от сезона к сезону, в подробных деталях, в отзывах критиков и свидетельствах оче-

видцев, и работе режиссера в создании современного репертуара дает блестящее определение — «виртуозные жанровые трансформации». «Ищет пьесы и партитуры. Ищет роли. Ищет исполнителей, чьи возможности позволяют брать материал любой сложности — месить жизнь, разрушать старые формы, обретать новые. Дознаваться до сути процесса на практике, а не дискутировать о том на бесконечных совещаниях». Это уже Сергей Коробков пишет о Владимире Акимовиче в главе «Совершеннолетие». И верно ставит акцент еще на одном уникальном качестве режиссера. Он ценил в артистах штучность таланта, а в ансамбле — разнохарактерность. В его эпоху «разнообразие репертуара определялось разнообразием индивидуальностей». Из диалога двух авторов рождается не просто фигура настоящего руководителя театра, талантливого режиссера, но, что важнее и крупнее, — театрального деятеля, строителя. Умно и вовремя покинув театр музкомедии, он останется верен себе позже в Пермском театре оперы и балета. И в Свердловске, и в Перми он оставил после себя учеников, передав им свой генетический код неустанного искателя и строителя Дома, — Кирилла Стрежнева и Георгия Исаакяна. Сегодня они мастера, известные всей стране.

Сергей Коробков в каждой из эпох — автор, который добавляет в историю периода безумство красок и блестящие характеристики людей театра. Чего стоит его рассказ о Кугушеве-артисте и его исполнении роли Ферри в фильме «Сильва» 1944 года, который в памяти остался старомодным. Но, оказывается, там есть Кугушев, и в его работе можно увидеть его ключ к исполнению классической оперетты. Пересмотрела! Автор вглядывается в первую монографию о Свердловской оперетте, написанную Ириной Риф, комментирует, трактует и уважительно расширяет представления об этом труде летописца театра. Он фокусирует наше внимание на поколениях артистов периода Кугушева и Курочкина, давая краткие, но яркие определения их особого места в истории театра. И, наконец, его блистательное эссе о первой работе Кирилла Стрежнева в качестве главного режиссера — о «Беспечном гражданине» Затина—Семеновского как манифесте нового этапа в жизни театра. Это эссе отзывается в сердце дорогим воспоминанием о том, что видела сама, чем была сражена — о чем говорили все, кто занимался музыкальным театром.

Три главы об эпохе Кирилла Стрежнева дают объемный взгляд на современную историю и жизнь, в которой есть много побед, отмеченных национальной премией «Золотая маска». Период взлета, в котором все накопленное в предыдущие десятилетия не просто продолжилось, но переплавилось, когда Свердловскую екатеринбургскую музкомедию можно назвать театром, который неустанно и бесстрашно, благодаря режиссерскому дарованию Стрежнева, созидает новые театральные формы. Театр любых тем в любых формах! Плач, сновидения, мюзикл, драма... классическая оперетта — всё подвластно режиссеру. Елена Третьякова, мастер точного критического анализа, сочетающегося с глубиной осмысления общего театрального процесса, исследует созданные за 30 лет спектакли Стрежнева и его команды, в том числе актерской. «Мир спектаклей Стрежнева гармоничен, грустит он или смеётся, рассказывает драму или повествует о трагедии. Мир может лежать в обломках, как в «Орфее&Эвридике». Но говорится об этом с целью созидания, а не разрушения» — итожит автор. «Время СМС» — так называется эта глава. А что стоит за СМС? Формула и ее инверсии, которые предлагает «летописец», великолепны: Синтез Музыки и Сцены — Созвездие Мастеров и Со-творцов — Свердловский музкомедийный Союз.

«Кугушев, накопление, исследование. Курочкин, движение, работа, продолжение. Стрежнев. СМС». Сказать в финале после этих определений Третьяковой нечего. Только добавить, пожалуй, одно — особый театр, и книга о нем получилась особенная. Думаю, что у команды, которая создавала эту книгу (как тут не сказать о Михаиле Сафонове и Елене Обыденовой), по-другому и не могло получиться.

Ирина ЧЕРНОМУРОВА

Сергей Беляков
От кикиморы до Мао Цзедуна
Национальный бестселлер — 2019

Девиз премии «Национальный бестселлер» (в просторечии — «Нацбест») — проснуться знаменитым. Вручают ее уже почти два десятка лет. Среди лауреатов Захар Прилепин и Дмитрий Быков, Виктор Пелевин и Леонид Юзефович. Правда, все они проснулись знаменитыми задолго до того, как получили эту премию. Зато всероссийская слава пока что не пришла к другим лауреатам: Ксении Букше, Сергею Носову, Андрею Геласимову. Они широко известны в узких кругах, в литературном мире. Так что премия «Национальный бестселлер» далеко не равнозначна настоящему национальному бестселлеру. И все-таки «Нацбест» каждый год становится одним из самых ярких событий литературной жизни. Большое жюри из писателей, критиков, литературоведов формирует только список финалистов (шорт-лист), а победителя выбирают телеведущие, музыканты, актеры, политики, финансисты. Люди знаменитые, но все они — обычные читатели. Не профессионалы. Как присяжные в суде — не юристы, а обычные граждане.

Исключение одно. По традиции в Малое жюри включают лауреата прошлого года. В 2019-м это лауреат премии за 2018 год Алексей Сальников, автор настоящего бестселлера «Петровы в гриппе». Правда, в этом году в жюри включили директора Санкт-Петербургского книжного салона Андрея Шамрая, его тоже к непрофессионалам не отнесешь. Остальные же не из литературного мира. Популярнейший блогер Дмитрий Пучков («Гоблин»), военный корреспондент Семен Пегов, кинорежиссер Владимир Бортко, общественный деятель Кристина Потупчик. Возглавляет жюри Юрий Воронин, главный финансовый уполномоченный Российской Федерации.

Я пишу эти строки ровно за месяц до вручения премии. Читатель уже знает, кто получил премию, а я могу только гадать. Из шестерых финалистов я выбрал для обзора двух. Лучшую книгу шорт-листа, которой я сам бы вручил премию. И худшую книгу, которая, однако, получила больше всего голосов Большого жюри. Начнем по порядку — с лучшей.

Евгения Некрасова. Калечина-Малечина: роман. — Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018¹.

Книга о детях, но не для детей. И дело тут не в значке «18+» на обложке и не в единственном на весь текст матерном слове.

С первых же страниц читатель погружается в атмосферу отчаяния, почти безысходности. Третьеклассница Катя живет в панельной многоэтажке неболь-

¹ См. также рецензию Александра Котюсова на роман Евгении Некрасовой в майском номере журнала «Урал» за 2019 год.

шего городка, а ее родители работают в соседнем большой городе. Галина Юзефович в своей рецензии на «Калечину-Малечину» (Meduza. 14 июля 2018 года) называет родителей Кати «полунищими задерганными лузерами». У каждого свой критерий богатства, бедности, нищеты. «У одного щи кислые, у другого бриллианты мелкие». Может, критика ужаснуло, что бедная девочка не ездит за границу? Да, на Париж и Лондон у родителей Кати денег нет. Но в России очень многие живут так и полунищими себя не считают. Своя квартира есть, о еде думать не приходится: колбаса, мясо, шоколад — всего этого вдоволь. Но трудиться приходится много. Мама уезжает на работу рано (папа еще раньше), до самого вечера общается с ней лишь по телефону: точнее, узнает, что дочка пришла в школу или вернулась из школы.

И учителя, и тщеславные родители очень любят вундеркиндов, или хотя бы просто толковых и старательных детей. В их скромных достижениях пытаются разглядеть зерна будущего успеха. Но Катя не вундеркинд, иностранных языков не знает, спортом не занимается, в музыкальную школу ее не взяли: «Не надо её никуда отдавать, она нас только позорит», — махнул рукой папа. В школьном дневнике Кати «иногда плавали лебеди или звенели тройки». «Математика прошла мимо Кати на своих многочисленных ножках-столбиках, не задев её».

Жестокие одноклассники девочку травят, а учительница травлю еще и провозирует, поддерживает, публично высмеивает безграмотность Кати. Дома ее будут ругать за двойки, ведь родители свято верят, что хороший дневник — залог будущего счастья, а нерадивая школьница эту веру подрывает. Да у папы с мамой просто нет времени и сил, чтобы понять ребенка, разобраться, что же с ним происходит. Катя терпит все мучения, повторяя, как мантру, слова «Катя катится-колошматится».

Девочка хочет жить не ради отметок. Она мечтает, сочиняет стихи и любит «стоять на кухне у окна, смотреть на облитый солнцем город и наблюдать, как время от времени из дыма заводской трубы высовывается гигантская остроносая змея, сползает наполовину по кирпичной покатою стене и хватает пастью мимоидущих людей и собак...»

В конце концов, жизнь девочки становится невыносимой. Даже единственная подруга ее высмеивает, а учительница обещает перевести Катю в школу для умственно отсталых.

Ребенок решил на самоубийство и включил все конфорки газовой плиты, те зашипели змеями, и газ начал наполнять помещение: «Мир стал стремительно слипаться, сворачиваться и исчезать кусками». И тут реалистическая проза превращается в сказку: «Из-за плиты вылезло, сердито покашливая, низенькое созданище в цветных тряпках. Оно походило на помесь старушки и трёхлетнего ребёнка <...> Ноги у созданища были в виде куриной когтистой лапы, а руки — вроде человечьих — старушечьих — длинными извилистыми ногтями». Кикимора выключает газ и выносит Катю в лоджию, на свежий воздух.

На самом деле, сказка еще прежде начала проникать в жизнь Кати. Именно кикимора взяла и распустила на нитки варежки, связанные Катей для урока труда. Самое типичное занятие для кикимор. Вообще-то кикимора в русской мифологии — «мрачное привидение, которое днем сидит «невидимкой», а по ночам выходит проказить» (С.В. Максимов, «Нечистая, неведомая и крестная сила»). Но автору ближе другое поверье о кикиморах: это «умершие дети, пережившие несправедливость».

Кикимора вяжет Кате новые прекрасные варежки и помогает в борьбе с ее врагами. Рядом с кикиморой Катя становится энергичной и решительной. Ненавистного Сомова, мальчишку, что долго издевался над ней и увел у Кати подругу Лару, осмелевшая девочка сталкивает под колеса автомобиля. Затем кикимора и Катя отправляются за город, чтобы проучить негодяя дядю Юру. И эта операция им вполне удается: дядя Юра после встречи с этой парочкой кончит свои дни в психбольнице.

Кикимора почти не говорит, не умеет, но напевает песенку, которую переживает у нее и Катя.

«Не покличет ли кто Калечину погадать о вечере?»
 У Калечины одна — деревянная нога,
 У Малечины одна — деревянная рука,
 У Калечины-Малечины один глаз — маленький, да удаленький.

Это стихотворение Ремизова подарило Евгении Некрасовой не только название, но и стало, по словам автора, «саундтреком всей книги».

Сюжет этой истории как будто родился из детской мечты. Несчастному ребенку хочется найти друга и защитника, который помог бы одолеть всех врагов и восстановить справедливость. Отомстить за обиды, подчас — довольно жестоко. Книгу отличает психологическая точность и писательское мастерство.

Полагаю, что о «Калечине-Малечине» будут писать не только критики. Со временем ей посвятят научные исследования и литературоведы. Небольшая книжка Евгении Некрасовой настоящий клад для них. Возможно, найдут в книге лесбийские мотивы. Были они в авторском замысле или нет, сказать не берусь. Но судите сами. Катя дружит только с девочками, мальчики для нее — другой мир, кажется, вовсе не интересный. Катя танцует вальс с Ларой, ревнует ее к Сомову.

Один из самых светлых персонажей в книге — Ольга Митиевна. Она в детском лагере преподавала историю искусств. Катя в восторге от нее, но любимую учительницу увольняют, потому что та «читала книги английского писателя-извращенца, которого даже в Англии посадили за его извращения в тюрьму». Зачем здесь Оскар Уайльд? Не намек ли это на преимущества однополрой любви?

Случайно или нет, но взгляд на мужчин (за единственным исключением) в этой книге неприязненный. Хулиган Сомов и послушные ему «подсомовцы» травят Катю, папа с ней груб и жесток. Наконец, чего стоит образ дяди Юры. Он носит тельняшку, значит, бывший моряк или десантник? Эти профессии — само воплощение мужественности. Но автор делает дядю Юру не только мошенником, но даже педофилом.

Катя живет в полной семье. Для нее это несчастье. Зато, услышав слова «мать-одиночка», девочка решит, что «это отлично. <...> Значит, дома тихо, чисто, не страшно и компьютер без пароля». И заветная мечта Кати сбывается в конце книги. Родители разводятся, мать увозит дочку в другой город. Отец снова женится, и у него рождается мальчик. Девочки отдельно, мальчики отдельно, порознь счастливы, а вместе нет? Если это happy end, то едва ли не уникальный в русской литературе. Впрочем, это лишь одна из возможных интерпретаций одного из сюжетов талантливой и глубокой книги.

Михаил Трофименков. XX век представляет. Кадры и кадavery: [сборник эссе]. — М.: Флюид ФриФлай, 2018.

«Я спросил себя: «А не болван ли он?» <...> Нет, он не болван... Тогда почему он не искренен?»
«17 мгновений весны»

«Редкий случай, когда читаешь и буквально хрюкаешь от восторга», — пишет о книге известного киноведа Михаила Трофименкова критик Владислав Толстов. «Учебник мировой истории XX века, но только неканонический, авторский», — отзывается о той же книге писатель Василий Авченко.

Пропустив авторское предисловие и начав читать с первой главы, я сначала решил, будто Михаил Трофименков и в самом деле попытался написать историю XX века. Не только политическую, но и ментальную, даже с элементами истории повседневности. Между прочим, Трофименков окончил искусствоведческое отделение истфака Ленинградского университета. Однако и профессиональному историку не под силу написать хорошую книгу на такую тему. Все равно, что попытаться поднять штангу величиной с КамАЗ.

И в самом деле, повествование очень скоро начало разваливаться на эпизоды, дробиться на фрагменты. Река истории разделилась на ручейки. Трофименков пишет о деле Дрейфуса и о фильмах про Фантомаса, о Льве Троцком, Камю, Чан Кайши, Чарли Чаплине, Бобби Фишере, о режиме Виши и о «студенческой революции» 1968 года.

Трофименков предложил читателю, в сущности, сборник своих очерков, эссе и статей. Они прежде публиковались в «Коммерсанте», в «GQ», в журнале «Сеанс». Этими эссе и создается мозаичная картина эпохи.

Читать Трофименкова интересно, он пишет талантливо и остроумно. Но я не последую примеру Василия Авченко и не назову книгу Трофименкова учебником, пусть даже и «неканоническим». Для учебника здесь многовато ошибок и/или спорных утверждений.

Трофименков пишет о Китае, Иране и даже Индонезии, но все же не может преодолеть неизбежного европоцентризма: «1970-е — это вообще годы кокаина, самой гедонистической и дорогой из всех субстанций, сменившей хипповские марихуану и ЛСД». Это где же? Неужели в СССР? Или в маоистском Китае?

Трофименков называет Кемаля Ататюрка «первым европейцем» в Турции, что вряд ли справедливо. Младотурки тоже были турецкими европейцами, а лавры «первого европейца» я бы оставил для Решид-паши, который умер за четверть века до рождения Мустафы Кемаля.

По слова Трофименкова, Юрий Гагарин полетел в космос «на боевой ракете-носителе, рвани которая, Казахстана бы не осталось на глобусе». Но ведь сама по себе баллистическая ракета Р7 не страшна. Летала она не на ядовитом гептиле, а на керосине и жидком кислороде. Ракеты иногда падают, особенно при испытаниях. Но ни Казахстан, ни штат Флорида с карты мира до сих пор не исчезли. Вот если бы Гагарин полетел на орбиту в обнимку с ядерной боеголовкой — другое дело, тут опасность была бы нешуточная. Но до такой идеи, разумеется, никто не додумался.

Но все это, в конце концов, мелочи, ошибки, почти неизбежные при работе с таким громадным объектом исследования, как история XX века. Гораздо важнее авторская концепция истории. Очерки и эссе собраны здесь не механически. Они объединены не только хронологией (от первого десятилетия XX века до девяностых), но даже идеологией.

Век прогресса, XIX век, сменился кровавым кошмаром века XX-го. История будто прекратила движение вперед: «мир отброшен к исходной точке столетия, на авансцену истории вернулись неупокоенные призраки прошлого». Время остановилось в 1914 году. Для автора носители прогресса — европейские, русские, китайские левые. XX век стал эпохой их триумфа и разгрома, их катастрофы. И здесь-то и начинается самое интересное.

Люди делают мир на своих и чужих. Свои — хорошие, чужие — враги. Свои — добро, чужие — зло. Этот принцип должен быть хорошо известен Трофименкову из кинематографа, как отечественного, так и, в еще большей степени, западного массового кино: герой и антигерой, хороший парень против плохого парня. Но, перенося этот кинематографический принцип на историю XX века, автор загоняет сам себя в ловушку. В книге только два цвета. Нет, не черный и белый, а белый и красный. Все симпатии автора отданы красному. В истории XX века автор видит, насколько я понял, лишь две силы: коммунизм и антикоммунизм, последний он смешивает с фашизмом. Даже Франсуа Миттеран и Жак Аттали у него чуть ли не «социал-фашисты»: «Социалист, манифестирующий онтологическую неизбывность нищеты и неравенства, — это либо постмодернистский феномен, либо запоздалое подтверждение точности коминтерновской классификации социал-демократов как «социал-фашистов». Даже самая оголтелая советская пропаганда после VII конгресса Коминтерна до такого не доходила.

«Фашизм — абсолютное зло. Что ж, значит, Сталин — «не человек — деянье, поступок ростом с шар земной» (Пастернак) — обречен на роль абсолютного добра».

Вчитаемся еще раз: Сталин — абсолютное добро? Нет, это не Александр Проханов написал.

На мой взгляд, это прием не историка, не ученого, а пропагандиста: если вы против коммунизма, то вы — фашисты и вам место рядом с Гитлером и Павеличем. Но позвольте, а разве XX век не знал других цветов? Да и террор мог быть разноцветным. Скажем, какого цвета петлюровский террор? Он определенно не белый, ведь петлюровцы были левыми. В декабре 1918-го они шли на Киев не только под жовто-блакитными, но и под красными знаменами. Но приписать красному террору, скажем, проскуровский погром будет тоже неверно и несправедливо. А террор исламистов, скажем, после революции в Иране? Он какого цвета?

«Отныне и во веки веков — террор: белый и красный. Белые повсеместно выигрывали по очкам. По подсчетам современных историков, красный террор унес 50–100 тысяч жизней, белый — 300–500 тысяч», — пишет Трофименков. Это каких-таких историков? Скажем, историк Вадим Эрлихман считает, что жертвами белого террора стали около 300 тысяч человек, а красного террора — полтора миллиона. Но Трофименков ссылок не дает и методики подсчета потерь не касается.

Главное же в другом. Белый террор сводился к произволу разнужданной солдатни. Ни Колчак, ни Деникин или Врангель не ставили перед собой задачи ликвидировать целые классы, целые социальные группы. И белые, при всей своей жестокости, все же не прибегали к якобинскому принципу: «...чтобы казнить врагов Отечества, достаточно установить их личность. Требуется не наказание, а уничтожение их» (Максимилиан Робеспьер).

Между тем, товарищ Лацис писал, что ЧК «устанавливает вредность или безвредность данного лица и степень этой вредности для Советской власти и сообщает об этом или уничтожает, или изолирует от общества...»

Михаил Трофименков, человек большой эрудиции, не может этого не знать.

Из всех преступлений сталинизма Трофименков упоминает только «ежовщину»: «До сих пор нет внятного объяснения иррациональной вспышке кровожадности рационалиста Сталина». Что скрывается за этими поразительными строками? Я не могу поверить, что Трофименков не знает о депортации народов, о жертвах коллективизации, о массовом голоде 1932—1933-го. Но даже слово «ГУЛАГ» произнесено только однажды, и то как название книги Солженицына. Голодомор же, оказывается, был не в Советском Союзе, а в Америке: «Тела же магнатов-самоубийц венчали пирамиду жертв великого кризиса, начавшегося с падения нью-йоркской биржи в Черный вторник (29 октября 1929) <...> кризис стал голодомором...»

Голодомор в Америке. Я знаю об этом поразительном «открытии» блогеров рунета. Начальники советских отделов пропаганды, должно быть, мучаются от зависти на том свете. Я допускаю, что простой, наивный человек поверит словам какого-нибудь популярного блогера-сталиниста, но Трофименков-то не простой и не наивный? Он, конечно же, читал «Одноэтажную Америку». Ильф и Петров проехали по американской «глубинке» на исходе великой депрессии. Дважды пересекли США: от Атлантики до Тихого океана и обратно. Если бы голод в США был на самом деле, то его следы нетрудно было бы увидеть. Какой бы подарок привезли на родину московские журналисты! Сколько лет учебники пересказывали бы душераздирающие истории о фермерах, которые от голода кушают собственных детишек, о живых скелетах где-нибудь в Калифорнии! Но Ильф и Петров, наблюдательные и умные советские журналисты, не отыскали в США ничего, что напоминало бы ужасающие картины голодомора.

Вольно или невольно, Трофименков перенимает клише советской пропаганды: «румынские интервенты и банды адмирала Хорти», «...храбрый Олеко Дундич погиб в 1920-м, штурмуя белопольский Ровно», «Западный Берлин стал манящей витриной атлантического мира, подобно тому, как Париж должен был стать, по замыслу Гитлера, витриной Единой Европы». Будто сидишь в библиотеке и старую советскую газету читаешь. Но нет, ни в одной советской газете

не найти оправданий культурной революции в Китае, а Трофименков завершает главу о ней целым панегириком «великому кормчему»: «Положа руку на сердце, Мао был воистину мудр».

Парижские маоисты и троцкисты в 1968 году могли сколько угодно возвешивать своих кумиров, сидя за столиками кафе. Они-то знали, что работа до седьмого пота за чашку риса в день им не грозит. И петербургский киновед знает, что не попадет в расстрельный подвал к подручным товарища Лациса или в китайскую сельскую коммуну, где крестьяне-маоисты «перевоспитывали» городских интеллигентов.

Зачем все это Трофименкову? Неужели он всерьез верит в американский голодомор? Его рассуждения о Сталине, Мао, Пол Поте, Троцком, великой депрессии кажутся стёбом, игрой. Только я не пойму, к чему эта игра?

КОЧЕВНИКИ XXI ВЕКА

Ольга Токарчук. Бегуны / Пер. с польского И. Адельгейм. — М.: Эксмо, 2018.

Российское книгоиздание научилось оперативно реагировать на события в мировой литературе. По-русски регулярно и быстро выходят книги нобелевских и букеровских лауреатов, а иногда просто известные авторы переиздаются, если появляется новый информационный повод. Последнее — случай польской писательницы Ольги Токарчук. Ее книги выходили в России еще в 2000-х, но, кажется, особым вниманием критиков похвастаться не могли. В 2010 году издавался и роман «Бегуны», написанный в 2007 году. Вероятно, он был бы благополучно забыт, если бы в 2018 году за него автору и переводчику книги на английский язык не вручили Международного Букера. «Эксмо» отреагировало мгновенно, и вот мы имеем на руках переиздание 2018 года.

Вероятно, Ольга Токарчук была бы не против, если бы «Бегунов» считали исследованием. Тема этого исследования — путешествия. Зачем люди путешествуют, куда они путешествуют, что можно сказать об их психологии — вот что интересует писательницу. Однако романом ее произведение назвать трудно. Здесь есть один рассказчик, женщина неизвестного возраста, которая в более чем сотне миниатюр делится своими наблюдениями. И есть полдюжины рассказов, которые появляются между этими миниатюрами и которые не связаны между собой ни сюжетом, ни героями. Рассказчица родилась в семье людей, которые любили путешествовать, и, когда выросла, сама стала путешественницей. Однако для нее это не просто увлечение, как у большинства, которые отправляются в другие страны на некоторое время, а потом возвращаются домой. У нашей героини вообще нет дома, и в путешествиях проходит вся ее жизнь. Она пишет, что у нее, видимо, отсутствует ген, позволяющий укорениться в одном месте. Эта склонность имеет черты бродяжничества с той разницей, что она не просит милостыню, а зарабатывает на хлеб сама. Она может прибыть в какую-нибудь страну и устроиться на месяц на завод. Заработав деньги, она покупает билет и отправляется в другое место. В самолете и аэропортах она проводит много часов, в остальное время живет в отелях. В свои блокноты и записные книжки она заносит все, что видит. Людей, их разговоры, какие-то впечатления, которых у нее всегда много. Она размышляет о себе — представительнице многочисленного кочевнического племени 21 века. Определенной цели у нее нет, ей просто нравится перемещаться с места на место и делать заметки. Очевидно, все миниатюры «Бегунов» написаны ей. Она училась на психолога в университете, но профессией овладеть не смогла, не нашла себя в ней. Он не выносит чужие исповеди, часто ей хочется поменяться с исповедующимся местами и начать рассказывать о себе и своих проблемах. Поэтому она стала другим психологом — психологом путешествий.

Что касается рассказов, то действие в них происходит в разных местах и с разными людьми. Есть здесь рассказ о сотруднике издательства Куницком, который отправляется на хорватский остров на отдых с женой и ребенком, а потом их там терзает при нелепых обстоятельствах. Три дня он будет их искать, подняв

на уши полицию и даже вертолеты. Позже, когда все обойдется, он так и не сможет добиться от жены, куда же она пропала. Другой рассказ — об анатоме XVII века Филиппе Ферейене, который после ампутации ноги страдал фантомными болями и, изучив собственную отрезанную конечность, создал замечательное руководство по анатомии. Есть и еще один рассказ об анатоме, на этот раз современном. Он занимается подбором идеального вещества для сохранения анатомических препаратов и едет к вдове человека, который добился в этом замечательных успехов. Эти рассказы трудно привести к общему знаменателю. Они о тайне жизни, но к тайне этой Токарчук подходит несколько физиологически, почти извращенно.

Рассказчица сама признается: ей интересно все уродливое, все медицинские артефакты, все болезни и опухоли, сохраненные анатомами, все, что является, как она называет, «осечками творения». Ее восприятие мира нестандартно, она не ищет гармонии правильных форм, наоборот, ее привлекает, когда формы нарушаются, а линии рвутся: «Меня влекут погрешности в деле творения, небрежность форм, тупиковые пути. То, что по каким-то причинам осталось в зачаточном состоянии или, напротив, хватило через край. Все неправильное, слишком маленькое или слишком большое, перезревшее или недоразвитое, чудовищное и отгалкивающие». Вероятно, она и путешествует как раз по выставкам, где собраны разные уродства, во всяком случае, последняя миниатюра представляет собой список названий и адресов анатомических музеев. Рассказчица способна к экзистенциальному переживанию, но, если быть честным, переживания эти какие-то неяркие, приглушенные. Мы уже говорили о том, что «Бегуны» посвящены путешествиям, и читатель уже, наверное, ждет ярких подробностей об экзотических местах. Напрасно — ничего подобного в книге нет. В романе вообще непонятно, в какие страны и города едет наша героиня. Что она там видит, какой опыт приобретает? Ее миниатюры посвящены самым банальным и неинтересным вещам на свете. Например, тому, как одеты или выглядят люди в аэропорту или комнате в отеле. Эти наблюдения не имеют ни малейшего качественного объема и не могут похвастать никакой уникальностью. Если бы они не дышали так явственно хайдеггеровской «заброшенностью», их можно было бы счесть обыкновенной графоманией. Рассказы, перемежающие миниатюры, — совсем другое дело. В них есть и напряженный сюжет (потеря родных на острове), и нестандартность темы (анатомия), и психологическая глубина, и художественный объем.

Сейчас модно брать какое-нибудь явление или предмет, проследить его историю в веках, писать обзор и называть это «философией». Токарчук претендует на звание «философа путешествий». Она даже изобретает поджанры: психология путешествий (которая бывает еще «практической»), телеология путешествий, стереометрия путешествий — и намекает на необходимость «топографического психоанализа» географических мест. Умножение понятий — не лучшая стратегия философии со времен Оккама. Мыслители, проделывающие это, всегда вызывают интерес: раз они изобретают новое, значит, они и говорят о чем-то новом. Так ли это в случае Токарчук? Свою тему она развивает плохо. От подлинной философии ожидаешь логической стройности, пируэтов мысли, метафор, поисков, некоего здорового словесного нахальства, как у постмодернистов, иррациональных погружений или, наоборот, холодного и стерильного света разума. Но ничего этого нет у Токарчук. У нее вместо философии лишь суховатые наблюдения за путешественниками, с которыми не происходит вообще ничего, если только не считать событием посадку в самолет в точке А и прибытие в точку Б. Наша рассказчица умеет чувствовать, но она, по сути, даже не живет, потому что не совершает поступков и не делает выбора. Она ни во что не вмешивается, ни в чем не участвует — она физик, наблюдающий за движением ньютоновских тел. За рубежом она боится встречаться с соотечественниками даже глазами, не то что говорить. Вот случайная знакомая попыталась увлечь ее борьбой за права животных и за улучшение окружающей среды. На рассказчицу это не произвело никакого впечатления. И естественно, она не на-

мерена ни с кем, кроме записной книжки, делиться своими переживаниями. Однажды она услышала, как один путешественник сожалел, что рядом с ним нет знакомых — некому рассказать об увиденном. Рассказчица выносит приговор: настоящий паломник из такого человека не получится, намекая, очевидно, что настоящий паломник должен быть абсолютным интровертом и не иметь друзей. А что, например, скрывается за ярким термином «стереометрия путешествий»? Ничего особенного — просто фантазия, что можно провести прямую линию между центром Земли, человеком, стоящим на ее поверхности, и человеком, летящим на самолете. На этом миниатюра «стереометрия путешествий», собственно, и заканчивается. Токарчук пытается оперировать словами вроде «время» и «пространство», но выходит как-то нестройно, отрывочно и бессистемно. Вся ее философия путешествий сводится к простому тезису: путешествие — это движение, а движение — это жизнь. Христос умер не потому, что римлянин убил его копьем, а потому, что его обездвигили. Неподвижный крест — это небытие, нежизнь. Поэтому нужно двигаться, перемещаться, путешествовать. Вот главная идея кочевников XXI века.

«Бегуны», как уже говорилось, трудно назвать романом. Это сборник — сборник эссе, сборник наблюдений, сборник рассказов. Философия путешествий у Токарчук, на философию вовсе не похожая, не дает ответов. Она учит только задавать вопросы. Кто мы? Куда мы идем? Зачем мы путешествуем? Ответ у писательницы только один — движение необходимо. Оно удостоверяет подлинность существования. Более того, она считает его аутентичным признаком цивилизации вообще: «Текучесть, мобильность, иллюзорность — вот что значит быть цивилизованным человеком. Варвары не путешествуют, они просто идут к цели или совершают набеги». Есть в этом романе какая-то нестандартность, даже извращенность, впрочем, безболезненная и непатологическая, — это внимание к произволу материи, к ее дерзости, к суверенным законам физиологии. «Физиологические» романы часто маргинальны, и у Токарчук есть легкий налет маргинальности. Она состоит в том, что для нее даже мертвое тело живо. То есть тело мертво, но его форма остается живой. Кого-то подобные мысли могут оттолкнуть, но в целом «Бегуны» укладываются в каноны реалистической психологической прозы. Просто реализм и психологизм в этой книге привязаны к современному миру и его языку, подчас требующим очень ярких, визуальных деталей.

Сергей СИРОТИН

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

ДВЕ СИЛЫ МРАКА

Завод (2018). Режиссер Юрий Быков

Российский режиссер Юрий Быков хорошо известен своими остросоциальными фильмами. Частая тема его работ — восстановление справедливости, причем справедливость понимается в самом широком и одновременно понятном «народном» смысле, подразумевающим наказание плохих людей, чтобы хорошо жилось хорошо. И везде борцы за правду сталкиваются с превосходящей их системой. В фильме «Майор» (2013) полицейский, сбивший ребенка, вроде и хочет пойти под суд, но полицейская круговая порука вовлекает его в круг беспрестанных уверток, лжи и жестокости. В «Дураке» (2014), особенно тепло воспринятом отечественным зрителем, простой парень пытается спасти людей из аварийного дома, но противостоит ему местная коррумпированная власть. И вот, наконец, «Завод» (2018), по сюжету которого группа рабочих, боясь потерять работу, берет в заложники владельца предприятия, беспринципного олигарха. Эти три работы можно уложить в каноны авторского кино, однако есть за плечами у Быкова и откровенно пропагандистская вещь. Речь о сериале «Спящие» (2017), показанном по федеральному каналу, который расколол российское общество. Эта картина, что называется, со смыслом. Впрочем, смысл лежит на поверхности — изобразить сотрудников спецслужб истинными патриотами России, стоящими на страже ее безопасности. Может, идея и не так уж плоха, в конце концов, если существует авторское или коммерческое кино, то почему бы не существовать пропагандистскому? Однако сюжет «Спящих» скользко устроен. Сотрудники спецслужб борются не только с наркоторговцами и террористами, но и с обычными россиянами, которые, как оказывается, давно были завербованы американцами. В общем, в сериале используется слишком легкий прием — демонизация врага, и к тому же допускается идея, что любой человек действительно может оказаться шпионом, а значит, снисходительности быть не должно. Разумеется, части российского общества сериал не пришелся по душе.

Фильм «Завод» — новейшая работа Быкова. Судя по тому, что поисковый запрос об этом фильме в Яндексe входил в число самых популярных, лента оказалась очень востребованной. Сюжетная схема здесь типична для режиссера. Простые люди пытаются восстановить справедливость и вступают в борьбу с превосходящими силами. Дело происходит где-то в России в неопределенное время после развала СССР. Судя по безальтернативной суровости сюжета, это 1990-е. Судя по маркам машин и мобильным телефонам — 2010-е. «Где-то в России» — это неназванная область, очевидно, не могущая похвастаться стремительным экономическим ростом. Вероятно даже, что завод железобетонных изделий, оказывающийся в центре рассказа, — это градообразующее предприятие. Стоит он где-то в стороне, буквально посреди пустоши, и ведет к нему пустынная дорога. Здесь работают люди, и работают в ужасных условиях. Постоянные переработки, длинные смены, и все за копейки. Но они рады хотя бы этому, иначе вообще ноги можно протянуть от голода. И вот на заводе появляется владелец — олигарх Калугин. Он сообщает, что завод закрывается, с деньгами туго и зарплаты некоторое время не будет, может полгода. В раздевалке рабочие обсуждают услышанное. У всех семьи, всем надо их кормить, больше

работы нигде нет, кругом безнадега, что же делать? Слово берет бывший солдат с изуродованным глазом по прозвищу Седой. Он предлагает захватить Калугина в заложники, привезти на завод и держать здесь, пока не привезут деньги. Как только деньги появятся, Калугина отпустить и разойтись по домам. Неуверенно, но все соглашаются — терять больше нечего. Операцию проводят без труда, и Калугин оказывается запертым в одном из помещений завода. Вскоре его подручные привозят и деньги. Однако выясняется, что Седому как будто уже и не нужны деньги, ему что-то нужно от Калугина. Что же? Восстановление справедливости.

Быкову всегда не хватало тонкости, когда он касался темы справедливости, и «Завод» не исключение. Здесь у всех четко прописанные роли, не подразумевающие превращений, а Седой — классический резонер с очень театральными репликами. Седой обличает олигарха, а олигарх эти обличения от себя отбрасывает, оправдывая философией силы. Их противостояние рождает стандартный драматический конфликт. Седой демонстрирует недоумение, которое свойственно любому человеку, симпатизирующему социалистам. Почему один пашет в поте лица, чтобы заработать на скудный хлеб, а другой катается как сыр в масле, ничего не делая? Зеленым юнцом Седой воевал и ничего не понимал в войне. Он думал, что служит Родине, и лишь потом понял, что Родине на него наплевать. Потом пришел на завод, чтобы свести концы с концами. А теперь и с завода его выгоняют. Суровый и не склонный к нежностям, он решает взять дело в свои руки. Его архетип — это архетип одинокого героя, который готов платить за идеалы даже жизнью.

Впрочем, в фильме Быкова действительно показаны не столько реальные люди, сколько архетипы реальных людей. Герои «Завода» — люди типичные. Участник боевых действий Седой имеет изуродованный глаз. Сразу понятно, человек брутальный. Он не любит болтать, каждая его реплика либо приказ, либо указание к действию. Олигарх Калугин, как водится, передвигается на внедорожнике «Мерседес» и имеет целую армию охранников, готовых по его слову разорвать любого. На заводе находится без каски, хотя это, скорее всего, должно быть запрещено техникой безопасности. Он не просто бизнесмен, он предприниматель из 1990-х. В те годы такие предприниматели нередко замещали власть и не отличались от бандитов. Калугин тоже слов на ветер не бросает, и полиция ему не указ, поскольку косвенно подчиняется ему. Это человек беспринципный, может убить, не раздумывая. Полиция тоже самая типичная. Приезжая разбираться, она ведет себя образцово-показательно и стремится навести порядок. Но стоит раздаться звонку свисте, и полицейские поджимают хвосты, боясь вмешаться. В общем, «Завод» — это пьеса в современных декорациях, где каждый действует, как ему предписано. Седой обращается к Калугину с длинными театральными репликами, призывая его рассказать о своих преступлениях. Этот прием бросался в глаза еще в «Дураке». Калугин отверчивается стандартными фразами, какие положено произносить официально. Конфликт разрешается не в литературной плоскости, а в визуальной. Быков вводит в свою картину стандартные элементы старых американских боевиков с огнем из автоматов, ослепительно ярким в темноте завода, многочисленными убийствами и важными предсмертными словами, сразу после произнесения которых взгляду предстает бездыханное тело. Однако российский зритель это, похоже, приветствует, рейтинг у картины высокий.

Очевидно, режиссер стремится противопоставить добро и зло, но, по сути, в фильме противостоят друг другу две силы мрака. Когда смотришь на рабочих завода, на их убогий быт, не возникает желания немедленно броситься им на помощь. Это темные, забытые, подневольные люди, которые даже между собой не могут договориться. В своем бунте они непоследовательны и не способны предвидеть возможные сложности. Многие добровольно бросают Седого, как только понимают, что Калугин сильнее. Однако чувство, что правда на их стороне, все равно возникает — в силу старой русской традиции, в которой правда всегда на стороне обездоленных. Отчасти так происходит и потому, что рабочие

защищают не какие-то метафизические идеалы совершенного государства, а просто нормальный порядок вещей, при котором зарплата выплачивается вовремя и индексируется, бесплатные переработки отсутствуют, полагается отпуск и так далее. Рабочие много приобретают за счёт контраста, потому что бандиты Калугина в фильме — это абсолютное зло, с которым невозможно договориться. Денег на зарплату, как говорит Калугин вначале, нет. Заказы отсутствуют, строительство не развивается — у него заготовлен миллион отговорок. Однако деньги почему-то очень быстро находят, когда его берут в заложники. Не просто быстро — это вопрос часа-двух.

«Завод» — очень простое кино, в нем нет второго дна и скрытых смыслов. Оно не допускает множественных интерпретаций, потому что все лежит на поверхности. Своим фильмом Быков обнуляет все достижения мирового социального кино. Он не пытается играть со зрителем, преподнося ему истину в завуалированной форме, не пытается скрещивать правду с неправдой в поисках новых смыслов, отказывается признавать метафизическую правоту сил несправедливости. Он вываливает на зрителя свое видение реальности без обходных маневров, без изящества и эlegantности, прямым текстом. Он показывает плохих и хороших, хороших превращает в героев и заставляет за них «болеть». Один раз он дает высказаться Калугину. Где справедливость? — вопрошает его Седой. А нет ее, — отвечает Калугин, сразу расставляя все акценты. — Каждый крутится, как может, вот и вы сейчас, взявшись за оружие, сами стали бандитами. Эта мысль, если ее развить, могла бы придать фильму реальную жизненную глубину, но она тонет в ответных словах Седого, который начинает говорить, что он-то никого не грабит, в отличие от Калугина, и так далее. В «Заводе» прерчен четкий вектор — добро и зло строго отделены.

Работы Быкова — это хождение в народ, и приятного в этих путешествиях ничего нет. В начале фильма зритель видит кадры работы завода. Так должно быть, это в порядке вещей. Если завод работает, то все хорошо. Вот только если присмотреться, понимаешь, что завод это древний, спецодежда у рабочих грязная, и сами они грязные, и даже если бы Калугин платил зарплату, как положено, все равно про эту картину нельзя было бы сказать, что она показывает индустриальное величие новейшей России. Потому что величия нет, одно лишь убожество. Это и печалит в фильме больше — рабочие защищают не что-то очень нужное и полезное, а свой маленький черный ад, потому что оказаться за его пределами еще хуже.

С.В.С.

Невыразимое и мир смерти Бориса Рыжего

Борис Рыжий — поэт, который не только познавал базовые категории бытия, но и пересоздавал их, делал своими. Так, небесное («голубое и белое в синем»), имея устойчивый цветосимволический образ (парадигму «голубой / белый / синий», т.е. ряд состояний чистого, абсолютного, тотального), — взаимодействует, связывается с земным антропоморфированными состояниями человека и мира, названными поэтом «музыка / музЫка», «поэзия», «любовь» и «смерть», самое земное из которых — поэзия и любовь, тогда как музыка и музЫка — состояния более высокого порядка. Смерть как предмет поэтического познания и конструкт поэтического мира Б. Рыжего имеет свою уникальную природу — трансгрессивную. Смерть, по Б. Рыжему, — это процесс, который предчувствуется поэтом, ожидается им и встречается и который имеет свое начало, продолжение, континуум и конец. Если начало смерти наличествует в поэте и в мире, если сам процесс (ненаблюдаемый, воображаемый) происходит одновременно и на земле — в земном, и на небе — в небесном, то завершение этого загадочного, но неотвратимого процесса происходит где-то за пределами голубого, белого и синего — в сфере пустоты (бытовое имя пустоты) или в открытых пространствах (недоступных для живых), по М. Фуко, имеющих внесоциальный, онтологический и трансгрессивный характер, т.е. — в метапустоте. Именно в метапустоте, возможно, поэта (по Б. Рыжему) ожидает настоящая музыка, исходная и абсолютная поэзия, где творец (*post mortem*) способен создавать и создать из абсолютного ничего (ничто) абсолютное нечто (что-то).

Смерть в поэтическом мире Б. Рыжего, таким образом, это, прежде всего, результат работы такого компонента поэтического дара, как предвосхищение. Такая ситуация (эсхатологической природы) характеризуется в большей мере не ожиданием смерти, а «обживанием» смерти, привыканием к ней. Это состояние в эмоциональном отношении — перенасыщено тревогой, горечью, тоской, редкими просветлениями и вновь печалью, горем («больше черного горя поэт»). Смерть, по Б. Рыжему, это не безвыходное и не безысходное состояние: смерть — это еще и наиболее короткий путь к «голубому и белому в синем». В вечность? В бессмертие? — нет, это выход, проход, прорыв к себе — поэту: человек, умирая, возвращается к поэту (человек уже за смертью, а поэт — жив стихами, он здесь, на земле). Б. Рыжий знает свою посмертную судьбу — судьбу поэта. Смерть — это, прежде всего, проводник: проводник человека — в рай или в ад, проводник поэта в голубое и белое в синем, в музЫку, в поэзию, в любовь.

Прошел запой, а мир не изменился.
Пришла музыка, кончились слова.
Один мотив с другим мотивом слился.
(Весьма амбициозная строфа.)

...а может быть, совсем не надо слов
для вот таких — каких таких? — о слов...
Под сине-голубыми облаками
стою и тупо развожу руками,
весь музыкаю полон до краев.

1999

Это стихотворение воспринимается одновременно в нескольких денотативно-образных планах данного текста:

- а) предметный уровень: после запоя лирический субъект «оживает», он снова может слышать музыку;
- б) образный уровень: поэт «исписался», наступил период молчания, но сине-голубое (небесное) вновь, несмотря ни на что, наполняет его музыкой;
- в) ассоциативно-глубинный уровень: человек умер — «отмучился», но поэт и поэзия — живы: они наполнены музыкой «до краев»;
- г) и др.

Стихотворение, его образно-смысловое содержание может иметь десятки интерпретативных вариантов восприятия, понимания и осознания глубинных смыслов этого поэтического текста. Метаидея этого стихотворения такова: сила слова и музыки неизбежна, неиссякаема, витальна, животворна и духотворительна. Метамотивность этого текста очевидна: вечное удивление всего сущего и воображаемого, — удивление, изумление — чудом музыки и поэзией. Музыка и поэзия здесь — это жизнь во всех своих реальных и ирреальных проявлениях.

Считалочка

Пани-горе, тук-тук,
это Ваш давний друг,
пан Борис на пороге
от рубахи до брюк,
от котелка, нет,
кепочки — до штиблет,
семечек, макинтоша,
трости и сигарет,
я стучу в Ваш дом
с обескровленным ртом,
чтоб приобрести у Вас маузер,
остальное — потом.

Жанр считалочки как нельзя лучше и точнее подходит поэту, который создал сотни игровых, шуточных, иронических, издевательских, ситуативно актуальных, аттрактивных, любимых публикой стихотворений. Серьезность тона Б. Рыжий искусно и талантливо маскировал всеильно (в конце XX и начале XXI века) иронией. Ирония ничего не создает (не-творит), ирония разрушает. Что? Прежде всего предмет иронии, затем отношение (истинное) к данному предмету и наконец самого автора-производителя иронии. Б. Р. разрушил серьезность тона. В жизни он был очень остер на язык, ироничен, весел (и зло, и по-доброму). Думается, под формами серьезности тона (в стихах) поэт видел прежде всего знаки депрессии, угрюмости характера и нрава автора, а главное — монотонность форм мышления, говорения, пения и плача. Потому Б. Рыжий / лирический субъект сам стучится в двери, за которыми — Горе. Он уже почернел от горя онтологического — быть не таким, как все (как Б. Р. ни старался, стать обывателем он не смог). Теперь ему нужна горе-смерть, смерть физическая. Смерть не как избавление от мук, а смерть как обретение посмертной жизни поэта и его стихов. Считалочка-«стучалочка» здесь как жанр является точным

попаданием в экзистенциальную мишень онтологии. Поэтической онтологии, в воронку которой мечтает / стремится попасть не всякий стихотворец. Б. Рыжий — человек мужественный и поэт бесстрашный. В денотативно-функциональной сфере смерти он пошел до конца — и как человек, и как поэт. Поэт всегда — в катастрофе (в социальной, в речевой, в эмоциональной, в духовной). Поэт и литератор (коим Б. Р. собирался стать) — роли несовместные. Несовместимые. Дизъюнктивные. Поэт горюющий, страдающий, болящий и гибнущий — это уже не роль, это уже призвание, путь и судьба.

Я подарил тебе на счастье
во имя света и любви
запас ненастья
в моей крови.
Дождь, дождь идет, достанем зонтик, —
на много, много, много лет
вот этот дождик
тебе, мой свет.

И сколько б он ни лил, ни плакал,
ты стороною не пройдешь...
Накинь, мой ангел,
мой макинтош.

Дождь орошает, но и губит.
Открой усталый алый рот.
И смерть наступит.
И жизнь пройдет.

Смерть — в любви? Или любовь — в смерти? Стереоскопичность данной оппозиции очевидна: подарить любимой «запас ненастья» в крови — значит, не только опечалить любовь и себя, но и попытаться не пропустить наступление смерти. Смерть здесь — событие, процесс: «И смерть наступит. // И жизнь пройдет...» Жизнь и смерть у Б. Рыжего движутся в одном направлении, и отношения этих двух функционально-денотативных комплексов были бы линейными: «за жизнью — смерть», — если бы не пространство и время любви, которые не просто объединяют два процесса — существование и исчезновения, но и делают их объемными, особенно во временном отношении: любовь длит и продлевает оба процесса, делая их не обыденными, но онтологически неизбежными. Бытийное здесь довлеет бытовому — силой любви.

Д.К.

Завидуешь мне, зависть — это дурно, а между тем
есть чему позавидовать, мальчик, на самом деле —
я пил, я беседовал запросто с героем его поэм
в выдуманном им городе, в придуманном им отеле.
Ай, стареющий мальчик, мне, эписону, мне
выпало такое счастье, отпетому хулигану,
любящему «Пушторг» и «Лошади в океане» —
ангел с отбитым крылом под синим дождем в окне.
Ведь я заслужил это, не правда ли, сделал шаг,
отравил себя музыкой, улицами, алкоголем,
небом и северным морем. «Вь» говори, дурак,
тому, кто зачислен к мёртвым, а из живых уволен.

Просодически это стихотворение восходит к поэтическому познанию и поэзии И. Бродского. Просодия — это не только музыкальное, ритмическое, дискурсивное, тональное и интонационное оформление (оболочка) стихотворения, это еще и способ мышления, который вполне адекватен говорению. Синтез цинизма и романтизма — основа голоса и мысли Бродского. У Б. Рыжего хорошая просодическая память, и поэт здесь смотрит с другой стороны — на смерть, — со стороны «старших», с точки зрения XX века (Сельвинский, Луговской, Слуцкий и Бродский).

Просодическая игра Б. Рыжего — это, с одной стороны, материально-знаковая основа языковой, литературной и культурологической игры, а с другой стороны, это выражение (при поддержке жанрово-лингвистических средств) — дополнительное и одновременно каузативное — основных предметов поэтического познания и поэтического мира. Перевод поэтической графики в прозаическую, единица интертекста, прецедентность текста в широком смысле (стилизация, палимпсест, цитация, аллюзивность, перифрастичность и т.д., а главное, любимые поэтом анжамбеманы) — все эти текстовые феномены работают на выражение и символизацию основных предметов поэзии Б. Рыжего — музыки, музЫки, поэзии, любви и смерти. Так, не вызывают, например, сомнения в точности выражения смерти обрыв строки и стихотворения «Над домами, домами, домами...» — «голубое и белое в си...». Анжамбеман синтаксический, слоговой (рифменный) и лексический (фонологический), несомненно, прямо связывается с метаидеей смерти.

Элегия

Зимой под синими облаками
в саях идиотских дышу в ладони,
бормоча известное: «Эх вы, сани!
А кони, кони!»

Эх, за десять баксов к дому милой —
ну ты и придурок, скажет киса.
Будет ей что вспомнить над могилой
её Бориса.

Слева и справа — грустным планом
шестнадцатизатяжки. «А ну, парень,
погоняй лошадок!» — «А куда нам
спешить, барин?»

В третьей строфе — три анжамбемана: два синтаксических (1-я и 2-я строки) и лексико-синтаксический, рифменный (в третьей строке) — вот элементы смысловой поддержки словоформы «(над) могилой» и словосочетания «под синими облаками», т. е. «под небесным», «под послебЫтийным», «под инобытийным», — «под музыкой и музЫкой». Графико-строфическая игра для Б. Рыжего — не игра: настолько она органична и настолько она насыщена гармонией. Гармония Б. Рыжего — это еще и синтез разновременной, разноместной поэтики, характеризующейся различными этико-эстетическими ориентирами. Такие игры есть обязательная часть этико-эстетического сценария стихотворения, поэзии и поэтического мира Б. Рыжего.

Над могилами белое.
Я хочу повторить эту фразу —
над могилами белое,
голубое и синее сразу.

Тишина нагнетается
 обоюдно — и сверху, и снизу.
 И родство ощущается,
 не готовым к такому сюрпризу

нервным мальчиком маленьким —
 все он ходит и ходит за мною.
 Объясни мне, мой маленький,
 расскажи мне, с какой тишиною?

1998

«Белое, голубое и синее сразу» — это то высокое и духовное, что соединяет жизнь, любовь и смерть. Смерть здесь — тишина, но она же — и музыка. Тишины здесь две: взрослая — Бориса и детская — сына (и Бориса-мальчика одновременно). И третья тишина — тишина, видимо, главная, звучащая музыкой и любовью не для всех — только для тех, кто живет не только жизнью, но и смертью. Б. Рыжий жил — смертью.

За стеной — дребезжанье гитары,
 льется песнь, подпевают певцу
 захмелевшие здорово пары —
 да и впрямь ночь подходит к концу.

Представляю себе идиота,
 оптимиста, любовника: так
 отчего же не спеть, коль охота?
 Вот и лупит по струнам дурак.

Эта песня, он сам ее разве
 сочинил, разве слышал в кино,
 ибо я ничего безобразней
 этой песни не слыхивал. Но —

за окном тополиные кроны
 шелестят, подпевают ему.
 Лаает пес. Раскричались вороны.
 Воет ветер. И дальше во тьму —

всё поют, удлиняются лица.
 Побренчи же еще, побренчи.
 Дребезжат самосвалы. Убийцу
 повели на расстрел палачи.

Убаюкана музыкой страшной,
 что ты хочешь увидеть во сне?
 Ты уснула, а в комнате нашей
 пустота отразилась в окне.

Смерть на цыпочках ходит за мною,
 окровавленный бант теребя.
 И рыдает за страшной стеною
 тот, кому я оставлю тебя.

1998

Движение музыки — от бездарной к музыкальному шуму мира, — и дальше — к музыке страшной, — это внутренний путь поэта, способного духовно преобразовать всё на свете и из всего на свете (на этом и на том) делать чудо. Параллельное и одновременно совместное движение музыки, жизни, любви и смерти («на цыпочках ходит за мною») — вот путь поэта Б. Рыжего. Синонимический ряд музыка — любовь — смерть здесь реализует иную семантику — метасемантику и иные синонимические отношения: метасинонимические. Б. Рыжий создает свой язык, язык поэзии как метаязык, для того чтобы постичь главные предметы невыразимого: музыку, любовь и смерть.

Мальчик пустит по ручью бумажный
маленький кораблик голубой.
Мы по этой улице однажды
умирать отправимся гурьбой.

Капитаны, боцманы, матросы,
поглядим на крохотный линкор,
важные закурим папиросы
с оттиском печальным: «Беломор».

Отупевший от тоски и дыма,
кто-то там скомандует: «Вперед!»
И кораблик жизни нашей мимо
прямо в гавань смерти поплывет.

1997

Стихотворение 1997 года. В этом году Б. Рыжий начал всерьез погружаться в поэтическое освоение сферы смерти. «Бумажный» здесь — значит, белый и одновременно голубой. Вода — синяя. Голубое и белое в синем — это еще и высоко-духовное, предощушаемое, приближающееся к поэту. «Кораблик» — это мечта, воображение, образ поэзии, музыки и т.п., — который «мимо» жизни уплывает в смерть («в гавань смерти» — не совсем удачное наименование). В этом стихотворении наблюдается временное равновесие сил музыки, поэзии, любви, жизни и смерти. Форма будущего времени глагола «поплывет» здесь обозначает начало смерти.

Итак, для Б. Рыжего наиболее важными в процессе поэтического познания оказываются такие предметы, как музыка / музýка, поэзия и смерть. Функцио-нально-денотативные номинанты «музыка / музýка» и «смерть», доминируют.

Надиктуй мне стихи о любви,
хоть немного душой покриви,
мое сердце холодное, злое
неожиданной строчкой взорви.

Расскажи мне простые слова,
чтобы кругом пошла голова.
В мокром парке башками седыми,
улыбаясь, качает братва.

Удивляются: сколь тебе лет?
Ты, братишка, в натуре поэт.
Это все приключилось с тобою,
и цены твоей повести нет.

Улыбаюсь, уделав стакан
за удачу, и прячу в карман,
пожимаю рабочие руки,
уплываю, качаясь, в туман.

Расставляю все точки над «ё».
Мне в аду польхатъ за враньё,
но в раю уготовано место
вам — за веру в призванье моё.

1999

В этом стихотворении (как и во многих других) реализована трагическая гармония и катастрофическое единство трех важнейших предметов невыразимого: любви, поэзии и смерти («стихи о любви»; «в натуре поэт»; «мне в аду польхатъ за враньё»; «в раю уготовано место вам — за веру в призванье мое»). Главное здесь, на наш взгляд, выражено в последней строфе: метаидея, метаэмоция и метаобраз поэтического пути, призвания, предназначения.

Функционально-денотативный комплекс «смерть» является (вместе с концептами «музыка», «поэзия» и «любовь») доминантой всего творчества и поэтического мира Бориса Рыжего.

Юрий КАЗАРИН

Рязанская тавромахия

Повстречали, огнём угощали,
Навсегда уложили в лесу
За великие наши печали,
За горячую нашу слезу.

Юрий Быков стал снимать кино, потому что в детстве был фанатом группы «Кино». А «Кино» — это музыка для кшатриев. Ну, там, «война без особых причин», «красная-красная кровь». Быков наслушался и поверил, что он кшатрий, хотя он, скорее, брахман либо шудрёньш. Флаг у нас неправильно сшит, что тоже, возможно, запутало старика Быкова. Белый — рахманский цвет — сверху, это правильно, потому что они все в белом и тяжёлого в руки не берут. Красный кшатрический (чтобы крови не было видно) и синий (чёрный) вясковы (потому что они в земле копаются) перепутаны местами, поэтому кшатрии неправильно ukazано место внизу. Сие тоже, возможно, способствовало путанице в умах смирения паче. Брахман должен умереть от голода, кшатрий погибнуть в бою, а вайш — как придётся. Если человек умирает не своей смертью — это неправильно.

Фильм «Завод» об этом, но на самом деле всё было, конечно, не так, как показал Быков, потому что «показывать» и «быть» — вещи разные. На самом деле Седой положил всех и ушёл с деньгами. То, что показал Быков, мотивировано необходимостью избежать стереотипного и впихнуть в Аристотеля. А также продемонстрировать метания Быкова между кшатрической и вясковой маралью. Отсюда наполнители тоски в виде разговоров. Иначе же было бы нормальное рубилово, мочилово и колбасилово, которого хватило бы на клип группы «Кино», а на аристотелевский не хватило бы.

Юрий Быков внешне изумительно похож на Илью Муромца, практически одно лицо. Илья Муромец, он же Гелий Моровой (спросить Александру Баркову), то бишь Солнце мёртвых, которое больше на слуху современников по гнойному Оксимируну. Завод же изумительно похож на городище Аркаим. («Изумительно» буквально — до исхождения с ума.) Аркаим — это такой Стоунхендж в зародыше — пирамида Хеопса. В извлечении для смысла — брацкая могила. Могила — как известно, от глагола «могу», потому что из могилы поднимается Солнце мёртвых. Движение смерти тут параллельное. Или олигарх ликвидирует производство и убивает рабочих, либо они заманивают его на завод (в лабиринт) и приносят его в жертву. Быков ведь сын быка, следовательно, Минотавр.

Картина относит к повести «У тумане» («туман» — одна из форм лабиринта, привет Борхесу–Норштейну) Василя Быкова, которую, как показал Лозница, невозможно экранизировать, а я настоятельно рекомендую читать по-белорусски. По-белорусски всё-таки читаешь медленнее, чем просто порусски, — следовательно, качественней. От Василя Быкова у Быкова внутренние шотания, рекомые экзистенциализм. От экзистенциализма же бялорусское и рязанское «яканье».

Далее это полупародия на «Легенду о Коловрате», прочитанную по Есенину. Контрапунктище в том, что Бату-хана сыграл Цой (Рудольфович). Бату-хан

любил, кстати, послушать разные ВИА. Обратите внимание: Туман (охранник) и Седой-Шведов («Шведов» не потому, что под Полтавой, а потому, что шепелявил) похожи по типуажу (скулы и морда лица), и фильм закольцован одной сценой — вход-выход с завода с собакой. Это клиповое понятно. Завод (zawod) — западня, лабиринт, братская могила. Собака — это поводырь в этом лабиринте. Делаю вывод, что Седой и Туман — одно и то же лицо, дваждырождённый, кшатрий, и зовут его Седой Туман, что в переводе с чагатайского (офиц. языка Золотой Орды) Seda-i Tuman значит «Голос Тьмы» в обоих смыслах слова «тьма»: темнота и много людей (тумен-тюмень-10 000). Или же дух Седого переселился в тело Тумана (в тела тысяч тем), что, в принципе,ю одно и то же. А из лабиринта их выводит, поднимает их из братской могилы пёс ПЦ, более известный из творчества Пелевина.

«Седой Туман» обратно отсылает к «Ой туманы, мои растуманы», «Туман-туман, седая пелена», «Молодость моя, Белоруссия, песни партизан, сосны да туман». Первую из этих песен помню по пересказу легендарного Игоря Манцова. Таким завуалированным ходом — через Цоя и Белоруссию — рязанский сепаратист Юрий Быков призывает народ к партизанщине.

PS. Надо заметить, однако, что Быков, в сущности, лучший из стендаперов-юмористов. В Духе Гришковца, только лучше. Я встречи с ним смотрю с большим интересом, чем его кино (м.б., он «Крестным отцом» испорчен?..) Ему надо разговорами деньги зарабатывать.

*Василий ШИРЯЕВ,
Камчатка,
посёлок Вулканный*

«Уралочка»

Вижу ее: яркая, энергичная, искренняя, иногда по-детски восторженная и непосредственная, одержимая очередной идеей, с горящими глазами... Она умела заполнить собой любое пространство — хоть редакционный кабинет, хоть концертный зал. Верней, не собой, а музыкой, наполнявшей все ее естество. Будучи музыковедом, она действительно вела музыку, была ее проводником, ее навигатором, ее сталкером.

Думаю, главным желанием Жанны Абрамовны Сокольской было открыть как можно больше тайн музыкальной вселенной как можно большему числу людей, научить их слышать и слушать, понимать и воспринимать музыку, находить в ней ответы. Томимая жаждой создавать условия для встречи музыки и слушателя, она создала и много лет вела замечательный просветительский клуб «Камерата» в педагогическом институте. Она умудрялась приглашать туда не только духовно и географически близких музыкантов, но и, без преувеличения, великих: одним из гостей был начинающий Владимир Кобекин, Микаэл Таривердиев приезжал именно в «Камерату».

Жанна Абрамовна была верна музыке вообще, и уральской — особенно. Ведь ещё в детсадовском детстве она точно обозначила свою национальность — «уралочка». Она была преданным биографом, заочным секретарем, PR-менеджером уральских музыкантов разных лет — от корифеев (А. Фридендер, Г. Топорков, В. Горячих, К. Кацман...) до тех, кто творил на стыке времен — Екатерина Самарина, Александр Пантыкин. Она создала капитальный, энциклопедически полный и исследовательски скрупулезный труд — «Урал музыкальный: вчера и сегодня». И это не просто сборник биографий, но любовно-дотошно собранные истории, хронология, срез, карта, жизнеописание музыкального Урала. Ее перу принадлежит глобальное музыковедческое и человековедческое творение, посвященное творчеству Евгения Родыгина, — «Напев об Уральской рябине». У нее было чутье на талантливых людей, и это тоже талант! Студенткой консерватории она написала об Ирине Архиповой. И сделала это столь блистательно, что ставшая великой певицей Ирина Константиновна предложила именно Жанне Абрамовне написать о ней книгу... Увы, этого уже не случилось.

Талант и кураж журналиста не позволяли ей оставить без внимания музыкантов, оказывавшихся в ее поле зрения. Никогда не забуду ее роскошное интервью с блистательным пианистом Дмитрием Башкировым, с непокорным Андреем Гавриловым. Несмотря на возраст, она была мобильна, оперативна и очень внимательна ко всему новому. Ее последнее музыкальное открытие — оперный бас Гарри Агаджанян. Следя за его творчеством, она посвятила ему много времени и столь же много вдохновенных строк. «Боковым зрением» наблюдала рождение новых талантов на уральской оперной сцене. Радовалась этому и досадовала, что не успеет о них много и хорошо написать.

Можно пожалеть, что им не досталось любви и внимания Жанны Сокольской. Но те, кому повезло быть окруженным её заботой, навсегда сохранят в памяти её образ и её музыку.

Наталья ПОДКОРЫТОВА

Редакция не рецензирует и не возвращает рукописи и не вступает в переписку по поводу отвергнутых материалов.

Рукописи, в которых отсутствуют данные об авторе (имя и фамилия, обратный адрес или телефон), не рассматриваются и не возвращаются.

Все произведения, опубликованные в журнале «Урал», размещаются в Интернете. Если Вы считаете, что публикация электронной версии нарушает Ваши авторские права, просьба заранее предупреждать о Ваших возражениях.

Перепечатка любых материалов возможна только с согласия редакции. Ссылка на «Урал» обязательна.

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов публикаций.

Журналы с полиграфическим браком возвращать в типографию.

Подписаться на журнал «Урал» можно
во всех почтовых отделениях России.
Телефон для справок: 371-00-27

Общероссийский индекс журнала «Урал» **73412.**

Льготный индекс для подписчиков
Екатеринбурга и Свердловской области **46358.**

Подписку на журнал «Урал» можно оформить также
в Центре подписки и доставки ООО «Урал-Пресс Город»
по адресу: Екатеринбург, улица Мамина-Сибиряка, 130,
телефоны: 262-65-43, 262-78-98.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-58576 от 14 июля 2014 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Редакция журнала «Урал»
Учредитель — Министерство культуры Свердловской области

Главный редактор — Олег Анатольевич Богаев

Редакция:

Сергей Беляков — зам. главного редактора по творческим вопросам
 Надежда Колтышева — зам. главного редактора по вопросам развития
 Константин Богомолов — ответственный секретарь
 Андрей Ильенков — зав. отделом прозы
 Юрий Казарин — зав. отделом поэзии
 Валерий Исхаков — литературный сотрудник
 Александр Зернов — литературный сотрудник
 Татьяна Сергеенко — корректор
 Юлия Кокошко — корректор
 Наталья Бушуева — бухгалтер

Редакционная коллегия:

О. Богаев, С. Беляков, Н. Колтышева, К. Богомолов, А. Ильенков

Редакционный совет:

Д. Бавильский, Л. Быков, А. Иличевский, Е. Касимов, М. Липовецкий,
 В. Лукьянин, М. Никулина, А. Расторгуев

Редакция журнала «Урал»: 620014, Екатеринбург, ул. Малышева, 24, 4-й этаж
 Адрес электронной почты: editor.ural@mail.ru

Телефоны:

376-57-49 — главный редактор
 376-57-54 — зам. главного редактора по творческим вопросам, отдел прозы,
 отдел публицистики
 376-57-41 — зам. главного редактора по развитию, ответственный секретарь,
 отдел критики
 376-56-25 — бухгалтерия, отдел поэзии

Оформление обложки — Альберт Сайфулин.
 Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
 ООО «Издательство УМЦ УПИ» 620078, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2
 Подписано в печать 15.05.2019
 Формат 70x108/16. Бумага типографская № 2. Уч.-изд. л. 20,6

Тираж 1500 экз.

Заказ № 6624

Цена свободная

Журнал «Урал» в Сети:

<http://uraljournal.ru/>
http://vk.com/zhurnal_ural
<https://www.facebook.com/uraljournal>

Электронная версия журнала «Урал» находится по адресу:
<http://magazines.russ.ru/ural/>